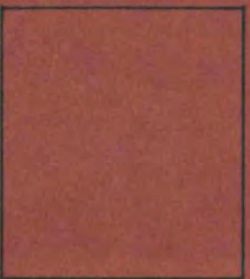
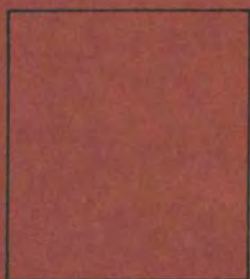
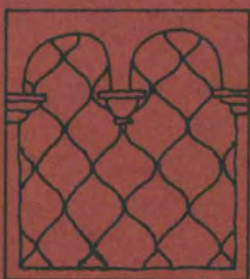
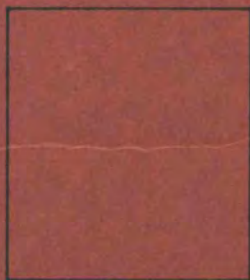
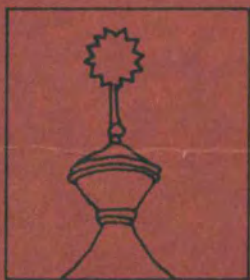
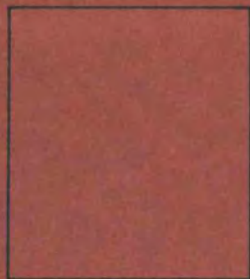
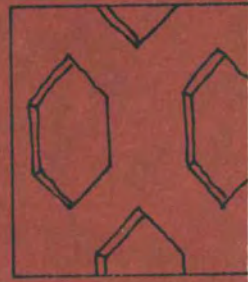
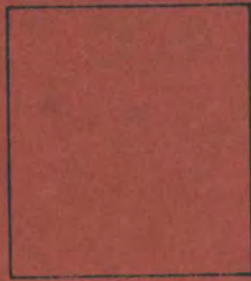
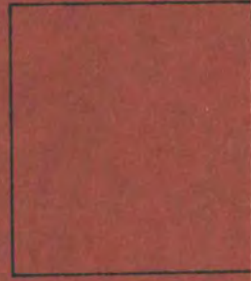
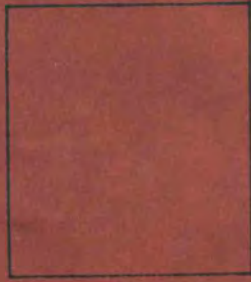
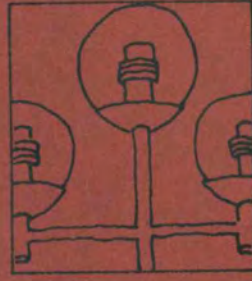
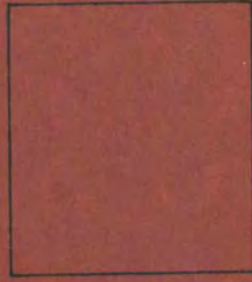
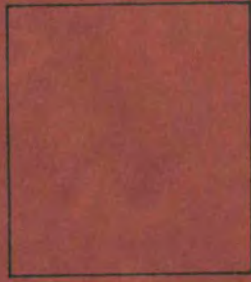
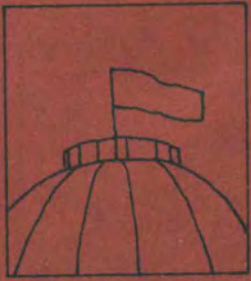
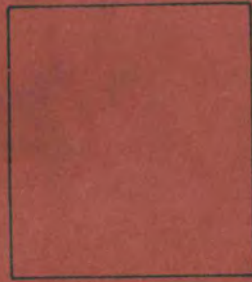
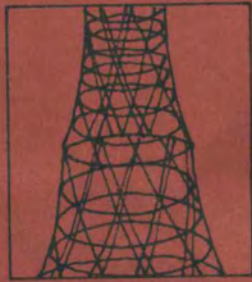

КАКОЙ ЕЙ БЫТЬ

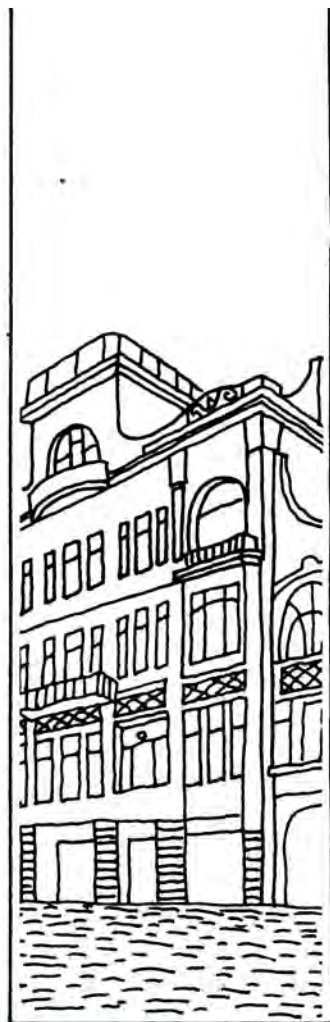
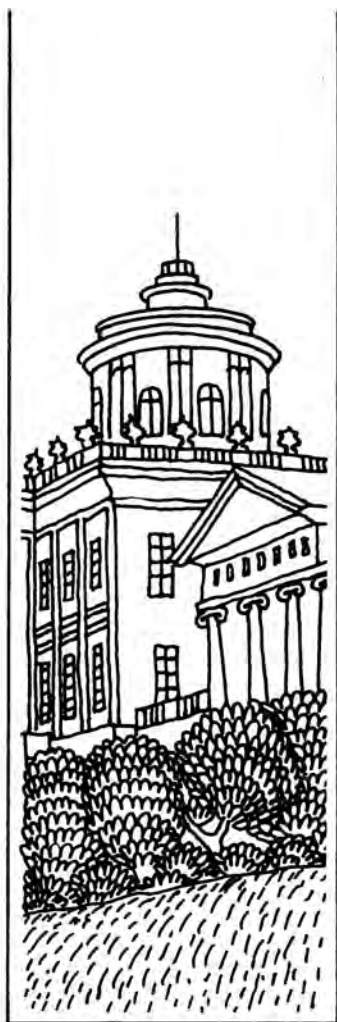
МОСКВА 2000!

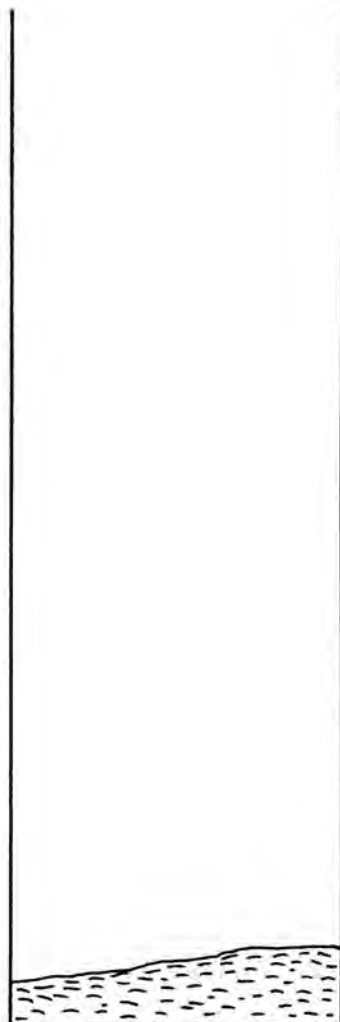
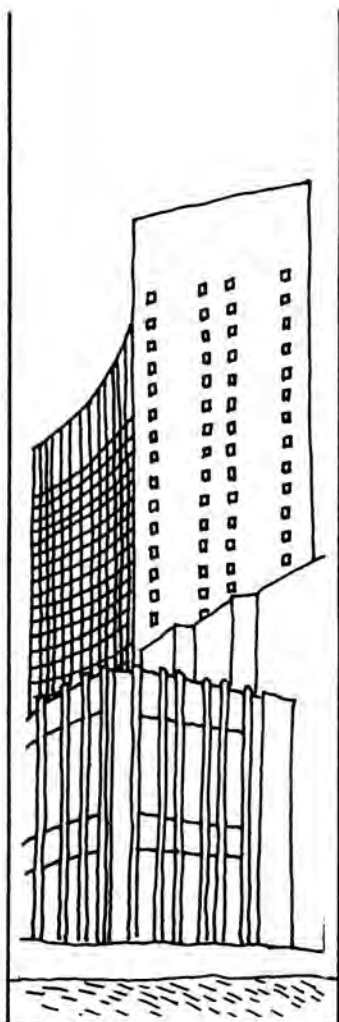
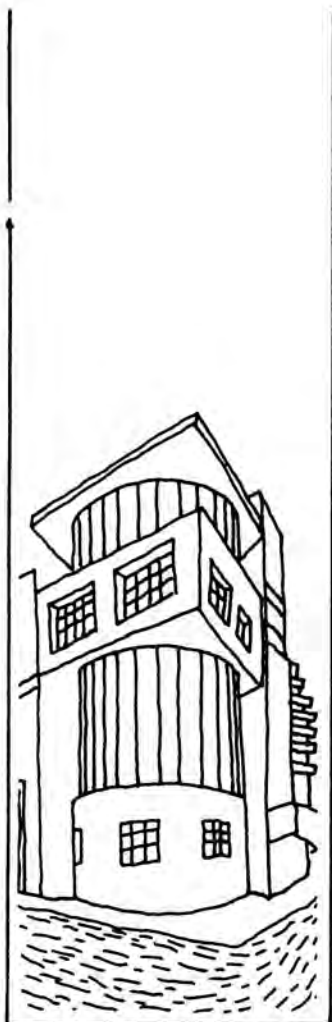

КАКОЙ ЕЙ БЫТЬ ?

МОСКВА 2000

МОСКВА-2000:

КАКОЙ ЕЙ БЫТЬ ?

СБОРНИК СТАТЕЙ

Под редакцией главного архитектора Москвы

Л. В. ВАВАКИНА

МОСКВА
СТРОЙИЗДАТ
1990

ББК 85.118(2—2М)

М 82

УДК 711.432—122(47+57—25)

Составители: В. А. Кричко, Ф. А. Нилова

Редактор Т. Н. Федорова

**Москва — 2000: Какой ей быть?: Сб. статей / Сост.:
М 82 В. А. Кричко, Ф. А. Нилова; Под ред. Л. В. Вава-
кина.— М.: Стройиздат, 1990.—296 с.: ил.
ISBN 5-274-00713-9**

Авторы этого сборника делятся своими мыслями о том, какой должна быть и будет столица в 2000 году, что надо сделать и как надо строить, чтобы вернуть городу его былое своеобразие, как бережно надо относиться к архитектурному наследию, чтобы восстановить и сохранить красоту исторического центра, создать новые жилые районы, запоминающиеся своими архитектурно-планировочными решениями, как сочетать старое и новое, как реконструировать сложившиеся районы. Для широкого круга читателей.

М 4902030000—418
047[01]—90

КБ-8-114-90

ББК 85.118(2—2М)

ISBN 5-274-00713-9 © Составители В. А. Кричко,
Ф. А. Нилова, 1990.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогой читатель! Мы хотим рассказать Вам о Москве недалекого будущего.

В стране идет перестройка всех сфер нашей жизни — экономической, социальной, культурной, и Москва, как и положено столице, идет в авангарде этой перестройки. Разработана и утверждена Концепция комплексного социально-экономического развития Москвы на период до 2000 года. Она предусматривает преобразование архитектурно-планировочной и градостроительной структуры города, формирование новых архитектурных ансамблей, определяющих лицо Москвы на пороге XXI века. При этом будет решаться одна из главных социальных задач, — удовлетворение потребностей в жилье, предоставление каждой семье, в том числе и московской, отдельной благоустроенной квартиры.

Какой же будет Москва в 2000 году, вернее, какой должна быть наша столица — об этом рассуждают архитекторы и градостроители, реставраторы и искусствоведы, инженеры и транспортники, историки и социологи, озеленители и дизайнеры, писатели и журналисты.

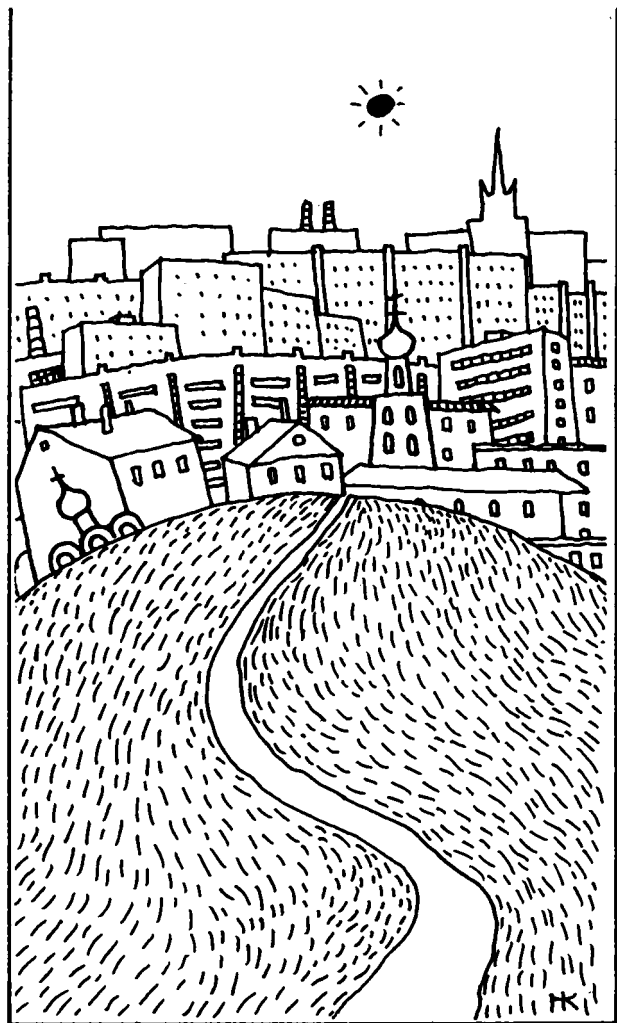
Своим представлением о том, в каких квартирах

мы будем жить, по каким улицам ходить, где будут учиться наши дети, делаются маститые специалисты и студенты, люди, облеченные административной властью, и просто горожане. Будут ли чистыми воздух и вода столицы, не нанесут ли им вред промышленные предприятия, оставленные в городе, а также все возрастающее засилие транспорта? Какое место займут памятники прошлого в современном градостроительстве? Как и кем будет сохраняться эта память? Что мы, москвичи, делаем для этого?

На все эти сложные и взаимосвязанные вопросы пытаются дать ответ авторы этого сборника.

Составители благодарят редакции журналов «Архитектура и строительство Москвы», «Городское хозяйство Москвы», «Архитектура СССР» и газет «Московская правда» и «Известия» за помощь, оказанную при подготовке материалов сборника.

В. А. КРИЧКО,
Ф. А. НИЛОВА

Градостроительный аспект

БУДУЩЕЕ РОЖДАЕТСЯ СЕГОДНЯ
СОХРАНИТЬ ТРАДИЦИИ МОСКОВСКОГО ЗОДЧЕСТВА
ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ МОСКОВСКОГО АРХИТЕКТУРНОГО ИНСТИТУТА
КАРТИНЫ ГОРОДА. В ПОИСКАХ БУДУЩЕГО
МОСКОВСКИЕ ЛАНДШАФТЫ

БУДУЩЕЕ РОЖДАЕТСЯ СЕГОДНЯ

Вавакин Л. В., архитектор

На общем фоне стихийного роста крупнейших городов мира, где уже к 2000 году прогнозы рисуют для многих из них цифры численности населения 30, 25, 20 млн жителей, Москва, как все крупнейшие города СССР, являет собой пример управляемого процесса развития. Достаточно напомнить, что по сумме заявленных в свое время интересов министерств и ведомств при разработке технико-экономических основ (ТЭО) Генерального плана 1971 года численность столицы к 1990 году рисовалась в 19 млн человек. Принятая в генеральном плане численность населения на сегодняшний день превышена всего на 1 млн и составляет 8,7 млн жителей. Расчетная численность населения Московской области превышена только на 200 тыс. Практически в рамках расчетных параметров развиваются Ленинград, Тбилиси, Баку, Киев, Свердловск и многие другие города нашей страны. Это, конечно, результат планового начала развития социалистического народного хозяйства.

8 Тем не менее даже, казалось бы, такие сравнительно небольшие отклонения от расчетных величин ведут к возникновению социальных диспропорций и остро сказываются на качестве городской жизни.

Разрабатываемый новый Генеральный план Москвы, как действенный инструмент управления развитием столицы, призванный сохранить и приумножить все лучшее, должен обеспечить быстрое устранение всего негативного. Этот документ должен вобрать в себя новые мысли и мечты, новые знания, рожденные широкой и острой критикой, которая в последнее время на волне гласности, в ходе перестройки нашего общества высветила как никогда все теневые стороны столичной жизни.

После многих лет мнимого благо-

получия, на фоне традиционного привычного стереотипа, что все в Москве самое, самое, мы наконец начали писать и говорить о недостатках сначала в сфере обслуживания, затем о низком качестве строительства и благоустройства, о недостатках в вопросах транспортного обслуживания и охраны окружающей среды. Оказалось, что и здесь Москва не располагает необходимыми возможностями в передовых технологиях, новых стройматериалах, в монолите, наконец, а это при подавляющем объеме крупнопанельного домостроения фактически исключило использование первых этажей домов для объектов обслуживания. Торговые сооружения, склады, гаражи, как правило, строились одноэтажными. Не использовались, как везде в мире, подземные пространства. Даже переходы, которые в Киеве или Ростове-на-Дону наполнены кафе, киосками, магазинами, в столице строятся, как простые подземные коридоры. В итоге дорогая московская земля использовалась очень неэкономно в селитебных, а особенно в промышленно-коммунальных зонах.

Общие застойные явления в экономике последних лет сказались практически и на столичном градостроительстве. Экстенсивные методы, которыми многие предприятия выполняли производственные программы, явились, конечно, главной причиной многих негативных явлений. Они остро переживаются сегодня москвичами как очевидный социальный и эстетический дискомфорт. В отдельные годы в Москву для работы на различных предприятиях и строительстве привлекалось до 120 тыс. человек. Нужда в жилье заставила отодвинуть на второй план строительство учреждений культурно-бытового обслуживания, развитие транспорта, инженерных систем. Снизился удельный вес ремонтных работ и сегодня практи-

чески весь центр нуждается в серьезной реконструкции. Объемы жилищного строительства, увеличенные до 5,5 млн м² в год, приводили к тому, что строительство, как правило, велось только на новых свободных территориях, которые застраивались по проектам зачастую без должной, за нехваткой времени, проработки планировки и застройки новых районов. Высокие темпы строительства в известной степени сказались и на определенном упрощенчестве в мышлении архитекторов в решении творческих задач.

Большое же число постановлений о жилищно-гражданском строительстве и даже Закон об охране памятников истории и культуры, как показала жизнь, оказались недействительными, чтобы противостоять искажениям пропорциональной основы развития города, нарушениям его генерального плана. Так, в Москве под жилье занимались зеленые клинья (районы Строгино и Крылатское, Раменки и другие). Строительство жилых домов по типовым проектам в зоне центра вызвало очевидный для всех конфликт с исторической средой, нарушив ее цельность, создав реальную угрозу потери индивидуального своеобразия Москвы. Ввиду того, что каждый район решал свою жилищную программу, жилые дома размещали иногда и в районах будущих магистралей. Так трасса третьего кольца, по Генеральному плану 1971 года проходившего в обход Лефортовского парка, была застроена, что вынудило искать новые решения. В итоге в новом Генеральном плане не только отказались от трассировки этой магистрали, но и вообще пересмотрели всю транспортную схему, так как она при осуществлении привела бы не к одному десятку конфликтных ситуаций, подобных Лефортовской. Промышленное строительство особенно активно велось в лесопарковом защитном поясе, что обострило экологическую ситуацию. Все это поставило перед архитекторами проблему пересмотра ряда позиций в своем творчестве.

Говоря об облике современной Москвы, можно, я полагаю, с известной долей условности сказать, что и сегодня ее лицо формируют в своей основе, во-первых, Кремль, замечательные памятники московского зодчества, Китай-город, Арбат, Замоскворечье, древняя и старая Москва. Во-вторых, это градостроительные ансамбли и сооружения, сделавшие Москву социалистическим современным городом — улица Горького — главная улица столицы, площадь 50-летия Октября, новые магистрали и предприятия, набережные и парки, новые кварталы и, конечно Мавзолей В. И. Ленина, без которого сегодня немыслима Красная площадь. Ко всему этому следует добавить и сооружение в послевоенный период высотных домов, обогативших панораму Москвы. Своими силуэтами высотные дома по-новому возродили московскую традицию многоглавости столицы и выразили мажорным строем архитектуры радость победы народа в Великой Отечественной войне. Третья составная часть Москвы, формирующая сегодня ее облик, самая большая и главенствующая, — это огромные районы в общем однотипных домов, занявших, как и во многих городах, все свободные территории. Конечно, это позволило, даже несмотря на избыточный приток в Москву новоселов, поднять норму обеспеченности жильем до самой высокой отметки, почти до 18 м² общей площади при 14,5 м² в среднем по стране. Но преобладание количества шло в ущерб качеству. Москва больше росла, чем развивалась. В ней не происходили необходимые качественные сдвиги, которые были бы способны умножить, усилить ее столичные функции в структуре научно-производственного потенциала, в качестве городской среды и эстетическом облике.

При росте объемов производства за 70 лет в 250 раз мало кто задумывался над тем, а как же вырос за это время культурный потенциал, являющийся базой интеллектуального богатства столицы. Социологи-

ческая наука, как оказалось, к сожалению, даже не располагает инструментом, определяющим, как этот фактор работает на прогресс. Известно только, что по числу театров, музеев, библиотек, информационных центров Москва среди столиц мира на первом месте пока не значит.

Москва, к сожалению, потеряла бывшее лидерство и в архитектуре, где она была творческой лабораторией номер один, рождая новые типы общественных зданий, новые материалы и новые технологии. В последние годы в Москве выдающиеся архитектурные произведения были исключением, а не правилом, несмотря на то, что в ней трудится самый большой отряд талантливых зодчих и строителей. Лучшими можно назвать некоторые Олимпийские объекты, жилые дома по улице Коштоянца, на набережной в Нагатино, в Крылатском; Павелецкий вокзал, новое административное здание на площади Дзержинского, которое по объему своему и колористике, с известными оговорками, вошло в ансамблевое единство со зданием, построенным академиком А. В. Щусевым. Однако эти и еще немногие удачные сооружения, конечно, оказались неспособными уравновесить творческую неудачу в формировании Октябрьской площади, серый облик районов массовой застройки, большое число случайных вертикалей, что во многом определяет или, если точнее, портит сегодня лицо столицы.

Говоря об облике Москвы, его достоинствах и недостатках, очень важно располагать объективной оценкой таких важных документов, как генеральные планы 1935 и 1971 годов, в которых многие критики видят главную причину современных недостатков. В связи с этим нужно прямо сказать, что практически каждый специалист-градостроитель считал и считает программу социалистической реконструкции 1935 года, в создании которой приняли участие выдающиеся мастера советской архитектуры тех лет, крупным собы-

тием в истории советского градостроительства; вехой, определившей становление Москвы как социалистического города. Она получила новый масштаб, современные магистрали, зеленое богатство. Москва ситуативная уступила место Москве индустриальной с современными предприятиями, превратившими ее в главный нерв индустриализации всей страны, будущий оплот победы над фашизмом. Революционным событием стало появление метрополитена, канала Москва — Волга, сделавшего Москву-реку полноводной, украсившей столицу новыми мостами и набережными.

Но нам надо знать и другое — негативные стороны принятой в те годы перспективы развития Москвы. Генеральный план 1935 года, следуя общепринятой в то время, не без влияния пролеткультовских идей, доктрине, перестроить все и вся, как показывают документы тех лет, исходил из идеи ликвидации практически всего исторического наследия. Исключением был Кремль и наиболее выдающиеся памятники архитектуры. Амбициозный замысел представить Москву единой по своему характеру и стилю, пусть и продиктованный великим энтузиазмом тех лет, мог, конечно, привести к невосполнимым потерям того, чем так богаты города с большой историей. Старая Москва, пожалуй, как никакой другой город представляла собой прихотливый калейдоскоп исторических напластований, смешение различных стилей разных времен и эпох, развившихся на сложном и живописном рельефе, позволяющем увидеть город в разных ракурсах и планах, что так отличает Москву к примеру от спокойно-торжественного Ленинграда с его строгой системой «перспектив», задуманных и осуществленных действительно по одному плану и чуть ли не в раз. Многие недостатки Генерального плана 1935 года были учтены при разработке Генерального плана 1971 года. Тем не менее и сегодня в работе над новым Генеральным

планом Москвы приходится еще и еще раз критически относиться к некоторым положениям первого Генерального плана, например, к трассам ряда красных линий, от которых зачастую необходимо отказываться.

Переоценка ценностей затронула такие важнейшие для правильной ориентации творческих поисков будущего лица столицы вопросы, как направленность в решении проблем стиля, образной характеристики архитектуры Москвы, об отношении к проблеме наследия. Острота и категоричность суждений, высказываемых в отношении будущего образа Москвы, определяются как прямыми потерями архитектурных и исторических ценностей, так и в меньшей, а, может быть, и большей степени, неприятием современной архитектуры, во многом лишившейся за счет издержек пресловутого вала «мас-совки» того, что всегда делало ее искусством, и сегодня оказалось в известной степени чуждым тому, что давало городу уют и одушевленность. На каком-то этапе архитекторы оказались не впереди строителей, технологов в решении задач использования возможностей индустрии. Вместе с решением инженерных задач, обеспечивших выпуск сравнительно дешевого и в больших количествах жилья, не было динамичного прогресса технологии домостроения, позволившего бы реализовать известную формулу становления искусства: сначала невозможно, затем трудно, но получается, все выходит хорошо и наконец — это искусство! Такая задача сейчас стоит, она должна и будет решаться в совместной работе архитектора, технолога и строителя.

Нам необходимо трезво оценить имевшиеся ошибки, просчеты, творческие удачи и неудачи, что так редко делала архитектурная критика, без впадения в крайности, что, например, и улица Горького, и площадь 50-летия Октября, и новые магистрали, и Садовое кольцо — это все плохо. Без того, что дала социалистическая реконструкция столицы

в предвоенные и послевоенные годы, мы и жить бы не смогли в старой Москве. Определенная романтизация прошлого объяснима не только разочарованием в возможностях современной архитектуры, но и известным незнанием или нежеланием видеть историю такой, какой она есть. Ведь нет практически ни одного памятника архитектуры в Москве и в любом другом городе, который бы не стоял на останках предшествующих строений. Время строго отбирало для вечности немногое из того, что строилось во все времена. Практически все города, по крайней мере так было в прошлом, каждые полстолетия видоизменяли свой облик, если только жизнь не уходила из них, как, например, из Суздаля. Города зачастую изменяли в своей жизни и к лучшему даже такую самую консервативную свою часть, как уличная сеть. Можно вспомнить Османовскую перепланировку Парижа и массовую реконструкцию русских городов в XVIII веке по Екатерининским планам, что сегодня считается по праву большим и важным этапом русского градостроительного искусства.

Москва советского периода во многих своих чертах может и должна рассматриваться как удачный в ряде положений пример социалистической реконструкции. Однако негативные моменты, особенно сильно проявившиеся в последнее двадцатилетие, оказали сильное влияние на планировку и застройку огромной территории Москвы. Вторжение нового строительства в центр привело к тому, что даже бесспорно положительное стало где-то тонуть в издержках количественных показателей, а это вело в общем к утрате красоты Москвы.

Этому способствовали и некоторые недостатки Генерального плана 1971 года. Например, перспективное развитие Москвы рассматривалось только в пределах ее административных границ. Определенная искусственность членения Москвы на восемь симметрично расположенных зон в

известной степени оказалась неадекватной явной асимметрии общей сложившейся градостроительной ситуации с восточным эксцентриситетом промышленных зон, системой зеленых клиньев и положением Москвы-реки, где-то даже и потерявшей свою роль важного природного фактора. Это сказалось на качестве застройки ее набережных, во многих местах загроможденных складами, базами и просто захламленных.

Ряд таких вопросов, как экология, социология, столичные функции, градостроительная экономика, механизм реализации с правовой базой, значение архитектурного наследия, были только названы, но не разработаны так, как это нужно сегодня.

Новый Генеральный план Москвы разрабатывается в благоприятных условиях, несмотря даже на крайне сжатые сроки его подготовки. В 1986 году в Политбюро ЦК КПСС была рассмотрена и одобрена Концепция комплексного социально-экономического развития Москвы на период до 2000 г., заложившая базовое начало идеологии нового Генерального плана. Это приоритетность развития столичных функций и необходимая в связи с этим специализация; повышение отдачи имеющегося потенциала; принцип развития

12 Москвы и Московской области как единого народнохозяйственного комплекса и естественно высокий уровень архитектурно-планировочной организации Москвы и Московской области.

Москва первая из городов в стране уже разработала программу XIII пятилетки в размещении жилья, сооружений культурно-бытового обслуживания, инженерного оборудования и транспортного строительства. Имеются проработки и на XIV пятилетку, на 2000 год в рамках социальной задачи каждой семье — отдельную квартиру. На срок до 2010 года и дальше предусмотрена реконструкция сложившихся районов, что позволит сделать их более благоустроенными и красивыми. Завершена работа над проектом

детальной планировки центра. Создаются проекты жилых домов, учитывающие демографию, и общественных зданий нового качества.

По каждому административному району столицы принята конкретная программа действий всех участников: проектировщиков, заказчиков, строителей, призванная уже в XIII пятилетке обеспечить ощутимые сдвиги в застройке и самой жизни. Объектами комплексной реконструкции станут, например, районы Сретенки и Замоскворечья, Столешников переулок, которые пополнят семью пешеходных зон Москвы. В Дзержинском районе будет завершено формирование проспекта Королева. В Калининском районе должно завершиться строительство комплекса Школьной и Тулинской улиц и главной площади района. В Бауманском районе намечается создать Пушкинскую зону, как активную часть общественного центра района со своей пешеходной улицей. Каждый район будет иметь свою конкретную задачу, решение которой должно показать москвичам реальные результаты перестройки в новой градостроительной политике. Смысл и суть ее заключаются в том, что новое создается уже сегодня, при самом активном участии жителей столицы.

Все это существенно изменило саму методологию разработки генерального плана, традиционно концентрировавшую основное внимание проектировщиков на создании идеальной картины состояния города после расчетного срока. В одном из писем авторам генплана было справедливо указано: «Вы все хорошее рисуете после 2000 года, тогда мы будем жить как бы набело, а сегодня Вы пока нам предлагаете жить начерно?». Будущее же должно рождаться уже сегодня. Так и задуман новый Генеральный план.

К работе над новым Генеральным планом был привлечен широкий круг участников-специалистов (в том числе Ленинграда и Киева), руководителей, общественности с тем, чтобы в решении всех проблем буду-

щего Москвы не допустить ошибок.

Генеральный план Москвы вобрал в себя все лучшее, что есть сегодня в отечественном и зарубежном градостроительстве.

В создании нового Генерального плана участвовала и участвует общественность, мнение которой активно влияет на принятие решений. Это и пересмотр концепции нового зоопарка: вместо одного будет несколько в разных районах. Это и переработка на конкурсной основе ряда проектов районов массового строительства, куда будет включаться и малоэтажная застройка. Это и обновление всей парковой системы столицы с новым содержанием зон отдыха.

Широкая дискуссия в связи с публикацией в «Московской правде» проекта нового Генерального плана Москвы поставила перед его авторами ряд важных вопросов. В связи с этим было признано необходимым передвинуть сроки представления Генерального плана на утверждение, чтобы еще раз изучить возможные альтернативы, ускорить процесс разгрузки Москвы от лишних функций. Необходимо сделать так, чтобы гуманизация среды жизнедеятельности, улучшение экологии, а это прямо связано с уменьшением числа рабочих мест, стали осуществляться не после 2010 года, а уже сегодня, чтобы де-

монтаж слепка административно-командной системы, какой стала Москва, был поставлен в повестку важнейших задач дня.

На базе нового Генерального плана с учетом его целей и задач должна быть завершена реорганизация структуры Главмосархитектуры, создана система социологической службы как база мониторинга в реализации генплана с дальнейшей углубленной проработкой его отдельных аспектов, а также и дальнейшего прогноза развития Москвы.

Важным фактором в совершенствовании структуры Главмосархитектуры стало создание Московского строительного комитета, что должно значительно усилить возможности подрядных организаций в воплощении архитектурных замыслов и повышении качества строительства, в организации строительного дела в столице.

Генеральный план должен стать основой, способной дать возможность зодчим раскрыть свои творческие возможности для создания достойных столицы нашей великой Родины архитектурных ансамблей, в пропорциях и чертах которых мы могли бы видеть развитие богатейших традиций московского зодчества и величие гуманистических идей нашего времени.

СОХРАНИТЬ ТРАДИЦИИ МОСКОВСКОГО ЗОДЧЕСТВА

Бирюков И. Г., архитектор

Москву нередко называют гигантской строительной площадкой. Спорить с этим утверждением трудно. Но есть еще один, очень важный момент, который мы не всегда отмечаем: Москва — это к тому же и гигантская градостроительная школа. Мы впервые проектируем и строим за несколько лет районы на сотни тысяч жителей. И любая недоработка, любой просчет умножаются на тот огромный объем работы, кото-

рый ведется сейчас в городе. Получается, что «обучение» в этой школе обходится нам очень дорого, поэтому необходимо как можно скорее сделать правильные выводы из всего построенного.

Каким будет город через десять — двадцать лет на пороге нового века? Сохранят ли свою индивидуальность старые уголки Москвы? Станут ли уютнее новые районы?

Эти и множество других вопросов волнуют каждого москвича, да и любого человека, который знает и любит наш город. И адресованы эти

вопросы чаще всего к нам, архитекторам. Архитектор порой представляется людям кем-то вроде волшебника, владеющего магической силой, способной по его желанию преобразовывать мир, придавать ему гармонию и красоту. Конечно, это не совсем так, и между идеями, замыслами и их воплощением в камне или бетоне огромное расстояние. Будет ли реализован проект, который создает у себя в мастерской архитектор, зависит не только от него, здесь играет роль множество факторов. Понятно, что москвичам трудно постичь всю сложность проблем, с которыми сталкивается проектировщик, они не знают, что такое строительные нормы и проектно-сметная документация, зато они знают, что такое Арбат и Сретенка, Манеж и Третьяковская галерея. У каждого москвича старшего поколения остаются самые теплые воспоминания о дворе, где он родился, где прошло его детство. И тут любые потери особенно чувствительны. Снесли старый дом — кажется, будто оторвался целый кусок жизни, построили четырнадцатизэтажную «коробку» посреди тихой улицы — исчезло привычное очарование знакомого с детства уголка. Гуляет ветер по пустырям вокруг новостроек — к кому как не к архитектору адресовать претензии?

14

Строить в Москве сложно, нас связывает множество «нельзя», «не положено», «не предусмотрено». И все же, такое отношение людей, когда они видят в архитекторе центральную фигуру в градостроительстве, радует. Радует, несмотря на критику в наш адрес, ведь оно означает, что люди еще не потеряли веру в наши возможности, в назначение архитектора и считают именно нас ответственными за то, что делается в городе. Действительно, только архитектор может профессионально решить все градостроительные проблемы. Примем это за аксиому и будем из этого исходить.

У нас есть грандиозные цели — предоставить к 2000 году отдельную

квартиру каждой московской семье, создать в городе полноценную среду не только экономически целесообразную, удобную для труда, быта и отдыха людей, но и художественно выразительную.

Если мы как разумные, рачительные хозяева оценим свои возможности, продумаем все «за» и «против», то станет понятно, что, опираясь только на старые, уже накатанные методы и формы работы, справиться с поставленными задачами очень сложно. Об этом свидетельствуют серьезные недостатки в застройке Москвы. Мы застроили многие участки города, предназначенные под озеленение, вопреки генеральному плану в столице разместились предприятия, которые были ей противопоказаны по потреблению тепла, воды, по своей трудозанятости. Строительные площадки вышли за кольцевую автодорогу, а сеть основных транспортных магистралей осталась прежней.

Кризисная ситуация сложилась и в центре города — здесь заметно уменьшился жилой фонд (по сравнению с 1960 годом население в пределах Садового кольца сократилось втрое!), сильно перегружена пешеходно-транспортная сеть, половина жилого фонда нуждается в капитальном ремонте, и это еще далеко не все тревожные симптомы.

Разумеется, объяснять любые недоработки, просчеты только тем, что плох архитектор, проектирующий тот или иной район, бессмысленно. Тут действует множество объективных факторов, экономических и социальных. Не взяв их в расчет, мы не сумеем правильно организовать работу. Нам нужна более совершенная система планирования, гибкая система проектирования, полностью отвечающая социальному заказу общества. Проектировать нужно не вслед за растущими потребностями, а опережая их.

Сейчас под развитие Москвы подведена реальная база, отражающая долговременную стратегию формирования города. Разработана Концепция комплексного социально-

экономического развития столицы до 2000 года. Завершается разработка нового Генерального плана Москвы. Но как бы хорошо ни был проработан план, жизнь внесет в него свои коррективы — это неизбежно. Мы должны научиться прогнозировать все возможные изменения и быстро реагировать на требования жизни.

Чтобы это стало возможным, необходима развитая архитектурная наука, использующая все современные экономические, социальные, инженерные знания. И Союз архитекторов СССР, Московская организация Союза архитекторов (МОСА) всеми силами содействуют созданию такой научной базы, которая могла бы обобщить все сделанное, изучить социальный заказ, потребности города и выработать на этой основе рекомендации, столь необходимые проектировщикам.

Однако как бы ясно ни представляли архитекторы свои задачи, одного понимания мало. Чтобы действительно получить ощутимые результаты, зодчий должен быть облечен правом принимать решения, проводить проект в жизнь без всяких неоправданных изменений. После того как проект утвержден Градостроительным советом и одобрен общественностью, он должен стать законом. Добиваться этого — одна из важнейших задач Союза архитекторов, московских зодчих. Почему это особенно важно для Москвы? Наш город — сложнейший организм. Человечу, далекому от градостроительства, даже представить трудно, какое множество функций переплетается в самом небольшом его пространстве. И всякое вмешательство в его жизнь должно быть всесторонне продумано. «Просто» строить в Москве нельзя. Нужно учитывать массу условий: состояние и возможности инженерных систем водоснабжения, электроэнергии, транспортных коммуникаций, характер и особенности исторической застройки.

В Москве уже сейчас очень велика плотность застройки, а время выдвигает все новые и новые требо-

вания, ведь наш город — столица государства, его культурный и экономический центр. Именно поэтому все проблемы здесь стоят острее, чем где бы то ни было, а недостатки видны особенно выпукло. И любое непрофессиональное решение может стать непоправимой ошибкой, вызвать огромные неоправданные расходы.

Сегодня мы активно ищем новые формы работы, перестраиваем систему проектирования. В качестве одной из первых возможных мер Союз архитекторов СССР создает разветвленную сеть хозрасчетных творческих объединений «Архпроект», головная организация которого находится в Москве. Архпроект сможет решить, опередив крупные проектные организации, ряд проблем, связанных с благоустройством города, его скверов, парков, дворов. К этой работе мы постараемся привлечь молодежь, студенчество. Молодежное объединение при МОСА РСФСР создано и уже действует. Московская организация СА всемерно способствует рождению кооперативных архитектурно-проектных объединений, персональных творческих мастерских.

Еще одно важное нововведение — мы начали обсуждать все значительные работы архитекторов еще на предпроектной стадии, в тот момент, когда в них легко внести коррективы. Одна из первоочередных задач московских архитекторов — привлекать к таким обсуждениям широкую общественность и мы стараемся ее выполнять. Диалог с москвичами помогут расширить и Дни Москвы, встречи архитекторов с активом, жителями каждого из районов. Такой обмен мнениями будет, безусловно, полезен и даст нам стимул для дальнейшей работы.

Московская организация Союза архитекторов СССР очень настойчиво развивает конкурсную основу проектирования. Это — лучший способ получить проекты, достойные реализации в столице. Особенно важен конкурсный отбор, когда речь

идет о крупных, социально значимых объектах.

Сейчас мы разрабатываем проект детальной планировки центра, привлекая к этой деятельности и виднейших архитекторов, и москвоведов, и представителей научной общности. Проектируются новые районы столицы, среди них Бутово, Новокосино, Солнцево. Они создаются на принципиально иной основе, чем это практиковалось раньше. В Бутове, например, предусмотрено максимальное использование первых этажей жилых домов под объекты бытового и торгового назначения, проектируются четырехэтажные дома для «сложных» семей, делается попытка организовать в каждом микрорайоне место, где жители могли бы полноценно отдыхать, развиваться. Основной идеей при развитии Солнцева было стремление сформировать группы жилых домов со свободными дворовыми терри-

ториями, позволяющими организовать ежедневный досуг населения. В малоэтажной застройке четко выделяются зоны детских и школьных учреждений.

Проектируя сегодня районы, архитекторы ставят перед собой задачу сохранить природное окружение, сделать наш город как можно более человечным. Насколько полно будут реализованы эти планы, зависит и от зодчих, и от каждого москвича. Ведь общественное мнение — огромная сила, которая может стать решающей в самых острых вопросах развития Москвы. Важно понять, что отдельно общество и архитектор существовать не могут. Они заинтересованы друг в друге и эта заинтересованность — реальная платформа для нашей совместной работы, цель которой — создать гармоничный, человеческий город, сохранив лучшие традиции московского зодчества.

ГЛАЗМИ СТУДЕНТОВ МОСКОВСКОГО АРХИТЕКТУРНОГО ИНСТИТУТА

Некрасов А. Б., кандидат архитектуры

16 Любой проект, создаваемый архитекторами-практиками, есть взгляд в будущее. Действительно, он будет реализован через несколько лет, будет долго существовать и служить будущим поколениям. Но сегодня этот проект ограничен целым сводом законов, норм, недостаточной мощностью современной строительной базы. Лишь студенты архитектурных вузов, запрограммированные для активной творческой работы через 15—20 лет, призваны учиться проектировать с определенным опережением своего времени.

Однако само представление об архитектуре будущего меняется с каждым годом и будет меняться в перспективе.

В начале 60-х годов в МАИ, как тогда называли Московский архитек-

турный институт, кипят горячие споры. Никто не хочет проектировать в старом городе, все ищут ультрановое, новые места, новые города и ансамбли. Белоснежные корпуса взмывают ввысь, прекрасные в своей чистой простоте. Толпы абстрактных людей с огромными, сросшимися плечами и маленькими головами идут к белым зданиям через расчерченные площади-аэродромы. Основные концепции Ле Корбюзье копировались смело и примитивно, и никто не видел, что сам маэстро уже строит Роншан, не имеющий ничего общего с его же собственным учением¹.

¹ Как жаль, что эта эйфория 60-х годов навсегда осталась в головах некоторых студентов в виде неизменяемой догмы. Став мэтрами, они через много лет продолжали проектировать и строить огромные железобетонные пустыри вокруг своих объектов, рассчитанных на абстрактного потребителя. И вот те-

Итак, 60-е годы. На факультете градостроительства появляется группа НЭР (новый элемент расселения), но никто еще не сказал слова городская среда, средовой подход. Это еще все в будущем. Единицы дипломников собираются проектировать в старом городе. Все ходят смотреть как Сережа Бархин ставит огромную многоэтажную этажерку на Красной площади вместо Исторического музея. Через 2 года дипломник Андрей Таранов, впоследствии много и успешно проектировавший для Москвы, смело ломает ГУМ и ставит на этом месте гигантский треугольник какого-то сложного общественного здания, под которым погибает еще несколько кварталов исторической застройки¹.

Однако Московский архитектурный институт тем и славится, что творческая мысль здесь не стоит на месте. Закончив эксперимент со всевозможными парящими над землей структурами, большепролетными конструкциями и другими эффектными программами этого беспокойного времени, институт медленно поворачивается к человеку как точке отсчета всего, что создается архитекторами. Возникает все увеличивающийся интерес к старому городу, к старой Москве.

Интересно проследить эволюцию проектирования района Сретенки.

перь мы идем по выщербленным железобетонным квадратам, мы — современные люди — совершенно различные со своими сегодняшними радостями и печальями, идем не плечом к плечу, а отдельно. И нам совершенно не нравится то, что построил автор, потому что за эти 20—25 лет изменился мир, изменились эстетические концепции. Не заметил этого лишь автор проекта, окончивший когда-то архитектурный институт и наконец реализовавший свою студенческую мечту.

¹ Можно многое простить дипломникам 60-х годов. Ведь в это время во всем мире так думали и проектировали архитекторы. Больше всего пострадали те города, в которых в этот момент начали застраиваться самые ценные участки исторических центров. Так, бельгийцы сильно поплатились, отдав дань тогдашней архитектурной моде. Их прекрасная столица была разрушена не авиацией союзников, а собственными архитекторами и заказчиками.

В середине 70-х годов студентка Т. Арзамасова проектирует новые жилые дома в районе Сретенки. Высокие 20—22-этажные башни вертикальных коммуникаций держат над старыми сохраняемыми кварталами наклонные структуры, заполненные жилыми ячейками. Уже учитывается общая картина ландшафта района. Башни поставлены на вершине холма ближе к улице Сретенка, что подчеркивает существующий рельеф района.

Спустя 10 лет, работая на V курсе над этой же ситуацией, студент С. Злотников уже не осмеливается действовать так решительно, как его предшественница. И не потому, что решение Арзамасовой технически невозможно. Нет, изменились критерии оценки старой застройки. Оказалось, что ее уникальность и неповторимость создают не только архитектура отдельных домов, но и многослойные временные наслоения различных объемов, создающих неповторимое очарование московских улиц и переулков, характерных именно для этого района. И студенты ищут приемы, позволяющие разместить новое комфортабельное жилище и одновременно свести к минимуму вмешательство в архитектурную индивидуальность района.

Для совершенствования случайной и хаотичной застройки, выходящей на Цветной бульвар, С. Злотников предлагал поставить с определенным шагом крупные жилые корпуса переменной этажности. Учитывая слишком большую плотность и сложность ситуации, С. Злотников новые корпуса «сажает» на существующие 6—8-этажные доходные дома, причем часто оси старого и нового здания смещает. Новое здание как бы вбирает в себя старое с сохранением его характерного фасада. Несущий каркас нового здания пронизывает старый дом. Замена перекрытий в старом корпусе и новые конструктивные оси позволили за проектировать нестандартные квартиры в этажах существующего дома. Этот градостроительный прием,

сохраняющий очарование старой застройки, контрастирует с градостроительным решением по размещению Дома политпросвещения на Трубной площади¹. Здесь налицо полное непонимание особенностей работы с городским рельефом и уникальности этого московского района.

В 1980 году Московский архитектурный институт включается в общую комплексную работу под общим названием «Москва и московская агломерация». К этому времени интерес студентов к работе на московских ситуациях чрезвычайно возрос. Теперь не только студенты 5-го курса, но 4-го и даже 3-го проектируют на участках конкретных районов, выпускающие кафедры среди общего пакета тем предлагают комплексные задачи на проектирование целого района города. Такой лидирующей темой дипломного проектирования несколько лет подряд была застройка площадей Садового кольца.

Одним из интересных с градостроительной точки зрения было предложение дипломника М. Шубенкова, который под руководством профессоров З. Яргиной и А. Гутнова предложил продолжить Бульварное кольцо в Замоскворечье с созданием общественного центра у Яузских ворот. Бульвар предлагалось перекинуть через Москву-реку по Устьинскому мосту и продолжить вдоль набережной Обводного канала в виде рекреационной зоны.

Профессор Е. Новикова и старший преподаватель З. Маликова со студентами работали над вопросом, в каких точках Садового кольца следует ставить высотные здания, чтобы выявить вертикальными доминантами градостроительную роль Садового кольца в структуре города.

¹ В настоящее время проводится закрытый заказной конкурс на размещение крупного общественного комплекса на территории, прилегающей к Дому политпросвещения, и нет никакой гарантии, что еще один новый, более крупный объем не закроет спускающиеся к Цветному бульвару живописные переулки, и Сретенский холм навсегда будет испорчен.

Дипломница этих же преподавателей Е. Черемина выполнила проект высотной гостиницы на Добрынинской площади. Место для постройки здания выбрано так, что оно организует новый ансамбль и обеспечение транспортных связей с Октябрьской площадью.

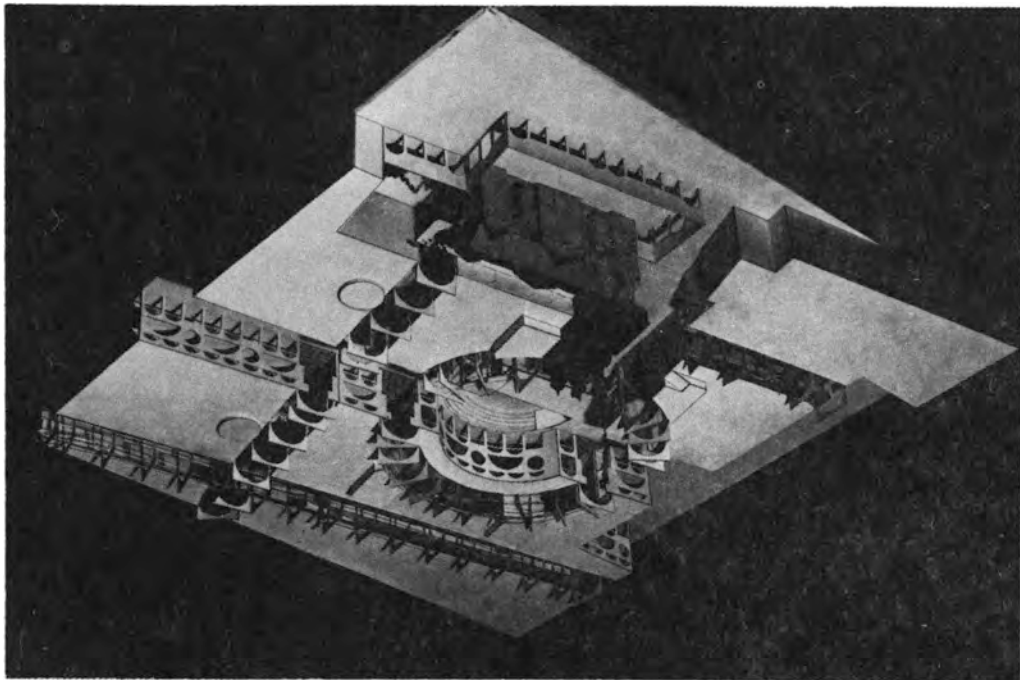
В работах по застройке Добрынинской площади, выполненных под руководством профессора Б. Бархина, доцента А. Некрасова и старшего преподавателя В. Шарапова дипломниками Н. Головановым и О. Борисовым, предлагалось создать жилой комплекс с развитой объемно-пространственной композицией. Этот прием оправдан стремлением создать тактичный переход от масштаба застройки сохраняемого квартала Москвы к масштабу нового современного жилища. Квартиры спроектированы с учетом обеспечения шумозащиты, хорошо скомпонованы¹.

Площадь Восстания неоднократно служила объектом работы дипломников. Студентка Л. Нивенгловская под руководством профессора Б. Бархина предложила разместить на площади, напротив бывшего Вдовьего дома, концертно-выставочный комплекс. Решенное в виде овального объема здание удачно вписалось в это сложное с градостроительной точки зрения место.

На этой же площади по проекту дипломника Ю. Бурханова (руководители доцент Р. Чубуков и К. Мошкин) напротив высотного здания на внутренней стороне Садового кольца логично вписывается полукольцо выставочных залов здания Союза художников СССР.

Двигаясь по Садовому кольцу, приближаемся к участку Садовой-Каретной улицы, ограниченному Краснопролетарской и Каляевской улицами. Дипломные проекты жилых многофункциональных комплексов составили целую палитру всевозмож-

¹ К сожалению, Добрынинская площадь, спустя несколько лет после появления этих дипломных проектов, начала застраиваться типовыми панельными домами.

Студентка Т. Станюкович предлагает расположить торговый центр в устье улицы Сретенка с организацией небольшой площади, включающей памятник архитектуры XVII века

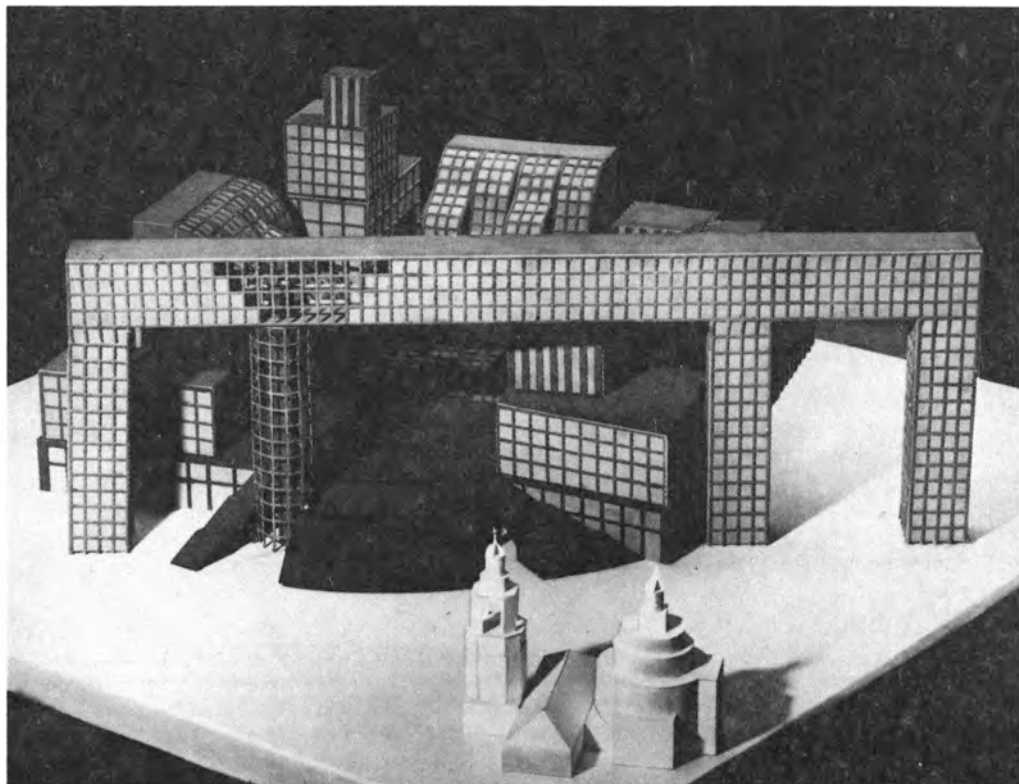
ных решений этого участка Москвы. Тщательный градостроительный и архитектурный анализ этих проектов, составляющих своего рода мини-конкурс на застройку указанного места, позволил бы городу получить наиболее оптимальное с экономической и художественной точек зрения решение, чем то, что принято к реализации.

Дипломница И. Орлова (руководители профессор Б. Бархин, доцент А. Некрасов, старший преподаватель В. Шарапов) предлагает развитую систему полузакрытых жилых образований с переменной этажностью. Причем фасады зданий решены таким образом, что создается впечатление многократного наложения одних зданий на другие, и весь крупный объем расчленен на 5—7-этажные отдельные дома, как бы стоящие на холмах. Этот эффект достигается путем многократных повторов типовых элементов фасадов, выступающих над крышами в виде бранд-

мауэров несущих поперечных стен, микрорельефов фасадных плоскостей и специально покрашенных зданий.

Другое решение этого же участка предложено студентом В. Лория (руководители профессор М. Лисициан и доцент Н. Федяева), решившим жилой комплекс в виде разноэтажной системы различного набора секций, обеспечивающих оптимальное соотношение неодинаковых по площади квартир.

Колхозная площадь несколько лет подряд была объектом дипломного проектирования. Эта тема давалась студентам 5—6-го курсов для разработки ансамбля площади с учетом многофункционального жилого комплекса, размещаемого к западу от улицы Сретенка. Во многих случаях прорабатывались варианты восстановления Сухаревой башни. Не удивительно, что на открытом конкурсе проектов на восстановление Сухаревой башни победил проект бригады МАрХИ под руководством профессора Н. Оболенского. По предложению авторов башня ставится на месте старых фундаментов,

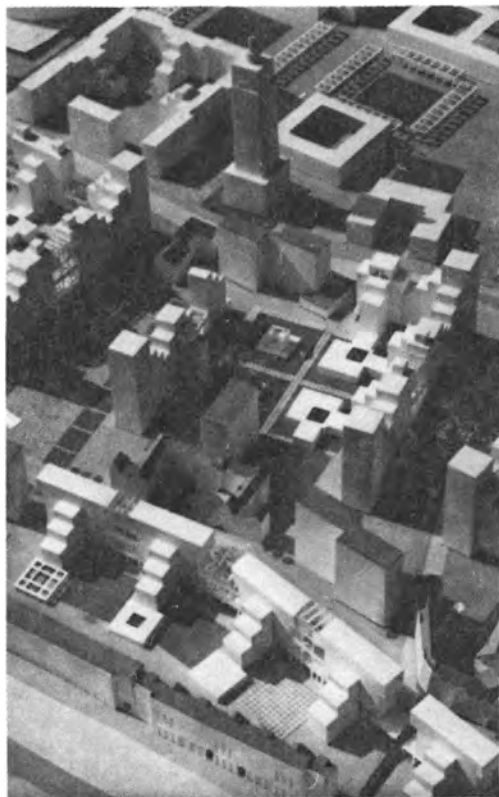
20

организуется транспортный туннель под площадью. Специальная конструкция будет поддерживать здание таким образом, что новое сооружение как бы зависнет над своими историческими фундаментами. Специальные площадки обеспечат удобный обзор старинной кладки.

Работа над решением городских проблем в архитектурном вузе требует все большего расширения границ дипломной темы. Поэтому естественным было появление комплексных дипломных проектов-гигантов обширных градостроительных образований. Одним из первых в серии таких проектов было проектное предложение по реконструкции проспекта Мира на участке от Колхозной площади до площади Рижского вокзала. В группу, возглавляемую профессором Б. Бархиным, доцентом А. Некрасовым и ассистентом М. Беловым, вошли дипломники А. Пахомов, В. Магалиф, Т. Станюкович, А. Шутиков и Д. Кузнецов.

Расчлененность волнообразных объемов Молодежного центра удачно сочетается с изящной архитектурой церкви постройки М. Ф. Казакова, стоящей на площади

Зонай работы дипломницы Т. Станюкович было место выхода Сретенки на Колхозную площадь. Здесь разместился четырехугольный в плане трехэтажный объем торгового центра. Круглая в плане небольшая площадь включает в себя памятник архитектуры XVII века миниатюрную церковь Троицы в Листах. Ранее церковь располагалась среди затесненной застройки монастыря, поэтому возвращение ей плотного окружения показалось авторам проекта вполне логичным. Дипломница предлагает также организовать овальную аркаду, симметричную изгибу основного корпуса Института им. Н. В. Склифосовского, что позволило образовать еще одну площадь, входящую в ансамбль. И, наконец, сама Колхозная площадь,

Дипломнице В. Магалиф удалось выявить значительный резерв территории для размещения нового жилищного строительства и превратить улицу В. Гиляровского в пешеходную

имеющая в настоящее время размытые границы после многочисленных сносов старых зданий, получает характер каре, обстроеного по периметру пешеходными галереями. С севера на площадь выходят два здания общественно-культурного центра, запроектированного дипломником А. Пахомовым. Круглая башня многофункционального зала и сегмент концертного зала решены в едином архитектурном ключе и фланкируют устье проспекта Мира. Сухарева башня располагается над тоннелем Садового кольца и замыкает новую Колхозную площадь с востока.

На долю дипломника А. Шутикова выпала задача решить один из центральных и, пожалуй, самый сложный в градостроительном от-

ношении участок из всего проектируемого комплекса.

После строительства олимпийского крытого стадиона осталась обширная незастроенная территория со случайно стоящими зданиями и неблагоприятными площадями. В задачу дипломника входило запроектировать молодежный центр с одновременным решением ансамбля площади между стадионом и проспектом Мира, связать масштабы всех существующих и проектируемых объемов с миниатюрным изящным храмом XIX века постройки архитектора М. Ф. Казакова. С моей точки зрения, автор справился с работой вполне успешно. А. Шутиков предложил организовать раскрывающуюся на проспект площадь постановкой двух крупных многопролетных структур. Эти крупные структуры сомасштабны олимпийскому стадиону и как бы являются его продолжением. Причем одна из них, входящая в состав молодежного центра, служит как бы рамой, обрамляющей сложный расчлененный комплекс объемов молодежного центра. Широкая, овальная, разветвляющаяся на несколько секторов лестница-амфитеатр ведет на интерьерную площадь центра, откуда удобно попасть во всевозможные многоуровневые объемы молодежного городского центра. Расчлененность и характер объемов молодежного центра позволили сблизить масштабы его и стоящей на площади церкви, решенных в стиливом контрасте по отношению друг к другу.

Одна из пяти членов группы В. Магалиф занималась проблемами размещения современного жилья в зоне реконструкции. Ее работа осложнялась тем, что в этих районах практически не существовало свободных территорий для жилищного строительства. В. Магалиф удалось выявить значительные резервы для жилого строительства и дать предложение по преобразованию улицы Гиляровского в пешеходный дублер. Среди довольно хаотичной застройки ей удалось выявить мо-

дуль отсчета для размещения крупных каре жилых домов. Переменная этажность позволила добиться полноценной инсоляции и плавного перехода к существующим малоэтажным домам. Во дворах планировалось разместить плотное малоэтажное жилье и детские учреждения.

И, наконец, площадь Рижского вокзала, выглядящая сегодня неуютно, открытая всем ветрам, с дробной архитектурой самого вокзала и плавающими в пространстве мелкими павильонами рынка и станцией метро. Этим районом занимался дипломник Д. Кузнецов. Он предложил застроить площадь двумя многоэтажными объемами криволинейной в плане гостиницы. Со стороны окружной железной дороги гостиница имеет прямоугольные выступы с понижающейся к углам этажностью. Обозвавшиеся внутри дворы перекрывались фонарями.

Удивительно, что вся эта кропотливая и серьезная работа будущих архитекторов и их преподавателей шла как бы односторонне, игнорировалась руководством Главмосархитектуры, главным архитектором города, хотя были в институте ежегодные выставки работ московской тематики, выездные выставки в Союзе архитекторов, где наряду с серьезной профессиональной критикой

отмечалось наличие в проектах специфического московского стиля, того самого стиля, которого нет в сегодняшних московских реализациях, и мы порой наблюдаем неумелые его поиски ведущими практиками.

Растущая, развивающаяся Москва и Москва древняя, старая ставят перед практиками и будущими архитекторами множество проблем. Сегодняшние фантазии студентов архитектурного вуза — это зрелое, научно обоснованное предвидение образа завтрашнего города как целостной системы. Теперь, когда необходимо заново пересмотреть перспективные предложения проектных организаций по узловым зонам столицы и, может быть, отказаться от многих устаревших проектов, следует внимательно отнестись к тому, что может предложить Московский архитектурный институт, который кроме своей прямой функции должен стать экспериментальной научной лабораторией при Главмосархитектуре. Здесь будут формироваться новые концепции с последующей экспериментальной проверкой. От этой совместной работы выиграют все и, прежде всего, наше общее дело: проектировать и строить так, чтобы Москва будущего стала лучшим и красивейшим городом среди других столиц мира.

КАРТИНЫ ГОРОДА. В ПОИСКАХ БУДУЩЕГО

Попов В. В., архитектор

И человек, и город, будучи неразрывно связанными со своим прошлым и занятыми множеством проблем в настоящем, все-таки неизменно смотрят в будущее. Прошлое, являясь неотъемлемой частью нашего общественного сознания, своеобразной всеобщей социальной памятью и опытом в виде исторического знания, способно влиять и изменять настоящее, формировать наше сегодняшнее мироощущение, отношение к настоящим проблемам

и, конечно, наше видение будущего. Существует и обратная связь — довольно сильное воздействие со стороны будущего. Идеалы будущего могут определять наше сегодняшнее поведение, очень часто цель определяет средства. Другими словами, мы можем констатировать существование определенной системы, пользуясь категориями прошлого, настоящего и будущего, где есть общественный опыт и память в виде истории, проблематика актуальных задач настоящего и комплекс идей, пред-

ставлений и программ (идеологический комплекс), связанных с будущим. Все три условные области образуют экологически связанную социально-психологическую систему, что означает постоянное как прямое, так и обратное влияние и сложное воздействие ее составляющих друг на друга. Если опыт прошлого должен определять наши поступки сейчас, то с точки зрения будущего мы можем разным образом интерпретировать этот опыт. Все взаимосвязано.

Видение и будущего, и прошлого осуществляется в различных формах и ракурсах, выработанных во многих областях человеческой деятельности. Какое-либо историческое событие, момент жизни человека или вселенной могут быть представлены в абсолютно различных формах, например, в индивидуальном опыте современника, в литературной форме, в живом описании писателя или в форме исторического знания исследователя, обратившегося к этому событию много лет спустя. Законы этих различных систем представления будут зависеть от видения мира их авторов, от того культурного комплекса понятий и представлений о действительности, способов их выражения и их ценностной шкалы, которые можно определить как «картину мира» автора. Она может быть научной, неся с собой основополагающие принципы научного постижения действительности как законосообразность объективного мира, принцип причинности, или художественной, основанной на синтетическом панорамном представлении о конкретной действительности. Картина мира существенно определяет понимание предвидения, способы его осуществления и прогностические возможности.

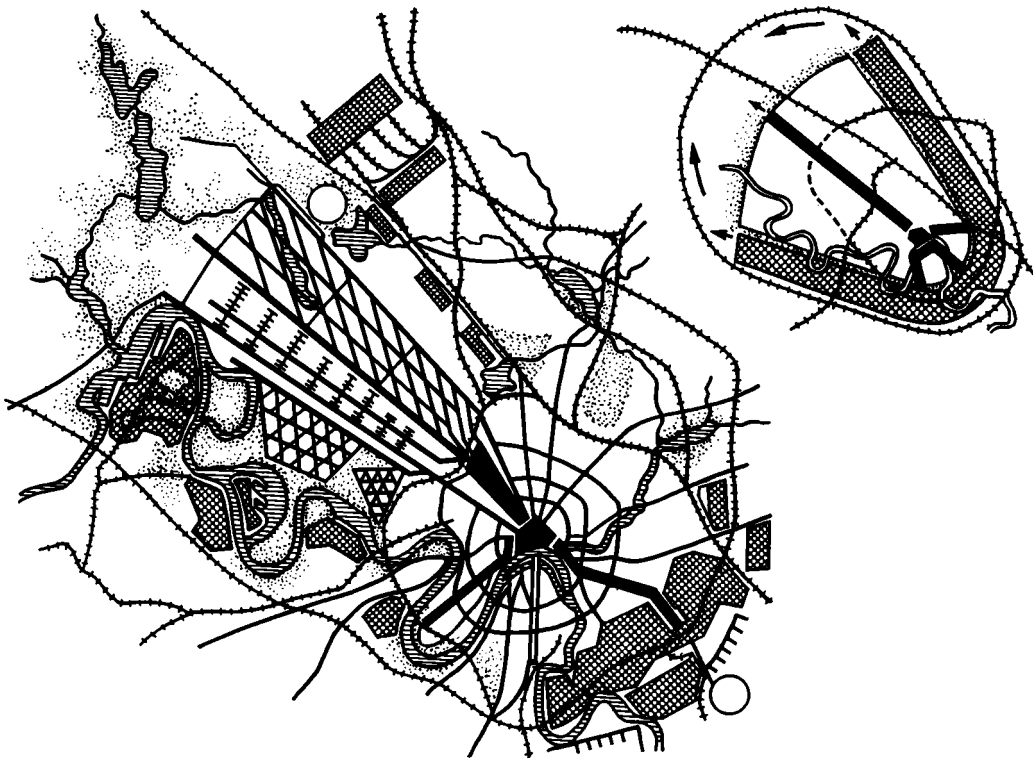
Архитектурное предвидение отличается от научного и художественного тем, что сложным образом сочетает в себе элементы того и другого, и может быть определено как процесс получения знания о предметно-материальной среде будущего и жизнедеятельности в ней

Г. Красин. Генеральный план строительства и реконструкции Москвы. 1932 год. Транспорт — основной фактор планировки

в виде комплекса проектных идей, процесс, носящий выводной или интуитивный характер.

Определив и обозначив предвидение как существенный элемент социально-психологической экологии общества, мы можем перейти к более близкому рассмотрению этой интересной области в архитектуре. Поиски будущей архитектуры, архитектурное фантазирование, попытки определить наиболее идеальные архитектурные формы и способы организации поселений и городов существовали всегда, и первые утопические проекты городов мы можем встретить уже в Древней Греции и проследить эту традицию на всем историческом пути культуры. Нам особенно интересно прикоснуться к этим поискам будущего в советской архитектуре, где бурные всплески интереса и увлечения такого рода отвлеченным и утопическим проектированием наблюдаются примерно каждые 20 лет и, конечно, фиксируют определенные кризисные точки в развитии архитектуры, этапы смены одних эстетических и идеологических представлений в профессиональной культуре и обществе другими, порожденными в процессе

24

и футурологических поисков. Часто объектом этих поисков становилась Москва. Чтобы понять, каким путем идет современная архитектура к своему будущему, нам придется обратиться к недалекому прошлому и сравнить пути и видения тех лет и настоящего времени.

Любой архитектурный объект направлен в будущее, предназначен для будущего воплощения, и на первый взгляд может показаться невозможным определенно выделить футурологические проекты среди обычных. Но анализируя сущность архитектурного предложения, намерения автора, технические, идеологические и эстетические принципы, на которые он опирался, мы можем видеть широкий спектр поисков и решений от реального будущего до утопического. В крайних точках это движение может быть проиллюстрировано, например, проектами конкурса на идею развития Москвы, проведенного в 1932 году. Обратимся к трем различным проектам

Н. Ладовский. Москва — город-ракета. 1932 год «...а с одного бока Новой Москвы притулилась, как старушка в пестром платке, теперешняя наша Москва. В ней не тронули ничего. Она сохранилась как город-музей, как застывшая история...» (Д. Михайлов. Новый город)

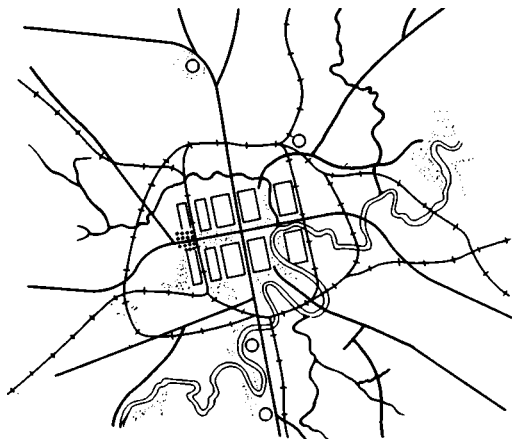
из множества представленных на тот конкурс, результаты которого были положены в основу разработки Генерального плана Москвы, в достаточно большой степени определявшего ее развитие в течение последующих нескольких десятилетий. Это проект инженера Г. Красина, парабола Н. Ладовского и Лучезарный город Ле Корбюзье.

Проект Г. Красина предлагал звездообразную планировочную структуру на основе существующей радиально-кольцевой планировки Москвы, плотно застроенный центр и поселковую застройку вдоль радиальных магистралей, которые перемежались зелеными клиньями, тянущимися от периферии к центру. В проекте Н. Ладовского предлага-

лось иное, элегантное и неожиданное решение проблемы будущего развития Москвы. В выбранном северо-западном направлении радиально-кольцевая структура Москвы взрывалась пучками развития центра (вдоль улицы Горького, Ленинградского шоссе и далее), жилья, промышленности, агрозон, обеспечивая динамический рост всем составляющим элементам города. Проект получил название парабола Н. Ладовского. И, наконец, третий проект, который представил Ле Корбюзье. Он вообще отказался от использования существующего радиально-кольцевого плана Москвы, как не способного вместить новое социалистическое содержание растущего города. Оставив только наиболее ценные памятники архитектуры (Кремль с его ансамблями, Красную площадь и некоторые другие), Корбюзье предлагает грандиозный проект города-сада, состоящего из небоскребов и, конечно, «пространства, залитого светом и зеленью» и «всего необходимого для жизни и отдыха человека» на месте разрушенного до основания старого города.

Безусловно, проекты Ле Корбюзье и Н. Ладовского футурологичны. Эта футурологичность определяется технической нереальностью или идеологической неприемлемостью их воплощения в 30-х годах и позднее, в отличие от проекта Г. Красина. И утопизм этих проектов более всего определяется историческим временем. Но нам более всего важно не отрицание теперь уже ясно сознаваемых и понимаемых всеми катастрофически негативных последствий возможности реализации проекта Лучезарного города для нашей культуры и не гипотетичность действительной необходимости привнесения в статическую планировку Москвы динамики линейного развития в проекте Н. Ладовского. Для нас наиболее важно понимание ценности вклада этих и подобных утопических проектов в развитие архитектуры, а также сущности предвидения в них.

Для понимания ценности этих

Ле Корбюзье. Проект реконструкции Москвы (Лучезарный город) 1932 год.

«В СССР больше, чем где-либо, речь идет о двух повернутых спиной друг к другу эпохах, у которых нет никаких общих факторов, действительно существующих на территории Москвы»

работ раскроем такое понятие, как профессиональная культура архитектора, только не в обыденном понимании этого слова — как определенного уровня образованности и владения профессиональными навыками, а как некоего информационного фонда, содержащего выраженный в материальной архитектуре, проектах, идеях, теориях, философских текстах и других формах материал, который определяет основные составляющие профессионального мастерства — знание, понимание, умение. Конечно, этот фонд не сосредоточен в одном каком-либо источнике мудрости наподобие Библии, тем не менее он объединен определенными базисными принципами и установками профессии (польза, прочность, красота) и, конечно, общим предметом — архитектурой — важной составляющей всей материальной культуры человечества. Профессиональный культурный фонд не является самодостаточным и замкнутым в себе, он органически вписан множеством прямых и опосредованных связей в общую систему культуры, и более зависим в сравнении с другими областями искусства от экономических и иде-

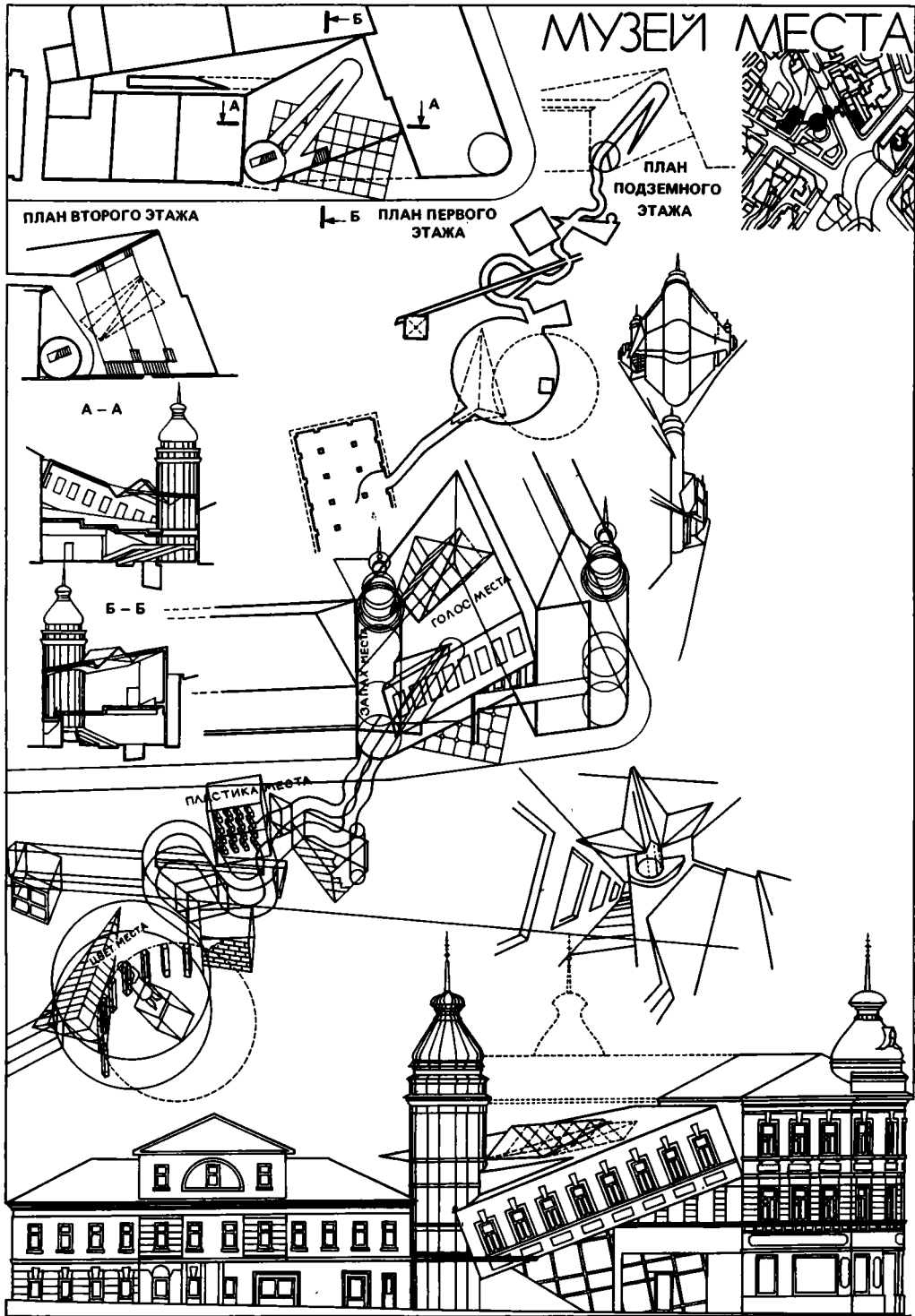
ологических структур общества. «Рукописи не горят», но новых и необычных мыслей и идей в сущности не так уж много, и появление любой принципиально новой идеи грозит началом целого поворота в развитии общества или новым стилевым направлением в искусстве — жизненно важно не терять такого рода информацию. Для этого культурой выработаны специальные информационные механизмы, предназначенные для фиксации и хранения знаний и идей. Их работа подспудна, и для того чтобы какая-то оригинальная, но забытая идея появилась на поверхности практического применения, видимо, необходимо время для созревания соответствующих благоприятных условий. И тогда идея начинает действовать не как предложенная конкретно в виде готового решения определенной проектной ситуации и каким-то автором, а изнутри идеологического комплекса профессии, из профессионально-исторического знания.

26 Появившись вначале как плод творческого озарения или размышления у одного человека или группы единомышленников в виде проекта, концепции, она заявляет о себе как о некоем индивидуальном творческом переосмыслении архитектурно-градостроительной проблемы и предлагает новое ее понимание-видение и, что очень важно, несет некий смысловой интерпретационный потенциал, сила которого оценится временем. Конкретное проектное разрешение проблемы не всегда видится наилучшим для современников в силу различных причин — нереальности воплощения, существования некоторой инерции практического мышления и довольно часто не принимается. Тем не менее всегда срабатывает культурный механизм, который включает эту идею в профессиональный фонд, где она в зависимости от ее смыслового интерпретационного потенциала может постепенно обретать свойства некоего принципа или подхода, который может иметь шансы влиять на прак-

тическую архитектуру иногда долгие годы.

Для того чтобы проиллюстрировать рассуждения, вернемся к упомянутым проектам конкурса на идею развития Москвы. Идея звездчатой планировочной структуры легла в основу дальнейшей разработки Генерального плана Москвы и до сих пор верой и правдой служит нуждам разрастающегося огромного города. Последующие разработки генеральных планов Москвы принимали ее как базисную, внося частичные изменения в соответствии с новыми показателями развития городских систем и новыми потребностями. Профессионально-идеологические акценты внимания градостроителей сместились с глобального уровня проблемы выбора принципиальной планировочной схемы города на уровень отдельных его элементов — исторического центра, жилых районов, различных систем обеспечения нормальной жизнедеятельности города — транспортной, культурно-бытовой, экологической и других.

Концепция Ладовского органично вошла в то теоретическое направление в градостроительстве, которое разрабатывало идею линейного развития поселений и впоследствии проявилась во множестве проектных разработок как советских архитекторов, так и зарубежных. Ее влияние без труда можно проследить в идее динамического развития плана Парижа — «динаполисе». Если мы обратимся к множеству послевоенных генеральных планов новых советских городов (Шелехов, Тайшет, Лисаковск и другие), то анализ позволит увидеть, что их композиционные принципы в сущности являются отражением и развитием двух теоретических схем — линейной динамической планировки (один из принципиальных вариантов которой и есть парабола Ладовского, когда развитие направляется в каком-либо выбранном направлении), и корбюзийанской схемы города будущего с его функциональными принципами размещения жилья, центра, промышлен-

А. Иванов, Т. Кузембаев. Музей места. 1984
 год «...Музей места, который мы предлага-

ем,— пространство средовой медитации, погружения в исторический контекст...»

ной зоны и зелени как отдельных элементов общей и упорядоченной стройной системы, но где взаимосвязь, увы, провозглашена более в проекте, чем в действительности. Практически все современные микрорайоны несут этот отпечаток, выражающийся в отсутствии улицы и центра в привычном их понимании. Улица из богатого в пространственном и смысловом отношении городского элемента обрела убогую однозначность в функции связи магистралей различного ранга. Центр, утратив универсум привычных культурно-исторических и архитектурно-доминантных признаков, обернулся бедными во всех смыслах универсами, иногда кинотеатрами или школами, или комплексами, их всех объединяющими.

28 Что лежало в основе этих прогностических проектов, какая система представлений о городе, и каким способом осуществлялось само предвидение в них? Выяснение характера оснований прогноза и его методов поможет понять особенности самого видения авторов их «картины мира», сквозь призму которой были спроецированы на бумагу привлекательные и смелые образы будущего города, генеральные схемы его развития. И сама картина мира, которая трактуется как результат всестороннего познания действительности, детерминированный уровнем развития культуры, науки, техники и искусства, покажет логику предвидения, предложит свои методы и направления поиска, свою систему понятий и представлений о городе, иерархию ценностей.

Обратившись к общим целевым установкам рассмотренных работ, мы можем видеть такие положенные в основу обоснований принципы, как «рациональность», «целесообразность», «упорядочение развития», «функциональность». Проекты отличаются подчеркнутые рациональные схематизации всех сторон жизни города, представленные как определенные функции, а проектное предложение предлагает некую идеаль-

ную модель — композицию, объединяющую эту, казалось бы, неохватную и стихийную городскую жизнь в четко организованную функциональную систему. На первый план выходят проблемы организации транспортными средствами, обеспечение возможностей развития каждой функциональной зоны, их целесобразное сочетание. Аргументация обоснований имеет четкую наукообразную логику. Знание о городе представляет себя в теоретической форме, говорит на языке инженерии, социологии, статистики, экономики. Манера подачи проектов в своей лаконичности близка по форме к диаграммам, таблицам, и даже в заголовке названий проектных предложений вынесено слово «схема».

Все это позволяет отнести систему представлений о городе, лежащую в основе проектов, к научной картине мира (или более предметно, к «функциональной картине» города), что определило логику поисков образа города будущего, логику, позволившую выстраивать грандиозные градостроительные системы, комбинируя и экспериментируя с небольшим комплектом составляющих градостроительных элементов (жилье, центр, промышленность, транспорт, зелень, отдых, быт), собирая их в идеальные пространственные композиции, которые были полны воздуха, залиты светом и озарены культом чистого пространства.

Существенным моментом картины города у архитекторов того времени был момент их понимания таких категорий, как «пространство» и «время». Эти универсальные понятия могут доминировать одно над другим, пониматься объективно, физически или переживаться, восприниматься или переживаться, эмоционально. Время может быть воспринимаемо линейно, в рамках каузальных связей, и может быть переживаемо, «деформировано», «концентрируемо», «остановлено» или «растянуто». Ценностные ориентации, теоретические манифесты, концептуальные программы могут изменять и провозглашать раз-

личные понимания этих понятий и представлять идеалом как чистые, освобожденные пространственные формы от посторонних наслоений, смыслов. Или, наоборот, насытить формы городских элементов историческим временем, чувственно переживаемым в культурно-историческом богатстве форм, пространственных метафор и цитат. Различное понимание и отношение к пространству и времени определяется структурой доминирующей картины мира в данное время.

В рассмотренных проектах пространство не переживалось, а анализировалось, понимание его было рационально и достигалось в исследовании физиологических и психологических закономерностей восприятия пространственных отношений. Категория времени, если она присутствовала, существовала только в физической, объективной форме — как единица измерения пешеходной или транспортной доступности, например. Знание о будущем получалось путем смелого прямого переноса — экстраполяции существующих, а иногда только еще желаемых тенденций развития. Научная картина мира определяла подходы к пониманию городского пространства и предлагала рационализированное видение проектируемой среды и специфические средства и методы, выработанные в различных областях научного знания и заимствованные теорией архитектуры, в том числе и прогностической архитектурой.

В 80-е годы мы видим крутое изменение видения города, выросшее на иных основаниях, представлениях о городской жизнедеятельности и иной иерархии профессиональных ценностей. Привычная система описания и представления городской среды в рамках естественнонаучных оснований не способна вместить многообразное содержание нового понимания города. Здесь не ставится задача хронологически проследить появление и эволюцию нового видения в архитектуре последних десятилетий, реконструировать

исторически весь процесс появления новой профессиональной идеологии на фоне широкого показа тщетных попыток профессиональных институтов градостроительного проектирования преодолеть невозможность смоделировать городскую жизнедеятельность до умения управлять ею только бы на 10—15 лет вперед, невозможность проникнуть в синтетическое целостное понимание сущности города, не выходя из традиционных рационализированных рамок физической картины города, сконструированной на причинных основаниях. Мы пытаемся определить только существо нового видения, справедливо соотнеся его с новой архитектурой грядущего будущего и с будущим Москвы в частности.

Существующая ситуация в профессии, когда в ней отсутствуют профессиональные институты, где развито проектное мышление художественно-образного типа, отсутствие развитой системы поощрения такого типа мышления вылились в широкую популярность так называемых концептуальных конкурсов, конкурсов на проектную идею. Эта волна несла с собой острое выражение новой идеологии в профессии, иное понимание разрешения городских проблем, иной необычный графический и вербальный язык, рассказывающий о другом загадочном лице города, скрытом под непроницаемыми масками транспортных, демографических, статистических, экономических и прочих описаний, на почве которых градостроительная теория пыталась предвидеть его истинное лицо. Видение и знание о городе, получаемое таким образом, было личностным, переживаемым и позволяло выражать индивидуальную позицию автора, авторская воля не сковывалась жесткими ограничениями логических оснований и могла опираться на чувственно-эмоциональное постижение городских реалий, эстетическое переживание, субъективное настроение и обыденный опыт, историческую многозначность и мифопоэтическое восприятие. Такой способ постиже-

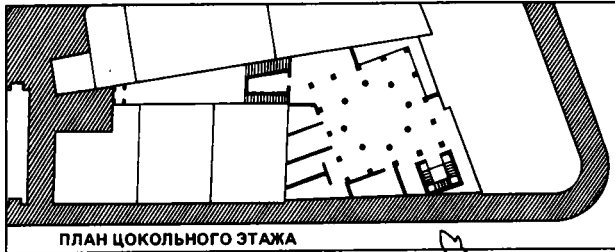
ния городской действительности позволил избежать разрушения целостности видения города или его фрагментов, что неизменно отсутствовало в аналитических методах изучения городских систем. Этот тип проектирования можно определить как деятельность по созданию архитектурного проекта в ходе развернутой художественно-исторической интерпретации проектной идеи. Наиболее емким понятием, позволяющим выделить этот тип проектных поисков из сферы проектной деятельности, чтобы уяснить его место в общей структуре профессионального знания, может быть понятие «фикциональной архитектуры» (в оппозиции к «функциональной архитектуре»), которое способно объединить множество разобщенных факторов содержанием в себе общих особенностей данного круга явлений. Слово «фикциональный» удобно тем, что оно неоднозначно, одно из его значений — «вымышленный, выдуманный» (английское — *fiction*), другое — «несуществующий, фикция», и общий смысл объединяется в некую «литературную, художественную вымышленность». И действительно, во многих проектах мы узнаем множество приемов и форм, привлеченных из других видов искусств, увидеть которые можно яснее всего, если проанализировать их с точки зрения нового понимания тех же категорий — пространства и времени.

Понимание пространства перестало быть физическим и рациональным, а наполнилось многообразием культурных и исторических значений, привлекаемых различными путями — от цитаты, скрытой во внутренней структуре объекта, прямого гротескного повторения-рифмы до пластической метафоры, еле уловимой литературной ассоциации. Оно становится необъяснимым логически, трудноуловимым и существующим субъективно, перестав «ловиться» в привычные физические параметры и характеристики. Пространство перестало быть застывшим в однотонно звучащей идеальной простран-

венной композиции, оно ожило, заговорило историческим языком, стало звучащим аккордом, вплетенным в уникальный пространственный и материально-культурный контекст, но аккордом не заключительным, а продолжающим звучание нескончаемой переменчивой городской среды.

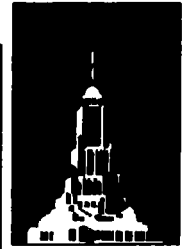
Время ворвалось в пространственное искусство архитектуры в 80-х годах в конкурсах на идею (поисковое проектирование). Авторы пытаются оперировать временной категорией, вводят временную последовательность пространственных событий, используя средства коллажа, языка, комиксов, монтажа, мультипликации. Время в проектах не однонаправленно, оно переживается целостно, с глубоким погружением в его историко-пространственное течение, охватывая прошлое, настоящее и будущее в синтетическом понимании города, духа места, души пространства. Именно здесь постижение будущего предстает в форме «воспоминаний о будущем», где логическим вырезанием отдельных срезов прошлого, настоящего или будущего мы можем только разрушить парадоксальную целостность художественной, фикциональной картины города, видения времени (включающее в себя и будущее), объединяющего и сплавляющего многочисленные компоненты городской культуры в живом историческом движении.

Иллюстрацией сказанного будет обращение к нескольким проектам концептуального конкурса, проведенного в 1984 году Союзом архитекторов СССР совместно с молодежной комиссией Московской организации Союза архитекторов СССР (МОСА). Объектом проектирования была историческая часть Москвы (Кропоткинская улица, участок между первым и вторым домом от бульвара). Участникам была предложена проблема малого строительства в исторически сложившейся среде. Специфика выражения проектной идеи авторов не требует специаль-

ПЛАН ЦОКОЛЬНОГО ЭТАЖА

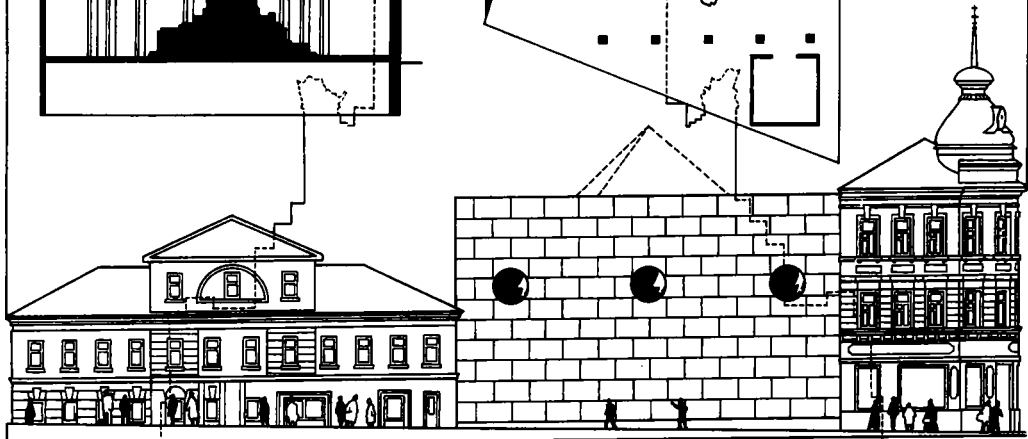
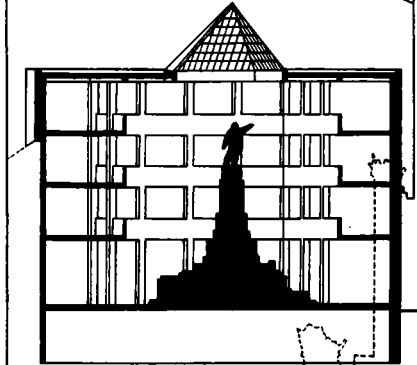
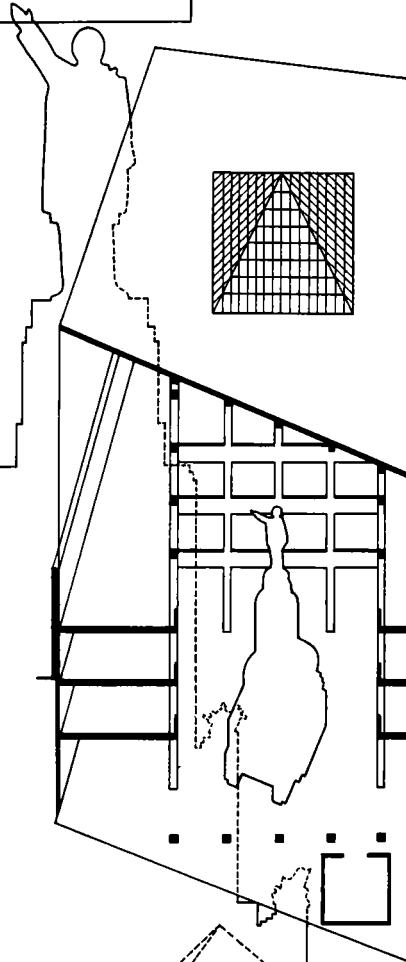
МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ «ДВОРЕЦ СОВЕТОВ»

КАРТИНЫ ГОРОДА. В ПОИСКАХ БУДУЩЕГО

ПЛАН ПЕРВОГО ЭТАЖА

31

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В. Воронов, А. Игнатъев, Д. Петров. Мемориальный музей «Дворец Советов». 1984 год. «Эпопея создания Дворца Советов, величай-

шего здания в истории советской архитектуры, не должна быть забыта...»

ного комментария, усложненность графического языка проектов компенсируется пояснением вербальной части проектов, которая здесь и приводится. Первый проект — Музей места (авторы А. Иванов, Т. Куземаев). «Рядовой разрыв фронта здания в начале Кропоткинской улицы может стать пищей для постижения впечатлений, получаемых нами в контакте с городской средой, входом в особый мир мифологии места. Музей места, который мы вам предлагаем, — пространства средовой медитации, погружения в исторический контекст. Музей места — музей чувств, вызываемых этим местом. Пространства, посвященные каждому из чувств, могут посещаться порознь или все вместе, в определенной последовательности или без нее. Все соединяет «след» древнего ручья Чертоный — галерея истории места. И постепенно отрывочные впечатления вновь собираются в одно — в любовь к месту». Другой проект — мемориальный музей Дворец Советов (авторы В. Воронов, А. Игнатъев, Д. Петров). «Эпопея создания Дворца Советов, величайшего здания в истории советской архитектуры, не должна быть забыта. Наш музей является как бы монументом Дворцу

Советов. В музее экспонируются модель Дворца Советов в одну двадцатую натуральной величины и материалы конкурсов. Помещение музея используется и как выставочный зал. Фасад музея украшен бюстами архитекторов проектов Дворца Советов — Б. Иофана, В. Гельфрейха, В. Шуко». И, наконец, третий проект — Гостиная для прохожего (авторы Б. Левянт, И. Шалмин, С. Лобачев). «Гостиная для прохожего: на пересечении двух качеств рождается третье, истинное и мнимое слилось в одно целое, прохожий, загляни в себя и пойми, что ты хозяин этого места».

* * *

Что более обращено к будущему Москвы? Застывшие утопии, идеальные схемы будущего развития городов — от генпланов до утопических проектов или художественные, фикциональные видения, образы и необъяснимые фантазии, выражающие чувствования времени, пытающиеся поймать не застывшие идеальные формы, но течение, изменение времени, процесс, мимолетность его, пытающиеся погрузиться и утонуть в прошлом (будущем)?

МОСКОВСКИЕ ЛАНДШАФТЫ

Смолицкая Т. А., кандидат архитектуры

Наверное, за все 50 с лишним лет интенсивной реконструкции Москвы не появилось в нашей печати столько писем, статей, полемических заметок о проблемах московского градостроительного колорита, сколько за последние несколько лет. В этой связи велик интерес и к ландшафту столицы. В Комиссии по охране природы Московской писательской организации обсуждался вопрос, касающийся состояния лесопарков Москвы (в Доме литераторов собралась вся заинтересованная общественность). Говорили о проблемах парков бассейна

Яузы, об Измайловском парке, Лосином острове, о парках Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева, Коломенского и др. Предлагали сохранить лес «Алешкино», восстановить историко-ландшафтный памятник на Поклонной горе, предотвратить строительство третьего транспортного кольца, которое повлечет за собой гибель Лефортова, и т. п. Обсуждали, что такое культура в «парке культуры и отдыха». Ограничена ли она теми бытовыми сооружениями, которые заполнили старые парки Москвы. А может быть культура в парке — это сохранение природы?

Именно здесь скрыто многообразие и исключение монополии какого-то одного творческого почерка?

Вопрос этот очень важный, особенно в нынешних условиях интенсивного освоения новых районов столицы. Как создать духовно богатую индивидуальную среду в индустриальном районе — насущная проблема конца XX века. Отдельные попытки уже делаются нашими зодчими в плане сохранения и включения природных ландшафтов в структуру новых жилых районов, что приводит к позитивным композиционным решениям.

Так, в Ивановском очень выразительно цепью башен выделен высотный хребет, соединяющий центр с парком. В Вешняках-Владычине сохранены крупные деревья ценных пород (дубы, липы). Застройка решена с учетом раскрытия широких перспектив в сторону парка. Сохранено ощущение идеи «переливания» пространства из одной группы жилых домов в другую в результате свободной компоновки зданий.

Пространственная структура Ясенева напоминает старые русские города естественностью наложения планировочной схемы на живописный рельеф. Сложно и пластично разработаны по силуэту и связи с природным окружением комплексы жилых домов Нагатинской поймы.

Вместе с тем часто встречаются решения, когда целиком или частично выравняется рельеф, нецелесообразно используются всхолмленные участки. Например, в Чертанове проектом предусмотрено создание акцентов жилых домов (до 30 этажей) на возвышенных местах. Однако в процессе строительства этажность домов была снижена до 12 и контраста с 9-этажной фоновой застройкой не получилось. Силуэт района оказался вялым и монотонным.

Недостаточно эффективно используются визуальные качества долины Москвы-реки. В Строгине по периметру района поставлены многоэтажные вытянутые дома таким об-

разом, что нарушена характерная для древнерусского города визуальная связь внутригородских пространств с заречными далями.

Подчас дает себя знать низкая градостроительная культура, подмена нового и специфического творческого процесса формирования гармонической градостроительной среды механической привязкой к ландшафту отдельных типовых проектов зданий и сооружений на основе примитивных и шаблонных решений штучной застройки.

Остается много непродуманного и в озеленении города. Из-за недостаточного умелого использования выделяемых на эти нужды средств в управлениях капитальным строительством скапливаются крупные суммы, не освоенные строителями. Конечно, в Мосгорисполкоме принимаются полезные и нужные для улучшения озеленения решения, но, к сожалению, до сих пор многие из них остаются на бумаге.

Печальна судьба заложенных и начатых строительством в 50—60-е годы парков Дружбы, имени XXII партсъезда, 50-летия Советской власти, парка Победы и многих других, которые до настоящего времени остаются «полуфабрикатами», хотя им уже по 15—25 лет. Их территории постоянно уменьшаются за счет размещения посторонних объектов. И это несмотря на то, что в увеличении зеленых массивов нуждается около третьей части новых районов (в новостройках проживает 70% всего населения Москвы). Темпы развития озеленения столицы продолжают отставать от предусмотренных Генеральным планом и Генеральной схемой примерно в 10 раз.

Не менее сложно положение с существующими фруктовыми садами, на территории которых вырастают новые кварталы. Так, в жилом массиве Отрадное вырублено огромное число деревьев. И вместо «зеленого сада», как предполагали проектировщики, просторные дворы заполняют либо неухоженные пространства, либо чахлые посадки.

Крайне скудное решение пластики архитектуры земли и бедный ассортимент проектов малых форм, отсутствие четкой организационной и творческой связи архитекторов с дендрологами, дизайнерами, скульпторами и художниками не может обещать массовой застройке полноценных индивидуальных архитектурно-планировочных решений, выполненных на высоком художественном уровне.

Формирование комплексной жилой среды, т. е. не только жилых зданий, но и их ближайшего окружения, — одна из самых острых проблем современного градостроительства и архитектуры. Преобразованные природные элементы (рельеф местности, водоемы, растительность), видоизменяясь во времени, создают новый ландшафт. Задача исследователей — выявить исторически сложившийся и наиболее устойчивый природно-градостроительный «скелет», сохранность которого обеспечит дальнейшее функционирование развивающихся на его основе градостроительных комплексов, имеющих индивидуальную структуру и своеобразное пространственное выражение.

34

Система средств архитектурной композиции при решении жилой среды этих новых образований должна быть подвижной, изменяться и развиваться, ассимилируя новое и связывая его с наследием прошлого. Новым качеством станет гармоническое и целостное развитие среды, учитывающее ее многообразие и морфологические изменения.

Завершение объемно-пространственной композиции районов массовой жилой застройки в черте Московской кольцевой автодороги (МКАД) должно осуществляться на стадиях технико-экономических обоснований и генерального плана города. Именно на этой стадии формулируется и разрабатывается генеральная идея композиции города и его отдельных районов с учетом существующего ландшафта, проводятся исследования его экспозиционных осо-

бенностей и характеристик, выявляются площадки для размещения главных акцентов и второстепенной, фоновой застройки.

К таким площадкам должны быть отнесены:

наиболее высокие участки с потенциальными условиями для постановки крупных архитектурных доминант, территории с менее выразительным рельефом, низинные поверхности;

участки с выраженной вертикальной расчлененностью, формирующей видовые площадки и панорамные зоны, имеющие значение для построения и восприятия объемно-пространственной композиции в целом или фрагментов;

трассы и зоны обзора вдоль рек и водоемов, обладающие лучшими экспозиционными качествами;

площадки и склоны с благоприятными условиями освещенности;

природные доминанты, подлежащие сохранению и включению в структуру массовой застройки (отдельные деревья или их группы; участки различных долин независимо от условий обзора, малые реки и ручьи, пруды и озера, холмы и балки).

Настало время, когда на генеральный план города должны быть наложены отметки границ «касания» застройки отдельных районов с зеленой зоной, так называемые внешние «контактные зоны», учитывающие эколого-культурную и эстетическую значимость территории. Необходимо возобновить заказы на планировку набережных, застройку вдоль бульваров, площадей-входов в парки, жилой среды вдоль парковых дорог или по берегам прудов.

Пространственная структура зеленой зоны в зависимости от рельефа может быть организована как непрерывная мизансцена с крупным планом и панорамой, включающей самые отдаленные точки. Такие возможности имеются у ландшафтного парка в Крылатском, расположенном в условиях сильно пересеченной местности, столь характерной для облика

Москвы. На границе застройки и зеленой зоны должны быть созданы «окна-просветы». Появление на границе с зеленой зоной застройки пониженной этажности, сооружений усложненной формы, детских городков, отделенных от пешеходной аллеи, например, входной аркой, декоративной стенкой или перголой,— безусловно, будет способствовать созданию гармоничного пространства с растительной доминантой.

Очевидно, что при планировке нового района нельзя принимать за основу системы озеленения исторический парк, как, например, в Ивановском. В пределах исторических ландшафтов могут находиться только прогулочные маршруты, для всех иных видов отдыха целесообразно создавать специализированные зоны в непосредственной близости от охраняемого ландшафта. Такая зона уже существует в парке на Борисовских прудах, в стороне от Царицынского ансамбля. На ее территории сооружаются сезонные аттракционы. На празднике русской зимы лепят снежные скульптуры, заливают горки. Этот праздник пользуется большой популярностью у москвичей. Может быть, следует подумать о том, чтобы организовать искусственный ландшафт на этих территориях и усложнить их использование. А перед входом в парк предусмотреть транспортную площадь, обязательно сомасштабную исторической среде района.

Очень важно особенно внимательно отнестись к формированию окружения парка-заповедника, как правило, расположенного в районе массовой застройки. Учитывая, что структура исторического ландшафта основана на пропорциональных отношениях между природой и архитектурой, необходимо избегать гипертрофии размеров зданий и сооружений, улиц и площадей, прилегающих к парку. Особо бережное отношение к памятнику-парку поможет предотвратить превращение его в микро-районный сад.

Не менее ценны для облика

Москвы исторические ландшафты вдоль Москвы-реки, ее притоков, озер и прудов. Эффективное использование реки наблюдается в застройке района Марьино. Кварталы запроектированы вдоль водной артерии, повторяя красивую излучину. На Москву-реку раскрыты ритмично расположенные зеленые выходы из центра района и его отдельных кварталов. Набережная застраивается 16—22-этажными домами, акцентирующими мощный природный фактор. Интересен прием развития водного зеркала внутрь квартала от реки. В Марьино построена система прудов-отстойников. Вокруг них раскинулся центр жилого района и зеленые бульвары, разделяющие застройку кварталов. Такая сложная сеть водных поверхностей, инженерное освоение которых отличается крайней трудностью, предполагает живописную картину организованных пространств.

Важно выделить критерий визуальной доступности, т. е. определить возможность просматривания реки и прибрежной застройки с удаленных от берега точек. Добиться такой доступности можно различными пространственно-планировочными приемами: организацией сквозных путей-коридоров и бульваров между смежными жилыми комплексами; системой «зеленых карманов», ориентированных на реку; применением кулисных раскрытий застройки в глубину ландшафта; использованием комплексов высотных сооружений, расположенных у выходов к реке; созданием фона из жилых зданий повышенной этажности для выявления малоэтажного общественного центра на берегу.

Особого благоустройства требуют берега малых рек и водоемов (в районе Косино, например, озера Святое, Белое, Черное). Всеобщее увлечение бетонным покрытием с угрюмо-серой асфальтовой отмосткой и чахлым газоном вокруг, к сожалению, столь обычное, лишь разрушает композиционное единство пространства, а кроме того, нару-

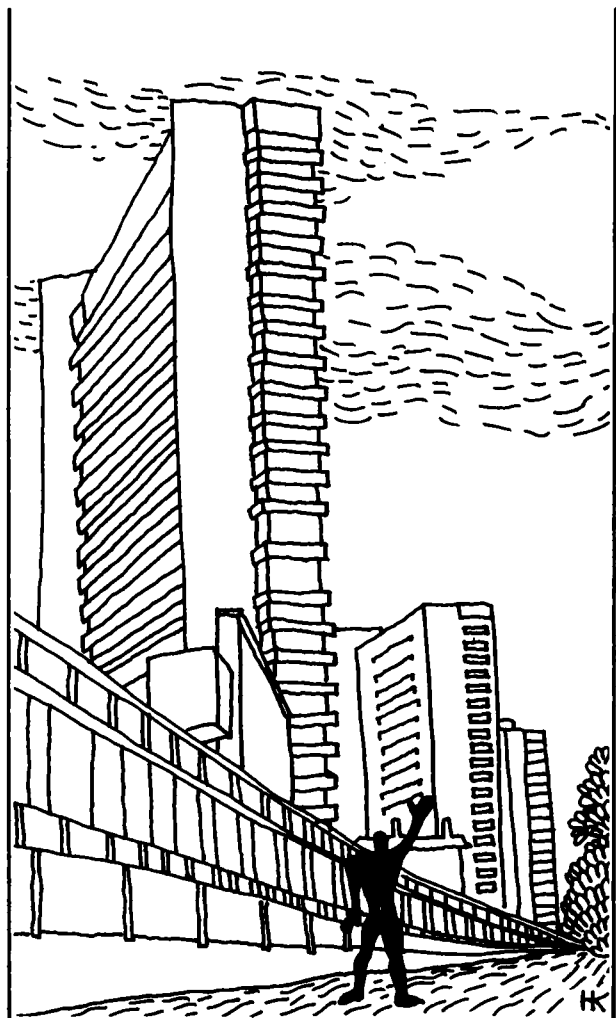
шает биологическую взаимосвязь между прибрежной флорой и фауной. Дорожки, замощенные плитами (лучше двухцветными), вживаются в зелень лучше, их рисунок помогает раскрыть идею организации пространства, а сопоставление крупных и мелких плит подчеркивает масштабность всей планировочной композиции.

Выше были затронуты лишь некоторые вопросы участия ландшафта в формировании планировочных основ районов массовой застройки. Но совершенно ясно, что новые районы столицы могут полнокровно жить и развиваться только тогда, когда в них будет сосуществовать старое и новое — памятники различных периодов, непохожие, даже контрастные друг другу, так же как и фрагменты исторических ландшафтов, ставшие памятными знаками данной эпохи. Новое строительство правомерно только в том случае, если оно согласуется с генетикой города.

В этой связи встает проблема комплексной реконструкции Москвы, каждый участок которой имеет свою историю и градостроительную культуру, в отличие от массовой застройки новых безликих районов. Поэ-

тому для исторической зоны современность — уместность вхождения нового в старое, его контекстуальная подчиненность. Эта проблема требует от зодчих не только широты знаний и универсальности, но и этики, осторожности в обращении с работами предшественников, интеллигентности в самом высоком ее понимании, т. е. должен измениться сам стиль градостроительного мышления проектировщиков.

Очевидно, что к такому подходу не подготовлены сегодня ни хозяйственные органы, ни строительная база, ни проектные мастерские. Комплексное проектирование требует формирования комплексных творческих коллективов с привлечением помимо архитекторов историков, социологов, дизайнеров, ландшафтных архитекторов, дендрологов, специалистов по инженерному благоустройству. Должен быть четко отработан эталон проекта комплексной реконструкции города на всех этапах развития с учетом обширной территории Москвы с ее разнообразными историческими ландшафтами, которые являются благодатнейшим материалом для создания гармоничной среды.

Город и человек

ПОИСКИ АЛЬТЕРНАТИВ
ГОРОД ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА
ВЕРНУТЬ ГОРОДУ СОЦИАЛЬНУЮ ФУНКЦИЮ
НОВЫЙ РАЙОН: ПРОБЛЕМЫ МИКРОГОРОДА
МОСКОВСКИЙ ДВОР НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ВРЕМЕН
МОСКВА. ЧЕРЕМУШКИ И ДАЛЕЕ ... В XXI ВЕК

ПОИСКИ АЛЬТЕРНАТИВ

Лазарев Г. З., кандидат архитектуры

Не так уж много времени осталось до 1997 года, когда мы будем отмечать 850-летие Москвы. При некоторой условности этой даты как временного этапа в истории развития города она представляет несомненный интерес, так как дает возможность анализа предшествующего периода в ретроспективе, оценки достигнутого и наших размышлений о будущем столицы. Правда, это событие стоит особняком от той напряженной научной, теоретической, а главное, практической работы, проходящей в Москве и связанной с разработкой текущих и перспективных проблем ее развития.

Мы работаем в условиях обманчивой уверенности, что город живет в достаточном соответствии с положениями Генерального плана развития и реконструкции Москвы, утвержденного в 1971 году, срок действия которого истекает в XIII пятилетке.

38 Вместе с тем градостроители, как и специалисты смежных областей, в том числе экономисты, социологи, историки, объективно оценивают фактическое положение дел, видят глубинные противоречия, диспропорции развития городского организма. Парадоксальность ситуации заключается в весьма существенном несопадении градостроительных решений, прогнозов и реального развития Москвы. Это в полной мере относится как к Генеральному плану 1935 года, так и к ныне действующему. Более того, сравнение положительных моментов, результатов, достигнутых в последнее пятидесятилетие в развитии Москвы, и негативных последствий социальных, экологических и градостроительных, далеко не всегда в пользу первых. Это вызывает справедливую критику жителей и гостей столицы, а в последнее время и озабоченность государственных и партийных органов.

В сентябре 1986 года Политбюро ЦК КПСС рассмотрело и одобрило проект Концепции комплексного социально-экономического развития Москвы на период до 2000 года с выделением основных направлений до 2010 года. Было признано целесообразным вести дальнейшую разработку Генерального плана Москвы так, чтобы он в полной мере учитывал нынешние проблемы жизни нашей столицы и отвечал задачам органического единства в развитии Москвы и Московской области. Это тем более важно, что в Генеральных планах 1935 и 1971 годов эти задачи (Москва и область) не нашли должного отражения. Тезис о необходимости «в полной мере учитывать нынешние проблемы жизни нашей столицы» представляется фундаментальным, но он требует детальной разработки и конкретизации, формулирования целей и задач дальнейшего развития и реконструкции Москвы.

Город — это не только совокупность архитектурных, эстетических, функциональных и инженерно-технических проблем, но и проблем социально-экономических, решать которые возможно только на общегосударственном уровне.

Тезис «не человек для города, а город для человека» предусматривает создание всех необходимых условий для эффективного проявления человека во всех сферах жизнедеятельности, с наименьшим количеством неизбежных противоречий и препятствий, для формирования оптимальных взаимоотношений человека с городской средой и ее элементами, и, как совокупный результат, для гармоничного развития личности.

В. И. Ленин отмечал, «что социализм таит в себе гигантские силы и что человечество перешло теперь к новой, несущей необыкновенно блес-

тящие возможности стадии развития»¹. Эти слова в полной мере относятся к градостроительству. Новое время требует и новых представлений о сущности и путях развития архитектуры и градостроительства в условиях социалистического общества, качественно нового понимания и оценки изменений в производственных, моральных, этических нормах поведения человека, в его взаимоотношениях с окружающей средой.

Сейчас архитекторам предоставлены широкие возможности не только в теоретическом, но и в практическом плане по преобразованию и развитию Москвы, применению на практике достижений современной науки и техники в области градостроительства.

Здесь важно отметить тесную связь социально-экономических и пространственно-территориальных аспектов в развитии города. Социально-экономические проблемы, по мнению автора, являются первичными, поскольку они могут быть вариантно реализованы в пространстве. В подтверждение этому рассмотрим три варианта территориального развития Москвы.

Первый вариант — максимализация потенциала города, в первую очередь народнохозяйственного, что неизбежно приведет к расширению территории, к концепции города-гиганта с населением в обозримом будущем до 15—20 млн человек.

Второй вариант — структурное изменение народнохозяйственного потенциала в связи с концепцией максимальной стабилизации и ограничения развития города в сложившихся границах, а в дальнейшем и сокращения численности населения до 7—7,5 млн, т. е. в пределах, обеспечивающих оптимальные условия жизни населения на имеющейся территории, условно в пределах Московской кольцевой автодороги (МКАД).

Третий вариант — оптимизация сложившегося городского организма с ограничением развития народнохозяйственного комплекса, ограничением, но не прекращением территориального роста и численности населения.

Собственно говоря, именно в рамках третьего варианта и происходят сейчас поиски возможных путей перспективного развития Москвы, что ограничивает возможность нахождения альтернатив.

Тому есть ряд причин. Главная из них заключается в общей непроработанности проблем социально-экономического развития страны и центрального экономического региона, в связи с чем на протяжении многих лет не удается доказательно определить место и роль Москвы и московской градостроительной системы в более крупных системах. До настоящего времени определение параметров экономического развития, структуры комплекса идет в основном от достигнутого, без внесения качественных изменений, практически в рамках сложившихся представлений. Расширение экономического прогнозирования за счет включения понятия «социальное» существо дела не меняет. Это связано с тем, что в настоящее время градостроители не имеют стратегической программы социального развития общества, которая по своим целям и задачам могла бы быть непосредственно реализуема в составе Генерального плана города. Практически этот раздел наиболее слабое место в градостроительном прогнозировании. Он невольно подменяется перечнем показателей, характеризующих достигаемый уровень обеспеченности в тех или иных сферах жизнедеятельности или уровнями удовлетворения потребностей населения. Эти показатели необходимы, но они не отражают всей сложности городского образа жизни. Более того, конструирование некоего идеального конечного (по этапу) состояния этих уровней создает иллюзию решения социальных проблем города, но не

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 402.

дает уверенности, что именно это нужно городскому сообществу.

Таким образом, при разработке нового Генерального плана Москвы на следующий расчетный срок обязательны как программа экономического, так и социального развития, которые выступают основой социально-территориального прогнозирования развития города и области в их единстве, даже если это повлечет за собой необходимость в создании новых хозяйственных и административных структур.

Город — это определенным образом пространственно организованная среда обитания и жизнедеятельности людей, находящихся в известных социально-экономических взаимоотношениях. Отношение к городу, его содержание, структура и образ зависят и отражают уровни социально-экономического развития общества.

Если говорить о социальных аспектах градостроительства и попытаться обратиться к их истокам, то мы увидим, что еще в глубокой древности Платон обращал внимание на социальный состав жителей греческих полисов. Аристотель в своих трудах рассуждал о взаимосвязи формы правления и организации жизни города. Гипподам выделял в городском населении три класса (ремесленников, земледельцев, воинов) и членил территорию города на три части (священную, общественную и частную).

Гораздо позднее, в средние века, утописты, рассуждая об идеальном городе, выдвигали положения о необходимости учета образа жизни горожан, ее социальной организации, рассматривали город как жизненную среду, особенно в области распределения благ и их потребления.

Так называемая Мюнстерская коллизия (XVI век) в своем представлении об идеальном городе (Новый Иерусалим) предусматривала коллективный труд, обучение взрослого населения, заботу о бедных, организацию общественного питания; Томас Мор (XVI век) в своей книге «Остров Утопия» говорил об обоб-

ществлении функций и общественном обслуживании, Андреа (XVIII век) пытался в своем городе Христианополисе решить социальную проблему жилища, формируя квартиру из трех комнат, ванной, спальни, кухни, балкона и сада. Роберт Оуэн (XIX век) в своих жилых коммунах предлагал объединить промышленный и сельский труд, ликвидировав тем самым противоречие между городом и деревней. Фурье (XIX век) рассматривал свои фаланстеры как единицу деления (организации) общества.

Эти примеры отнюдь не означают, что социально-экономические проблемы занимали существенное место в практической градостроительной деятельности в предыдущие периоды.

Более того, в силу ряда причин градостроители на протяжении тысячелетий в основном рассматривали город как пространственную среду обитания, выдвигая на первый план вопросы композиции, соподчиненности пространства, ансамблевой застройки города. Именно тогда и сформировалось представление о градостроительной деятельности как градостроительном искусстве. Лишь в XX веке, который начался как век функционализма, пространственная структура города стала рассматриваться в первую очередь как проблема функционального зонирования городских территорий, оптимальной архитектурно-пространственной организации. Образ жизни, его специфика, естественно, имелись в виду, но не в качестве отрасли градостроительного знания. Это отношение проявилось в идеальном городе будущего Радинга (1924 г.), образцовом городе Эдвардза (1930 г.), Лучезарном городе Ле Корбюзье, отразилось в положениях Афинской хартии 1933 года.

После второй мировой войны наблюдается все убыстряющийся процесс роста и развития городов, увеличивается не только число городов, в том числе и с многочисленным населением, но и усложняется сама

структура города, возникают новые, ранее неизвестные формы и типы городских поселений: агломерации, мегаполисы, конурбации. Это потребовало еще одного изменения отношения к существу и содержанию градостроительной деятельности, теоретическому осмыслению новых условий, факторов и закономерностей, влияющих на развитие города и обуславливающих это развитие.

Здесь можно было бы напомнить о градостроительных концепциях Доксиадиса, Кендзо Танге и других архитекторов, о теории урбанизации, которая предусматривает не только рост и распространение городских поселений, рост численности городского населения, но и, что особенно важно, распространение и развитие городской культуры, городского образа жизни, социально-экономических отношений в обществе, которые наиболее ярко и полно проявляются именно в городе и особенно в крупнейшем.

На Западе одна за другой возникают своего рода школы, создаются научно-исследовательские центры, издаются специальные работы по городской социологии.

Советские исследователи также занимаются проблемами социологии, в том числе социально-демографическими вопросами, формами и характеристиками жизнедеятельности, проблемами личности, семьи, общества, различными аспектами взаимоотношений, возникающих в обществе, и т. д. За последние 20 лет появилось немало работ, посвященных различным исследованиям в области социологии, в той или иной мере касающихся процессов, происходящих в городском сообществе, в городской среде, в сфере градостроительной деятельности.

Общим в исследованиях по социологии социалистического города является то, что результаты градостроительной деятельности представляют собой материальную архитектурно-пространственную среду, в рамках которой протекает жизнь общества. Соответствие среды и со-

циального содержания обеспечивает гармоническое развитие общества.

Объективной необходимостью стало сближение, а в известных рамках и слияние градостроительной науки и практики с науками об обществе и человеке. Эти проблемы могут быть решены и решаются новой прикладной областью социального знания — градостроительной социологией. Она призвана выявить точки соприкосновения специальных и фундаментальных наук на теоретическом и практическом уровнях, вооружить проектировщиков, градостроителей новыми дополнительными знаниями, методами, рекомендациями, применяя которые, мы сможем более доказательно и объективно судить о развитии города, его будущем.

При этом важно учесть, что задача состоит не в разработке единого однотипного социального и градостроительного стандарта, применяемого для всех случаев жизни (своего рода универсальная социальная модель оптимального города), или в разработке социальных единиц (по месту проживания, работы, общения), которые в своей совокупности могут дать представление о городе только как сумме этих элементов, но не целостном организме. Эти исследования важны, но главное в том, чтобы совершенствовать методiku и социальную обоснованность градостроительного прогнозирования и проектирования, управления реализацией принятых решений с учетом реальных условий развития и обоснования определенных социально-экономических установок развития.

Город в специфической форме реализует общественно значимые идеи в области расселения, размещения трудовых и производственных ресурсов, социального и культурного развития общества, совершенствования его социальной, политической и экономической структуры. Градостроительство и градостроительное проектирование в частности в данном контексте выступают суммой технологических средств, обеспечи-

вающих решение и достижение поставленных обществом задач в рамках достигнутых и перспективных возможностей общества и государства.

На каждом этапе своего развития социалистическое общество стремится к тому, чтобы город, его материальная среда наибольшим образом соответствовали социальным идеалам, обеспечивали оптимальный характер жизнедеятельности городского населения. Совокупность социальных и экономических требований, которые предъявляют общество и городское население, как часть его, к городу, рассматриваются как социально-экономические предпосылки функционирования и развития города.

В настоящее время эти проблемы решаются в составе комплексных социально-экономических планов развития города. Планирование социального развития города выступает одним из видов территориального планирования, имеющего целью углубление и обоснование народнохозяйственных планов.

42 Комплексные планы социального развития городов — это качественно новый вид социально-экономического планирования. Эти планы предполагают разработку соответствующих им и обеспечивающих их реализацию градостроительных мероприятий в виде генеральных планов развития городов и поэтому должны предшествовать последним. В настоящее время они не выполняют этой роли, являясь по сути дела дополнением к уже разработанным генеральным планам. Комплексные планы фактически уточняют и расширяют ряд положений, показателей, вводят некоторые новые параметры, характеризующие социально-экономическое развитие города. Эффективность их, в условиях неразработанности системы управления реализацией комплексных планов, недостаточна.

В прогнозах социального и экономического развития городов должны всесторонне учитываться основные

факторы, характеризующие объект, отражаться не только сложившиеся закономерности, но и тенденции изменения социальной жизни на перспективу, причем не изолированно друг от друга, а в их взаимосвязи. Необходима систематизация понятий, унификация показателей, более четкое определение социальных, экономических и других параметров развития города, интерпретация понятий различных научных дисциплин (социология, философия, экономика, география и т. д.), чтобы привести их в соответствие с языком и понятиями градостроительства. Планы социального развития городов в настоящее время составляются на ограниченный период от 5 до 15 лет. Обоснованное определение соответствующих социальных и других параметров развития города на конкретный период возможно лишь при достаточно точном и полном представлении о закономерностях развития всей совокупности социальных процессов, протекающих в городе, на более отдаленную перспективу.

Решение этих вопросов позволит повысить эффективность градостроительных планов, в частности, генерального плана развития города. Как показывает опыт, при расчетном сроке 25—30 лет практическая пригодность принятых проектных предложений не превышает 10—15 лет. Это требует или корректировки положений генерального плана при его начальной жесткости, или более гибкой структуры проектного документа и его показателей. Подобные моменты весьма существенны и должны быть учтены как при разработке самого генерального плана, так и при определении системы управления его реализацией.

Практика советского градостроительства последних лет показала необходимость уже сейчас, не дожидаясь окончательного решения всех теоретических и методологических вопросов социального планирования городов, максимально использовать социальную и другую информацию при прогнозировании и планировании

городов на ближайшую и более отдаленную перспективу (25—50 лет). Эта задача может быть определена как разработка социально-экономических предпосылок развития города в рамках градостроительной деятельности.

Социальные предпосылки — это социальные требования, предъявляемые обществом к развитию города и его элементов (городская среда, городской образ жизни, отрасли народного и городского хозяйства и др.). В этом контексте социально-экономические предпосылки выступают в качестве общественно и экономически оправданных целей развития города на определенную перспективу, достижение которых обеспечивается материальными и другими ресурсами государства и общества на данной стадии его развития.

Социальные и экономические процессы, протекающие в городском организме, имеют собственные, отличные друг от друга закономерности и характер, в силу чего, несмотря на общий фундамент (общественный строй), взаимные влияния и связи далеко не всегда прослеживаются с необходимой четкостью и определенностью. Это затрудняет одновременную комплексную разработку социально-экономических предпосылок развития города, особенно в условиях многофакторности явлений.

В связи с этим было бы целесообразным введение известного упрощения в исследовательскую процедуру, при котором на основе анализа социальных процессов, протекающих в городе, и уточнения общих целей социального развития, формулируются социальные задачи, достижение которых желательно к определенному периоду.

Экономические возможности общества, выявленные определенными методами (экстраполяция существующих тенденций с учетом необходимых поправок; долгосрочные народнохозяйственные планы; оценки материальных, природных, людских ресурсов и т. д.), принимаются как ограничивающие факторы, корректи-

рующие параметры социального развития города. Социально-экономические предпосылки являются в данном случае результатом интеграции социальных процессов (по последовательности и объемам решения социальных задач и экономических затрат, по объемам капиталовложений, использованию материальных и других ресурсов) в их тесной взаимосвязи.

В настоящее время формируются территориальные, единые в функциональном отношении, социально-экономические образования, объединяющие в себе всю совокупность производительных сил, все население как в городских, так и в сельских поселениях.

В результате изменений в системе управления, организации производства, в технике распределения и обмена, межселенских связей, в образе жизни город не может восприниматься как обособленное, противостоящее окружению образование. Более того, его функционирование и развитие немислимо вне территориальной социально-экономической единицы, составной частью которой он является.

Таким образом, размывается традиционное понятие города, который по функциональным связям, формам и типам жизнедеятельности населения выходит за рамки жестких административных границ, вызывает необходимость изменения отношения к таким понятиям, как город и пригородная зона. Функциональные границы города в социальном и экономическом плане становятся динамичными, порой трудноуловимыми. Введение понятий «московская агломерация», «московский урбанизированный район» свидетельствует о стремлении проектировщиков и научных работников формализовать этот процесс, уточнить содержание и границы Москвы как объекта градостроительной деятельности.

В силу неразработанности проблемы в градостроительной практике Москвы происходит, в известной мере, допустимое упрощение, при

котором совмещаются территориальные аспекты Московского урбанизированного района с Москвой и ее пригородной зоной, а Московской агломерации с Москвой, городами и городскими поселками лесопаркового защитного пояса (ЛПЗП). При этом остаются открытыми вопросы формирования структуры показателей, которые характеризовали бы существующее и перспективное состояние Московской агломерации и Московского урбанизированного района и обосновывали бы те или иные их пространственные и временные рамки. Поэтому необходимо уточнение понятия Москвы как единого территориального социально-экономического образования, являющегося объектом прогнозирования, а в последующем и перспективных градостроительных разработок; метода и роли резервных территорий, а также ряда городов и городских поселений ЛПЗП, которые по логике развития крупнейшего города неизбежно войдут в это понятие. Выявление закономерностей и определение параметров развития Московского урбанизированного района в Московской агломерации послужат важными социально-экономическими предпосылками, позволяющими более аргументированно приступить к прогнозированию развития Москвы.

44

Москва в составе сложившихся городских территорий в пределах Московской кольцевой автодороги (МКАД), городов и городских поселений, подчиняющихся Мосгорисполкому, резервных территорий и ряда городских поселений ЛПЗП, обладающих развитыми и тесными связями с городом в его существующих границах, может быть определена как ядро Московской агломерации. Рассматривая агломерацию как единое территориальное функционально связанное социально-экономическое образование, мы получим представление о функционально-пространственном поле, в рамках которого прогнозируется перспективное развитие Москвы, произойдет ее терри-

ториальный рост и на определенном этапе, трансформация административных границ.

Введение показателя социально-функциональной интенсивности использования территорий, выражаемого через количество населения, пребывающего на данной территории в ограниченный период времени с различными целями, позволяет обоснованно выделять на территории города и ядра агломерации зоны повышенной социальной активности населения, в том числе зоны ядра общегородского, агломерационных и городских общественных центров, проводить зонирование территории города по степени ее социального потенциала.

Современные требования к городу и его развитию выдвигают ряд проблем, решение которых позволит достигнуть:

единства социально-экономических и юридических границ города на основных этапах его развития;

соответствия структуры управления и объекта управления (город) при обеспечении соответствия системы управления и функционирования городских инфраструктур;

комплексного планирования социально-экономического развития города и формирования системы управления, реально обеспечивающей в рамках своей компетенции реализацию комплексных планов, включая и градостроительные.

Город может быть представлен в виде материально-пространственной и социальной структур. Социальная структура города определяется социальным составом населения, характером социальных отношений, структурой, формами и типами жизнедеятельности городского населения, которые выступают как городской образ жизни.

Разработка социальных программ связана с необходимостью изучения основных социальных процессов, протекающих в городе, выявлением и развитием прогрессивных, преодолением негативных социальных тенденций, описываемых как социаль-

ные характеристики городского образа жизни. Тенденции в развитии образа жизни в значительной степени влияют на градостроительные процессы, т. е. при этом меняются взаимоотношения населения с объектами городской среды, в которой население локализует и реализует те или иные виды деятельности, удовлетворяет те или иные потребности.

Основные социальные характеристики городского образа жизни включают в себя следующие элементы:

увеличение и усложнение видов и форм жизнедеятельности во всех сферах, перераспределение видов деятельности внутри сфер и между ними;

усложнение структуры потребностей, видов и форм их удовлетворения, качественные и количественные изменения структуры потребностей;

разделение в пространстве и времени функциональных сфер жизнедеятельности и совмещение в пространстве и времени различных видов деятельности;

рост социальной и пространственной мобильности населения, его социальной активности, свободы выбора вида и места работы и места жительства, вида и места удовлетворения своих потребностей;

усиление общественной и личностной мотивации в выборе цели, вида и формы деятельности, свободы выбора социальной среды и изменение ее;

формирование стереотипов поведения и социальных групп, отличающихся по сумме стереотипов;

сближение уровней и структуры потребностей, потребления и типов поведения различных социальных групп на основе рационального целесообразного использования потребительских ресурсов общества;

повышение уровня удовлетворения общественно оправданных потребностей во всех сферах жизнедеятельности;

урегулированное необходимое рабочее время, имеющее тенденцию

к стабилизации на данном этапе и к сокращению в последующем, а также планируемое свободное время, имеющее тенденцию к увеличению за счет сокращения нерациональных затрат времени во всех видах бытовой деятельности;

ухудшение демографической ситуации в крупнейших городах, снижение уровня рождаемости и темпов естественного прироста, построение населения города, дезинтеграция семейства и семейных связей, уменьшение средней величины семьи. Уменьшение места и роли соседских связей в общей сумме межличностного и межсемейного общения;

ухудшение условий жизнедеятельности населения, связанное с негативными результатами воздействия города на природную среду, усилением психосоциальной напряженности, увеличением временных затрат на передвижения, несбалансированностью и некомплексностью развития отдельных элементов городских инфраструктур;

повышение роли города как центра материальной и духовной культуры, центра социальной активности, концентрации социальных процессов и в силу этого, усиление функциональных (трудовых, деловых, учебных, бытовых, культурных и др.) связей тяготеющего населения с городом;

повышение уровня требований населения к состоянию и развитию городской среды, ее элементов, развитию и совершенствованию городского образа жизни, к уровню и системе управления развитием города;

усложнение и развитие структуры общения, преобладание формальных контактов над неформальными (внутрисемейными, межсемейными, товарищескими, межличностными), развитие общения внутри социальных групп и социальных институтов, уменьшение доли соседского общения в общей структуре;

общее усложнение и усиление взаимных связей, социальных процессов, протекающих в городе.

Каждый из перечисленных элементов городского образа жизни может

быть описан посредством определенных показателей. Вместе с тем представляется возможным выделение комплексного показателя социальной активности населения, характеризующего степень включенности в городской образ жизни, в ту или иную сферу жизнедеятельности, в тот или иной вид деятельности.

Степень включенности населения, его групп, индивидуумов при этом определяется процентом охвата видами деятельности; частотой обращения к различным видам деятельности, в том числе выражаемой через количество посещений различных функциональных объектов городской среды; временными затратами на ту или иную деятельность; структурой регулярных трудовых и культурно-бытовых связей и характером локализации их на территории города.

Социальная активность населения зависит также от уровня жизни, в частности от уровня материального благосостояния и обеспеченности благами и услугами, предоставляемыми обществом (городом). Различные группы городского населения неравнозначно относятся к городской среде, не одинаково проявляют себя в различных сферах жизнедеятельности, отличаются по уровню социальной активности.

46

Уровень социальной активности различных групп населения характеризуется уровнями информированности, избирательности, психосоциальной и пространственной мобильности, адаптированности к городскому образу жизни и городской среде. Эти уровни определяются социально-профессиональным статусом: родом и характером деятельности, социально-демографическими характеристиками (степень социализации), социально-культурным статусом (степень освоения городской культуры) и т. д.

Выявление структуры, количественных и качественных показателей, характеризующих социальное содержание города, отработка методики их использования в градостроительном проектировании — задача весьма сложная и представляет собой пред-

мет самостоятельного исследования. Однако с введением ряда допущений, ограничивающих условия, ориентировочных значений можно сформулировать некоторое представление о социальных предпосылках прогнозирования перспективного развития города, включающих в себя такие группы параметров, как население, образ жизни, уровень жизни и другие.

Современный подход к разрешению градостроительных проблем, к разработке генерального плана крупнейшего города, каким является Москва, неизбежно приводит к пересмотру традиционных принципов, к критическому анализу предшествующего практического и теоретического опыта, к формированию качественно новой позиции, в краткой форме основные положения которой могут быть выражены в следующем виде.

1. Разработка генерального плана, ориентированная на приоритет народнохозяйственного комплекса, на принцип комплексного сбалансированного функционально-территориального размещения городских инфраструктур, не гарантирует качественных изменений в структуре и характере жизнедеятельности будущего городского образования. В этой ситуации, как показывает анализ разработанных основных направлений социально-экономического развития Москвы на период до 2010 года, социальные проблемы городского общества не получают должной реализации. Они выступают вторичными по отношению к экономическим, функциональным и градостроительным проблемам.

2. Применение принципа развития «от достигнутого» с ориентацией на конечные показатели по этапам при сохранении существующей системы городских инфраструктур, их взаимоотношений и взаимосвязей, действующей системы управления не может дать другого варианта развития, кроме экстенсивного, т. е. количественного роста всех составляющих, включая территорию, население, экономический и другой потенциал. Социальные

проблемы при этом могут частично разрешаться, социальные противоречия смягчаться, затушевываться и нивелироваться.

3. Необходима разработка генерального плана как комплекса мер, которые на базе научно обоснованной стратегии социального развития городского сообщества (части всего общества социалистического государства) обеспечивают условия для развития как самого общества, так и активной творческой и реализующей себя в действии личности.

Генеральный план должен быть ориентирован на приоритет социального комплекса, на принцип определения социально-территориального развития города в единстве и противоречиях Москвы и области.

4. Нормативный подход, устанавливающий конкретные, узкие и не всегда обособленные рамки, регламентация как основа управления должны быть заменены подходом, в основе которого лежит определение и реализация социальных приоритетов путем регулирования совокупности социальных и всех других процессов, протекающих в городском, сложном, многофункциональном организме. Основная цель — обеспечить целенаправленное интенсивное развитие.

5. При определении целей социальных приоритетов, ресурсов и других компонентов развития необходимо разрабатывать механизм управления и реализации. В условиях разви-

тия социалистической демократии должны быть обеспечены условия для самоорганизации, саморегулирования и самоуправления городского общества, городских структур и города в целом. Эти социальные явления могут быть и должны рассматриваться как качественно новый элемент управления, т. е. необходима де бюрократизация системы управления развитием города, реализацией генерального плана.

6. Необходимо обеспечить переход от развития города как самодостаточной закрытой экстенсивно развивающейся системы к открытой интенсивно развивающейся системе, имеющей альтернативные варианты не только стабилизации, но и дезурбанизации города-гиганта.

7. Генеральный план развития Москвы или совместный, объединенный либо согласованный Генеральный план развития Москвы и Московской области (в любом, но желательно все же определенном варианте) не должен и не может рассматриваться как документ или сама программа социального развития городского сообщества. Это лишь градостроительная программа реализации социальных и политических установок. В связи с чем необходима опережающая или параллельная разработка собственно социальной программы (стратегии) или значительное обогащение темы — проект плана социального и экономического развития региона (города).

ГОРОД ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

Коган Л. Б., кандидат архитектуры

«Центр для меня — это родина, а окраины — как другие планеты Солнечной системы... Для одних центр — это престижный район, для любителей «культурных программ», центральных магазинов — удобный, для меня — это продолжение моего существования». Так написала в одной из анкет коренная москвичка, жительница Малой Бронной.

Последние 15 лет в Москве исследуется взаимодействие человека и города. Обследовано более 30 участков города, опрошено около 10 тыс. москвичей и более тысячи жителей Подмосковья. Вопросы анкет охватывали самые разные стороны образа жизни горожан.

Анализ показывает, что ни одна сфера жизни города, ни один его район, ни одна зона не существуют изолированно, не развиваются автоном-

но. Потребности и интересы жителей постоянно растут и расширяются. Одновременно с ними растет и психологическая мобильность москвичей, готовность преодолеть практически любые расстояния в городе (а часто и за его пределами), чтобы эти потребности удовлетворить. Передвижения горожан охватывают практически все пространство города, и чем выше уровень культуры, профессиональной квалификации, тем избирательнее, индивидуальнее становятся маршруты. Это касается и работы, и быта, и досуга. Характерно, что на вопрос: «Что вас связывает с вашими друзьями?» — большинство написало: «Личная привязанность и общие интересы». И лишь 5% — «Живем недалеко друг от друга».

На вопрос: «В каком районе вы хотели бы жить?» более 50% жителей центра выбрали именно этот район, и только десятая часть — новые районы. И это еще раз подтверждает необходимость развития жилых функций в пределах Садового кольца. Жители центра считают более важными не экологические качества района, а чисто городские преимущества. Например, половина опрошенных жителей улицы Горького отметили такую позицию анкеты: «Ценю оживленность центра и особый ритм его жизни».

48

Что же касается тех мест, которые москвичи в анкетах считали «центральными», то оказалось, что далеко не во всех районах даже внутри Садового кольца такие места есть. Среди выделенных, как и следовало ожидать, такие важные центральные участки, как улица Горького (ее отметил примерно каждый пятый москвич), проспект Маркса, традиционные общественно-торговые зоны — Петровка, Кузнецкий мост, Арбат, Сретенка, улицы Пушкинская, Кирова и 25 Октября, проспект Калинина, более тихие жилые Малая Бронная, Герцена и другие.

Таким образом, в представлении жителей Москвы сравнительно небольшое пятно исторического центра еще далеко не исчерпало своих ресурсов. Необходимы реконструкция и

оживление уже существующих «центральных мест», будь то улицы, площади, отдельные точки или объекты, повышение их общегородской роли и притягательности.

Важную роль в развитии Москвы призвана сегодня сыграть срединная зона. Не случайно среди «центральных мест», отмеченных москвичами в анкетах, оказались и те части Кутузовского, Комсомольского, Ленинского, Ленинградского проспектов и проспекта Мира, которые прилегают к Садовому кольцу. Prestиж этой зоны достаточно высок — до 20% опрошенных нами жителей предпочли прилегающие к центру районы.

Как показали наши обследования, обитатели этих районов в своей повседневной жизни меньше стремятся бывать в центре, чем горожане из более удаленных массивов новой застройки, поскольку все необходимое находят у себя в районе. Поэтому срединная зона выполняет роль своеобразного амортизатора, защищающего центральное ядро от чрезмерного давления со стороны удаленных районов города и агломерации. Именно здесь оседает значительная доля их населения. Обследования передвижений жителей таких городов, как Химки, Зеленоград, Солнечногорск, показывают, что многие из них при поездках в Москву не доходят до самого ядра центра, сосредоточиваясь на подступах к Садовому кольцу и именно здесь пользуясь учреждениями обслуживания.

Обеспечение жилых массивов повседневным торгово-бытовым обслуживанием снимает остроту бытовых проблем. Одновременно усиливается ориентация жителей на культурное освоение города, отходит на второй план чисто потребительское, утилитарное отношение к нему. В этом плане Орехово-Борисово и Ясенево проходят сегодня ту стадию адаптации «созревания», на которой район Химки-Ховрино находился примерно пятнадцать лет назад. Естественно, что этот процесс можно ускорить, если более быстрыми темпами использовать имеющиеся территориальные и

функциональные резервы срединной зоны, разместив там центры обслуживания.

Идут трудные процессы привыкания населения в периферийных районах Москвы. Обследования показывают, что нужен не один год, чтобы они прижились в городе, чтобы их жители создали устойчивую сеть своих маршрутов, свои местные «центральные точки», чтобы эти районы стали своими для города. Большую помощь в этом оказывает центр, который часто заменяет новоселам прежнее, утраченное ими городское окружение.

Сегодня как никогда важно быстрее понять, что отношения и связи между центром и другими зонами не случайны, они вытекают из объективных закономерностей развития крупнейшей городов, из самой их исторической, социальной природы. И поэтому с ними нельзя обращаться произвольно. Но в том-то и беда, что в последние, по крайней мере, 15 лет эти закономерности были искажены, нарушены.

«Непонятно,— читаем в одной из анкет,— почему город так расплзается. Ведь в пределах старой Москвы очень много возможностей для застройки. Новые районы начинаются с большим интервалом от основной застройки города, и нет им конца». Сосредоточение основных усилий на освоении все новых и новых непропорционально крупных свободных территорий для размещения жилых массивов создало серьезные трудности для их последующего органичного включения в город, чрезмерно усложнило процессы адаптации. Поскольку застройка расплзлась, ослабились жизненно важные связи с центром и с другими районами. И получилось, что москвичи, получая новые квартиры, улучшая свои условия, одновременно ухудшали условия своего проживания в городе. Они оказались практически оторванными от исторически сложившейся части, все больше удаляясь от нее. На деле это означало стремление решать проблемы жилья в отрыве от проблем города.

Все сказанное свидетельствует о том, что в этой ситуации концепцию развития Москвы следует нацелить на укрепление внутреннего единства всех структур и функций города как социально-пространственного организма, совершенствование взаимодействия его основных территориальных зон — центральной, срединной, периферийной. Важнейшим путем реализации такой стратегии служит выявление и использование ресурсов застройки сложившейся исторической части Москвы и резервов территорий в срединной зоне. Для этого необходимо перенести центр тяжести в градостроительной политике с нового строительства на реконструкцию, включая и существующий жилой фонд. Чтобы усилить общественный и культурный престиж исторического центрального ядра, требуется его архитектурно-планировочное укрепление и инженерное благоустройство, насыщение существующей застройки небольшими и разнообразными общегородскими учреждениями (кафе, клубы и т. д.) взамен находящихся там мелких ведомственных учреждений, строительных управлений, контор.

Необходимо развивать и уплотнять срединную зону города, прилегающие к центру районы. Здесь следует идти и на выборочное новое жилищное строительство в комплексе со специализированными учреждениями, прежде всего торгово-бытового назначения. Это будет способствовать более равномерному распределению пассажирских потоков по городской территории и одновременно более полному удовлетворению в центральной зоне именно культурных, духовных, а не просто бытовых запросов жителей периферии города и агломерации.

В связи с этим, конечно, необходимо вынос из срединной зоны непрофильных для столицы мелких производственных предприятий, различного рода строительных баз, складов и т. п. В удаленных жилых массивах, особенно недавно построенных, важно повысить внимание к организации

повседневного торгово-бытового обслуживания с отдельными небольшими объектами сферы культуры и отдыха.

Очевидно, надо резко усилить внимание к науке о городе, изучению процессов его функционирования.

ВЕРНУТЬ ГОРОДУ СОЦИАЛЬНУЮ ФУНКЦИЮ

Павлов Н. Л., кандидат архитектуры

Занимаясь градостроительством на рубеже XXI века, мы должны отчетливо представить себе сущность пространственной и временной жизни города.

Каждый город, каждое селение должны создавать у наших современников и потомков глубокое и мощное чувство пространственной цельности и исторических корней, дать им силы и опору для построения будущего.

Новый подход к исследованию Москвы показывает, что, несмотря на все коллизии бурно растущего города-гиганта, возможности гармоничного развития города в целом и каждого входящего в него поселения далеко не исчерпаны.

Город — сердце человеческой цивилизации. Как всякое живое сердце, город растет и пульсирует. Он то прорастает в природу лучами дорог и придорожных поселений, то замыкается кольцами стен или транспортных магистралей, ограничивая ими свою территорию, вбирая в себя отдельные села и слободы, формируя на их основе свою собственную планировочную структуру.

Поглощенные городом пригородные села продолжают жить и развиваться в его чреве, жить уже внутри-городской жизнью. Вокруг них формируется новая застройка. Они то раскрываются на большие городские улицы, то изолируются от них. Пульсирует не только весь город, но и каждая его часть, способная к самостоятельной жизни.

Средневековый город с замкнутым на себя натуральным хозяйством состоял из больших феодальных дворов, ремесленных и торговых слобод.

Ведь сегодня в условиях демократизации и гласности правильность градостроительных решений проверяется их соответствием не умозрительным нормативам, а реальной жизни горожан.

Все эти городские образования были по существу автономны. Каждый район, каждая слобода были особым пространственным миром. Они имели свои храмы, колодцы, торжища, административные и т. д., т. е. свои собственные общественные центры. Из этих центров, расположенных на дуге покатых холмов и в Замоскворечье, всегда был виден Кремль.

Капитализм перенес хозяйственную, деловую, административную жизнь города на главные магистрали и улицы. Традиционные центры внутригородских поселений стали утрачивать свое хозяйственное, житейское, культурное содержание. Отдав все свои жизненные силы, всю свою суть городу, его парадным площадям и магистралям, местные центры захирели и начали постепенно отмирать.

Социализм принес в город еще более высокую форму обобществления собственности — общенародную. Пафос общественной собственности увлек все основные идеи и ресурсы градостроительства на построение общегородских, общегосударственных центров. Местные центры средневекового города продолжали отмирать. Из них ушли последние составляющие — торговля и культ.

Опыты по созданию новых градостроительных образований — ячеек нового социалистического бытия связывались, как правило, с новыми территориями. Из-за отсутствия материальной базы они остались цепочкой выдающихся, но единичных достижений.

После Великой Отечественной войны индустриальное строительство сосредоточилось на проблеме проблем — на жилье и только на жилье.

Сегодня в нашу жизнь прочно, ис-

торически неизбежно входит понятие «градостроительный комплекс». Это понятие мы должны трактовать не узко, административно — как группу строений, обеспечивающих минимальные потребности проживающих, но широко, архитектурно — как полноценную во всех отношениях живую пространственную ячейку города. Такая живая клетка города должна иметь возможность жить самостоятельной меняющейся жизнью. В ее пространственную структуру должна свободно вливаться изменчивая функция.

Разрастаясь во внешний мир, город пульсирует не только вовне. Отразившись от новой внешней границы города, волна пульсации возвращается к центру перестройки реконструкцией, укрупнением планировочной структуры, уплотнением застройки, повышением этажности, сносом. Город пульсирует на всю свою глубину — до самого центра.

Сегодня наша задача не только благоустроить и насытить социальным бытием огромные периферийные жилые районы, не только реконструировать так называемый «срединный пояс» (бывшие промышленные окраины Москвы), но и вернуть полноценную социальную и культурную жизнь жилым образованиям центра города.

За последние 20 лет население центра Москвы в пределах Садового кольца уменьшилось более чем вдвое. Отсутствие у города средств на ремонт и содержание старых зданий обусловило передачу их ведомствам. Ведомства заполнили центр конторами и учреждениями, часто не имеющими прямого отношения не только к самому центру, но и вообще к городу.

С отселением жителей в новые районы закрывались социальные учреждения: школы, детские сады, поликлиники, библиотеки, клубы. Деградировала система местного обслуживания. Из центра не просто изгонялось жилье, нарушалась сама социальная суть единичного человеческого поселения — территориальная общность людей.

Исторический опыт показывает:

как бы ни изменялись функции города, как бы рьяно ни уничтожались здания и целые кварталы, как бы интенсивно ни шла реконструкция — скелет города остается вещественной реальностью. Даже снесенный до основания город сохраняет свою планировочную структуру, свои улицы и переулки.

По этой исторической канве плетет новую сеть новая функция города, постепенно наполняющая ее новым содержанием. Так происходит и с центром Москвы.

Сегодня мы открываем для себя местную планировочную структуру центра Москвы. Не ту центральную многолучевую звезду радиальных магистралей, которая привычна всем, а множество похожих на нее маленьких звездочек, составляющих ткань города.

Мы видим, что многие из местных центров старого города еще существуют как узлы схождения неглавных улиц и переулков. Многие секторы, заключенные между радиальными магистралями в пределах Бульварного и Садового колец, все еще сохраняют эти узлы в своих недрах. Из них ушла напряженная жизнь; но остались система улиц и переулков, малозатяжная застройка; характер старой Москвы, сам ее дух, дух открытости и простора. Сегодня это — оазис в стороне от каменных коридоров — улиц.

51

В конце прошлого века торговля начала оттеснять учреждения культуры и просвещения с главных площадей-перекрестков к срединным частям радиальных улиц и кольцевых бульваров. С переносом в Москву столицы этот процесс усилился. На главных площадях и улицах стали размещаться престижные столичные учреждения общегосударственного и республиканского значения.

В наше время эта тенденция продолжает развиваться. Планомерно застраиваются «внегородскими» административными зданиями, вытесняются из непосредственного городского обихода площади-перекрестки на Садовом кольце: Октябрьская, Смоленская, Лермонтовская; на Бульварном кольце: Арбатская, Никитские

ворота, Трубная, Тургеневская. Наиболее полно осуществлено такое уничтожение традиционной для Москвы пешеходной площади с ее торговыми и культурными учреждениями на Октябрьской и Тургеневской площадях. Процесс этот прогрессирует. Зреют проекты исключения из обихода города почти всех площадей Садового кольца, передачи их под транспортные развязки и административные здания союзного значения.

Под воздействием столичных функций центр города перестраивает свою собственную «нестолличную» функциональную структуру. Как и прежде, оттесненные с площадей-перекрестков и магистралей культурные и просветительные учреждения группируются в срединных зонах бульваров и улиц, понемногу проникают вовнутрь межмагистральных секторов. Собственная функциональная структура города, прежде всего его культурная функция, свертывается вовнутрь, на себя.

Мы видим, как постепенно к старым местным центрам проникает новая социальная функция: образуются небольшие клубы, театры, студии, музеи, другие формы культурного бытия. Сегодня мы не имеем права игнорировать этот факт. Исторический процесс подводит нас к естественному и гармоничному решению центра Москвы, к независимому развитию столичного и местных центров.

Обновив свое содержание, старые центры должны остаться в урбанизированной среде оазисами с небольшо-

ми, но значительными социальными и культурными учреждениями, с памятниками архитектуры, скверами и водоемами. Они должны остаться в городе центрами представительства истории и самой природы. Вокруг них на сходящихся к ним перекрестках мы должны без всяких оговорок сохранить малоэтажную историческую застройку. Многоэтажное строительство может, как и раньше, вестись вдоль радиальных магистралей с крутым понижением вовнутрь сектора, к местным центрам.

Каждый исторически сложившийся сектор города должен раскрыть нам свою пространственную и временную глубину. Пространственную: от многоэтажной застройки главных столичных улиц и площадей — к малоэтажным ансамблям и небольшим паркам местных исторических центров. Временную: от суперурбанизации XXI века — к памятникам XIX — XIV столетий, к самой природе.

Обретя новое социальное, культурное, идеологическое содержание, местные центры должны вновь получить изначально присущее им раскрытие на Кремль. При этом, естественно, придется снести или понизить полтора-два десятка многоэтажных буржуазных доходных домов конца XIX — начала XX века и несколько наименее удачных построек и надстроек более позднего времени. Такие «потери» по своему значению несопоставимы с задачей восстановления социальной, идейной, пространственной гармонии центра столицы.

52

НОВЫЙ РАЙОН: ПРОБЛЕМЫ МИКРОГОРОДА

Кавтарадзе С. Ю., искусствовед,
Кафтанов А. В., архитектор, Тарханов А. Ю.,
арт.-критик

Большой жилой район никак не меньше маленького города. И его создание, помимо технических проблем, сразу же ставит перед нами множество проблем психологических. Как добиться того, чтобы новые жители нового микрорайона признали его своим? Чтобы как можно быстрее вы-

работался свой особый уклад жизни, свои обычаи, свои легенды, без которых город — еще не город, а лишь большая строительная площадка.

Мы стараемся учитывать транспортные пути и направления господствующих ветров, мы стремимся к рациональной планировке каждого района, комплексности строительства. Но духовная сторона городской жизни, ее театральность, ее ритуалы и мифы

почти не принимаются во внимание при составлении очередного генерального плана. Насколько проще в черте старого города! Там все это уже существует, создано трудом многих поколений, закреплено незыблемым авторитетом истории. И не потому ли первая улица деревянного поселка в Сибири называется «Московская», «Невский проспект» или «Крещатик», что жители призывают на неуютную еще землю милых сердцу городских духов?

Что связывает человека с новым районом, с местом его новой прописки? Изначально — ничего. В старом городе дома на одной улице различны, заселены в разное время. Здесь же на осваиваемой территории разом встречаются тысячи незнакомцев.

Если раньше человек выходил из своего двора, шел по улице и только потом входил во двор школы, то теперь часто жилой дом, детский сад и школа расположены в одном дворе.

Вызовет ли это со временем какой-нибудь особый местный патриотизм? Трудно сказать. Ведь человек поселился в этом месте более по прихоти судьбы, чем по собственному выбору. В самом деле, вы могли бы получить такую же точно квартиру в таком же соседнем доме или даже районе. Не все ли едино, где жить, коль скоро уровень комфорта, величина комнат определяются не вашими желаниями или возможностями, а особым законом. Больше — не дадут, но и меньше — не имеют права. Конечно, иные районы престижны, иные нет, но механизм этих предпочтений не всегда поддается сколько-нибудь разумному объяснению. мода на район может внезапно вспыхнуть и внезапно пройти, а решающими останутся все же объективные факторы: долго ли ездить на работу, близко ли метро, удобна ли квартира.

Градостроительные проекты всегда подразумевают человека. О нем «заботятся» нормы. Это на него рассчитаны пространства жилого района на 20 тыс. жителей, проект поликлиники на 750 посещений, детского сада

на 100 мест и иные «учреждения обслуживания», которые согласно нормам плотности, инсоляции, пешеходной доступности и т. д. следует разместить на участке определенного размера.

Перед нормой-законом равны все. Архитектор обязан предоставить каждому столько-то метров жилой площади в отдельной квартире, большой квадрат, усаженный зеленью, большой клуб, наполненный воздухом, полметра беговой дорожки на стадионе, треть места в парикмахерской и так далее. Он создает город для миллионов, обеспечивает их кровом, работой, удобным транспортом. Деятельность его в основе своей исполнена добра. Он творит ландшафт и климат, раскидывает тут — искусственные обитаемые холмы и горы, там — сады и парки, пропускает между ними искусственные обитаемые ленты дорог, предоставляя людям самим устраивать здесь свою жизнь. Своеобразие места обеспечивается трассировкой улиц да расстановкой зданий, в чем мода тоже удивительно стандартна.

Градостроительство сейчас не может напрямую обратиться к душе человека. Оно ограничивается тем, что создает условия для его существования. И чем дальше новый район от исторического центра, чем труднее хоть на час вернуться в старый город, тем больше возникает претензий к современной массовой архитектуре.

Просматривая в газетах статьи и письма, понимаешь: стандартные новые дома не вызывают особых симпатий. Возможно, что и вполне заслуженно. Их можно порицать за многое. Например, в старом городе вы знали: я живу в том самом доме, где на фасаде солнечные часы, а на углу — башня. Другого такого не найти. Отныне вам придется говорить: я живу в доме на самом краю поля, что напротив универсама. И уточнить — в третьем с конца. Зачем его любить, зачем беречь, можно ли им гордиться, раз это явно не памятник, раз только в вашем микрорайоне таких штук десять, а в соседнем — и того больше. Даже

квартиры похожи друг на друга. Строгие нормы однозначно задают их размеры и облик. Попробуйте хотя бы по своему расставить в них мебель — тоже ничего не получится, число мыслимых вариантов невелико.

Но все это вам, вероятно, уже приходилось слышать или читать. Кто знает, сколько раз это еще будут говорить и сколько времени пройдет, пока что-то изменится. Ради этого не стоило бы писать статью.

Плохи ли, хороши ли новые дома — они существуют и будут существовать долго, по нашим с вами понятиям — вечность. В их формах запечатлено многое: не только неповоротливость технологии, не только отчаянные методы борьбы за квадратные метры, но и определенный эстетический образ нашей эпохи. А если точнее, то те идеалы преднашего времени, взглядов 20-х годов, возвратившихся в практику в 60-х и до сих пор часто определяющих градостроительное мышление наших зодчих. Эти дома — явление культуры, образ реального стиля, бороться с которым «после драки» так же бесперспективно, как отвергать модерн, конструктивизм, «излишества».

54

Давайте же попробуем посмотреть на такие дома немного из будущего — в меру нашего понимания его с возможно свойственным будущему чуть наивным взглядом на минувшее. Это отнюдь не оценка и тем более не критика, а просто попытка, увидев их как бы впервые, отметить некоторые эстетические и композиционные странности новых районов.

Как выглядят они в городе? Судить непросто. Мы ведь почти не видим городских панорам. Они открываются нам в движении, ненадолго, с транспортных путей, из окна автомобиля, либо с площадок, куда специально привозят туристов. С этих точек, в этом масштабе ясна логика построения новых районов. Понятно, по каким эстетическим законам их проектировали и возводили. Они напоминают нам «лучезарные города» 20-х годов (с их вселенскими масштабами социальных и градостроительных преобразова-

ний), созданные по законам планиметрии, господствующей на чертежной доске.

Каждый жилой район существует сам по себе, имеет собственную композицию, визуально автономен. Его облик определяют жилые дома. Общественные здания уступили им это право.

Жилые дома поражают. Как только можно было привыкнуть к такому необычному зрелищу? Они настолько геометричны, что эффектно контрастируют с живописностью природных форм. За счет своих размеров эти здания нарушают привычное соотношение высот дома и дерева. Чтобы сохранить его, понадобились бы уже не липы и тополя, а баобобы, эвкалипты, секвойи и другие природные гиганты.

А сам 20-этажный панельный дом? Самый обычный дом московской серии. Это же абсолютно чистая геометрическая форма, некий кристалл, ни масштабом, ни обликом не старающийся быть похожим на то, что известно человеку, никак не связанный с его историческим опытом. Этот новый и непривычный предмет вырос совершенно неожиданно — не прошло и года, а он уже стоит тут, словно только вчера приземлившись. Противопоставленность окружению делает его похожим на фантастический внеземной объект. Тридцать человеческих ростов, двадцать поставленных друг на друга традиционных одноэтажных жилищ — на земле нет ничего столь же крупного, кроме, разве что, геологических образований. Перед нами нечто, не стоящее в пейзаже, а само формирующее ландшафт. Быть может, именно поэтому дом и не воспринимается жилищем. Квартира в нем подобна пещере в огромной горе. Гора — это ведь не дом?

Несмотря на то, что группа подобных зданий становится «пейзажеобразующим» элементом, сам дом почти не оформляет пространство вокруг, поскольку предельно замкнут. Даже в длинной уличной цепи он существует сам по себе. Единственная робкая попытка разомкнуть форму,

Быстрота современного строительства становится его качественной характеристикой. Журналистский штамп: «еще вчера здесь ничего не было» — единственно справедлив в этой ситуации

открыть ее внешнему миру — дома переменной этажности, но их немного в Москве, потому-то, вероятно, они и нравятся.

С точки зрения «большой» формы разнообразие, в основном, исчерпывается характеристиками «высокий дом», «длинный дом». Причем высокий дом высок настолько, что день на нижних этажах короче, чем на верхних, а длинный дом вытянут так, что по нему может пробежать тень от облака. На фасаде — никаких колонн, портиков, карнизов. На параллелепипеде дома наложены всевозможные линейки, отметки и шкалы. Вместо окна элементами фасада становятся группы окон, полосы лоджий. Поэтому орнамент фасада иногда неожидан и для самих авторов. Разработанность фасада структурирует плоскость, делает дом четкой, нерушимой геометрической системой. На большую семью отводится три клеточки, на маленькую — две.

Для человека, стоящего рядом с

домом, его высота практически бесконечна. Понять, где кончается дом и начинается небо, не задрвав голову, невозможно. Чтобы узнать, сколько в доме этажей, их надо сосчитать, а считая — не сбиться. Без достаточной тренировки не определить по фасаду, где окна вашей квартиры.

Фасад подразумевает, что все функции дома сосредоточены за ним. Иными словами, задача фасада — не пропускать вовне никаких проявлений человеческой жизни. Фасадная плоскость непроницаема и снаружи. В маленьком индивидуальном доме любая надпись на стене адресована человеку, в нем живущему. Это написано о нем. Думает ли школьник, разрисовывающий панели первого этажа, что за стеной кто-то живет?

Сами жители дома фасадную плоскость никак не ощущают. Это просто архитектурная абстракция, лишённая всякой ценности, в отличие от внутренней стороны жилой «оболочки». Ценность обретает только собственный, освоенный фрагмент фасада, воспринимаемый отдельно от всего остального. Застекленные жильцами лоджии, выкрашенные оконные скосы — тому свидетельство.

Качество таких домов далеко от «космических» стандартов. Геометричность заставляет ожидать высоко-го технологического совершенства, соблюдения прямых углов, чистоты стыков. В самом деле, любая трещина воспринимается здесь болезненнее, чем в здании прошлого века. Эти дома должны существовать вне времени — такими, как их спроектировали и построили. Их формы не рассчитаны на старение. Патина времени их не облагораживает, а портит.

Выйдем во двор. Правда, двора в прежнем смысле этого слова нет. Новый двор элементарен и однозначен. Мы увидим здесь непременно песочницу, качели, детские избушки (вместо былых «грибков» — произошла некая монументализация формы). Для детей старше семи лет это скорее условное обозначение отведенной им территории, чем приспособления для игр. Интереснее гонять в футбол на пустыре или прыгать с трансформаторной будки в кучу песка, оставленную строителями.

56 Двор, как правило, строго разграничен: на детскую площадку, стоянку для машин, спортивную площадку, проезды и так далее. И потому вы невольно вынуждены подчиняться этому разграничению — играть в волейбол, ходить по тротуару или стоять у машины. Кстати, человек, находящийся во дворе, иногда ощущает себя стоящим на сцене: известно, что любой угол двора просматривается из окон.

Мы недаром говорим о дворе. Когда-то он был в сознании горожанина четко противопоставлен улице. Теперь же во многих районах есть только два вида пространства для человека — квартира и двор. Перехода между ними практически нет. Промежуточных пространств, столь же значительных и значащих, не существует. С тех пор, как лестницы сооружаются лишь на случай пожара, мы не ощущаем вертикального движения. В закрытом лифте мы перемещаемся скорее не в пространстве, а во времени. Из окон мы видим уже

не улицу, а пейзаж, горизонт, величественные закаты, сгущения облаков, напряженное предгрозовое небо. Состояние погоды начинает оказывать необычайное влияние на восприятие обычной городской архитектуры.

Возможно, вы и сами сможете заметить куда более удивительные свойства новых районов. Не случайно архитектурная наука 70—80-х годов стремилась увидеть город глазами его обитателя. На этом пути было сделано множество интереснейших наблюдений.

Действительно, архитектор привык управлять хаосом зрительных впечатлений, отмечать доминанты и рядовую застройку, транспортные магистрали и зеленые зоны. Город для него — целостный организм, вполне представимый в виде огромного макета на столе мастерской. Для прохожих город, как показал Кевин Линч, состоит из множества разрозненных «мест», узких тропинок ежедневных маршрутов, никак не связанных между собой¹.

Профессионалу в принципе доступно и такое восприятие. Как творец города он неизбежно схематизирует и идеализирует действительность. Как житель города вступает с ним в ежедневный контакт. Видит его рядом, вблизи, вокруг. От городской панорамы до детали фасада, от качелей во дворе до мусоропровода на лестнице — все становится архитектурой.

Иногда кажется, что наши новые жилые районы решены как будто бы «вчерне» — на уровне проигранной на макете градостроительной композиции. Их дальнейшее развитие — вот что заботит сейчас архитекторов.

Любое предсказание было бы здесь слишком смелым. Никак не стараясь предугадать будущее, заметим, что существуют разные возможности.

Прежде всего наши новые жилые районы могут в теперешнем своем состоянии прожить весь отпущенный

¹ Линч К. Образ города. — М., 1982.

им расчетный срок и исчезнуть в конце следующего века, никем особенно не оплаканные. Ну а некоторая часть их — уже как «памятник архитектуры» — будет удивлять наших потомков.

Вторая возможность значительно более хлопотна. Предположим, что новые дома уже сформировали ландшафт новых районов и теперь-то их надо начинать по-настоящему строить, относясь к ним как к заgroundанному подрамнику для некоей новой картины. Пространственных возможностей немало. У современных домов плоские кровли, расстояния между ними соразмерно огромны, многометровые фасадные плоскости годятся не только для суперграфики.

Но какой бы вариант (первый, второй или неведомый третий) ни был бы избран, главное, чтобы развитие новых районов учитывало нужды и склонности их обитателей. Теперь-то они известны. И любое вмешательство архитектора непременно столкнется отныне с уже сложившимися в пространстве маршрутами, привычками, предпочтениями.

«Городское строительство должно быть не только чисто техническим вопросом, но и художественной проблемой, в самом настоящем и высоком смысле этого слова... В области постройки городов... границы художественной разработки сделались во всяком случае очень тесными»¹. Утверждениям Камилло Зитте

скоро исполнится сто лет, но, по видимому, устареть им не суждено до тех пор, пока пристальное внимание к конкретному, а не абстрактному, «нормативному» человеку не станет обычаем градостроителей.

Обращаясь к человеку, художник обращается к городу. Сколь мало внимания философы, размышлявшие об идеальных городах, уделяли архитектуре, столь много — нравам. Еще в Древней Греции сказано: «Государство — это люди, а не стены и корабли»². Государством тогда как раз и был город. «Город есть только отражение внутренней жизни его обитателей, их верований, их идей, их характера, склонностей и предрассудков», — писал в 1912 году известный градостроитель В. Н. Семенов¹. Мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией: проще построить новый район, чем его обжить, потому что не можем, а иногда и не хотим проникнуть в тайны характеров и склонностей. А если эта духовная жизнь города еще не развита, значит, она сама когда-нибудь может стать предметом проектирования.

¹ Камилло Зитте. Городское строительство с точки зрения его художественных принципов. — М., 1925. — С. 12, 137.

² Цит. по кн.: Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. 1. Становление и развитие полиса. — М., 1983.

¹ Цит. по кн.: Античная Греция. «Планы идеальных городов в большинстве случаев составлены не архитекторами, а публицистами, мыслителями, новаторами» ... — Вл. Семенов. Благоустройство городов. — М., 1912. — С. 63—64.

МОСКОВСКИЙ ДВОР НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ВРЕМЕН

Пяковский Ю. И., искусствовед

«Классический» московский двор — живописный осколок минувшей эпохи, апофеоз коммунальной жизни — когда и из чего он возник, каким образом сформировался? К этим вопросам добавился еще один, относящийся к современности и небезразличный для будущего. Отчего это двор, давно отшумевший, так зани-

мает сегодня наше воображение? Многие уходит и забывается, а старый двор с его удущающей скученностью и монотонным назойливым бытом, с какофонией звуков, несущихся вниз из распахнутых окон, и кошачьими запахами в полутемных парадных, с его постоянными склоками и нелепыми слухами, с управдомами, хулиганами, участковыми, дворником, с его «персональными»

сараями, до отказа набитыми хламом, с допотопными снеготаялками, с разноцветными павалушами голубятам — двор этот и теперь продолжает жить в городской мифологии, в романтической болтовне, в памяти поколений москвичей, выросших в нем и благодарно сохраняющих его далекий образ от всепожирающей стихии Времени.

Мне скажут, что все это просто дань ностальгии по детству, а потому не имеет прямого отношения к современной жизни, к насущным проблемам нашего города. Но что такое ностальгия по детству? Тоска взрослого человека по утраченной целостности мира и целостности мироощущения, присущих раннему возрасту. И если предмет подобной ностальгии для москвичей старшего поколения стал именно городской двор, то, очевидно, прежде всего потому, что он нес в себе разумно устроенный образ вселенной, был освоенным микрокосмосом, мировой моделью, включавшей суетливый и мелочный коммунальный быт в строгий и торжественный порядок мироздания. Так что двор — не просто «дыра в квартале», место, оставшееся свободным после возведения жилого дома. Коммунальный двор — это первичная ячейка городского социума, обладающая своей особой архитектурно-планировочной формой и пространственно-символической значимостью.

Конечно же, он не возник сразу. Его появлению предшествовал долгий историко-культурный процесс развития городской среды, демократизации жизни и становления специфически городских типов жилья и способов расселения. Потому в исторической перспективе мы различаем лишь отдельные элементы коммунального двора, которые без конца перетасовываются в толстой колоде архитектурно-градостроительных модификаций и только постепенно «узнают» друг друга.

Вплоть до середины XVIII века Москва жила слободами. Это — род поселков, более или менее обособ-

ленных от города, со своими местными управами, расположенными на съезжих дворах. Такие дворы имели еще мало общего с коммунальным двором недавнего прошлого, но некоторое сходство все же есть: они принадлежат в равной степени всем слобожанам и являются информационными центрами, существенными в масштабах поселения. Однако цеховая природа слободы налагала на жизнь печать «производственных» отношений. Потому съезжий двор, в первую очередь, «контора», а уже после «клуб», но и в том, и в другом случае — специализированное учреждение.

Наряду со слободами надо вспомнить и такие стародавние формы общежития, как гостиный двор и монастырь.

И монастырь, и гостиный двор с точки зрения жилищных особенностей довольно похожи: и там, и там коллективное пользование дворовой территорией сочетается с «многоквартирностью» жилого образования. Связь гостиного двора с позднейшими видами двора коммунального прослеживается в общности композиционно-планировочных принципов: равномерное распределение жилого сектора по всему периметру двора, пространственная однородность торговой площади, ее неперемнная замкнутость. Монастырь же обладал другим «перспективным» свойством — постоянством состава.

Но и монастырь, и гостиный двор по сути своей типично средневековые жилые формирования. Для них характерны как сословная однородность населения, так и неразделимость бытовой и профессиональной сфер жизнедеятельности.

Еще один вид поселения, типичный для московского средневековья, — боярские и купеческие усадьбы. Тенденция к разделению крупного городского владения на парадную и хозяйственную части постепенно определила два основных планировочных типа. В первом случае хоромы возводились по линии улицы, но поворачивались к ней не-

лицеприятным задним фасадом. Зато двор, соединявшийся с внешним миром посредством арочного или бокового проезда, подобно монастырскому или гостинному двору блистал декоративным великолепием.

Во втором случае жилые хоромы ставились в глубине владения, отделяя задний двор с прилегавшим к нему садом от двора «переднего», замощенного и отгороженного от улицы сплошным и высоким забором с парадными воротами.

Обе планировочные композиции отличаются чисто средневековым равнодушием к визуальной упорядоченности и красоте «наружного» городского пространства, поскольку красота понимается как сугубо внутренняя суть и содержание явлений. Правда, уже к концу XVII века появляется ощутимый вкус к эстетическому осмыслению города как единого ансамбля. Это выразилось в появлении открыто поставленного здания, имеющего значение художественной доминанты для целого района (Главная аптека, Сухарева башня и др.). К тому же примечательно стремление уже существующих крупных архитектурных комплексов максимально «вывернуться» вовне, украшая и оформляя пространство города.

К середине XVIII века в Москве распространяется мода на курдонер, представляющий собой результат вполне зрелой концепции городского ансамбля.

Нет нужды говорить, что курдонеры также далеки от интересующего нас коммунального двора: они являются частной собственностью и закрыты для посторонних. Но по сравнению с описанными боярскими дворами они приобретают новую, общественную функцию: ограниченные по красной линии улицы сквозной чугунной оградой курдонеры украшают город и как эстетический феномен полностью принадлежат ему. В социально-демографическом смысле такое жилье принципиально отличалось от всех прежде существовавших видов городских

поселений, формировавшихся по какому-нибудь определенному признаку. Здесь наметились первые ростки неформальной соседской общности, ставшие основой формирования московского коммунального двора первой половины нашего столетия.

Постепенно доходное строительство начинает определять новое лицо города. Под застройку корчуются фруктовые сады, небольшие парки, имевшиеся почти во всех городских усадьбах. Без конца надстраиваются и перестраиваются здания. Для хозяйственных служб во дворах остается все меньше места: дворы сокращаются до минимума под нажимом неудержимо разрастающегося жилого сектора. Доходный дом, подчиняясь экономическим резонам домовладельца, следует точно по границам владения, оборачиваясь в плане неожиданными и причудливыми фигурами. Естественно возникает конфликт здания и фасада. Теперь в городе создается ситуация, прямо противоположная XVII веку. Красота как выражение внутренней сущности мира уступает место красоте, как внешнему выражению благополучия. Со временем процесс эстетизации эстетического достигает того абсурдного и кризисного предела, когда респектабельность любого фасада «уравновешивается» ядовитой помойкой задворок.

Затяжное электрическое «накопление массы» наконец прорывается мощным градостроительным фейерверком конца XIX — начала XX века. Утверждается комплексный метод проектирования. Модерн возвращает архитектуре некогда утраченное пространственное звучание, стремясь привести к одному эстетическому знаменателю все «наружное» и все «внутреннее». Сплошная уличная застройка вновь прорывается энергичными провалами курдонеров, часто играющими роль композиционной оси, вокруг которой группируются архитектурные объемы, отмеченные тенденцией к всефасадности.

Меняются представления о городском жилище. Оно должно иметь

удобную и экономичную планировку, хорошо освещаться и вентилироваться. Предполагается устройство мест коллективного отдыха жильцов, детских площадок и т. п. Впервые двор многоквартирного дома наделяется повышенной социальной значимостью, становится объектом специального проектирования и эстетического осмысления.

Но и сейчас это еще не «классический» московский двор, о котором шла речь в самом начале. «Открытие» коммунального двора как общественного целесообразного пространства подвигло архитекторов всячески эстетизировать его социальную функцию, что было, так сказать, полностью в духе времени.

В последующее десятилетие двор нивелируется прагматической эстетикой функционализма, декларативно отрицавшего ценностную иерархию архитектурных форм и городских территорий. Строчная застройка жилых комплексов конца 20-х — начала 30-х годов, когда типовые здания разворачиваются торцами к улице, отступая в глубину кварталов, демонстрирует кризис городского двора как архитектурно-планировочной формы. Но, как ни парадоксально, именно на это время приходится расцвет московского двора как социального явления.

60

Этому предшествовал взрыв невиданной силы — Великая Октябрьская социалистическая революция, которая опрокинула привычный жизненный уклад, отменила частную собственность, прежнюю систему ценностей, большинство формальных и неформальных общественных учреждений.

Начинаются массовые миграции населения. Москву покидают многие потомственные горожане. Но с каждым днем растет число приезжающих из деревни, а жилой сектор центральных районов «уплотняется» бывшими обитателями рабочих окраин. В итоге складывается довольно необычная ситуация, когда под одной крышей на юридически равных правах поселяются лица крайне раз-

личного культурного уровня и общественного положения. И крестьяне, и пригородный пролетариат привнесли в московскую жизнь присущую им традицию сельского общения и общежития. Такой тип отношений оказался легко воспринят в условиях тесного и разношерстного соседства. Эти и другие особенности жизни тех лет оказывали глубокое влияние на психологию москвичей, стимулировали повышенную контактность, спонтанный коллективизм.

Дворовая общность — наиболее устойчивый (а в дальнейшем, пожалуй, единственный) неформальный институт, являвшийся первой попыткой послереволюционного общества самостоятельно проявить себя. Это дикий росток непосредственной социальности, взошедший на остывающих лавах старого мира.

Московский двор в чем-то можно сравнить с театром, поскольку дворовое общение людей, действительно, напоминает ролевую игру. В принципе каждый человек является носителем определенной роли, даже набора ролей, которые он проигрывает — дома, в гостях, на работе. Причем, в процессе общения акцентируются не столько ролевые амплуа, сколько различные варианты социальных взаимодействий, отрабатывающих полезные поведенческие стереотипы. В этом смысле двор являлся школой социальности, ее экспериментальной лабораторией, учебной моделью общества.

В значительной мере носителями дворовой общности были дети. Свободные от опыта прежнего миропорядка они воспринимали новые соседские отношения как само собой разумеющееся положение вещей. Около четырех-пяти лет ребенок активно включался в дворовую жизнь и лет до 15—17 она оставалась для него одной из основных составляющих его существования. Таким образом, срок жизни одного «дворового поколения» исчисляется 10—12 годами. До конца 30-х годов через московский двор прошло не меньше двух таких «поколений».

В послевоенные годы главенствующей фигурой во дворе становится подросток, для которого, в соответствии с возрастной психологией, на первый план выдвигается такое свойство дворового общения, как нерегламентированность. К тому же адаптация подростков к «взрослой жизни» в то время была затруднена более чем когда-либо: пограничный молодежный возраст — 20—25 лет — практически отсутствовал, уничтоженный войной, да и старшее поколение значительно поредело. Потому двор послевоенного периода зачастую оказывался не столько включенным в социальные структуры города, сколько противостоял им. Собственно говоря, тут уже сказываются первые признаки распада дворового коллективизма. В дальнейшем повышение уровня благосостояния, образования, некоторая демократизация жизни, расширение круга интересов горожанина — все это способствовало постепенному изживанию института соседства. Однако главные перемены были еще впереди.

Могучая волна урбанизации, охватившая Москву в конце 50-х годов, решительно меняет облик и строй привычной среды обитания. Сперва это вызвало бурный энтузиазм: утомленные тяготами коммунального быта москвичи восторженно приветствовали рождение «нового города». Лишь со временем осозналась вся тяжесть столь скорого разрушения традиционных жизненных условий.

Абсолютное преобладание инженерного подхода в проектировании массового жилья привело к постепенному освобождению архитектуры от культурного «балласта» космогонических смыслов, с незапамятных времен освящавших и охранявших человеческие поселения.

Можно сказать, что в этот период город умер как универсальный мировоплощающий объект. А вместе с городом умер и городской двор.

Социально-психологические последствия не преминули сказаться достаточно скоро в резко усилив-

шейся отчужденности городской среды, в формализации межличностных связей, в возросшем безразличии человека к своему ближайшему жизненному окружению. Город делается бескрайним, враждебным и неудобным. Многими он осознается как нечто внеисторическое. Его нельзя обжить, можно только прижиться.

Обжитость — это продукт целесообразной человеческой деятельности, занимающей определенное место на шкале общепринятых положительных ценностей. Дикая природа оттого и «дикая», что в ней ничем не проявлено созидательное и преобразующее человеческое начало. Не случайно во многих культурах Природа противопоставлена Городу. Тем более любопытно, что в эпоху урбанизации крупные города все чаще характеризуются в образах, умаляющих, значение активной созидательной человеческой воли: «железобетонные ландшафты новых массивов», «лес небоскребов», «океаны огней», «каменные джунгли», «городская пустыня».

Нетрудно догадаться, что эти уподобления отнюдь не свидетельствуют о достигнутом союзе Природы и Цивилизации.

Здесь, пожалуй, самое время задаться вопросом, каково же будущее? Неужели процесс автоматизации городского социума и «одичания» городского пространства и впредь будет продолжаться?

По всей видимости, нет. Культура в целом и городская культура в частности наделены защитными механизмами, противостоящими энтропии. Выше уже шла речь о «внешнем» и «внутреннем», о специфической пространственной инверсности, издавна свойственной нашему городу. Эти маятниковые колебания продолжают и в XX веке, отмечая эпохальные периоды, перемены культурных тенденций, общественных умонастроений, архитектурных и градостроительных концепций.

Острый дефицит обжитости уже в конце 70-х годов поставил москвичей перед необходимостью освоения,

одомашнивания необузданного городского гиперпространства. Начинается новая волна эстетики «внутреннего». Не случайно интерьер становится излюбленной темой в архитектуре последнего десятилетия. В градостроительстве же вновь прослеживается тенденция к осмыслению города как совокупности интерьеров, свободно «плавающих» в остаточном общегородском пространстве. Строчная застройка уступает место некоему подобию квартальных периметров, внутренние дворы которых оформляются и благоустраиваются. Остро ставится проблема реконструкции и сохранения исторического центра, осознающегося большинством чем-то вроде драгоценного экспоната, который вставлен в малопривлекательную раму «нового города».

Сегодня во всех проектах и мероприятиях, направленных на оживление традиционных городских тканей и гуманизацию новейших, от-

ражается настоятельная общественная потребность в духовной консолидации, в коллективных формах жизнедеятельности, в распространении неформальных основ частного быта на более широкие сферы человеческих отношений.

В этом смысле очень показательным, что одной из популярнейших тем в концептуальном проектировании 70—80-х годов становится «Центр досуга и отдыха», причем трактованный не как отдельно стоящее здание, а как сложный комплекс разнородных и разнофункциональных пространств, включающих «природу», «культуру» и «цивилизацию».

Разумеется, подобные архитектурные фантазии — еще не проект двора, но само их возникновение показательно. Они говорят о том, что ведется поиск, что тема двора важна и современна; они говорят о том, что двор — не ушедшая форма городского общежития.

МОСКВА. ЧЕРЕМУШКИ И ДАЛЕЕ... В XXI ВЕК

Волчок Ю. П., кандидат архитектуры

62

Правила хорошего тона сегодня предписывают каждому мало-мальски уважающему себя дому обзавестись скатной кровлей, одеться в яркий фасад и предоставить своим жильцам минимум комфорта. Трудно предположить, что Всесоюзный открытый конкурс 1986 года на проект реконструкции пятиэтажного дома постройки тридцатилетней давности проводился только для того, чтобы убедиться в устойчивости и широком распространении по всем регионам страны этих представлений.

Скатная кровля, красивый фасад и сегодняшний уровень науки о быте и комфорте вряд ли решают все проблемы, перед которыми мы сегодня поставлены и при проектировании нового, и при реконструкции существующего, в том числе и в исторических районах города. Не говоря уже о том, что смотреть из окон вышерасположенных этажей на мер-

ные ряды редко расставленных скатных крыш будет со временем не менее скучно, чем на сегодняшние «асфальтированные поляны» плоской кровли. И если они должны хотя бы таким образом приближать нас к земле, то не менее перспективно и полезно переориентировать свои творческие усилия на то, чтобы сообща решать уже не вопрос, а целую проблему эксплуатируемой кровли. И тогда у нас появятся дополнительные основания мечтать не только об обновлении жилищного фонда в многочисленных районах массовой застройки, но и о формировании нового образа жизни, характерного только для этих районов (действительно по-новому реконструированных). И наряду с ностальгически-меланхолического вида мансардами под черепичными сводами или оранжереями под стеклянными куполами можно было бы устроить на кровле теннисный корт, бассейн, танцевальную площадку или летнее кафе.

Впрочем, зачем нам опять диктовать или, более того, предписывать, что там необходимо устроить. Думаю, что года через два-три все это опять надоест. И первый же более или менее творчески настроенный архитектор захочет разрушить вновь нарождающийся сегодня стереотип и запроектирует либо новый дом с плоской кровлей, либо предложит реконструкцию старого, в котором изюминкой проекта будет замена скатной кровли на плоскую.

Иными словами, все предложения на этом конкурсе (как, впрочем, и на любом другом) по-настоящему хороши, если действительно выстраданы и сумели создать вокруг себя магическое поле творческой концепции. «Просод» И. Лучковой и А. Сикачева (как бы ни относиться к самой идее) — один из немногих в данном конкурсе примеров концептуального подхода. И наверняка, поэтому или, точнее, благодаря этому в пояснительной записке к их проекту мы встречаем, по-моему, весьма верную и точную мысль: не надо стремиться к тому, чтобы дома (и квартиры) в районе пятиэтажек после реконструкции были такими же, какими мы хотим видеть квартиры в районах современной массовой застройки...

На мой взгляд, конкурс был полезным. Он удался, поскольку его результаты наглядно показали: нельзя идти дальше, не умея отвечать на несколько предварительных вопросов, спрятаных в глубине проектного творчества.

Конкурс фиксирует весьма существенный этап работы по обновлению районов первого поколения массовой застройки. В нем, строго говоря, и нет речи о районах. Пока мы разбираемся с домом, точнее — с домами. Исследовательский опыт последних нескольких лет преподал нам еще один небесполезный на будущее урок. Да, пятиэтажки 50-х годов безнадежно однообразны внешне и по структуре, но какое разнообразие материалов, технологических приемов и технических ухищрений, заставляющих сегодня

ломать голову над поисками различных способов их обращения к новой жизни. Иными словами, конкурс в данном случае не столько привычное для этой формы коллективного творчества соревнование, сколько непривычный, на первый взгляд, способ собирательства. Отсюда определенная условность, с моей точки зрения, и в распределении премий. Не знаю как для участников, но для организаторов конкурса важнее была не победа в этом соревновании, т. е. определение некоего эталона для будущих проектов или выявление истинной творческой удачи для немедленной реализации ее в натуре, а массовость участия. Можно было бы, конечно, найти какой-либо иной способ систематизации уже накопленных творческих идей и проектных изысканий, но и у этого есть свои достоинства. И сводятся они не только к определенному расширению географии и привлечению новых имен. Массовость в данном случае — понятие не формальное. За массой проектов стоит (или должно стоять по замыслу) множество различных интерпретаций общей, заданной для всех темы. И обращение к этой форме вполне понятно, если полагать, что оно направлено на решение только одной проблемы: как уйти от вновь нарождающегося стереотипа, от заданности и однозначности выбора проектных идей.

Но, как всегда, достоинства и недостатки живут рядом. Увидев большое число практически одинаковых решений в общем-то разных проблем, мы волей-неволей вырабатываем в себе ощущение или веру в достаточно узкий спектр возможностей для творчества. Не понимая, не зная, не видя, что предстоит сделать в дальнейшем, ради чего эта проблема решается и для кого обновляется структура пятиэтажки, мы сразу начинаем выстраивать некую иерархию ценностей в собственно морфологических поисках и отдавать предпочтение одному перед другими. И здесь, наверное, кроется главное.

Если сегодня мы сумеем удержать себя буквально за руку и не станем рассматривать этот этап исследовательской по духу и содержанию работы по реконструкции пятиэтажного дома более как предварительный, дающий нам возможность провести инвентаризацию того, чем мы реально располагаем и что с этим можно делать, то избежим многих ошибок в будущем.

Справедливости ради надо сказать, что мы не нашли в этом конкурсе ничего такого, чего бы прежде не знали. И по этой причине важно ощутить предмет нашей реконструкции в более широком контексте проблем творчества. Отсюда появляются и другие вопросы, в том числе о творчестве потребителя и творчестве архитектора, о строительстве МЖК — молодежных жилых комплексов.

Сегодня считается уже не просто хорошим тоном, но общим правилом говорить о том, что архитектурное проектирование без участия потребителя, без учета интересов тех, для кого мы проектируем и строим, невозможно. Но при этом нельзя ошибаться и в выборе своего потребителя.

64 Убежден, для районов пятиэтажек — это, в первую очередь, молодежь. Городу остро нужны новые общежития и дома гостиничного типа. Разворачивается строительство молодежных жилых комплексов. Так почему бы не расположить молодежному коллективу со своим строительством именно в районах пятиэтажек? Ведь идея МЖК не в том, чтобы своими силами возводить дома, а в том, чтобы формировать новый уклад общественно значимой жизни в коллективе.

Стены здесь есть (и тогда, кстати, не главным станет их значительное передвижение или трансформация). Важнее будет вдохнуть в эти стены новую жизнь. И развернется грандиозная стройка не столько внутри домов, сколько в межквартирных пространствах. Среди жилых домов, связывая их в единую объемно-

пространственную структуру, появятся многочисленные и разнообразные новые «общественные пространства».

Пятиэтажки в первых районах массового строительства не затевались как отдельные дома. Они сразу замыслились и существуют по сей день как жилой массив, район. Черемушки смогли стать не просто первым из них, а всенародным символом только потому, что олицетворяли идею обновления, идею нового образа, уклада и типа жизни. Очень важно сохранить это чувство, столь близкое нашим сегодняшним устремлениям, и не пытаться воссоздать их наново такими, какими мы сумели сделать жилые районы сегодня. Вернуть районам пятиэтажек атмосферу обновления, сделать их площадкой для нового строительного эксперимента было бы много полезнее, при этом вкладывая в понятие термина «строительство» всю возможную и столь необходимую в наши дни полноту не только технического, но и гуманитарного содержания.

И тогда, наверное, правильнее говорить о том, что в районах пятиэтажек мы не будем стремиться создавать жизнь, адекватную нашим сегодняшним представлениям о том, как полагается жить в районе-спальне, а попытаемся вернуться здесь к общественно емкому и социально полноценному типу жизни. И тогда неизбежны поиски ответа еще на один вопрос — вопрос о романтизме.

В середине 50-х годов созрела не просто проектная идея, а возник общественно-социальный заказ на новые формы и новую организацию жизни, поэтому именно тогда закладывались районы массовой жилой застройки нового поколения. Если вкладывать в содержание этих понятий первичный, истинный смысл, достаточно утраченный сегодня, то тогда мы обретаем вслед за 20-ми годами, вслед за послевоенным восстановлением разрушенных городов и первыми районами пятиэтажек еще один уровень представлений

о новой организации социальной и общественно-культурной жизни. И, наверное, первый «слой», первый опыт этих поисков социального обновления жизни на рубеже 50—60-х годов, которые мы сегодня все чаще и чаще вспоминаем в связи с проблемами сегодняшнего дня, не требует восстановления в своем первоизданном виде. Не о музеефикации этих районов идет речь, а о том, чтобы свести воедино романтические устремления того времени и сегодняшние поиски (тоже наверняка во многом и романтические) новой жизни, в том числе и по примеру МЖК. Попытаться в этих районах создать условия, уровень, тип, стиль и образ жизни, соответствующие молодежным романтическим настроениям не столько 60-х годов, сколько соответствующих сегодняшнему дню и наверняка не теряющих актуальность в начале будущего века,— весьма почтенная и значительная творческая задача. И тут уместна постановка вопроса о ценностях действительных и мнимых.

Сегодня районы первого поколения массовой застройки не нравятся никому. Но очень важно вместе с тем, чтобы вся эпопея их реконструкции не свелась к тому, чтобы они стали просто лучше. Что значит «просто лучше» в этой ситуации? Районы пятиэтажек строились как районы-спальни. Ныне не только в Москве, но в Москве в первую очередь, ситуация сильно изменилась. Бывшие городские окраины массовой пятиэтажной застройки занимают срединную зону города. Превращать их в те же спальни, пусть и более комфортабельные, вряд ли полезно с точки зрения города. Тем более в Москве. Они должны нести некую качественно иную, не просто отличную от других, а концептуально свою функцию. Нужны другой подход и поиски решений принципиально иных проблем, для того чтобы обновленные районы существовали в городе на равных с другими городскими территориями и могли определять самооценку того места, ка-

кое они сегодня в городе занимают.

Когда речь идет о реконструкции исторически сложившегося ядра города, то в конечном итоге она сводится к потребности максимально определить, выявить и предъявить историческое содержание и историко-культурную ценность этого места. В районах, о реконструкции которых речь идет сегодня, ситуация много сложнее. Хотя частенько и здесь разговор заходит о том, как важно привести в порядок (и это верно) последнюю избу, случайно сохранившуюся от той деревни, на месте которой район расположен и в имени которой сохранилась память об истории этой земли. И в данном случае память, таящаяся в названии населенного пункта, наверняка важна и необходима, но важно, чтобы в конечном итоге она не свелась к подобию реконструкции маленькой церковки Симеона Столпника на углу Калининского проспекта. Нужнее, видимо, другое: воссоздать истинное историческое содержание и того места, и того времени, которому соответствует появление этих районов. Следовательно, на иные слои истории, а соответственно и на другие культурные ценности приходится здесь ориентироваться. И в конечном итоге не столько выявлять, сколько создавать заново.

Черемушки сегодня для нас были бы еще значительнее, если бы нам удалось воссоздать культуру и романтический дух первой половины 60-х годов. В Черемушках или каком-либо ином районе этого же времени постройки после их полной реконструкции ежевечерне можно было бы показывать в кинотеатре (повторного фильма) «Чистое небо», «Летят журавли» и другие памятные ленты тех лет. В районном клубе регулярно в определенные дни устраивать «среды» или «четверги» поэтических вечеров, подобно знаменитым в свое время и памятным по сей день вечерам в Политехническом. В местном театре-студии шел бы нашумевший спектакль «Палата» в сценографии архитектора Ю. Арндта, став-

шей событием, поскольку в ней удалось показать в театре адекватные своему времени представления об организации пространства. И тогда очень может быть, что у жителей многомиллионного города и у многих его гостей появится желание поехать в этот район, увидеть все это своими глазами, причем не обязательно с целью «вернуться» в прошлое, а ради того, чтобы острее осознать проблемы и масштабы событий дня сегодняшнего.

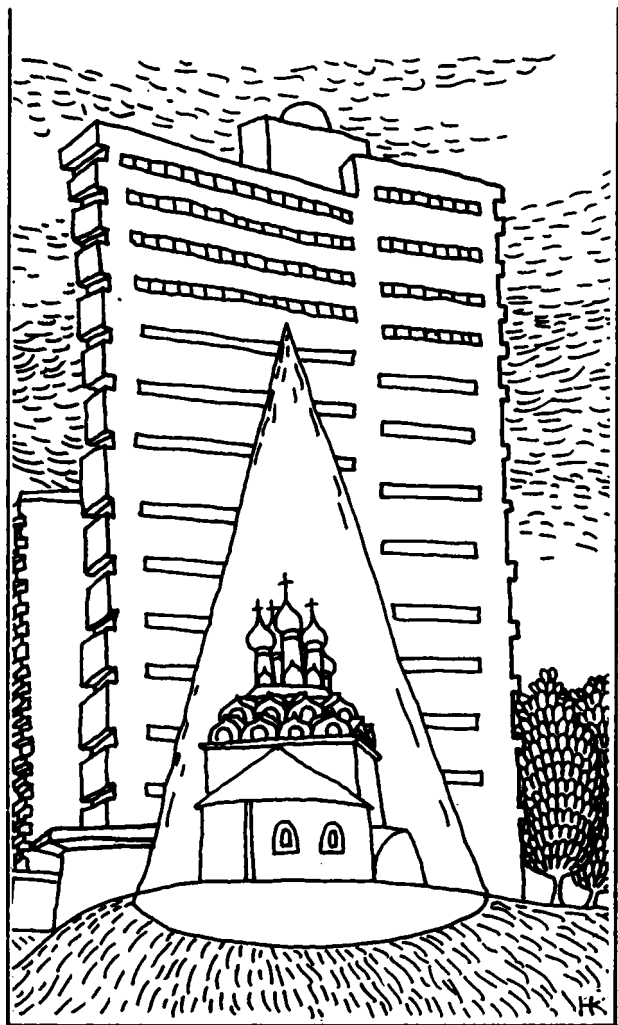
Разумеется, не только этим ограничиваются возможности придать градостроительную индивидуальность и общественно-культурную значимость каждому из реконструируемых районов. Вспоминая о выставке в Манеже «Деятели культуры за мир», где практически каждый вечер общения представителей тех или иных творческих союзов с посетителями воскресал в памяти знаменитые вечера в том же Манеже, проводимые А. Твардовским, понимаешь, сколь остро необходимо и важно в наши дни ощущать и суметь воссоздать не только значимость места, но и ценность времени, неразрывность его — вчерашнего с сегодняшним и будущим.

66

Многочисленные научно-фантастические романы о роботах, живущих во внеземных цивилизациях, которые обучены создавать себе подобных и поэтому малоуправляемы человеческим разумом, имеют, видимо, достаточно много земных прототипов. Индустриальное заводское домостроение в современном его состоянии — один из них. И сегодня вполне уместны и естественны

самые разнообразные эксперименты в области индустриального домостроения, поиски новых его приемов. Разумное сочетание заводских и построечных методов производства здесь действительно неизбежно. Но правильно ли начинать эту работу на центральных площадях столицы и в историческом городе? Можно ли экспериментировать там, где нет права на ошибку? Слишком дорого она обходится здесь. В центре города нужен не эксперимент, с правом на ошибку в полной мере обладающий, а сотворение нового, в каждом месте своего, неповторимого и уникального.

В районах пятиэтажек другое дело. Они и по духу, и по существу экспериментальны. И как было бы важно этот дух и эту сущность вернуть им. Разнообразное содержание эксперимента в каждом из районов придаст индивидуальность его структуре, пространственной организации и облику. Может быть, сделать вновь районы пятиэтажек экспериментальным полигоном, творческой лабораторией поисков нового? Таким образом, мы смогли бы и отработать новые приемы индустриального домостроения, приемлемые для строительства в существующем городе, а не только на новых территориях. И вместе с тем привести в порядок все то, что должно. И то и другое в равной мере очень важно, поскольку сейчас речь идет не только о судьбе пятиэтажного крупнопанельного жилого дома и о том, в каком физическом состоянии и с каким моральным правом войдут в новый век Черемушки, но и о будущем нашего города.

Памятники прошлого

РОЛЬ АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ФОРМИРОВАНИИ МОСКВЫ КАК СТОЛИЦЫ
СОХРАНИТЬ ИСТОРИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ
РЕТРОРАЗВИТИЕ
О МОСКОВСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ МЕТАЛЛЕ
КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ, ДОМ № 1
ГЛАВНЫЙ ТЕАТР СТРАНЫ
СОЗДАТЬ МУЗЕЙНЫЙ ПАРК В КУЗЬМИНКАХ
МУЗЕЙ ИСТОРИИ МОСКВЫ

РОЛЬ АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ФОРМИРОВАНИИ МОСКВЫ КАК СТОЛИЦЫ

Савин А. А., архитектор

Смысл разговора об архитектурном наследии Москвы сводится не к повторению достаточно тривиальных для сегодняшнего дня истин (вроде той, что «нет будущего без прошлого», «лучший способ сохранить памятник — значит правильно его использовать» и т. п.). Все это, разумеется, так. Но хотелось бы все же конкретизировать, как уже в ближайшие годы можно поднять на качественно новый уровень значение архитектурного наследия в формировании облика Москвы как столицы нашей многонациональной Родины, как обеспечить сохранение этого уровня на долгие десятилетия вперед. Архитектурное наследие — не обособленная, замкнутая в себе и априори исключаемая из активного участия в жизни города группа специфических объектов, которая все еще некоторыми хозяйственными руководителями воспринимается чуть ли не как помеха при решении различных народнохозяйственных задач (в том числе и градостроительных).

Давно пора уже начать всем нам относиться к памятникам истории и культуры как к неотъемлемой части общегородского ансамбля, активно формирующей (не только эстетически, но и функционально) среду жизнедеятельности человека на любом этапе развития города как в прошлом, так в настоящем и будущем.

В самом деле, посмотрим, что входит в понятие «архитектурное наследие». Это — не только отдельные памятники архитектуры (здания, сооружения, исторические сады и парки, историко-архитектурные ансамбли и комплексы). Это еще и участки общегородского ландшафта, и исторически сложившаяся планировочная система улиц, площадей, переулков и формирующая их облик так называемая рядовая застройка. Сюда же относятся исторические и

мемориальные здания, отдельные участки городской территории, связанные с революционными и другими историческими событиями в жизни нашего государства. Это и ценнейшие произведения монументального искусства, и захоронения выдающихся деятелей искусства и науки; это также и культурный археологический слой города, отдельные памятники археологии.

Все эти группы недвижимых памятников являются составной, неотъемлемой частью не только той материально-пространственной среды, в которой сегодня живет и трудится наш современник, но и той Москвы, в которой будут жить наши близкие и далекие потомки.

Роль архитектурного наследия чрезвычайно велика в формировании образного строя любого исторического города, а особенно столичного. Какая столица не захочет возвеличить себя как город особый (поэтому и столичный!), уникальный, выдающийся, непохожий на другие города, с неповторимым индивидуальным обликом?

А что такое индивидуальный исторический облик города? Полагаем, что под произносимыми к месту и не к месту, гуляющими из статьи в статью такими словосочетаниями, как «индивидуальный облик Москвы», «Москва — памятник градостроительства», «Москва — исторический город» и т. п., имеется в виду совокупность нескольких групп структурных градостроительных элементов, определяющих лицо любого крупного исторического города.

Во-первых — архитектурно-планировочная система города, сложившаяся в процессе многовекового развития. Особое место в этой системе занимает сеть улиц, переулков и площадей в историческом центре Москвы (в границах на первую половину XIX века, примерно по бывшему Ка-

мер-Коллежскому валу). Важна здесь и иерархия исторически устоявшихся пространственных соотношений площадей, улиц, переулков, внутриквартальных и незастроенных участков. Нарушение этой иерархии в процессе реконструкции города, при создании на месте снесенных зданий или сооружений новых открытых пространств в центре Москвы, иногда близких по параметрам даже Красной площади (например, в районе нынешней Добрынинской и Октябрьской площадей, не говоря уж о полностью пространственно «разваленных» Тургеневской и Арбатской площадях), приводит к инфляции, к принижению роли этого выдающегося историко-архитектурного ансамбля мирового значения в формировании нашего города как столицы государства. Еще более нетерпима потеря чувства меры, когда среди старых московских переулков (под маркой «санации среды», под лозунгом «создать одинаково комфортные условия для проживания трудящихся во всех районах города») создаются такие внутриквартальные «просторы», которые в 2—3 раза, а иногда и более превышают габариты расположенных вблизи, за цепочкой домов, площадей старого города.

Во-вторых — общегородской ландшафт. Одна из главных «лежащих на поверхности» задач — сохранение (а уж если изменение, то обязательно тщательно взвешиваемое, с проверкой влияния этих изменений на облик города) тех городских панорам и «видов», которые воспринимаются с холмов, площадей, мостов.

Конечно, каждый житель тут вспомнит о видовой площадке на Ленинских горах, Красной площади, Московском Кремле, о «видах» Коломенского, Новодевичьего, Новоспасского монастырей, Останкина и многих других ансамблей, о панорамах и комплексах, составляющих в совокупности образ нашего великого города. Подобных мест в Москве великое множество, большинство из них строго зафиксировано и берется на учет.

В-третьих — археологический культурный слой города, а также представляющие самостоятельную историко-культурную (в том числе — историко-архитектурную) ценность отдельные ансамбли, здания и сооружения.

В самом деле, если даже не заглядывать в архитектурные справочники и альбомы, не рассматривать картины, гравюры и планы, характеризующие архитектуру Москвы хотя бы со второй половины прошлого столетия, если даже посмотреть на Москву только лишь глазами молодого человека, родившегося после 50—60-х годов нашего века, все равно Москва, как индивидуальность, для любого из нас — это, конечно же, не столько застройка Орехово-Борисова, Медведкова, Кузьминок или Крылатского, а прежде всего Кремль, Красная площадь с Мавзолеем В. И. Ленина и храмом Василия Блаженного, ансамбли Коломенского, Кускова, Измайлова, Царицына; Большой театр и Музей революции (бывший Английский клуб), Казаковская больница у Петровских ворот, Пашков дом на проспекте Маркса и шехтелевский Дом-музей М. Горького (в прошлом особняк Рябушинского), Горбатый мост (вошедший в нашу революционную историю пресненскими боями в 1905 году), Крутицкое подворье, Свято-Данилов, Высоко-Петровский и Новодевичий монастыри, станции метро «Маяковская» и «Кропоткинская», Шуховская башня на Шаболовке и многие другие выдающиеся и рядовые (с точки зрения градоформирующего влияния на современную и будущую архитектуру столицы) памятники, охраняемые государством.

Такого рода зданий и сооружений, находящихся под охраной государства, в нашем городе к началу 1988 года числилось 2914 (в том числе 1564 отдельных здания). К концу XX века число таких памятников, судя по имеющимся на сегодня заявкам специализированных организаций и на основе историко-архитектурных исследований, достигнет

Тверской бульвар; на первом плане — Дом Цурикова, памятник архитектуры начала XIX века (реставрируется)

Большая Коммунистическая ул. На заднем плане церковь Мартина Исповедника, конец XVIII века

Для реконструкции и развития исторически сложившейся центральной части города в пределах бывшего Камер-Коллежского вала характерен дифференцированный подход. На территориях с особо строгим режимом реконструкции сохраняется вся разновременная и разностильная застройка, характерная для нашего многовекового города

примерно 5 тыс. (в том числе 2800—2900 отдельных зданий-памятников). Все они определяют индивидуальный облик нашего города и его отдельных фрагментов, поэтому их надо сохранить на века. Все эти памятни-

ки как полпреды культуры, созданной нашими предшественниками и современниками, передаваемые как эстафета городу будущего, должны не просто участвовать в формировании облика Москвы 2000 года, но

и во многом определять этот облик.

В-четвертых — так называемая рядовая историческая застройка, которая формирует индивидуальный облик города фактически ничуть не меньше, чем планировка, общегородские панорамы и отдельные (пусть даже выдающиеся) памятники.

В самом деле названные отдельные ансамбли и памятники живут в городском ансамбле лишь тогда, когда есть сомасштабная им, несущая на себе печать многовекового развития окружающая застройка, которая не отрицает, а усиливает индивидуальный облик столицы. Эта рядовая московская застройка характеризуется разноэтажностью, разностильностью архитектуры, очень тесной связью с рельефом улиц, переулков с их изгибами в плане. Например, в границах Бульварного кольца (в пределах бывшего Белого города) вдоль улиц она чаще всего «сплошная». Для районов между Бульварным кольцом и Садовым (бывшим Земляным городом) более характерны курдонерные, усадебного типа владения (с отступом главного дома от линии застройки в глубину участка).

Эта среда — также и материальный носитель, свидетель и хранитель многовековой истории города, его прошлого и настоящего, жизни и деятельности ученых, писателей и художников. Плохое техническое состояние этой застройки — не причина для ее бездумного сноса, а повод для принятия скорейших мер по ее ремонту и реставрации.

Стоит заменить эту «среду» современной пусть и разноэтажной застройкой (даже если исключительно «кирпичной», без панелей и блоков), поставить новые здания с необходимыми санитарными разрывами, с отступом от красной линии в глубину бывших дворовых участков и не станет города как вечно живущего, гармонично развивающегося градостроительного целого; останутся архитектурные шедевры как «экспонаты» на фоне новых строений.

Как же быть? Ведь в Москве таких рядовых построек, многие из кото-

Бывшая Гончарная слобода. Церковь Успения в Гончарах, XVII век: на заднем плане — церковь Николая на Болвановке.

На некоторых исторических улицах необходимо воссоздание (или возобновление) утраченного в прежние годы фронта так называемой рядовой застройки.

рых никакой иной градостроительной ценности кроме как «формировать облик старого города» вроде бы и не несут, около 9,5 тыс.! Территории, на которых они расположены (а это не только участки внутри Садового кольца и Камер-Коллежского вала, но и зоны охраны вокруг бывших подмосковных усадеб, вдоль рек и в пределах природоохраненных зон), занимают сегодня около 8500 га в центре города да еще не менее 10—12 тыс. га вне его.

Как же обеспечить их сохранность в процессе дальнейшего развития нашей столицы? В Москве, крупнейшем историческом городе страны, решение этой задачи имеет свою ярко выраженную специфику.

«Что ни город — то норов». Это ведь не только о том, что каждый исторический город ярко индивидуален. Это еще и необходимость неординарного подхода к методам, приемам сохранности своеобразия этих городов. В самом деле, как расшифровать абстрактный призыв «Сохраним наши исторические го-

72

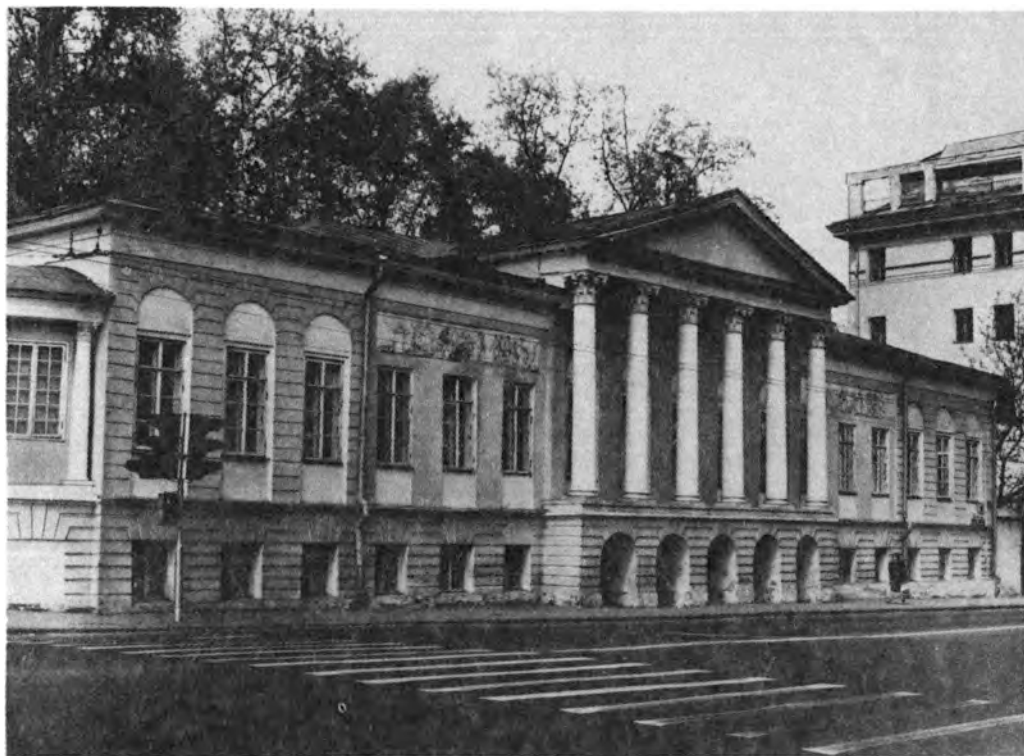
рода как памятники» применительно к Москве? Разумеется, это тема специального и большого разговора. Но, по нашему убеждению, есть важные различия в методике обеспечения сохранности историко-культурного наследия в таких городах, как скажем, Вологда, Псков, даже Новгород и Таллинн, где территории исторических центров занимают площади порядка 100—150 га, и как Москва, Ленинград, Киев, где счет этих площадей идет на тысячи га.

Совершенно очевидно, что для сохранения исторических центров малых и даже средних городов (разумеется, в тех случаях, когда они без особых искажений живут как единый комплекс), применим метод научной реставрации, консервации и, как исключение, капитального ремонта с фрагментарной реставрацией. Одной из основных, а нередко и самой главной в таких городах является функция туристско-экскурсионного показа, туристского обслужива-

Дом Палибина, XVIII век (ул. Бурденко, 23). С 1984 года в нем размещаются художественно-реставрационные мастерские Всесоюзного научно-исследовательского института реставрации живописи

ния, а также жилая функция. Новое строительство (единичное) должно допускаться как крайняя, исключительная мера и чрезвычайно жестко регламентироваться абсолютно по всем признакам (от функционального назначения и объемно-пространственного решения до стилистики фасадов). Этим методом должно, разумеется, пользоваться и в Москве, но с важной оговоркой.

В Москве возможен только дифференцированный подход к обеспечению сохранности наследия, основанный на необходимости точно определять степень допустимого реконструктивного вмешательства на каждом отдельном участке городской территории в зависимости от ее комплексной историко-культурной ценности. Ценность эта опре-

Дом Муравьева-Апостола, XVIII век (ул. Карла Маркса, 27). С 1985 года — Московский музей декабристов.

В Москве сохранились и приспособляются под культурно-просветительские цели многие памятники архитектуры

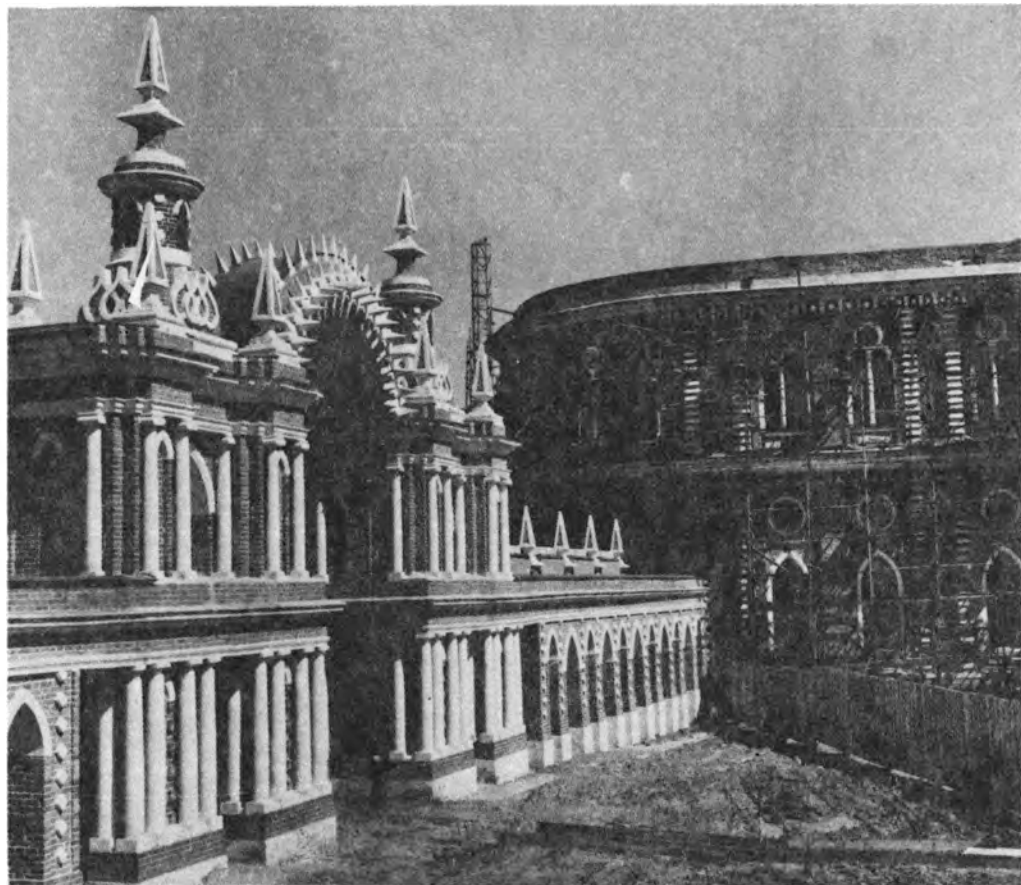
деляется, в свою очередь, на основе историко-архитектурного опорного плана. Например, в Китай-городе не только каждое здание, но и каждый кусочек земли уникален по своей историко-культурной значимости. Здесь практически не может идти речи о сносе каких-либо зданий или об активном новом строительстве, а необходима, главным образом, научная реставрация зданий с приспособлением их к современным функциям, обеспечивающим сохранность ценных историко-архитектурных их качеств (не только сохранение и реконструкция фасадов, но и объемно-планировочной структуры).

Таким методом решаются, скажем, вопросы развития Музея

В. И. Ленина, реконструкция ГУМа и бывшего Шевалдовского подворья.

А вот в кварталах застройки средних улиц и переулков эта же проблема решается несколько иначе. При обязательном сохранении исторически сложившейся в XVI—XVII веках планировочной системы и разностильного характера застройки здесь надо обеспечить современные, комфортабельные условия проживания москвичей в ряде строений, не представляющих самостоятельной историко-культурной ценности. Практически с нуля приходится создавать здесь развитую систему учреждений досуга, культурно-бытового обслуживания, резко повысив качество их инженерного обеспечения.

Тяжелое техническое состояние перекрытий и фундаментов примерно 60% строений во многих кварталах исторических зон города иногда диктует их предварительную разборку, даже при необходимости их последующего воссоздания; но в то же время стремление сохранить

74

лицо улицы, переулка (а лицо-то это формируется именно этими «маловыразительными» в отдельности домиками!) требует самым внимательнейшим образом разобраться с каждым строением. Тогда должны проводиться дополнительные всесторонние натурные обследования, изыскания историко-искусствоведческие, краеведческие, инженерно-геологические и т. п.

Наконец, есть в историческом центре нашей столицы достаточно большое число мест и участков, где новое строительство не только не исключается, но является обязательным: речь идет, например, о «встройке» на месте тех зияющих (как «выбитые зубы») провалов, которыми отмечены и занятая ранее сплошной ленточной застройкой Кадашевская набережная (в районе Государственной Третьяковской га-

лереи), и таких улиц, как Пятницкая, Чернышевского, Герцена, Воровского и др. Таких необходимых «вставок» надо сделать не менее 450. Есть и такие участки, где могут (а иногда просто должны) появиться новые здания с архитектурой, способной исправить сложившееся к нашему времени невыразительное объемно-пространственное решение, обогатить общегородской силуэт, подобно тому, как это было достигнуто сооружением семи высотных зданий в 50-х годах.

Особая проблема — воссоздание утраченных в сравнительно недавнем прошлом архитектурных доминант, уникальных памятников. Речь идет и о Сухаревой башне, и о Красных воротах, и о Казанском соборе на Красной площади и других памятниках. Целесообразность восстановления таких объектов должна рассмат-

Историко-архитектурный ансамбль «Царицыно», XVIII век (архитекторы В. Баженов, М. Казаков). На заднем плане «Хлебный дом». Вопрос о характере ранее утраченного архитектурного завершения здания решается в процессе реставрации. Работы по восстановлению галереи носили в основном характер ремонтно-реставрационных

риваться отдельно в каждом конкретном случае с учетом комплекса факторов: ожидаемого градостроительного эффекта, социально-политической значимости подобной акции; технических и экономических возможностей, научно-методической обоснованности принимаемых решений и т. п.

Любое новое строительство в историческом центре при всех оправдывающих его условиях должно регламентироваться, необходимо учитывать его будущую роль в создании силуэта Москвы, в формировании панорам города. За последние годы постановка таких объектов проверяется с привлечением ЭВМ. Несколько проектов сооружений после такой проверки были отклонены или значительно откорректированы (новые здания института Гельмгольца,

застройка Таганской площади, строительство на Абельмановской заставе).

Каким же видится состояние архитектурного наследия Москвы в 2000 году?

Основные направления работы и ее общая концепция определены программой «Архитектурное наследие», разработанной в 1987—1988 годах УГК ОИП г. Москвы при широком обсуждении ее специалистами, общественностью, в том числе и через средства массовой информации, и утвержденной исполкомом Моссовета в августе 1988 года.

Значительное место в ней уделено мерам по обеспечению сохранности и научной реставрации выдающихся историко-архитектурных ансамблей, во многом определяющих облик столицы: Кремля, Красной площади, Коломенского, Кускова, Царицына, Новодевичьего, Ново-Спасского, Высоко-Петровского и других монастырей; Кузьминок, Останкина и др.

Предусмотрено осуществление ряда мер по улучшению использования памятников архитектуры, в первую очередь 88 объектов, которые еще в XI пятилетке были заняты складами, лабораториями, коммунально-хозяйственными учреждениями.

Кроме того, программой предусмотрено проведение по всем находящимся под государственной охраной памятникам, а также по зданиям рядовой застройки в исторических зонах города различных ремонтно-реставрационных работ в зависимости от технического состояния зданий и сооружений, от сроков реконструкции окружающих территорий и застройки.

Особое внимание обращено на памятники, нуждающиеся в срочном проведении противоаварийных или капитальных ремонтно-реставрационных работ. На начало 1988 года таких зданий-памятников было около 220.

На основе общих показателей, предусмотренных программой «Архитектурное наследие», разрабатываются конкретные пятилетние и годовые планы по ремонтно-рестав-

Церковь Сергия Радонежского в Рогожской слободе (Ульяновская ул., 59)

76

рациональным работам в Москве. Так, например, подготовленной УГК ОИП и утвержденной Мосгорисполкомом программой на XII пятилетку предусмотрено завершить реставрацию 198 памятников. Эти работы выполняются, в основном, государственными специализированными научно-реставрационными организациями (объединениями «Союзреставрация» Министерства культуры СССР и «Росреставрация» Министерства культуры РСФСР), специализированными мастерскими Главмосремонта.

Среди крупных первоочередных объектов реставрации гостиница «Метрополь», церковь Большого Вознесения, Богоявленский собор в Куйбышевском проезде, комплекс памятников XVIII—XIX веков по Тверскому бульвару, 24—26 и др. Кроме того, в ближайшее время должны начаться работы на таких объектах, как Влахернская церковь и Египетский павильон в Кузьминках, главный дом усадьбы Трубецкой-Бове на улице Москвина, дом Верещагиной в Среднем Трехгорном пер.

Реставрация особо крупных историко-архитектурных ансамблей столицы предусмотрена с четким разделением ее по этапам, когда ансамбль реставрируется и даже предьявля-

ется к сдаче государственным органам охраны памятников частями и даже отдельными фрагментами.

И тем не менее очевидно, что какими бы гигантскими скачками мы ни наращивали мощности научно-реставрационных организаций, всех проблем обеспечения сохранения исторического города одной лишь этой мерой все равно не решить.

В Москве, например, только за последние 12—15 лет проведены разного рода ремонтные и реставрационные работы по более чем 470 памятникам; ежегодные объемы работ, выполняемых специализированными реставрационными организациями, выросли за это время с 4,2—4,5 млн руб. до 22—25 млн руб. Сложилась парадоксальная, на первый взгляд, ситуация: реставрационные мощности растут, а пресса и общественность все равно «шумят», неудовлетворенность состоянием Москвы как города-памятника остается. В чем же тут дело? Думается, здесь надо указать среди прочих на два важных обстоятельства.

Первое. Общественная оценка состояния дел с архитектурным наследием ориентируется не столько на охват научной реставрацией максимально большого числа памятников, сколько на техническое состояние или содержание в целом исторической застройки (включая разумеется и памятники), исторических садов и парков. А это состояние зависит в первую очередь от регулярного проведения через каждые 4—5 лет профилактического (текущего) ремонта, благоустройства и эксплуатационного ухода за зданиями, территориями и насаждениями. Работы эти должны организовывать главным образом арендаторы-пользователи. Специализированные же научно-реставрационные организации должны привлекаться для проведения лишь особо тонких специфических работ (ремонт сложной по своей геометрии кровли, лепнины на фасадах и в интерьерах и т. п.).

Второе. Традиционное невнимание к регулярному капитальному ремонту

Собор Василия Блаженного. Фрагментарная реставрация 1975—1980-х годов позволила частично воссоздать первоначальный облик памятника. На первом плане (внизу) роспись живописным орнаментом по всему периметру галерей, XVI век; на среднем плане — первоначальная покраска стен «под кирпич»; сверху — декоративные завершения, XVII век

зданий, формирующих историческую застройку. А это нередко требует привлечения специализированных ремонтных и даже реставрационных сил. Необходимая периодичность проведения этого вида работ по

каждому отдельно взятому объекту — 15—20 лет.

Программой обусловлено, что для решения указанной выше «программы-минимум» необходимо нарастить суммарные ежегодные мощности специализированных реставрационных организаций, работающих в Москве, примерно в 1,7—1,8 раза по сравнению с серединой 80-х годов и довести их к 2000 году до 45—50 млн руб., а мощности специализированных городских ремонтных служб — до 75—80 млн руб. (в настоящее время 15—17 млн руб.)

Программой предусмотрено рез-

кое улучшение археологического надзора за состоянием культурного слоя города, проведение необходимых археологических исследований по специальной программе и т. д.

С учетом сказанного, к 2000 году мы должны иметь примерно такую картину с состоянием недвижимых памятников в Москве.

В текущем реставрационном ремонте будет регулярно находиться около 15—18%, а еще на 6—7% памятников будут вестись капитальные ремонтно-реставрационные работы. Научная же реставрация как специальный, «элитарный» вид работ должна быть проведена за период 1985—2000 годов примерно на 350 объектах. Среди них ансамбли Новодевичьего, Донского Высоко-Петровского и Николо-Спасского монастырей, Царицына, Останкина, Кускова, Ясенева и др.

Кроме того, ежегодно разного рода ремонтные (в том числе ремонтно-реставрационные) работы будут одновременно вестись на 350—400 зданиях рядовой исторической застройки.

Важной задачей при такой расширяющейся практике ремонтно-реставрационных работ является обеспечение их высокого исполнительского качества и строгого соблюдения научно-методических требований. Без этого вообще теряется смысл ведения реставрации, ее можно делать лишь или строго научно и высококачественно, или — никак. Сделать «полуграмотно» реставрацию нельзя, так как в этом случае она будет являться не реставрацией, а ремонтом, в результате которого утрачиваются качества здания, которые и делают его памятником. А это уже не реставрация.

Одно из действенных средств избежать такого поворота в реставрационных делах — усиление и расширение прав и полномочий государственных органов охраны памятников истории и культуры.

Еще одна характерная черта реставрационных проблем Москвы — необходимость срочного проведения

(уже в ближайшие 5—7 лет) консервационно-противоаварийных работ на объектах, находящихся в тяжелом техническом или аварийном состоянии. Решение как этих, так и других важных задач также предусмотрено в программе «Архитектурное наследие». Какова же направленность программы в отношении сохранения города как памятника градостроительства? Предусмотрены работы по выявлению и сохранению индивидуальных качеств улиц, площадей, переулков, зданий, садов, бульваров, исторического центра города, а также градостроительной среды, сформировавшейся вокруг бывших загородных (а ныне уже давно московских) ансамблей, что связано с выполнением всего спектра народнохозяйственных и социально-политических задач.

Нельзя, например, решать задачу улучшения функционального использования зданий-памятников или освождения исторической застройки от многочисленных арендаторов, буквально захламляющих их территории, без соответствующих капитальных вложений со стороны министерств и ведомств, обеспечивающих ремонт имеющихся или строительство новых зданий, куда можно было бы вывести этих арендаторов. Никакие ремонтные или строительные организации не смогут обеспечить в соответствии с современными требованиями сохранность недвижимых памятников Москвы, если будут в исторических зонах города, где на каждом квадратном метре нужен «ювелирный» стиль работ, вести тем не менее свои дела в духе традиций и опыта, накопленного ими за десятилетия массового строительства на открытых пространствах.

Таким образом, сохранить индивидуальный облик Москвы и ее памятников истории и культуры зависит не только (и не столько!) от специалистов-реставраторов, сколько от стиля работы, умения организовать ее со стороны всех организаций, работающих в нашем историческом городе.

Реализация программы «Архитектурное наследие» позволит вернуть памятникам нашего города их законное место, которое они должны

заять в процессе формирования Москвы как столицы нашей страны и, в то же время, как выдающегося памятника градостроительства.

СОХРАНИТЬ ИСТОРИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

Мержанов С. Б., архитектор

Нет, наверное, такой статьи в печати, где бы не шла речь об историческом облике Москвы и не было бы слова «своеобразие».

Стало уже традиционным ссылаться на справедливо высказанную мысль об утере Москвой ее своеобразия. Однако каждый из тех, кто как-то пытается ввести в обиход термин «своеобразие», находит ему свое определение.

Любой город неоднозначен. Город с миллионным населением — многолик. Такой «мультимиллионер», как Москва, содержит в себе громадные слои неисследованного и неиспользованного потенциала своеобразия. При этом, если говорить о своеобразии архитектуры, то здесь мы подразумеваем не только постройки древнейших времен, не только известные ансамбли. Архитектурное своеобразие может выражаться весьма, на первый взгляд, скромными историческими образцами зодчества, инженерии или, скажем, торговой рекламы.

В самом деле, ведь наряду с шедеврами облик Москвы определяют и такие объекты, как, например, «дом-комод» на Садово-Кудринской улице, где размещается музей А. П. Чехова. Или скромный небольшой домик столетней давности на Новослободской улице, которого, увы, с недавних пор не существует. А ведь он нес на плоскости своего торца уникальную дореволюционную надпись высотой в несколько метров, надпись, подобных которой, вероятно, уже нет больше в столице... Или Шуховская радиобашня — это уже наш, советский период, — но именно такие постройки и сооружения как раз и определяют историко-архитектур-

ное своеобразие города, составляют мозаику его неповторимого облика.

Здесь мы пока ведем речь о том, что относится к центру или, как принято говорить, историческому ядру города. И если даже в нем, в этом ядре, наши, порой утопические, но всегда благородные мечты по преобразованию городской среды с максимальным восстановлением и реставрацией памятников сталкиваются с суровой реальностью жизнедеятельности города и человеческих взаимоотношений (особенно в таком городе, как Москва), то что же говорить о тех отдаленных районах города, где наращивает темпы массовое строительство?

Не будем организовывать дискуссию о том, какими способами возможно переделать нашу домостроительную индустрию — тема эта важная и требует особого разговора. А вот какое конкретное место Москвы становится очередным полигоном для массового строительства, каковы достоинства и недостатки последнего и как именно они повлияют на своеобразие места, нужно говорить и даже спорить.

И если, применительно к историческому центру города, мы с сожалением констатируем факт исчезновения реально существовавшего источника своеобразия в угоду очередному пустырю или безликому объему (как во многих случаях в центральной части Москвы), то в новых районах своеобразия, еще не родившись... нет, не умирает, а засыпает глубоким сном, близким к летаргии. Это, впрочем, не отрицает его пробуждения в какой-либо из моментов. И насколько раньше это пробуждение наступит (во имя чего трудятся многие архитекторы, историки, социологи, краеведы), настолько и выиграет

современная среда, в которой живет и трудится наш современник.

Но безликость, серость, аморфность, которую порождает архитектура массового жилища во многих московских районах,— пока реальность и никауда от нее не уйти. Поэтому методика поисков историко-архитектурного своеобразия с последующими практическими разработками, связанными с этой темой, на наш взгляд, должна в значительной степени учитывать, принимать во внимание сложившуюся безликую «подоснову» и диктовать направления ее переустройства.

Понятие «массовая архитектура» пришло в наш лексикон лет 25—30 назад. В то время районы с одно- и двухэтажной застройкой, находящиеся в относительном отдалении от центра Москвы, были в директивном порядке признаны «ветхими» и «малоценными». А «отдалением» считались сравнительно небольшие дистанции что-то около 5—7 километров. Но поскольку Москва в своем восточном и северо-восточном секторе имеет как бы «эксцентриситет» исторической застройки, что связано с быстрым развитием Лефортова, Семеновского и Преображенского на рубеже XVII и XVIII веков, постольку и новое строительство в этих районах, часто ведущееся бессистемно, вступило в явное противоречие со сложившейся градостроительной структурой и городской тканью. С одной стороны, эта борьба «нового со старым» как в физическом аспекте, так и с точки зрения моральной, привела, как мы знаем, к истине революционной ситуации в области охраны исторического наследия — сейчас в Лефортове, благодаря стараниям добровольческих обществ и их активистов, делаются небезуспешные попытки сохранения фрагментов исторической застройки Москвы. Так были спасены ставшие теперь знаменитыми палаты Щербакова XVIII века на Бакунинской улице. Но, с другой стороны, мы обращаем более пристальное внимание на состояние и тех памятников,

где положение не столь радостное, как хотелось бы. Тревожная ситуация — уже через сотню-другую метров: на четной стороне той же улицы стоят несколько домиков XIX века. Существуют проекты полного сноса этих зданий с дальнейшим строительством многоэтажных жилых домов с магазинами подобно тому, как это сделано на противоположном фланге Бакунинской. Возникает вопрос: если здесь по проекту предусмотрены учреждения обслуживания, то стоит ли так уж поспешно избавляться от старых строений? Тем более, чтобы на их месте выросли типовые, начисто лишённые какого-либо эстетического облика встроенно-пристроенные блоки магазинов и кафе? Думается, что архитекторы пока не изучили всех возможностей сохранения и использования исторических зданий и идут на поводу у стереотипов. А в этом случае до истинного творчества — очень и очень далеко.

Преображенское. Здесь под натиском новых зданий уцелели-таки фрагменты исторической среды — комплексы, состоящие из невысоких домов XIX и начала XX веков, характерные интересным декором фасада, широким применением металла в архитектуре козырьков и створок ворот. Такова группа зданий по улице Девятая Рота, что в пяти минутах ходьбы от станции метро «Преображенская площадь». Обратим внимание на то, что и название самой улицы тоже является памятником — образцом топонимики XVII века. Все это наводит на мысль о создании здесь, в Преображенском, настоящего музейного квартала, посвященного истории района. Трудно отыскать для подобных функций лучшие помещения, чем вот такие здания, характерные ярко выраженными признаками историчности.

Если даже в Лефортове и Преображенском, которые москвичи ныне считают районами, более тяготеющими к центру, нежели к окраинам, если даже в них так остро стоит проблема взаимодействия массового строительства с историко-архитектур-

Группа жилых домов XIX века с сохранившимися воротами на улице Девятая Рота вблизи Преображенской площади. Один из

интересных примеров включения исторического фрагмента в квартал нового жилищного строительства. Фото А. Попова

ными фрагментами, то что говорить про те многочисленные села, деревни и даже города, которые стали Москвой совсем недавно, в начале 60-х годов? Ведь каждый из этих населенных пунктов до сих пор хранит память своей истории. А материализованная историческая память — это и есть архитектура древних церквей и усадебных комплексов, сельских домиков и старых аллей. Разработка методики органичного включения таких памятников в новую среду, основой формирования которой продолжает оставаться массовая застройка, как раз и является одной из генеральных задач, стоящих перед современными архитекторами.

82 Если в вопросе сохранения исторической среды центров городов и «вкрапления» в нее одиночных новых построек уже имеются как теоретические разработки, так и практические воплощения (например, жилые дома на Малой Бронной или улице Жолтовского), то обратное понятие — «старое в новом» пока еще является непривычным, и, следовательно, тема эта — неразработана. Среди единичных примеров, демонстрирующих попытки архитекторов учесть характерные приметы конкретного места и использовать их в новой среде, можно назвать работу над проектом жилого района Тропарева, относящуюся к 60-м годам. В одном из вариантов генерального плана было предложено расположить многоэтажные здания таким образом, чтобы зрительные перспективы, возникающие при взгляде из центральных пространств микрорайона, замыкались на памятнике архитектуры конца XVII века — церкви Михаила Архангела. И хотя эта идея была воплощена лишь частично, она продемонстрировала большие возможности в деле сохранения в районах массового строительства архитектурных и исторических памятников. Но надо помнить, что композиционный акцент на памятник — первая стадия его безболезненного включения в новую среду. Вторая стадия — приспособление постройки под совре-

менные нужды, разумеется, в тесном взаимодействии со всей многопрофильной структурой обслуживания данного района или микрорайона.

В настоящее время разрабатывается методика использования историко-культурного и архитектурного наследия в целях обогащения облика массовой жилой архитектуры. Работа ведется не первый год, и уже накоплен любопытный материал, наглядно показывающий, насколько широк диапазон памятников и других исторических зданий, официально памятниками не считающихся, но тем не менее представляющих несомненный художественный интерес.

Помимо храмов или усадебных ансамблей, часто с парками и прудами, которые, как мы уже говорили, нередко встречаются на территории Москвы, большим композиционным потенциалом обладают разнообразные технические сооружения. Среди них есть и знаменитые, как, например, Миллионный мост конца XVIII века через Яузу, несущий коммуникации Мытищинского водопровода, питавшего в давние времена Москву.

Практически не исследован специалистами целый жанр — железнодорожные сооружения, которым посвящено всего лишь несколько небольших публикаций в «Науке и жизни» да «Гудке». Так, на сооружаемой в Москве в начале XX века Окружной железной дороге возникли неповторимые ансамбли, автором которых был А. Померанцев, известный москвичам как строитель ГУМа (бывших Верхних торговых рядов). Достаточно ознакомиться с группой зданий на станции Лихоборы, где и по сей день можно увидеть жилой дом с соевой, сидящей в нише над окном, фонарь у главного станционного здания и многие другие сооружения, отличающиеся необычным силуэтом и высокохудожественной разработкой пластики фасадов. И здесь проблема та же: каким образом избежать творческой прямолинейности при сочетании построек, определяющих неповторимость места, с тем, что возводится в наши

Жилые дома XIX века на четной стороне Бакунинской улицы. Стоит ли их сносить? Ведь новые дома могут быть построены в глубине квартала, в то время как исторические здания могли бы использоваться под различные учреждения обслуживания: кафе, магазины, предприятия службы быта. Фото А. Попова

дни? Историки архитектуры совместно с проектировщиками думают, размышляют, спорят, отвергают одни варианты и соглашаются с другими... Одним словом, работа не стоит на месте.

Еще один, совершенно неразработанный «пласт» — дачная архитектура рубежа XIX и XX веков. Для Москвы эта проблема стала актуальной в последние 2—3 года, когда к ее территории были присоединены Бутovo, часть Переделкина и некоторые другие населенные пункты, вот уже без малого столетие известные как места отдыха жителей Москвы. Нами накоплен некоторый опыт сохранения дачных построек в других городах (в частности, подмосковных), и на его

основе можно сказать вполне определенно: повальный снос дачных строений дореволюционной постройки, часто выполненных в лучших традициях «модерна» и «русского» стиля, не оправдан ни с эстетической, ни, что особенно важно, с экономической точек зрения. Ведь после того, как бульдозер пройдет по бывшему поселку, сменяя архитектуру, а заодно и вековые деревья, и фруктовые сады, и после того, как будут построены на этом, теперь уже ровном и однообразном месте, новые здания, тотчас же возникает проблема размещения различных детских учреждений, клубов по интересам, кружковых комнат, студий и т. д., а также торговых объектов — овощных ларьков, киосков микробазаров и учреждений общественного питания. И выясняется, что для всех перечисленных функций не было помещений лучше, чем в тех зданиях, которых, к сожалению, теперь уже нет. И тратятся дополнительные

средства на строительство, а результат? Безликие коробочки летних базаров и павильоны под «русский» стиль, но теперь уже не натуральный, а примитивный и безвкусный. Такие павильоны за последний десяток лет порядком успели надоесть самим жителям — они лишь усиливают однообразие и без того унылых новых районов. Так что над проблемами дачной архитектуры, которую кое-кто из историков все еще, по старинке, величает «не представляющей ценности», предстоит большая научно-методическая и проектная работа.

Необходимо сказать несколько слов и о памятниках и комплексах советского времени. Например, о поселке «Сокол», снос которого, как мы помним, казалось бы, уже был не за горами. Но восторжествовал разум, и зеленый оазис с интересной планировкой и замечательными образцами архитектуры довоенного периода сейчас, без сомнения, обогащает облик близлежащих жилых районов. Или об ансамблях, которые, возникнув после Великой Отечественной войны, отражают наши представления о прекрасном в годы восстановления разрушенных городов. Таковы кварталы бывших подмосковных городов: Перова, Люблина,

В московском жилом районе Тропарево учтены архитектурно-художественные свойства памятника архитектуры XVII века церкви Михаила Архангела. Из внутриквартальных пространств района организованы видовые ракурсы на памятник. Фото А. Попова

поселка на Хорошевском шоссе, значительная часть которого, к сожалению, в последние годы подверглась неоправданному разгрому. Те, от кого зависит, сносить здание или оставлять его, зачастую не понимают простой истины: все эти послевоенные ансамбли также являются вехами памяти места, отражая историю и определяя своеобразие того или иного кусочка московской земли.

Итак, понятие исторического своеобразия Москвы, о котором мы говорили, оказалось достаточно широким. Не умаляя значения древнего центра нашей столицы и однозначно поддерживая всю многопрофильную работу, направленную на сохранение неповторимости московского ядра, все же вспомним, что территория Москвы в пределах Садового кольца — около 2%, а в границах Камер-Коллежского вала (включая Садовое кольцо) — 7% площади города. Поэтому для сохранения своеобразия уникального города (а Москва таковым и является) чрезвычайно важно знать, что

же делается на остальных 93% его территории, что задумывается, что проектируется и строится? Конечно, предстоит огромная работа по конкретизации и систематизации предложений и разработок в данном направлении и тех, которые уже имеются на сегодняшний день, и тех, которым еще предстоит появиться на свет. Надеемся, что сказанное побудит москвича чаще обращать внимание

на то историческое наследие, которым обладает его улица, квартал, район, на то, что мы строим сейчас и какими способами это новое строительство ведется, и, наконец, на то, в какой «диалог» — доброжелательный или не очень — вступает старая и новая архитектура. И если он обратит на это внимание — будем считать, что наши материалы опубликованы не зря.

РЕТРОРАЗВИТИЕ

Еремин Б. К., кандидат архитектуры

«...Вопрос открытый, без каверз: если мы сумели восстановить Триумфальную арку и вовсе не считаем ее новодельной, неисторической, может о судьбе Красных ворот подумать? Все материалы для их воссоздания есть. Может стоит обсудить. Публично изложить все за и против... Ведь прошлое нужно нам не для прошлого — для будущего, если мы не хотим его видеть серым и обезличенным, без тех богатств, которые дает человеку память».

С. Разгонов (Советская культура, 1986)

Когда задумываешься о будущем Москвы, перед глазами возникает вереница самых разнообразных картин. Все они связаны с тем или иным изобразительным рядом. Это и картинки-фантазии на почтовых открытках дореволюционного периода. Это и проекты-утопии, созданные архитекторами в 20—30-е годы, футурологические изыскания 60—70-х годов и так называемая бумажная архитектура молодого поколения архитекторов 80-х годов. Все эти фантастические видения и концептуальные предсказания как нельзя более полно и точно определяют представления, привязанности, предпочтения их создателей и позволяют понять приоритеты, присутствие той или иной социокультурной ситуации.

Начало XX века. Всепообеждающая вера в технический прогресс. Появление автомобиля, трамвая... И вот уже

мчатся они по металлическим эстакадам в самом центре Москвы, через Красную площадь. 20-е годы. Революционный порыв освобождает сознание от связи с прошлым, выдвигает новые святыни. Наркомат тяжелой промышленности — вот идол народа, строящего новую индустриальную столицу. Гигантские здания из стекла, стали и бетона вырастают в историческом центре города. Страницы книг, журналов и газет заполняются технократическими образами и видениями.

Мысль о вседозволенности в историческом ядре города достигает апогея в период проектирования и строительства Дворца Советов.

Отброшено все: историко-архитектурная ценность Кремля, определявшего композиционную структуру и социальную значимость центра; художественная ценность культовых сооружений (усиление борьбы с религией предопределило их участь); мемориальная бесценность многих памятников и зданий. Все стало возможным, вседозволенным! Нигилистическое отношение к наследию пронизывает и многочисленные проектные разработки 60-х годов и особенно конкурсные проекты 1965 года на центр Москвы в пределах Садового кольца. С поразительной яростью (не побоимся этого слова) архитекторы набросились на историческое ядро Москвы. Перекраивалась веками складывавшаяся планировка улиц и площадей, громоздились небоскребы и немислимых объемов метаболисти-

ческие сооружения. Исторический центр был зачеркнут, от него не осталось почти ничего. Варварские идеи некоторых политических маньяков о стирании Москвы с лица земли и о создании на ее месте большого озера воплотились во многих работах этого конкурса. Это была большая беда для Москвы и для всей архитектурной мысли того периода. И как это ни печально, нигилистические предпочтения подобного рода футурологов нашли свое отражение в практических разработках.

Центр все более терял свое лицо и теперь, в 90-е годы, утрата цельности художественного образа Москвы — факт очевидный, признанный на самых высоких уровнях общественного сознания и зафиксированный в политических документах партии.

Практикуемые в недавнем прошлом и предполагаемые в настоящем и будущем методы реконструкции Москвы и особенно ее исторического ядра малоэффективны или приводят к отрицательному результату. Так называемый «метод активной реконструкции», предполагающий прямое переосмысление всей образной символики города, его исторически сложившейся композиционной структуры, переоценка ценностей наследования, привели проектировщиков к отрицанию его градоформирующей роли, к его активной аннигиляции. Но было бы неверным представлять развитие идей реконструкции Москвы столь односторонне.

Еще в 1927 году академик А. Шусев, обеспокоенный судьбой историко-архитектурного наследия Москвы, обратился к Московскому Совету с докладной запиской, в которой указывал, что: «Москва — один из красивейших мировых центров — обязана этим преимуществом своей старине. Отнимите у Москвы старину, и она делается одним из безобразных русских городов». И он рисует план центра Москвы, где в полной мере проявилось его уважительное отношение к наследию прошлого. Позиция Шусева поддерживалась немногими архитекторами и крайне

робко. И вот наступил такой момент в развитии Москвы, когда нигилистические акции по отношению к центральному ядру города зашли так далеко, что нависла угроза полной потери ее художественного облика. Многим все более становится ясным, что в будущем необходимо не просто сохранение памятников архитектуры, а возрождение утраченных по тем или иным причинам элементов города. Воссоздание, скрупулезное и целенаправленное воспроизведение утраченных ценностей — путь к новому полнокровному и художественно осмысленному развитию.

Ретроразвитие — перенос прошлого в будущее. Идея давно витает в воздухе. Многочисленные и практические шаги в этом направлении. Многовековой опыт возрождения исчезнувших архитектурных объектов подтверждает объективную состоятельность ретроразвития. Как птица Феникс, сгорая, возрождается вновь, так и культура не хочет терпеть провалы в цепи своего непрерывного развития. Часто отторгая новации, она поворачивается лицом к прошлому и возрождает, воспроизводит утраченные звенья. Возрожденные Каркассон, Кампанила, Старо-Място, пригороды Ленинграда, культовые сооружения Новгорода, историческая среда Таллинна и многое другое — перечислять можно сколь угодно долго — все это ретроразвитие. И, несомненно, это не капризы национального самосознания, а объективная потребность самого процесса развития культуры.

Не случайно в проекте комплексной программы охраны и использования памятников истории и культуры Москвы до 2000 года записано: «Подлежат воссозданию утраченные или грубо нарушенные в результате реконструктивного вмешательства в городской ландшафт наиболее важные в историко-градостроительном отношении сектора обзора, городские панорамы, а также отдельные наиболее важные в историко-градостроительном отношении здания-памятники архитектуры».

Таким был и таким необходимо возродить вид Китай-города со стороны Театральной площади. Фото конца XIX века

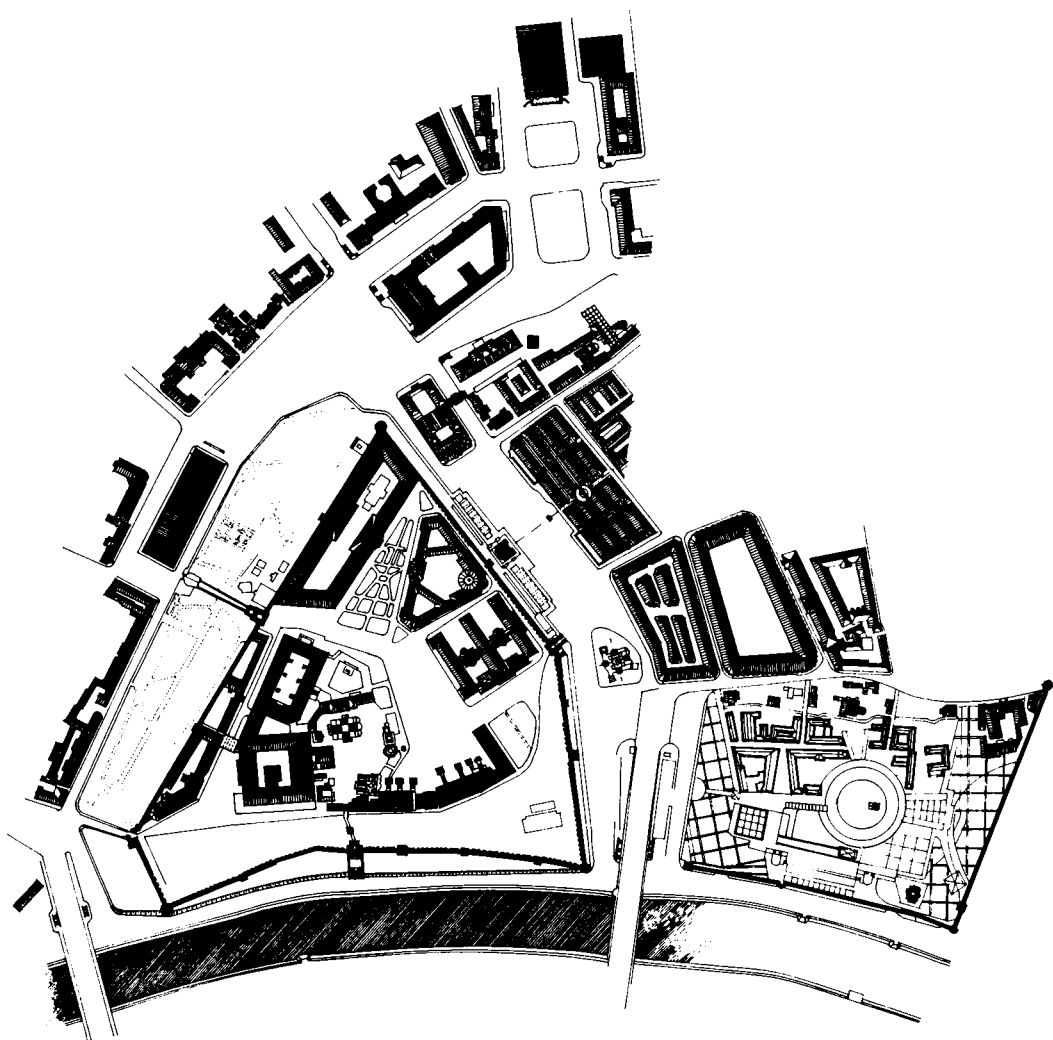
Совершенно очевидно, что каждый шаг по восстановлению должен быть подкреплен исчерпывающим исследованием письменных архивных материалов, сохранившейся иконографии, обмерными чертежами (если они есть) и другой документацией. И все же каждый раз воссоздание будет так называемым «новоделом». Это пугающий историков и сторонников «чистой» реставрации термин. Они видят за ним нарушение исторической правды, подделку, «клякву». Но что же поделаешь, если вся история архитектуры (в том числе и архитектурной реставрации) пронизана «новоделом». Нельзя войти в одну и ту же реку дважды. Любое воссоздание утраченного (даже самое научно обоснованное) связано с новыми материалами, додумками автора восстановления, наконец, с новыми людьми, которые воссоздают объект.

Кампанила на площади Сан-Марко в Венеции, Триумфальная арка в Москве, Пушкинский заповедник в Михайловском и многое, многое другое — все это «новоделы». Несмотря на все наши опасения, что подобного рода воссоздания грешат исторической «неправдой», иного пути сохранения целостной цепи в непрерывном развитии культуры просто нет. Не хранить же руины, тщательно оберегая их от какого-либо вмешательства извне. Хранение

руин, их консервация представит нам часть исторически достоверного материала, но не сможет подключить нас ни эмоционально, ни эстетически к восприятию целостного художественного образа, утерянного во времени. В то же время, воссоздание сооружений связано с применением новых материалов и воспроизводством формы заново. К таким «новоделам» можно отнести возрожденные заново южную Кремлевскую стену, Никольскую башню, Кампанилу на площади Сан-Марко и множество других.

Макетирование в натуре — воспроизведение заново существующего объекта, «классическая» реставрация которого невозможна или затруднена техническими сложностями. Символом подобного «новодела» может служить храм-святилище в Исэ (Япония), возрождаемый вновь через каждые 20 лет. Подобная судьба возможно ожидает и всемирно известный ансамбль Кижи. Иногда форма возрождения носит ассоциативный характер — с помощью знака, символа, имитации градостроительных элементов достигается создание силуэтного эквивалента (высотные акценты на месте утраченных исторических доминант). Таким образом, ретроразвитие есть форма считывания различных слоев искаженного или утраченного «текста» для осознания, понимания всего связанного художественного целого.

Особое место в проблеме «Ретроразвитие» занимает Москва. Последнее время в газетах и журналах, в про-

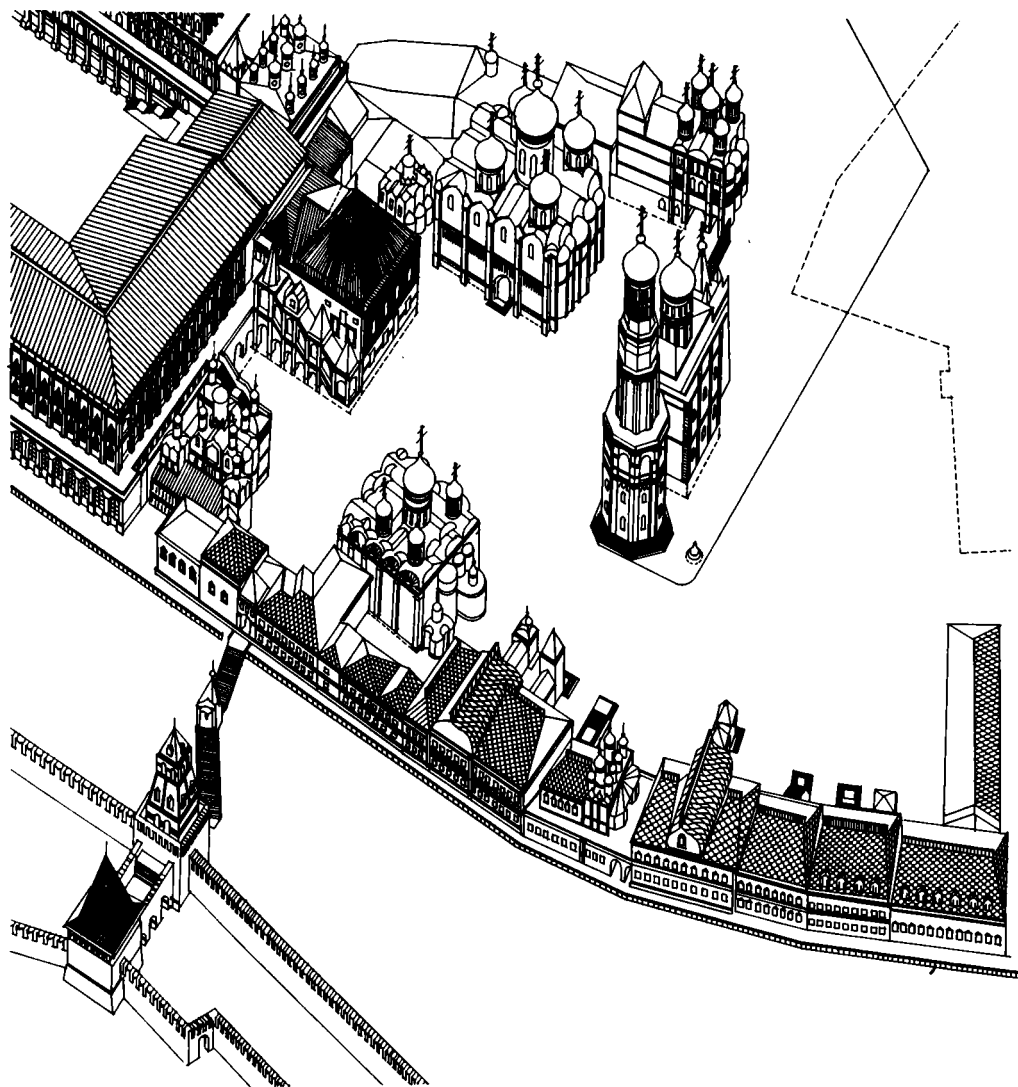
фессиональной литературе, по радио и телевидению сказано столько о безвозвратных потерях ее исторического ядра, что повторяться просто не имеет смысла. Следует только отметить, что все большее понимание находит мысль: объект реконструкции интересует нас не своей абстрактной значимостью, а своей «душой», поскольку необходимо считаться не просто со сложившейся архитектурно-градостроительной ситуацией, а со средой — носителем прошлого человеческого опыта, истории, культуры и традиций. То есть реконструкция подвергается, в первую очередь, не отвлеченная пред-

В дипломном проекте (1985 г.) студенты МАрхИ С. Лагутина и Е. Гудкова предложили воссоздать утраченные элементы в ансамблях Кремля и Китай-города.

План Кремля и Китай-города, разработанный в этом проекте. Аксонометрия Соборной и Ивановской площадей. Вид с колокольни Ивана Великого воссоздаваемых зданий Приказов (с. 88—91)

метно-пространственная, а «очеловеченная» среда и на первый план выступает эстетическая, а не техническая ценность памятника, что постепенно стирает грани между историческим подлинником и «новоделом».

Признание подобного рода реконструктивной деятельности вовсе не ставит под сомнение метод чистой

реставрации. Реставрация опирается на сохранение физического состояния памятника с максимально возможной передачей его в неизменном виде последующим поколениям. Любая реконструктивная деятельность, вмешательство в облик памятника считается недопустимым приемом, художественные аналоги вредными.

Ретроразвитие, включая в метод как «чистую» реставрацию, так и «новодел», предполагает оценку наследия не только с позиций его документальной, научно-познавательной ценности, но и с позиций эстети-

ческих, эмоциональных, художественных.

Как уже говорилось выше, ретроразвитие напрямую связано с новоделом и потому следует различать его по видам.

Романтический «новодел» (интуитивный) воспроизводит в новых формах или в формах подобию утраченный во времени или искаженный волевым путем цельный объект или его части. Отсутствие иконографических материалов, обмеров и т. д. заставляет воспроизводящего прибегать к додумкам, аналогиям и импро-

визациям (Каркассон, Сент-Круа, Золотые ворота и т. д.).

Научно обоснованная реставрация — «новодел» опирается на исчерпывающую информацию об объекте. Здесь можно вычлени́ть два типа возрождаемых объектов:

90 объекты, частично утраченные и потому при восстановлении несущие «память» сохранившегося подлинного материала и форм прошлой культуры (большинство реставраций);

объекты, исчезнувшие по тем или иным причинам и возрождаемые вновь на основе документации. Восстановление подобного рода проблема, так как речь идет о сохранении, установлении и укреплении духовных связей между людьми, разделенными исторически. Понимание этого приходит мучительно долго и трудно и далеко не ко всем.

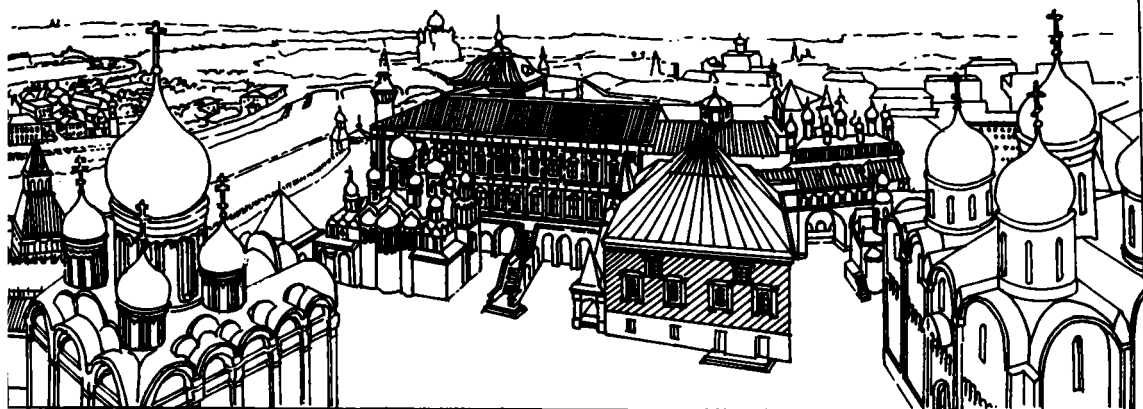
В «Литературной газете» академик А. Яншин, председатель научного совета по проблемам биосферы при президиуме Академии наук СССР, написал: «Надеюсь дожить до того времени, когда спустят Рыбинское

водохранилище и восстановят затопленные луга».

Что это: фантастическая мечта или научное предвидение? Попробуем и мы помечтать о будущей Москве, где в центре города восстановлены те сооружения, места которых свободны по сей день и которые не могут нанести какого-либо ущерба современному функционированию центра. Предлагаемые к восстановлению объекты не относятся к какому-либо одному времени, а представляют самые разные временные срезы, что позволяет в конечном счете воссоздать знаки различных культурных слоев (многослойность всегда богаче и интереснее). Итак.

Восстановлен Казанский собор-мемориал победы в польско-литовской войне (место собора свободно и памятник, до его сноса, был подробно изучен и отреставрирован П. Д. Барановским и Д. П. Суховым).

Прежний вид получили Воскресенские (Иверские) ворота (сохранились обмеры, планы, рисунки, гра-

вюры, фотографии и другие материалы, наконец фундаменты).

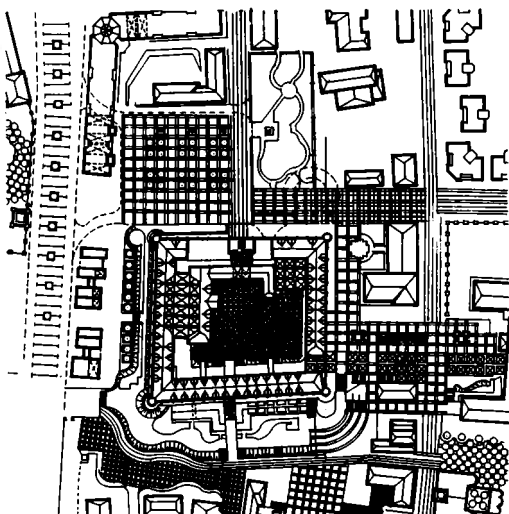
Воспроизведена исторически сложившаяся поперечная ось Красной площади путем переноса памятника Минину и Пожарскому на старое место и продолжения этой оси на Богоявленский собор (путем создания поперечного прохода через Торговые ряды, ныне ГУМ).

Восстановлена Китайгородская стена (сохранился подлинный фрагмент стены, имеются исчерпывающий фотоматериал, обмеры, старые чертежи и рисунки).

Особенно следует отметить мероприятия по ретроразвитию центрального ядра Кремлевского ансамбля. Все мы восхищаемся ансамблем Соборной площади Кремля. Она для нас высочайший образец гармонии и красоты, оставленной в наследство нашими предками. Но часто ли мы задумываемся над тем, что наши восторги направлены лишь на часть уникального ансамбля Соборной площади, настолько искаженного позднейшими надстройками, переделками, перекрасками, что сейчас

трудно ощутить его истинный художественный облик? Но вот представим себе, что: восстановлены приказы XVII—XVIII веков (сохранились чертежи, гравюры, реконструкция Устинова, фотофиксация раскопанных фундаментов), что позволит вернуть интерьерность двум площадям Кремля — Соборной и Ивановской — и обогатить южный его фасад; Грановитая палата имеет свой прежний облик с восстановлением Золотой Красной лестницы (имеются все материалы для реконструкции); воссоздана полихромия цветовой характеристики всего ансамбля Соборной площади, для чего смыта побелка, расчищены еще сохранившиеся цветные фрагменты и на основе имеющихся документальных материалов, иконографии, описаний разработано цветное решение площади с покраской отдельных сооружений в период наивысшего расцвета ансамбля.

Все эти реконструктивные мероприятия позволят вернуть утраченный облик исторического ансамбля и усилят его эмоциональное воздействие на зрителя.

Композиционным центром заповедной части Замоскворечья в дипломном проекте С. Лагутиной и Е. Гудковой (1985 г.) предложено воссоздать Кадашевский ткацкий двор. План Кадашевского ткацкого двора (С. Лагутина и Е. Гудкова). Фасад Кадашевского ткацкого двора (по М. П. Кудрявцеву). Вид Кадашевского ткацкого двора в застройке Замоскворечья XVII века. Рис. М. П. Кудрявцева

Общеизвестна градостроительная и визуальная связь Кремля и Замоскворечья. Воссоздание (частичное) былого облика Замоскворечья связано с восстановлением Кадашевского ткацкого двора (Хамовный двор), реконструкцией Иоанно-Предтеченского монастыря (Черниговское подворье); восстановлением былого облика Кадашевской слободы

с реставрацией церкви Воскресения в Кадашах. Все это превратит район Замоскворечья не только в одну из ценнейших, насыщенных исторической памятью территорий Москвы, но и вернет ему качества художественного целого.

Вместо пассивного «охранительства», музеефикации — активное преобразование искаженной город-

ской среды с целью воссоздания утерянного во времени историко-архитектурного и градостроительного наследия.

Воссозданные Иверские ворота, Сухарева башня (о восстановлении которой было уже столько сказано и написано), стены Китай-города и многие другие утраченные элементы центрального ансамбля Москвы, не только обогатят композиционную структуру самого города, но и сделают богаче историческую память людей, их национальное самосознание.

Включение ретроразвития в есте-

ственный эволюционный процесс развития с отбором элементов из диапазона имеющихся ценностей в культурном наследии приведет к созданию новых комбинаций, нового качества. Такой вид развития требует определенного опыта и интуиции, «внутренних ограничений», которые во многом зависят от общей профессиональной культуры проектировщика, от его способности к созданию художественного произведения, отражающего как индивидуальные черты места, так и общие закономерности развития архитектуры своего времени.

О МОСКОВСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ МЕТАЛЛЕ

Нащокина М. В., кандидат архитектуры

«Архитектура — тоже летопись мира... Пусть же она хоть отрывками, является среди наших городов в таком виде, в каком она была при отжившем уже народе. Чтобы при взгляде на нее осенила нас мысль о минувшей его жизни и погрузила бы нас в его быт, в его привычки и степень понимания, и вызвала бы у нас благодарность за его существование, бывшее ступенью нашего собственного возвышения»

Н. В. Гоголь

О неповторимости облика старинных московских улиц и переулков, о необходимости его сохранения много сказано в последние годы. И все же старая Москва «тает» день ото дня. И причина не только в том, что уничтожаются памятники архитектуры, но и в том, что бесследно исчезает художественная многосоставность архитектурной среды — старинные фонари, ограды, ворота, «зонтики», балконные решетки, фигурные двери, наконец, даже латунные ручки. А ведь все эти детали — неотъемлемая часть московского колорита, причем подлинно «живая», рукотворная, сообщающая ему особый характер и обаяние. Многие из них были выдающимися архитектурными произведениями своего времени, образцами высоких художественных ремесел. Особенно мо-

нументальными, заметными в облике города были ограды — часто кованые или литые из металла. Владельцы по-своему выражали в них свою индивидуальность — изысканные ограды усадьбы Демидовых в Толмачевском переулке или Провиантских складов соседствовали с наивной деревянной резьбой оград безымянных домиков. И в этом контрасте тоже выражалась московская специфика.

Однако ценность московских оград, их неотъемлемость от города не только в художественном качестве. Издревле неизменные ограды неизбежно хранили традиционную ячейку городского организма — усадьбу, не позволяя ей раствориться вначале в природной, а затем в урбанизированной среде. Московская городская усадьба, городское «место» всегда ограждалась со всех сторон — это способствовало той негромкой, но устойчивой славе уютных московских дворикув, нетронутости запущенных «бабушкиных» садов. Ограда одновременно и ограждала двор или сад от любопытных взоров и в то же время вплетала усадьбу в городскую ткань. Во многом благодаря именно

этой огороженности от улицы с ее сутолокой и суетой, веками сохранялась и московская садовая культура, позволявшая горожанину не терять связи с природной средой. Не случайно иностранные путешественники отмечали в Москве ее «погруженность» в природу — зелень деревьев, гладь прудов.

Корни этой традиции лежат в глубокой древности. Изгородь, ограда, град, город — слова однокоренные, так же как и забор, забороло (древнерусское — деревянная городская стена), забрало (древнерусское — защита, в переносном смысле). Издавна в эти понятия вкладывался не только конкретный смысл, но и символическое обозначение защиты. Огражденными высокими стенами были не только древние русские города, обносились тыном или частоколом и дворы простых крестьян, и ремесленников. Каждое городское владение как бы повторяло в миниатюре образ всего града, который, в свою очередь, имел прообразом «град небесный», изображавшийся в книгах и на иконах. Ограды окружали и сады Древней Руси, не случайно виноград (в значении — фруктовый сад) и огород тоже имеют общий корень. Прообразом их был Эдем, «райский сад».

94

Д. С. Лихачев в книге «Поэзия садов» пишет: «Изображения садов в миниатюрах XVII в. обычно представляют их с высокими оградами. В образах райского сада, встречающихся в гимнографии, часто говорится о саде «огражденном». Это объясняется тем, что ограда ассоциировалась со спасением, с изолированностью от «греха».

Семантика этого понятия показывает, какое важное значение имела ограда в мировоззрении средневекового человека.

В Древней Руси ограды чаще делались глухими — каменными или деревянными. Кованые были слишком дороги, поэтому ковались обычно более мелкие архитектурные детали — подзоры, узорчатые гребни на теремах, кронштейны, зонты

над входами в храмы или иконами, оконные и дверные решетки, представлявшие иногда высокохудожественные произведения. Так в XVII веке была изготовлена уникальная по своим художественным достоинствам золотая решетка для Кремлевского Верхоспасского собора. (Этот великолепный образец московской кузнечной работы впоследствии в XIX веке неоднократно копировался.) Изображения гротескных чудовищ, фантастических птиц и рыб сплетаются в ней в сложный спиральный орнамент. Известность этой решетки в старину была такова, что собор, для которого она была сделана, более известен под названием Спас за золотой решеткой.

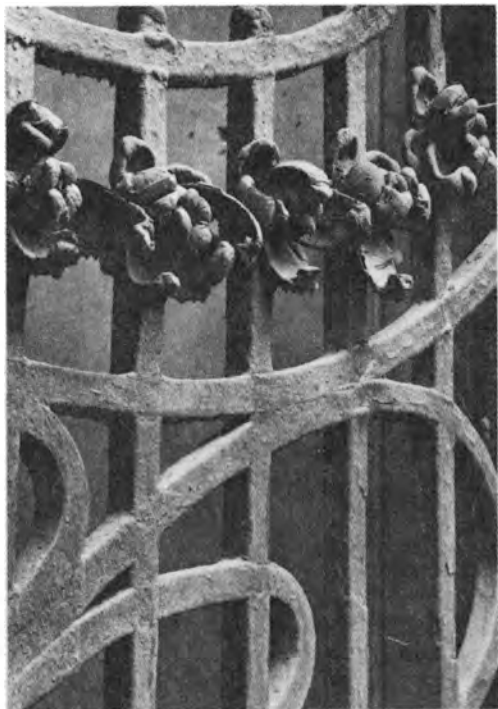
В первой половине XVIII века в Москве появляются первые прозрачные металлические ограды. Московскими мастерами был синтезирован своеобразный местный вариант «барочных» оград, не похожий на стиль оград Петербурга этого времени. Превосходными примерами могут служить ограды церковей Никиты Мученика на Старой Басманной и Иоанна Воина на Якиманке. Их прихотливые узоры более напоминают орнаменту народной резьбы и росписи, чем «рокайльные» завитки оград петербургского барокко. К столичному варианту барочных оград тяготеют замечательные середины XVIII века ограды московского дома Демидовых в Б. Толмачевском переулке и усадьбы Демидовых «Нескучное» (ограда не сохранилась, ворота хранятся в Музее архитектуры им. А. В. Щусева).

Глубокий символический смысл оград в период средневековья в определенной степени обусловил архитектурную выразительность, художественную поэтизацию металлических оград во второй половине XVIII — начале XIX века. Ограды, как один из исконных, традиционных элементов городской усадьбы, становятся объектом профессионального творчества, чему безусловно способствовало развитие отечественной промышленной металлургии. Хотя

литье из чугуна было освоено в России еще в XVI веке, но только во второй половине XVIII века развивается производство дешевого металла и чугуна, растут мощности литейных заводов Урала (Екатеринбург), Петербурга, Петрозаводска, Тулы, Рязани и других городов, повышается качество производства оград из металла. Долговечность их достигалась не только защитными покрытиями (в XVIII—XIX веках это чаще всего были битумные краски и графит). Технология выплавки чугуна, например, предполагала в то время применение древесного угля, что обеспечивало малое содержание в нем фосфора и серы, способствующих коррозии.

Однако без настоящих специалистов — художников литейного дела это искусство дальше развиваться не могло, поэтому уже в 1764 году в Петербургской Академии художеств (созданной в 1757 году) была открыта литейная мастерская. Заметим, что это произошло в знаменательный для юной Академии год — год принятия ее первого Устава, определившего основы учебной программы. В этой академической мастерской обучалось не одно поколение мастеров, в том числе лучшие русские скульпторы-литейщики, такие, как В. П. Екимов, П. К. Клодт и др. С конца XVIII века на производстве художественного литья специализируются знаменитые уральские Касли. На этих передовых производствах отрабатывается технология, внедряются ее новинки. Так, например, в первой половине XIX века был освоен новаторский метод гальванопластики, изобретенный академиком Б. С. Якоби и не имевший зарубежных аналогов. Он позволял с максимальной точностью делать металлические копии со скульптурных моделей.

Создание при Академии художеств мастерских и классов, в которых проходило обучение всем основным видам декоративно-прикладного искусства, имело всероссийское значение, хотя в большинстве круп-

Оторванные или до неузнаваемости погнутые детали, затеки масляной краски — таковы сегодня, к сожалению, многие ограды Москвы. Фрагмент ограды конторского здания в Б. Черкасском переулке. Начало XX века

ных городов были свои кузнечные и литейные мастерские. Именно столичное образование задавало тон в выработке у воспитанников особого «ансамблевого» мышления. Знаменательно, что понятие «ансамбль» имело вплоть до середины XIX века несколько иное значение, чем в наши дни. Вот как, например, определялся ансамбль в Энциклопедическом лексиконе, изданном в Петербурге в 1835 году: «В Архитектуре он (ансамбль.— М. Н.) есть... соединение, расположение и соразмерность частей, составляющих красоту целого здания»¹. Нетрудно заметить, что речь здесь идет об одном здании, а не об их совокупности, как принято в наши дни. Гармоничное сочетание всех деталей

¹ Энциклопедический лексикон.— Спб., 1835. Т. 2.— С. 338.

96

сооружения было основным законом зодчества, как отмечалось в том же Лексиконе — «всякое несообразное и неправильное помещение какой-либо части в целом нарушает его». Неудивительно, что над проектами оград работали крупнейшие мастера. Поэтому необходимо помнить, что утрата даже таких, казалось бы, небольших элементов, как входные зонтики или балконные кронштейны, по сути, разрушает художественный ансамбль сооружения, для которого они были созданы.

После победоносной Отечественной войны 1812 года в узоры оград Москвы, восстанавливаемой после опустошительного пожара, входит тема военного триумфа, выраженная средствами античной символики. Копья и «ликторские связки» — столбы, имитировавшие пучки хвоста, перевязанные бечевками и увенчанные двумя или четырьмя лезвиями — принадлежность телохранителей римских консулов, галльские щиты, греческие и римские

Даже такой московский шедевр, как ограда усадьбы Демидовых в Толмачевском переулке, требует сегодня реставрации. Общий вид усадьбы в начале XX века и ее ворота

шлемы и латы, мечи — древние ксифосы и гладиусы, шестиконечные звезды — римские знаки неприкосновенности и защиты, лавровые венки, горящие факелы — все это символизировало победу России, прославляло победителей, связывало в единую историческую цепь великие военные походы Древнего мира и современности. Примерами таких московских оград могут служить — ограда Провиантских складов (1829—1831 годы, архитектор Ф. Шестаков), ограда Александровского сада (1821 год, архитектор Е. Паскаль; ограда несколько видоизменена при ремонте в 1953 году), ограда Мамонтовой дачи (усадьбы Васильевское на Ленинских горах, сейчас не существует), ограда казарм Фанагорийского полка в Лефортове (не су-

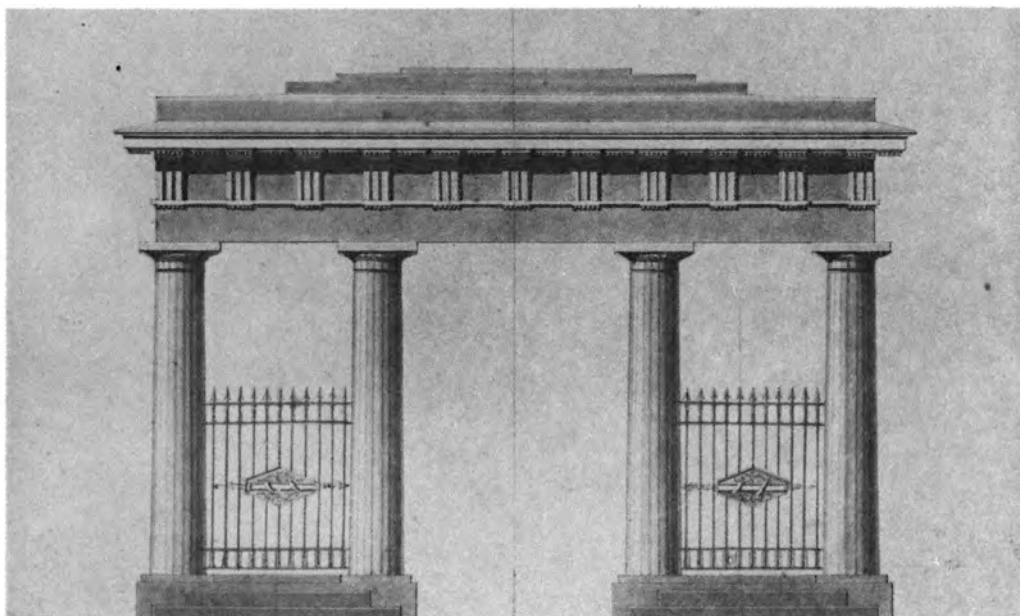
ществует) и некоторые другие менее монументальные композиции.

Большое внимание «деланию заборов и ворот» уделяла Комиссия для строений города Москвы. Именно поэтому в городе мало использовались образцовые проекты оград, выпущенные в 1811 году. Большинство оград строилось по проектам ведущих московских зодчих, реже они рекомендовались владельцу из Собрания образцовых фасадов с учетом архитектуры основного здания. Горизонтальные членения главного дома, флигелей и ограды, как правило, согласовывались. Чугунные карτουςи решеток нередко повторяли в металле формы лепного декора зданий. Все это усиливало гармоничность создаваемого архитектурного целого.

Входы в дом или усадьбу помимо изысканных зонтиков дополнялись сложными композициями фонарных торшеров или фигурами фантастических или реальных животных

(сфинксы, львы, орлы, грифоны). Таковы ворота и ограда вокруг парадного двора усадьбы Кузьминки (1810—1820-е годы, архитекторы А. Воронихин, Д. Жилярди) и композиция входа в дом Усачевых — Найденовых на Яузе. В некоторых крупных усадебных комплексах ворота в этот период получили вид торжественных триумфальных арок. Таким был, например, несуществующий сегодня, главный въезд в усадьбу Кузьминки (1826 год, архитектор К. Росси), выполненный из литого чугуна.

Во второй половине XIX века традиционное искусство выделки художественного металла не было забыто. В этот период налаживается массовое производство литых чугунных деталей — оград, балконов и оконных решеток, козырьков — зонтов, городских фонарей и уличных колесоотбойных тумб. Античные мотивы русского классицизма вытесняются многообразной орнаментикой эклектики.

Д.В.МАЛЫ АЛЕКСИО МАЛОЯ ЧУГУННОЙ РЕШЕТКИ ОГРАДЫ
УСАДЬБЫ ДМИТРИЕВА-МАМОНОВА В МОСКВЕ.

ВЕРСИЯ 1/1

Классические ограды Москвы лишь частично сохранились до наших дней, но как не вспомнить, что их проекты выполняли выдающиеся архитекторы. Лучшее из утраченного требует безусловного воссоздания

Проект въездных ворот 1830-е годы. Архитектор А. П. Брюллов.

Сохранившиеся ворота усадьбы Пашкова, а ограду вдоль проспекта Маркса, конечно, следует восстановить как часть этого уникального ансамбля (с. 99)

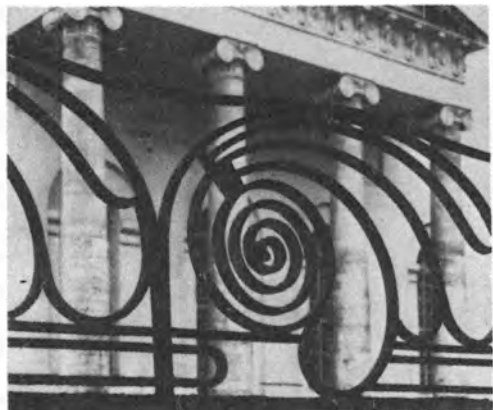
Ограда усадьбы Дмитриева-Мамонова на Воробьевых горах была одной из лучших в классической Москве. Уничтоженную в конце

1930-х годов, ее непременно следует вернуть городу.

Клеймо малой чугунной решетки ограды, так называемой Мамоновой дачи. Проект воссоздания. ВПНРК. 1980 год

Причудливые, непохожие друг на друга ограды особняков московского модерна созданы в начале века, но и они уже требуют капитальной реставрации (с. 98—102)

Ограда особняка Рябушинского на улице Качалова. Архитектор Ф. Шехтель

Ограда сада особняка Беляева в Рюмином переулке. Архитектор А. Голецкий

Ограда особняка Кекушевой на Остоженке. Архитектор Л. Кекушев

100

На рубеже XIX и XX веков искусство архитектурной художественнойковки и литья вновь приобретает черты уникальности, становится средством выражения синтетического творческого кредо зодчего. Сложная древнерусская орнаментика оград особняка Н. Игумнова на Якиманке (1892 год, архитектор Н. Поздеев) и Третьяковской галереи (1900—1905 годы, архитектор В. Васнецов) сменяется изысканной «пружинной» напряженностью линий оград московского модерна. Решетки балконов и ограды особняков Рябушинского и Держожинской (1900-е годы, архитектор Ф. Шех-

тель), ограда и ворота с фонарями особняка Миндовского на улице Воровского (1900-е годы, архитектор Л. Кекушев), гостиницы «Метрополь», особняка Беляева в Рюмином переулке (1903—1904 годы, архитектор А. Голецкий) — вот примеры лучших из них.

В 1930-х годах традиции московского архитектурного художественного металла были продолжены, живы были еще мастера, работали кузнечные и литейные мастерские. Металлическими оградами были оснащены в те годы новые мосты (например, Крестовский путепровод), набережные Москвы-реки, парки и скверы (например, ЦПКиО им. М. Горького или сквер у кинотеатра «Художественный»), больничные комплексы и т. д. Много художественного металла и в московском метро. Однако в эти годы началось и массовое уничтожение старинных произведенийковки и литья. Вместе с памятниками архитектуры гибли и малые архитектурные формы, неред-

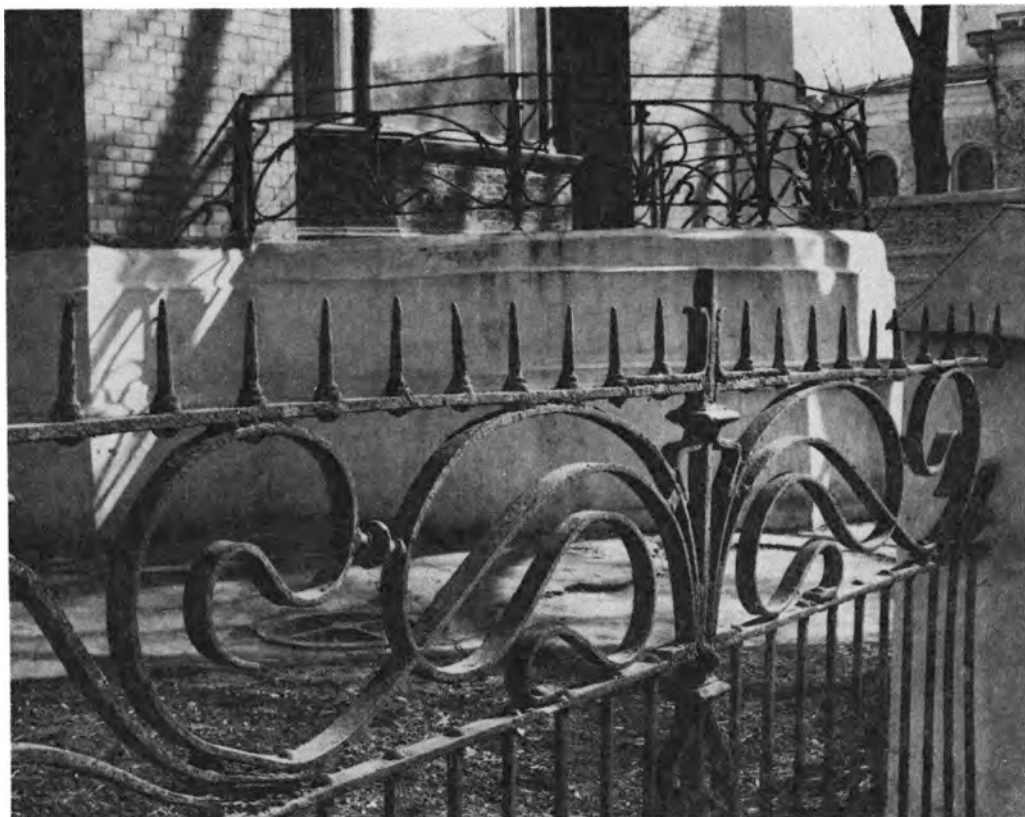

Ограда особняка Миндовского на улице Воровского. Архитектор Л. Кекушев.

ко имевшие не только ансамблевую, но и самостоятельную художественную ценность. Особенно досталось «заборам» как пережитку «старого

мира». Уникальные произведения, созданные по рисункам великих архитекторов прошлого, «рачительно» сдавались как металлолом на переплавку. В 50—60-е годы «война» с заборами не прекращалась. В 70-х годах уже можно было в полной

ПАМЯТНИКИ ПРОШЛОГО

102

мере пожать ее «победные» плоды. Сохранившиеся ворота, калитки, ограды палисадников и парадных дворов — некогда такие привычные, обязательные — стали редкостью. А те, что сохранились, зачастую настоящие инвалиды — большинству требуются кропотливая реставрация.

Утрата московского художественного металла, к сожалению, до сих пор — процесс необратимый. Это неудивительно. Реставрационные организации заняты только памятниками архитектуры (и на них-то мощностей не хватает), а в ремонтных конторах специалистов по восстановлению литых чугунных или кованных железных изделий вообще нет. Да и где они эти специалисты? После трех десятилетий типового панельного строительства не только литейщика или кузнеца, штукатура-то, способного толково подправить карниз, не найдешь. А Москве, если мы хотим вернуть ей былое очарование, очень нуж-

Ограда особняка Якупчиковых в Мертвом переулке. Архитектор У. Валькот

ны сейчас настоящие мастера, неравнодушные к судьбе ее исконных художественных ремесел.

«Оград узор чугунных» Ленинграда всемирно известен. Решетки Москвы в своей совокупности также представляют самобытную страницу русского искусства. Они «сплавляли» архитектурную среду города в единое целое, оттеняли ее индивидуальность, а подчас обладали и большой градостроительной значимостью.

Сегодня в центре Москвы исчезли многие произведения из металла, можно даже сказать, что большинство их сегодня или не существует, или искалечено, но в архивах, хранилищах изобразительных материалов, обширных государственных и личных фототеках сохранились многочисленные документы, позволяющие вос-

создать наиболее красивые и важные для города детали. Конечно, первоочередной задачей должны стать восстановление и реставрация художественного металла в заповедных зонах, например, на Пятницкой, Кропоткинской улицах, Ордынке, улицах Герцена и Качалова, Бульварном кольце. Однако не только центральным районам необходимо воссоздание металлических оград. Это важно и для крупных, некогда окраинных ансамблей. Требуют восстано-

вления решетки Мамоновой дачи, Нескучного сада, Голицынской больницы, усадьбы «Кузьминки», необходима тщательная реставрация оград и ворот университета (на проспекте Маркса), Пашкова дома, Воспитательного дома и многих других. Это, думается, поможет не только вернуть нашему городу рукотворность его архитектурных деталей, но и возродить традиции высоких строительных профессий, необходимых во все времена.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ, ДОМ № 1

Кищик Н. П., журналист

«Красная площадь, дом № 1 — это знакомое миллионам людей здание с многочисленными башенками словно две реки огибают с двух сторон Исторический и Кремлевский проезды. Огромные резные, украшенные львиными масками деревянные двери Государственного Исторического музея всегда широко распахнуты для всех гостей и москвичей, пришедших на Красную площадь. Но вот музей закрылся на ремонт. О том, что здание находится в аварийном состоянии много писали, говорили, но дело не двигалось с мертвой точки. А когда поступило сообщение: «С 1 августа Государственный Исторический музей закрывается на капитальный ремонт», дата эта — август 1986 года — многим показалась знаменательной, к ремонту приступили спустя ровно 111 лет после закладки (август 1875, архитектор В. О. Шервуд, инженер А. А. Семенов) этого уникального здания — первого в Москве сооружения, специально предназначенного для музея. Фонды его хранят теперь 4 млн 113 тыс. бесценных экспонатов. За два дня до закрытия мне довелось побывать и своими глазами увидеть то, что теперь тоже стало историей, и читателю, по-видимому, небезынтересно

будет увидеть музей глазами репортера «изнутри».

...Тогда мы путешествовали по зданию вместе с директором музея Константином Григорьевичем Левыкиным. Даже непрофессиональному глазу заметно — тесно здесь, очень тесно. И здание давно нуждается в основательном «лечении». Проходим лабиринт коридоров, открываем одну из дверей и попадаем... во внутренний двор. Вот какой он, оказывается, знакомый нам всем дом: в центре себя прячет двор. Мы стоим на его квадратной площадке. Со всех сторон огромные арки, ведущие в подземные хранилища.

«В музее два внутренних двора. Это — малый, — говорит Константин Григорьевич. — Он будет перекрыт и получится просторный, современный вестибюль (старый чрезвычайно мал) с новыми гардеробами, буфетами, кафе, киосками для продажи буклетов, сувениров. В хранилищах также предстоят большие работы».

Проходим под одной из арок в хранилище. Сырость, протечки в потолке от проржавевших коммуникаций... Некоторые отделы уже выехали, освободив помещения для детального обследования. Серьезные работы будут вестись по восстановлению фундамента, так как по всему зданию прошла трещина. Деформированы мозаичные каменные полы.

Долго можно было бы перечис-

лять раны, нанесенные временем, да и невниманием к зданию, которое 100 лет капитально не ремонтировалось. В 1982 году было принято, но не выполнено решение о его капитальном ремонте. Недавно приняты новые, строгие решения. И, наконец, ремонт начался.

В три этажа высятся леса, постоянно измеряется температура — там хранятся коллекции мебели, образцы деревянного зодчества. Тихо и в отделе, где в массивных шкафах и ящиках разложены образцы уникальных тканей, хранятся костюмы всех времен и народов.

Вот подалась неприметная толстая дверь, и мы оказались словно в сказочном королевстве. Деревянная винтовая лестница в центре, ажурные балкончики... Миниатюрной деревянной церквушкой смотрится «комната-сейф»: здесь в стеклянных шкафах вдоль стен хранится собрание экспонатов по истории русского золотого и серебряного дела. Тридцать тысяч изделий!

Огромный зал временно принял рукописный отдел. В несколько рядов под самый потолок — полки с массивными металлическими шкафами. Хранительница этого богатства объясняет: «Здесь десятки тысяч рукописей и старопечатных книг. Более пятисот пергаментных рукописей. Единственная в стране коллекция лицевых, т. е. иллюстрированных, рукописей. Уникальные собрания синодальной греческой и синодальной патриаршей коллекций. Берестяные грамоты... Со всего света приезжают специалисты работать с нашими документами». И с нескрываемой болью добавляет: «Боишься плесени, грибка, боишься что-то испортить, потерять — ведь цены этому просто нет».

Генеральный подрядчик всех работ в Историческом музее — Главлосремонт, но наряду с ним в ремонте принимают участие десятки организаций, трестов, заводов. Будем надеяться, что все они с пониманием отнесутся к этому важнейшему делу.

Но есть еще одна огромная проблема, о которой говорил директор музея: «Где и как все „ремонтное“ время хранить наши сокровища. Ведь речь идет о национальном достоянии. Предстоит вывезти на новые места хранения 4 млн 113 тыс. экспонатов, реликвий, стоимость которых не измерить ничем. Мы в ответе за их вечную сохранность. Но в ответе и те, кто решает, куда и как должен временно переселиться музей».

...Не так просто решались эти вопросы. И музей ремонтировался, переезжая из одной части здания в другую. Музейные работники не отступали от своих требований: переселяться только в помещения, гарантирующие полную сохранность фондов.

Два года борьбы увенчались успехом. Об этом сообщил мне по телефону К. Г. Левыкин, пригласил еще раз совершить экскурсию по зданию. И я стала свидетелем исторического момента — переезда Исторического музея.

Константин Григорьевич ведет меня к одному из внутренних дворов, где грузят ящики на грузовики. Пока шли, признаюсь честно, сердце не раз дрогнуло: куда ни бросишь взгляд — стены, пол пробиты, разрушены, словно после урагана... Нет дорогих сердцу залов, потолок в лесах... Константин Григорьевич объясняет: «Фронт работ, как видите, очень широк. Укрепляется фундамент, из-за которого здание дало трещину, проверяется на прочность каждый сантиметр стен, потолков, ремонтируется кровля. А в тех залах, которые строители уже покинули, восстанавливается роспись, каменотесы по камешку величиной с копеечную монету выкладывают стершийся от времени рисунок мозаичных полов. Одновременно идет и полная смена коммуникаций, электропроводки, отыскиваются старые дымоходы... И уже реставраторы «наступают нам на пятки», торопят освободить помещения».

А вот и малый двор, который станет просторным вестибюлем. Центральное расположение двора позво-

ляет обеспечить и еще одно необходимое условие — не должны встречаться два людских потока. Вход (помимо парадного) будет с Исторического проезда, а выход — на Кремлевский проезд. Эти работы еще впереди. А пока строители пришли на вырубку музейным работникам и помогают переселению, их подъемник с шестого этажа спускает вниз ящики. А наверху бережно, номер за номером, чтобы не нарушить порядок, укладывают в ящики пачки своих раритетов сотрудники отдела письменных источников».

— И куда переезжает отдел?

— В Измайлово, где мы получили здания бывшей усадьбы царя Алексея Михайловича. В северный корпус переселяются отделы письменных источников, картографии, а вслед за ними поедет и отдел дерева. Там уже созданы почти идеальные условия для хранения.

«Самое главное,— продолжает директор,— это не временные хранилища. Принято, как я считаю, кардинальное решение. Мы переезжаем на территории, которые одновременно оборудуются под будущие наши филиалы. Нам давно тесно в своем здании. Фонды музея не могут быть «сундуками с сокровищами», они должны жить. Филиалов у нас будет восемь: в Измайлово создается музей истории русского крестьянства, в Крутицком подворье — истории русского ремесла. Там же мы будем строить новое хранилище на 10 тыс. м². За время капитального ремонта открыли и новый музей декабристов. Отреставрировали помещение в Новодевичьем монастыре, Боярские палаты на улице

Разина и церковь Рождества Богородицы на Старом Симонове, ее нам передали еще для одного филиала...

— Теперь уже вы полностью освободите здание для строителей?

— Все 4 млн 113 тыс. единиц хранения наших фондов бесценны. Но есть такие, которые перевозить никак нельзя. Это древние рукописи. Мы перенесли их сначала во временное помещение внутри здания, хранили все, как вы видели сами, в металлических ящиках за чугунной дверью. Строители прониклись нашими заботами о раритетах государства Российского, сделали невозможное — сегодня у отдела новоселье! Он переезжает уже после капитального ремонта на свое «старое» место. Его просто не узнать — оно стало точно таким, каким видели его наши соотечественники 100 лет назад.

Мы надеемся, что пройдет немного времени и москвичи и гости столицы увидят наше здание в первозданном виде. Оно станет таким, как во «времена былые». Будут отреставрированы все залы, лестницы, мозаичные полы, своды,— словом, все, что следует сберечь не только для нас, но и для потомков. Строители заменят новыми конструкции, пришедшие в негодность. Вместе с тем в старом здании появятся самые современные системы кондиционирования, радио- и телесвязи, противопожарных устройств, управления инженерными службами. Словом, музей, расположенный в самом центре столицы, на Красной площади, по своему обустройству станет современным и вернет себе былую славу лучшего музейного здания».

ГЛАВНЫЙ ТЕАТР СТРАНЫ

Либсон В. Я., кандидат архитектуры

Здание Государственного академического Большого театра СССР — колыбель русской музыкальной культуры, выдающийся памятник зодчества Москвы — связано с крупнейшими событиями в жизни Советского государства. В его стенах неоднократно выступал В. И. Ленин. Здесь проводились Всероссийские и Всесоюзные съезды Советов, утвержден план ГОЭЛРО. Со сцены Большого театра было провозглашено Постановление об образовании Союза Советских Социалистических Республик.

История создания Большого театра охватывает значительный, более чем двухсотлетний период. В центре древней столицы, на месте ныне существующего здания Большого театра, возведенного в 1856 году, возникали, существовали и погибли от огня две его предтечи.

В 1780 году близ берега реки Неглинной на Петровской улице, среди хаотической застройки сооружается Старый Петровский театр, антреприза англичанина по происхождению Маддокса, искусного механика, декоратора и знатока сценической техники. Здание было возведено по проекту архитектора Х. Розберга. Главный фасад его, выходящий на Петровку, был обработан в формах раннего классицизма. Многоярусный зрительный зал (партер, ложи и галерея) вмещал около 800 человек и был близок по структуре и декору к западноевропейским театрам «итальянской системы» с глухими перегородками между ложами. Вскоре к зданию театра был пристроен «воксал» — огромная круглая зала для маскарадных балов, пользовавшаяся среди жителей Москвы большой популярностью.

23 октября 1805 года театр Маддокса сгорел. В течение 20 лет на Петровской площади стояли его обугленные руины.

Многие годы труппа театра скиталась, переходя из одного малоприспособленного для спектаклей поме-

щения в другое. Только после «высочайшего» утверждения проекта Театральной площади, разработанного в 1818 году Комиссией для строений, приступили к составлению проекта Большого Петровского театра. В проектировании площади принимали участие инженер В. Карбонье и другие видные специалисты. Однако ведущая роль в создании ансамбля, несомненно, принадлежит виднейшему московскому мастеру Осипу Ивановичу Бове — председателю Комиссии для строений, под руководством которого разрабатывался проект реконструкции центральной части Москвы.

На проект здания Большого Петровского театра объявили конкурс. В числе его участников были московские зодчие А. Жилярди, Ф. Кампорези, А. Бакарев и другие, но судьба их проектов осталась неизвестной. Попытку участия в конкурсе сделал прославленный живописец и театральный декоратор Пьетро ди Гонзага, но его проект в нескольких вариантах был возвращен автору министром императорского двора князем П. Волконским «за ненадобностью».

В 1818 же году проектирование театра было поручено О. Бове и архитектору Комиссии для строений К. Ламони. За основу дальнейшего проектирования и строительства были приняты фасад и разрезы, выполненные О. Бове.

Одновременно, учитывая значимость здания театра, президентом Академии художеств П. Олениным был объявлен конкурс на проект театра в Санкт-Петербурге. Победителем его оказался архитектор Андрей Михайлов. На О. Бове Комиссия для строений возложила руководство постройкой. Сохранив основу архитектурной композиции А. Михайлова, во многом близкую ныне существующему зданию Большого театра, О. Бове ввел в проект, применительно к реальным условиям, ряд хорошо продуманных и радикальных изменений. Он снизил высоту каждого яруса, а в результате и высоту всего здания, скор-

107

Большой театр СССР. Архитекторы О. И. Бове, А. М. Михайлов, 1825 год. Реконструировано после пожара в 1856 году архитектором А. К. Кавосом. Здание, претерпевшее за годы своего существования многие переделки, поновления и реставрации, служит центром ансамбля одной из красивейших площадей столицы пл. Свердлова

ректировал из оптических соображений кривизну зрительного зала и в целях улучшения акустики заменил свод в зрительном зале плоским перекрытием. В 1821 году приступили к постройке нового здания с частичным использованием фундаментов театра Маддокса.

В 1825 году зрители впервые вошли под сень великолепного восьмиколонного портика, увенчанного скульптурной квадригой Аполлона.

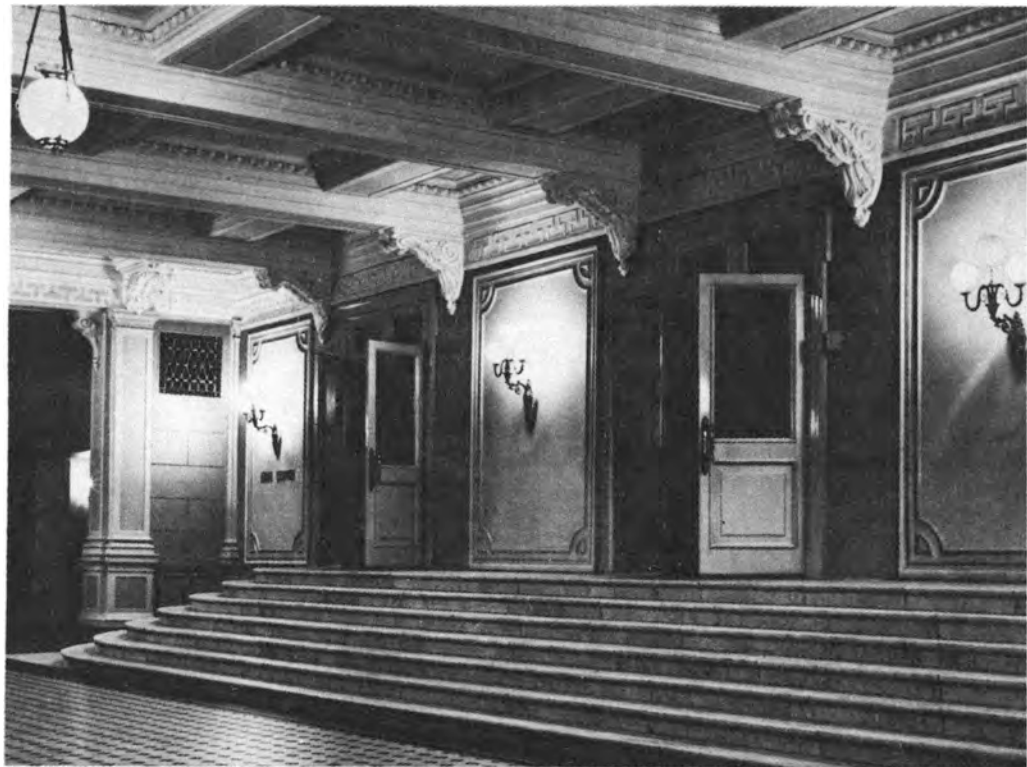
Но «театрам судьбой была угото-

вана печальная участь... В то время как к ним прикреплялась любовь народная, против них враждовала стихия»¹. В марте 1853 года пламя охватило здание Большого Петровского театра. Пожар бушевал три дня с такой силой, что растопил снег на площади. От великолепного творения Бове — Михайлова уцелели лишь полуобгоревшие стены зрительного зала и колонны портика...

И снова был объявлен конкурс на проект восстановления театра... Пальма первенства досталась известному театральному зодчему Альберту Катериновичу Кавосу.

Строительство здания Большого театра было закончено в августе 1856

¹ Кони Ф. Неизданные записки С. Н. Глинки.

108

года. Кавос, используя уцелевшие части сооружения, сохранил в основном планировку и объемное решение постройки Бове — Михайлова, но изменил пропорции и размеры здания и в значительной мере переработал его декор в эклектичном духе. При этом величественность и монументальность здания не были утрачены.

Большой театр обладает прекрасной акустикой, что было, в частности, достигнуто использованием дерева в качестве материала для ограждений ярусов и деки плафона. Отметим, что при всех реконструкциях театра и смене перекрытий дека плафона оставалась в неприкосновенности.

Торжественностью отличается эффектный декор зрительного зала, достигнутый сочетанием позолоты орнаментики барьеров ярусов с пурпуром драпировок и обивки мебели. Зрительный зал освещается десятками бра и огромной хрустальной люстрой. Большой театр был одним из первых в Москве зданий, где на смену

Нижнее фойе Большого театра гостеприимно встречает зрителей. Первоначальная окраска интерьеров восстановлена в 1975 году под руководством архитектора А. И. Кузнецовой

газовому пришло электрическое освещение.

В первые же годы Великой Октябрьской социалистической революции Советское правительство проявляет огромную заботу о лучшем музыкальном театре страны. К вопросам его реконструкции и реставрации неоднократно привлекались лучшие зодчие, ученые, художники: А. В. Щусев, Е. Е. Лансере, И. П. Машков, Ф. Ф. Федоровский. Архитектор И. В. Жолтовский с группой архитекторов выполнил проект реставрации Большого театра с приближением архитектуры его фасадов к сгоревшему зданию театра эпохи русского классицизма.

Огромный репертуар, насчитывающий десятки опер и балетов, подготовка и проведение мероприятий, связанных с крупными общественно-

политическими событиями, в Большом театре и в Кремлевском Дворце съездов, требовали наличия многих репетиционных залов, совершенного технического обслуживания. Службы постановочной части, помимо здания Большого театра, размещались по нескольким адресам. Вследствие этих причин здание Большого театра неоднократно подвергалось реконструкциям с пристройками к сценической части.

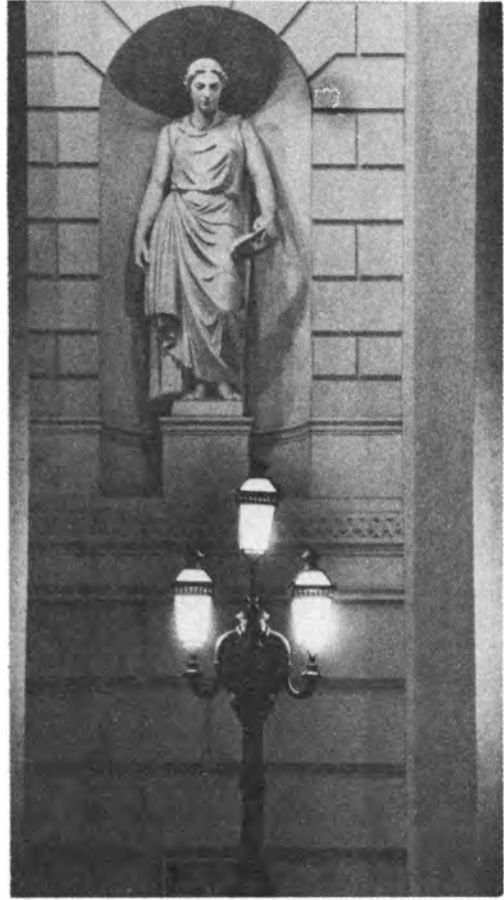
К наиболее крупным мероприятиям относятся: восстановление здания театра после разрушений от фашистской бомбы в 1941 году (руководитель восстановительных работ архитектор В. П. Великанов), реставрация живописи плафона, проводившаяся дважды: в 1942 году (художник А. Д. Корин) и 1955 году (художники П. Д. Корин и С. С. Чураков).

В 1955 году под руководством архитектора И. Е. Рожина была осуществлена система кондиционирования воздуха, а затем реставрация фасадов и интерьеров театра.

В 1965 году на месте декорационной мастерской, находившейся над перекрытием зрительного зала, была устроена репетиционная сцена и небольшой амфитеатр (архитектор В. В. Турчинович).

К 200-летию театра в 1975 году был восстановлен изначальный колорит зрительного зала. Архитектор А. И. Кузнецова — неизменный участник всех работ по реконструкции и реставрации здания Большого театра — обратила внимание на то, что на старинных изображениях рельефный декор ограждений ярусов выделялся значительно четче. Исследования, проведенные в зрительном зале, показали, что под несколькими слоями окраски находится изначальный фон — светло-кремового тона. После ликвидации позднейших наслоений зрительный зал стал еще светлей и нарядней.

Значительно улучшило эксплуатацию театра устройство на уровне партера вместо гардероба полукольевого фойе-кулуара. За все эти годы неоднократно улучшалось техническое

Зажигаются вечерние огни. Музы приглашают зрителей на праздник искусств

109

оснащение сцены. Однако эти мероприятия при ряде достоинств не решали полностью всех трудностей работы Большого театра.

В настоящее время ведется капитальный ремонт, реконструкция и техническое оснащение комплекса зданий ГАБТ СССР. Большому театру возвращается здание его филиала (Пушкинская ул., 6/2), в течение многих лет занятого Государственным театром оперетты, вследствие чего из репертуара Большого театра исчез ряд опер и балетов, преимущественно лирического и камерного характера, не требующих большого состава хора и балета. В распоряжение театра передаются дом № 7 в Копьевском переулке, занятый в настоящее время

Внешторгбанком, а также выходящий фасадом к сценической части театра дом № 11 (так называемый «Дом Бове») в стиле позднего классицизма, давно уже эксплуатируемый театром, но подлежащий реконструкции. В состав комплекса входят также старые здания внутри квартала, заключенного между Копьевским переулком и Кузнецким мостом, а также трехэтажный корпус в Щепкинском проезде.

Проектирование реконструкции поручено Управлению «Моспроект-2» (руководитель мастерской № 14 архитектор Ю. Н. Шевердяев, главный архитектор проекта А. В. Маслов). Разработанное проектное предложение предусматривает размещение в этих зданиях нескольких репетиционных залов, классов для занятий артистов, библиотеки и нотной библиотеки, инженерных служб, поликлиники, столовой и ряда других служб, а также механизированное хранение декораций с доставкой их по тоннелям в здание Большого театра и филиал, что полностью должно обеспечить оптимальную жизнедеятельность театра.

110

Несомненно оправданна основная концепция проектного предложения мастерской — минимально затрагивать реконструкцией основное здание Большого театра, являющегося памятником архитектуры, охраняемым государством.

Проектное предложение не только решает сложную локальную задачу, но и представляет интерес в градостроительном аспекте, сохраняя исторически сложившийся внешний облик улиц и переулков.

Входы в филиал переносятся с Пушкинской улицы в существующий курдонер со стороны Кузнецкого

моста, что вполне логично, так как перед зрелищным сооружением, да еще такого масштаба, как филиал, вмещающий 2000 зрителей, необходима значительная по размерам площадка. В настоящее время перед началом спектакля и по окончании его, чуть ли не половину проезжей части узкой Пушкинской улицы заполняет толпа зрителей театра и прохожих, рискуя стать жертвами проходящего транспорта.

Актуальна ликвидация закрытого оградой участка, примыкающего к сцене Большого театра, и восстановление выхода из Копьевского переулка на Петровку. Еще О. И. Бове, задумав организацию площади перед северным фасадом театра, украсил его ордерной композицией с колоннами, сохранившаяся часть которой закрыта позднейшей пристройкой. Проектное предложение предусматривает оформление этого фасада пилястровым ордером, что будет корреспондировать классицистической декорации «Дома Бове».

Обогатит город осуществление эспланады и летнего кафе на площадке с подпорной стенкой в Щепкинском проезде.

Несомненно перед проектировщиками стоит ряд трудностей. В передаваемом Большому театру квартале находятся здания городских усадеб XVIII века. Часть из них перестроена, часть их конструктивных элементов из-за ветхости утратила несущую способность. Поэтому дальнейшие этапы проектирования должны вестись на основе тщательного историко-архитектурного анализа застройки с целью определения степени возможности ее реконструкции и современного использования.

СОЗДАТЬ МУЗЕЙНЫЙ ПАРК В КУЗЬМИНКАХ

Коробицына И. Л., архитектор

То состояние, в которое приведен крупнейший ансамбль архитектуры и садово-паркового искусства в Кузьминках, невольно заставляет вспом-

нить о дворцовых парках загородных ансамблей Ленинграда, любовно восстановленных после гитлеровского вандализма и превращенных в музей-заповедники.

Как мы, москвичи, смогли допус-

тить, что ценнейший исторический комплекс, включавший свыше 30 произведений архитектуры и монументальной скульптуры, утратил столь значительную часть своих памятников, а многие из оставшихся доведены до неузнаваемого состояния?

Архитектурно-парковый ансамбль XVIII—XIX веков Кузьминки — «родовой Версаль» крупных сановников и государственных деятелей Голицыных — был создан созвездием известных зодчих, скульпторов и художников: Н. П. Жеребцовым, Р. Р. Казаковым, И. В. Егоровым, А. Н. Ворониным, В. И. Баженовым, Д. И. и А. О. Жилярди, М. Д. Быковским и другими. О самом парке историки начала века говорили, что он «представляет собой соединение роскоши природы и искусства, которые здесь идут рука об руку»... О красоте парка можно судить по гравюрам Н. Рауха, посвященным Кузьминкам XIX века. Специалисты нашего времени рассматривают исторический парк Кузьминок в одном ряду с такими парками мирового значения, как парки Павловский и Пушкинский под Ленинградом.

До последнего времени все здания-памятники были заняты жильем, магазинами, конторами. Хотя территория бывшего имения входит сейчас в состав ПКО Волгоградского района, он использует здесь всего два здания. Основной же арендатор территории и виновник разрушения памятников это — Всесоюзный институт экспериментальной ветеринарии (ВИЭВ), который наконец согласно правительственному Постановлению обязуется освободить парк к 1990 году. До сих пор этот арендатор крайне медленно выполняет свои обязательства в отношении ремонтно-восстановительных работ, в частности бывшей церкви Влаернской, которая до недавнего времени использовалась под жилье. Эта церковь вместе с утраченной ныне колокольней, бывшая достопримечательность всей округи, отличалась роскошью и великолепием интерьеров и убранства и по своей архитектуре не уступала лучшим церквям столицы. Обрамлявший «излучину»

Так выглядел парадный въезд в усадьбу на гравюре художника. Восстановленные ныне знаменитые чугунные ворота с грифонами на фонарных столбах встретят посетителей будущего музея.

Главный дом (архитекторы Н. Жеребцов, Р. Казаков), перестроенный в 30-х годах XX века. Намечается передать его под экспозиционные цели музея

Вид главного дома со стороны пруда. Посетители музея смогут видеть из его окон шедевр архитектуры — Музыкальный павильон Конного двора архитектора Д. Жилярди с конными статуями П. Клодта

Здание оранжереи — «Оранжевая дача» (которое, безусловно, должен покинуть Госкомспорт СССР) займет подходящее место в музейном парке

112

Следует восстановить дачу на плотине — одну из изящнейших построек архитектора А. Жиларди, органично вписанных в парковый пейзаж и использовать ее для выставочных и клубных целей музея-парка

Старую мельницу, одну из первых построек бывшего имения, необходимо восстановить и устроить в ней кафе в старинном духе

Верхнего пруда уникальный шедевр парковой архитектуры Музыкальный павильон с конными статуями П. К. Клодта (копии тех, что на Аничковом мосту в Ленинграде) сгорел в 70-е годы, а его дорическая колоннада превратилась в руины.

За последние десятилетия одно за другим разрушились и исчезли разнообразные парковые сооружения романтических малых архитектурных форм, некогда украшавшие берега и отражавшиеся в зеркальной глади водоемов. Главная причина всему этому — незаинтересованность арендатора, несовпадение задач использования памятника с целью и задачами его охраны. Но несмотря на многочисленные утраты и следы разрушения, общее состояние парка позволяет говорить о реальной возможности спасения исторического комплекса. Эту надежду вселяет и высокий уровень развернувшихся проектно-реставрационных работ по восстановлению ряда сооружений и зеленых насаждений парка. Однако негативный опыт аренды многих ценных памятников архитектуры показывает, что «штучный» подход к использованию архитектурно-исторических зданий себя не оправдывает.

Спасти и сохранить парк со всеми культурными ценностями его архитектуры можно только при условии создания музея-заповедника на всей, установленной Моспроектом-2 охранной территории, с единой программой развития музея.

Это будет качественно новое социально-культурное учреждение, в котором функциональное использование и внутреннее решение всех зданий будет отвечать культурно-просветительным задачам музея, а рекреационные задачи заповедной территории парка и сценарии развлечений будут связаны с его исторической спецификой.

Что касается научных и культурно-просветительных задач музея, то они должны быть прежде всего связаны с главным его фондом — произведениями архитектурно- и садово-паркового искусства. Эта основа, опреде-

ляющая главную профильную направленность музея-заповедника: музей — архитектурно-парковый ансамбль XVIII—XIX веков.

Музеи-памятники (или ансамбли) архитектуры являются как бы наглядными пособиями в ее изучении, которому до последних лет придавалось мало значения. Архитектура оставалась, главным образом, предметом специалистов. К тому же у нас до сих пор нет ни одного музея, посвященного кому-либо из великих русских зодчих прошлых столетий. Музей в Кузьминках мог бы в своей экспозиции подробно рассказать о жизни и творчестве авторов, сумевших в течение меняющихся столетий так тактично дополнить друг друга, каждый согласно своей эпохе, сохранив при этом единство и целостность ансамбля; показать лабораторию его создания. Это послужило бы своеобразной дополнительной студией для сегодняшних архитекторов.

Как известно, музей — это развивающийся организм. Он может видоизменять свой профиль, обогащать свои экспозиции. Тем более музей-заповедник, относящийся к разряду комплексных музеев. Музей в Кузьминках смог бы сыграть значительную роль в московском краеведении (что особенно важно для населения прилегающих к территории Кузьминок новых жилых районов). Музей может приоткрыть некоторые страницы каменной летописи Москвы и Подмосковья, связанные с историей бывшего имения Влахернского (прежнее название Кузьминок); его владельцами, сподвижником Петра I, владельцем чугунных заводов бароном Строгановым и князем Голицыным, внесшим немалый вклад в создание народных больниц (известные «голицынские» позднее «градские» больницы), а также с народными гуляниями и праздниками, в которых участвовали жители всех окрестностей и горожане. Парк в Кузьминках всегда был одним из самых любимых мест отдыха и гуляний москвичей (здесь устраивались факельные шествия и фейерверки, праздники проходили не менее пыш-

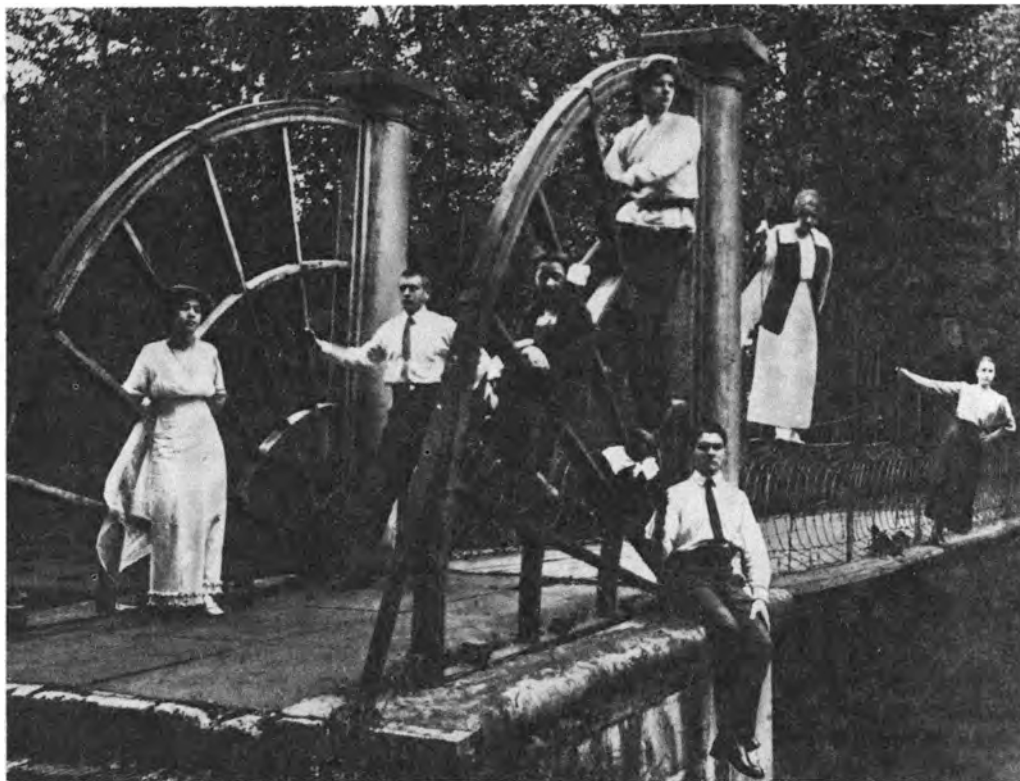
Для восстановления романтической березовой беседки на Щучьем острове особых усилий не потребуется

Оригинальную П-образную постройку — Скотный двор (архитекторы И. Егоров и Д. Жилярди) с сохранившейся росписью плафона целесообразно использовать для проведения методических совещаний музейных работников

Все живописные мостики водной системы парка, которыми славилась Кузьминки, необходимо воссоздать как его неотъемлемую часть

Мост «Трясучка», на котором особенно любила фотографироваться молодежь

114

но, чем в Сокольниках и Марьиной Роще). Бывший дачный поселок Кузьминки связан с именами художников В. А. Серова, А. П. Боголюбова, И. Э. Грабаря и других. Здесь Ф. М. Достоевский работал над 5-й частью книги «Преступление и наказание».

Как известно, летом 1894 года у своей сестры А. И. Елизаровой-Ульяновой, снимавшей дачу в пограничном с парком поселке Вешках, в течение месяца жил В. И. Ленин.

Для экспозиции материалов, связанных с архитектурой и историей Кузьминок, могут быть использованы ансамбль Главного дома с комплексом Красного двора. Эта тематика может решаться с помощью подлинных документов, фотографий, авторских чертежей, гравюр, подлинных предметов быта, а также художественных и дизайнерских средств, предметов чугунного литья, декоративного убранства и т. д.

Экспозицию музея под открытым

небом могли бы составить ажурные висячие (и иные) мостики, набережная со львами (которая в свое время «могла бы составить честь венецианским»), гrotы, беседки, ограды, скульптурные композиции, словом, все утраченные или разрушенные произведения, которые необходимо восстановить. Ведь они были не только украшением изысканно очерченных прудов или зеленых куц; каждое из них занимало определенное место в общей композиции ансамбля, участвовало в формировании визуальных перспектив и служило своеобразным ориентиром для посетителей.

Желательно поддержать инициативу сотрудников администрации ПКО «Кузьминки» Волгоградского района, в частности Б. Г. Михалева, проводивших здесь изыскательскую работу по истории бывшего имения и предлагающих создать выставки, по-

священные историко-бытовой тематике не только Кузьминок, но и других усадеб Подмосковья; создать выставки на тему садоводства, растениеводства, охраны природы, «природы и фантазии» и другие на территории бывших «Домов на садоводстве», где прежде жили и трудились садовники имения. После восстановления комплекса Конного двора в нем предлагается устроить выставку на тему конного хозяйства подмосковной усадьбы (снаряжение верховых лошадей, кареты, экипажи и прочее), а также труда и быта конюхов. Деревянные домики усадьбы, в которых когда-то жили работники имения, использовать для экспозиции на тему их быта, а также для различных временных выставок: самодеятельных художников; для детских студий, клубов краеведов и любителей старины и т. п.

Планировочная структура паркового ансамбля, в котором архитектурные комплексы и отдельные сооружения находятся на значительном расстоянии друг от друга, как бы растворяясь в изобилии деревьев, водоемов и зеленых пространств, делает его не столько объектом любования (как, например, в Кускове), а прежде всего местом отдыха. Это будет «живой» музей-парк, и посетители в нем будут не только «осматривать» экспозицию и отдыхать, но и участвовать в его жизнедеятельности. Так, в бывшей Влахернской церкви можно будет проводить концерты старинной музыки, лекции, встречи, а на Конном дворе, помимо выставки, создать такие развлечения, как катание в каретах и верховая езда. Из ниши восстановленного Музыкального павильона музыканты снова могли бы оглашать берега пруда старинной музыкой, как когда-то мастера игры на роговых инструментах (причем каждый из них выводил только одну ноту!).

Думается, что стоит восстановить и бывшую мельницу с Мельничным флигелем, где по преданию жил мельник Кузьма, именем которого, возможно, названо имение.

Представляется, что музейный парк Кузьминки будет исполнен

Ансамбль Конного двора планируется использовать для выставки по истории усадебного хозяйства, а также клуба верховой езды (здесь же будут выдаваться старинные кареты для прогулок по парку)

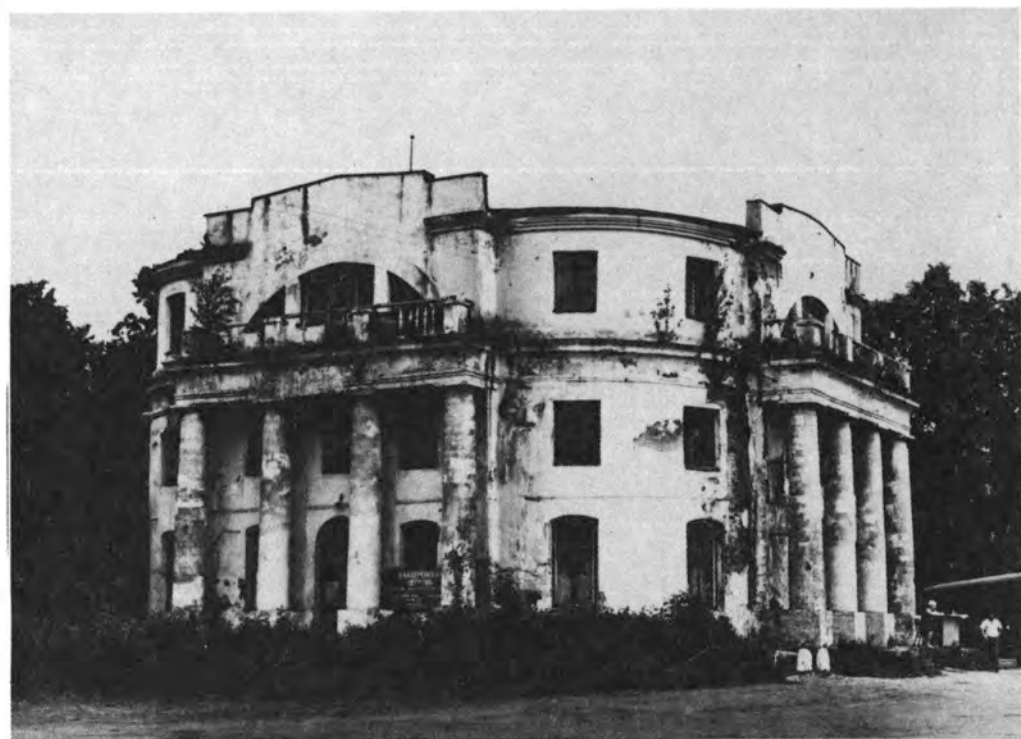

Эта гравюра «Вид павильона за прудом» как нельзя лучше отражает восхищение художников «соединением искусства и природы в Кузьминках»

духом старинного московского гостеприимства, большой открытостью. В дань традициям села Влахернского в нем можно было бы возродить праздничные карнавальные шествия, фейерверки, театрализованные представления с использованием светомузыки, эффектов световой архитектуры и художественной подсветки. Задача музейного парка — воссоздать на всей его территории атмосферу отдыха в условиях исторической среды архитектуры и садово-паркового искусства, романтики и литературно-исторических ассоциаций. С учетом этой задачи должны быть решены интерьеры и экспозиции основных зданий и отдельных павильонов. Их решение и

Влахернская церковь (архитекторы Н. Жеребцов, Р. Казаков, В. Баженов, Д. Жиллярди), расположенная перед парадным въездом в усадьбу, когда-то могла поспорить по своей архитектуре и внутреннему убранству с лучшими церквами столицы. Сегодня ее нельзя пока что узнать. После реставрации здесь предполагается устроить концертный зал

116

организация экспозиций — в значительной мере зависят от таланта и вкуса художников и дизайнеров.

Состав сохранившихся зданий ансамбля Кузьминки позволяет создать на его территории крупное и развитое в объеме своей функциональной организации музейное учреждение, которое явится научным и культурно-просветительным центром по изучению архитектуры, садово-паркового, а также декоративно-прикладного искусства, истории и быта усадеб XVIII—XIX и начала XX веков. Единственный в своем роде в Москве му-

зейный парк (или музей-парк) будет сочетать культурно-просветительные задачи с задачами «познавательного отдыха» населения.

Таким образом, новый музей-парк должен принадлежать городу и им создаваться. Разработка и реализация предлагаемой концепции этого музея-парка потребует участия целого круга заинтересованных специалистов и городских организаций. Для начала необходимо создать комиссию по разработке научной программы и модели будущего музея и назначить единую дирекцию музея-парка с пе-

редачей ей на баланс всей территории охранной зоны с целью проведения экстренных мероприятий по охране и спасению памятников. В комиссию по составлению программы должны войти опытные специалисты по работе с существующими музеями-заповедниками и музеями-усадебными, сотрудниками существующего парка Кузьминки, специалисты по реставрации и использованию памятников архитектуры и другие. В комплектовании

фондов нового музея должны принять участие: Музей истории Москвы, Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А. В. Щусева, Государственный Исторический музей, музеи подмосковных усадеб, союзы художников и другие творческие организации. Необходимо, чтобы музей-парк сам с самого начала принимал активное участие в реставрационно-восстановительных работах и контролировал их проведение.

МУЗЕЙ ИСТОРИИ МОСКВЫ

Николенко В. П., историк

Музей истории Москвы принадлежит к числу старейших учреждений культуры столицы. Он возник в конце прошлого столетия, когда российский капитализм внес новые ритмы во все области жизни патриархальной Москвы, издавна именовавшейся «большой деревней». Менялся облик города и уклад жизни москвичей. Вырастали первые пятиэтажные «небоскребы», громады доходных домов и банков теснили уютные дворянские особняки. По главным улицам пролегли маршруты конно-железной дороги, а затем и «электрического трамвая», на смену керосиновым и газовым уличным фонарям пришло электрическое освещение, в домах состоятельных граждан появились водопровод, канализация, телефон...

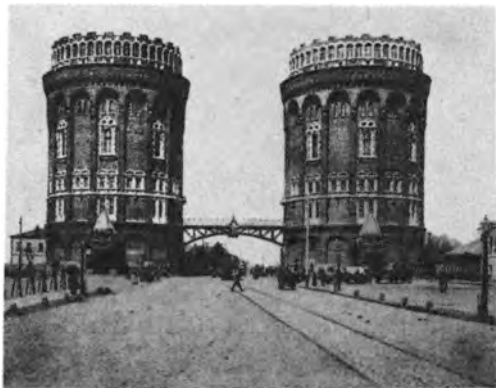
Так в конце XIX столетия возникло многоотраслевое городское хозяйство. Обо всех этих новшествах «отцы города» поспешили рассказать на Всероссийской художественно-промышленной выставке 1896 года в Нижнем Новгороде в специальном павильоне «Москва». Экспозиция вызвала интерес — ведь вопросы городского благоустройства становились весьма актуальными не только для Москвы, но и для многих других разрастающихся городов России. Воодушевленная успехами Московская дума тогда же и приняла решение об организации специального музея. Экспонаты

перевезли в Москву и разместили в помещениях одной из Крестовских водонапорных башен на северной окраине города в конце 1-й Мещанской улицы (ныне проспект Мира, у Рижского вокзала).

1 (14) декабря 1896 года музей был открыт для публичного обозрения. Его назвали Музей московского городского хозяйства.

За девять десятилетий своего существования, не раз меняя адреса и наименования, музей прошел нелегкий путь от узкопрофильного специализированного до учреждения широкого исторического профиля. В результате целенаправленной работы нескольких поколений сотрудников музея сегодня располагает обширной коллекцией памятников, отражающих историю Москвы с глубокой древности до наших дней. Собрание музея, содержащее все основные типы источников широкого тематического и хронологического диапазонов, насчитывает сегодня свыше 400 тыс. единиц хранения. Музей является обладателем ценнейшей коллекции документальных и художественных изобразительных памятников.

Одно из важнейших направлений в научном комплектовании фондов — фиксация облика столицы. Вряд ли можно назвать другой город, который, подобно Москве, так интенсивно строился, стремительно изменял свой облик. Кто сегодня может с относительной степенью достоверности вос-

В водонапорных башнях у Крестовской заставы (современный район Рижского вокзала) в 1896 году размещалась первая экспозиция Коммунального музея

В Сухаревой башне, о целесообразности восстановления которой сегодня идут ожесточенные споры, в 20—30-е годы располагался Московский коммунальный музей

становить в памяти хорошо известные места: Зарядье до постройки гостиницы «Россия» или Арбат до строитель-

ства современного проспекта Калинина, Октябрьскую площадь до начала ее реконструкции?

К сожалению, в Москве отсутствует единая служба по фиксации облика города. Поэтому в проведении этой работы музей видит одну из главных своих обязанностей. Разумеется, только своими силами музею не справиться со столь трудоемким делом. Музей опирается на помощь фотографов-общественников. По разработанным музеем программам они систематически осуществляют фотосъемку «уходящего города», пополняя фонд бесценным иконографическим материалом. И сегодня, обращаясь к историческому «колориту» нашей древней столицы, мы с чувством сожаления ощущаем утрату некоторых черт ее самобытного облика.

Фондовое богатство помогает коллективу музея вносить свой вклад в международный культурный обмен. Разнообразные по тематике выставки о советской столице экспонировались в последние годы во многих городах мира: Софии, Праге, Варшаве, Будапеште, Гаване, Калькутте, Аддис-Абебе, Луанде, столицах Вьетнама, Камбоджи, Непала. Отдельными коллекциями и экспонатами музей был представлен на крупных выставках в Монреале, Париже, Хельсинки, Мадриде.

В сохранении многовекового наследия столицы нашего государства важным станет «Свод памятников истории и культуры г. Москвы». Это фундаментальное издание энциклопедического характера подведет итоги коллективной работы ученых, исследователей Москвы на протяжении многих лет, обобщит накопленные сведения о недвижимых памятниках и памятных местах Москвы. Участие в столь ответственном деле — новое направление в работе музея.

Работа над «Сводом» ведется в тесном контакте с академическими институтами, Институтом истории партии МГК и МК КПСС, другими музеями Москвы. Все материалы проходят строгую апробацию в научных учреждениях, Министерстве культуры РСФСР и Главном управлении культу-

ры исполкома Моссовета. В результате сформирован богатый научный архив: около 4 тыс. комплектов первичной документации, почти 5 тыс. фотонегативов, учетно-справочная карта. Материалы к «Своду» уже теперь можно рассматривать как составную часть фондовой коллекции музея, научно-информационную базу по памятникам истории и культуры Москвы.

Интересы комплексного изучения хранения и пропаганды памятников истории и культуры Москвы все настоятельнее требуют преодоления существующей в городе разобщенности музейных коллекций, документирующих историю столицы. Сосредоточение памятников в едином музейном центре создало бы наиболее благоприятные условия для всестороннего комплексного их использования. Таким центром должен стать Музей истории Москвы. В связи с этим целесообразно было бы провести социологическое исследование на тему «Каким быть Музеем истории столицы?»

С этим вопросом мы намерены обратиться прежде всего к научным работникам профильных дисциплин, музеоведам и музейным работникам-практикам, представителям средней профессиональной и высшей школы, архитекторам и художникам, представителям творческих союзов, общественных организаций, руководителям туристско-экскурсионных учреждений, работникам прессы и, конечно, жителям нашего города. Подобное исследование поможет создать, образно говоря, оптимальную модель музея, ответить на главный вопрос: каким ему быть?

Концепция комплексного социально-экономического развития Москвы на период до 2000 года, современная социально-культурная ситуация, возросшие требования к идеологической работе и конкретно к музейной деятельности диктуют необходимость коренной перестройки всей музейной работы. Давно назрела необходимость и в научно обоснованной концепции развития Музея истории Москвы, особенно в области экспозици-

Современный адрес музея — Новая площадь, дом 12 (здание бывшей церкви Иоанна Богослова, что под вязом). А называется он теперь Музей истории города Москвы

Одна из экспозиций воскрешает утраченные образы старой Москвы

Специальная выставка «Октябрь в Москве» знакомит посетителей с революционными событиями

онно-пропагандистской деятельности. Уже сегодня он представляется в виде целостной системы тематических, историко-региональных и мемориальных экспозиций, логически продолжающих основную экспозицию головного музея. Разве не заслуживают, к примеру, самостоятельных экспозиций такие исторические регионы, как Арбат, Замоскворечье, Сокольники, Измайлово? А разве не нуждаются в своих музейных центрах жители сравнительно новых районов Москвы — Перова, Кунцева, Тушина, Свиблова?.. Хорошей основой для подобных экспозиций могут стать некоторые уже существующие (в том или ином виде) общественные музеи.

В городе немало зданий — памятников революционной, боевой и трудовой славы москвичей, которые заслуживают музеефикации. Интересным структурным элементом Музея истории Москвы могли бы стать и локальные экспозиционные комплексы, допустим, археологические, историко-архитектурные, вписанные в живую городскую среду: в пешеходных подземных переходах, вестибюлях метро, окнах зданий и др.

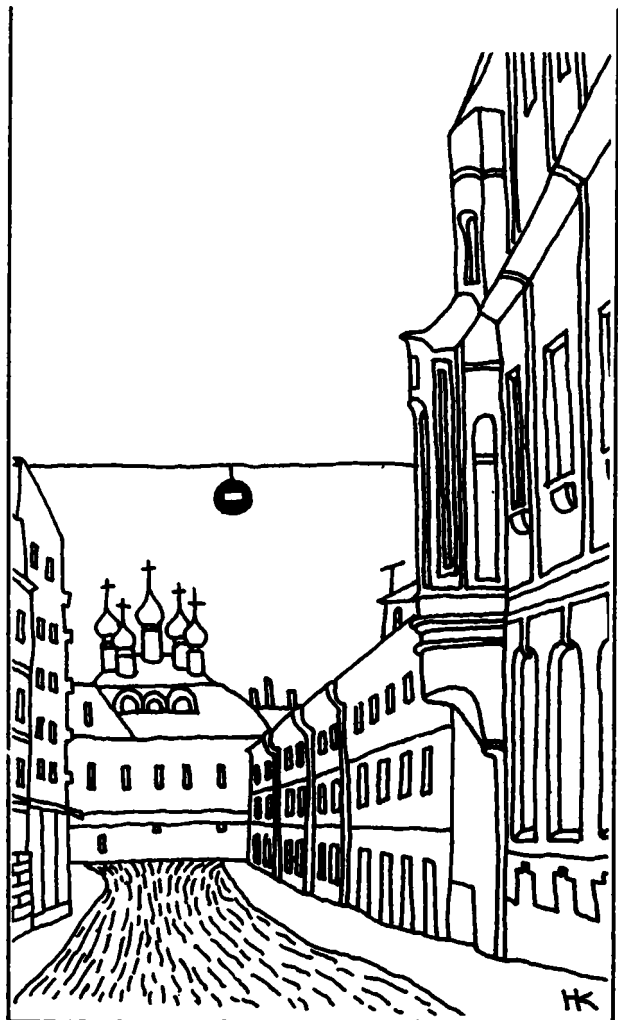
Нового качественного уровня и масштаба требует научно-просветительская работа музея среди населения. Повышение авторитета жителя столицы, увеличение вклада в дело перестройки — этим целям должна быть подчинена наша деятельность. Весьма актуальным и целесообразным делом может стать организованный на базе музея специальный лекторий о Москве для строителей, тружеников городского хозяйства, транспорта, торговли, милиции, работников аппарата райисполкомов. В ближайших планах

коллектива — создание на базе музея клуба любителей истории Москвы.

Реализация намеченных планов не в последнюю очередь зависит от материально-технической базы. Открытым по-прежнему остается вопрос о помещении музея, неоднократно поднимавшийся и в прессе, и на различных совещаниях. Ныне существующая площадь позволяет экспонировать не более 1% фондового собрания. Музей столицы, обладающий самой значительной фондовой коллекцией среди музеев столиц союзных республик, в материально-техническом отношении уступает большинству из них. Пропускная способность Музея истории Москвы не превышает 150 тыс. человек в год, Музей истории Ленинграда ежегодно посещают не менее 4 млн человек.

Самым реальным и принципиально правильным путем улучшения положения столичного музея является использование зданий-памятников истории и культуры, весьма многочисленных в Москве. Сегодня лишь 30% общего их числа, находящихся на государственной охране, используется под культурные цели. Но определенные сдвиги сделаны, и это нас обнадеживает. Решением исполкома Моссовета музею переданы два историко-архитектурных памятника. Наибольший интерес среди них представляет Старый английский двор (улица Разина, 4).

Музей истории Москвы по праву должен стать центром научного Москововедения, центром хранения, изучения и пропаганды памятников истории и культуры Москвы, вносить значительно больший вклад в воспитание трудящихся.

Проблемы центра

СТОЛИЧНЫЙ ЦЕНТР: СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ

НУЖНЫ РАЗУМНЫЕ РЕШЕНИЯ

УЛИЦА ДИМИТРОВА — НОВОКИРОВСКИЙ ПРОСПЕКТ

МОСКОВСКИЙ КВАРТАЛ: ПЕРСПЕКТИВЫ РЕКОНСТРУКЦИИ

УЛИЦА ДЛЯ ПЕШЕХОДОВ

СДЕЛАТЬ ПЛОЩАДЬ УДОБНОЙ

СТОЛИЧНЫЙ ЦЕНТР: СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ

Боде Б. В., архитектор

Территория в пределах Садового кольца с непосредственным ее окружением — главный элемент центра Москвы, его историческое ядро. Здесь сосредоточены правительственные, международные, научные, культурные учреждения страны, а также предприятия торговли, быта, общественного питания и др., обслуживающие многомиллионное население города.

Центральное ядро Москвы в пределах Садового кольца — уникальная историческая зона, сохранившая индивидуальный облик и включающая более 700 зданий — памятников архитектуры и 6500 ценных строений, составляющих так называемую историческую среду города.

Градостроительная структура территории центра имеет многовековые корни исторического развития и преобразования. Этот процесс продолжается и сейчас. Он необходим и неизбежен, поскольку центр — главная и неотъемлемая часть города, растущего и развивающегося соответственно новым потребностям общества.

После 1917 года произошли сдвиги в архитектурном и градостроительном формировании центра в части обновления кварталов, ликвидации трущоб, реконструкции улиц, строительства новых высотных зданий. Вместе с тем в этот же период были утрачены многие культовые и общественные здания, формировавшие пространственную и архитектурную среду города, сохранявшие его масштаб и типично московский характер.

В последние десятилетия выполнен значительный объем строительства в центре: построен ряд новых крупных объектов, приводились в порядок фасады существующих зданий, отреставрирована часть исторических памятников архитектуры, Московский Кремль. Реализована первая очередь пешеходной улицы Арбат, завершены Октябрьская площадь и отрезок

Новокировского проспекта, заканчивается реконструкция улицы Димитрова.

При этом процесс реконструкции 70—80-х годов сопровождался рядом негативных явлений, связанных с нарушениями градостроительных принципов формирования центра, его исторического облика, диспропорциями в сферах городского хозяйства. Нарушения в развитии центра столицы стали одной из острых проблем социально-экономического и идеологического характера, что, в свою очередь, вызвало достаточно бурную реакцию общественности.

Анализ градостроительной политики последних лет по отношению к центру демонстрирует необходимость ее кардинальной перестройки и переориентации. Прогноз развития центра (с учетом динамики показателей за последние 30—35 лет) показывает приближение кризисного состояния по многим параметрам его градостроительного и функционального формирования, а именно:

постепенную утрату своеобразия исторически сложившегося облика и традиционного московского характера застройки, необоснованный снос старой застройки, строительство новых зданий, официозных и несомасштабных исторической среде города;

существенное сокращение жилого фонда за счет передачи его министерствам и ведомствам под административные нужды (на 47% за период с 1960 года);

резкое уменьшение постоянно живущего населения (почти в 4 раза по сравнению с 1960 годом) и как следствие — возникновение безлюдных улиц в вечернее время, так называемых зон психологического дискомфорта;

невыполнение программ по выводу предприятий и учреждений из центра, принятых в Генеральном плане Москвы 1971 года и проекте де-

тальной планировки (ПДП) центра 1974 года, активное привлечение в центр организаций, строительство административных зданий. В пределах Садового кольца за последние 10 лет суммарный фонд предприятий и учреждений вырос на 37%, административный фонд — на 40%;

рост трудозанятости в пределах территории центра (порядка 25% за последние 10 лет).

Последние обстоятельства определили значительную перегрузку транспортно-коммуникационной структуры центра (основные магистрали и улицы находятся на пределе пропускной способности), увеличение транзита до 60% по отдельным участкам, что усугубилось отставанием в реконструкции транспортных узлов строительстве обходных разгрузочных магистралей.

Допущено существенное отставание в ремонте жилого фонда, в результате чего 40% его требует проведения в ближайшие 10—15 лет реконструкции и капитального ремонта с последующим поквартирным заселением. Острейшей проблемой на сегодняшний день стали диспропорции в заселении и использовании жилого фонда: более 50% населения в пределах Садового кольца проживает в коммунальных квартирах (при средней обеспеченности более 21 м² общей площади на человека).

Подземные инженерные сети центра проложены в большинстве своем 50—70 лет назад, потеряли надежность и недостаточны по пропускной способности.

Большое беспокойство вызывают экологические нарушения в состоянии воздушного бассейна центра, многократное превышение уровня допустимых концентраций выбросов автотранспорта, нарушение норм шумового режима, загрязнение почв.

Причины возникновения указанных диспропорций и негативных явлений кроются в отсутствии градостроительного законодательства и твердой архитектурной политики, преобладании ведомственных интересов над городскими, недостатке средств и мощ-

ностей строительных организаций для проведения комплексных работ, отставании сети торговли и других видов обслуживания в срединной зоне города вне исторического центра, пассивной, а зачастую и непринципиальной позиции архитектурного руководства и архитекторов, возглавлявших и ведущих проектирование в центре.

Согласно разработанному Генеральному плану города Москвы и Московской области определяющим фактором перспективного развития исторически сложившегося центра Москвы является сохранение за ним важнейших общественно-политических, международных и государственных функций, а также ведущей роли в пространственной и функциональной системе столичного центра.

В настоящее время разработаны комплексная программа реконструкции и проект детальной планировки центра (ПДП). Они включают территорию в пределах Садового кольца (1900 га) и внешнюю прилегающую зону.

Комплексная программа и ПДП определяют важнейшие положения градостроительной политики как систему допускаемых функциональных и пространственных параметров реконструкции центра, нового строительства, сети обслуживания, динамики трудозанятости, развития пешеходно-коммуникационных систем, транспорта, инженерного оборудования и других функциональных и пространственных элементов. Эта система регулирования устанавливает все допускаемые пределы реконструктивного вмешательства в развитие центра с тем, чтобы весь процесс оптимизации градостроительного режима протекал в русле принятой основной концепции.

Основные положения ПДП и комплексной программы направлены на стабилизацию, а затем устранение негативных процессов развития центра, ликвидацию сложившихся диспропорций и конфликтных ситуаций.

Определяющий фактор — изменение центра тяжести градострои-

тельной политики в сторону максимального сохранения ценной исторической среды города, естественно в тех пределах, при которых это не вступает в острое противоречие с развитием жизненно важных функций центра Москвы.

В результате разработки новой градостроительной политики необходимо будет определить оптимальное, наиболее целесообразное соотношение между процессом естественной сменяемости материальной среды центра и безусловным сохранением ее ценной в историко-архитектурном отношении части.

Второй важнейший концептуальный фактор — обеспечение современного, социально обоснованного уровня градостроительного комфорта для человека. Центр должен быть удобен для людей, проживающих в его пределах, работающих здесь, приезжающих сюда с различными целями.

В ПДП центра и комплексной программе заложен ряд основных положений по развитию отдельных отраслей его хозяйства, а именно:

развитие градостроительной структуры, функциональное упорядочение, повышение градостроительной активности основных узлов центра, его улиц, площадей с учетом прогнозируемой стабилизации роста пребывания здесь в дневное время населения за счет уменьшения количества мест приложения труда;

разгрузка центра от несвойственных функций, вывод непрофильных предприятий и организаций, сокращение кадров сохраняемых учреждений, резкое ограничение нового строительства административных зданий в центральном ядре, дальнейшее развитие административно-деловых функций за пределами Садового кольца, включая строительство зданий, необходимых для обеспечения вывода организаций из центра;

обеспечение столичных функций обслуживания с учетом ограниченных возможностей сложившейся городской среды, приоритетное развитие жилой застройки, культурно-просве-

дительных учреждений, центров досуга, различных форм клубной деятельности с увеличением их площадей более чем в 2 раза. Использование нежилых зданий и первых этажей, освобождаемых от административных и производственных организаций для развития всех видов обслуживания столичного ранга, повышение комфортности предприятий обслуживания при ограниченном росте вместимости, увеличение площадей гостиниц, учреждений общественного питания, торговли с переходом с массового на специализированное обслуживание. Развитие крупных комплексов массовой торговли за пределами Садового кольца в целях максимальной разгрузки центра;

ликвидация коммунального заселения в пределах Садового кольца до 2000 года;

максимальное сохранение в центре жилых функций, проведение реконструкций и капитального ремонта существующего жилого фонда в объеме 2 млн. м² общей площади с последующим поквартирным заселением, обеспечение нового строительства жилых домов (около 600 тыс. м²) за счет выборочного размещения зданий ограниченной этажности; возврат жилой функции ряду зданий, ранее переданных учреждениям. Использование непригодного жилого фонда под гостиницы и сферу обслуживания, что частично решит проблему оживления улиц в вечернее время;

обновление инженерного оборудования центра, в том числе строительство 35 км коллекторов, более 70 км магистральных сетей всех видов, реконструкция уличных сетей. Предусматриваются также разгрузка транспортной сети центра за счет вывода учреждений, ликвидации транзита, строительства городских внешних разгрузочных магистралей; улучшение организации транспортного обслуживания за счет реконструкции улиц и площадей; строительство транспортных пересечений в разных уровнях на подходах к центру; формирование новых пешеходных улиц — Столешникова переулка, Кузнецкого

моста, улицы 25 Октября, вторая очередь реконструкции Арбата, пешеходной системы Замоскворечья.

Предусматриваются осуществление мероприятий по улучшению экологического режима и охране окружающей среды, разгрузке центра от транспорта, прежде всего грузового, переход его на чистые виды топлива, полная ликвидация местных котельных и других источников загрязнения, поэтапное внедрение автоматизированной системы мусороудаления, осуществление градостроительных и технических мер по борьбе с шумом.

Реализация работ по реконструкции центра связана с проведением мероприятий по организации единой

системы планирования, финансирования, проектирования и строительства с укреплением материальной и ресурсной базы, увеличением мощностей организаций Мосстройкомитета и Главмосжиллинжа, что является серьезной проблемой, созданием специализированной реставрационной организации Мосгорисполкома, привлечением к работам по реконструкции центра сил и средств министерств и ведомств.

Проектирование центра ведется в условиях гласности, с привлечением специалистов самых разных отраслей городского хозяйства и общественности.

НУЖНЫ РАЗУМНЫЕ РЕШЕНИЯ

Миличкин Ю. В., журналист

На втором пленуме правления Московской организации Союза архитекторов РСФСР зодчие заинтересованно и всесторонне обсудили волнующую всех проблему реконструкции и архитектуры центра Москвы. Приняты решения, выработаны рекомендации, но тема эта неисчерпаема. И среди тех, кто особенно остро переживал неудачи и просчеты в сохранении самобытного колорита центра столицы, был безвременно ушедший из жизни видный ученый и архитектор Алексей Эльбрусович Гутнов.

Журналисту Ю. Миличкину не раз доводилось встречаться с этим творчески одаренным и требовательным человеком. Мысли, высказанные зодчим о путях развития Москвы, сохранении ее самобытного облика, не потеряли своей злободневности.

Корр. Какой быть Москве? Тема действительно жизненно важная. Об этом говорит и все возрастающее количество дискуссий, откликов, обсуждений. Особенно всех волнует судьба центра города.

А. Гутнов. Да, уж очень очевидными выглядят те потери, которые мы имеем. И еще очевиднее становится та медлительность, с которой мы ре-

шаем неотложные проблемы развития центра. Обстановка и дух времени требуют, чтобы мы со всей определенностью и ясностью сказали, что серьезнейшие ошибки в этой области были допущены самими архитекторами. Некоторые из них стали уже хрестоматийными: гостиницы «Россия» и «Интурист», бесконечные башни в пе-

реулках и на старых московских улицах, совершенно искажившие их облик. Кстати говоря, башни продолжают вырастать и сегодня.

Для того чтобы двигаться в правильном направлении, мы, архитекторы, должны помнить, что несем большую ответственность за эти ошибки.

В чем причина повторяющихся просчетов? Одна из главных, мне кажется, в том, что мы хронически переоценили все новое и недооценили все старое. Нам казалось, что надо убрать все ветхое, малоценное. Слова-то какие. Когда ценность определяется через физическое состояние дома, это уже само по себе говорит о неправильных критериях, заложенных в основу современного градостроительства.

Разве ценность дома Пушкина на Арбате определяется ценностью стен и перекрытий, которые этот дом имеет? А таких зданий в Москве много, и каждая подобная утрата невосполнима.

Валовые показатели нигде не годятся, а в архитектуре особенно. Например, можно сказать, что мы снесли такое-то количество домов, а такое-то спасли, отреставрировали и т. д. А если снесенное здание несло на себе память истории, оправдает ли нас арифметика? Однако сносим.

126

Как же это получается? Есть в Москве Государственное управление по охране и использованию памятников истории и культуры. Управление это подчинено Главмосархитектуре. В связи с этим возникает очень странная ситуация: государственный орган, который должен контролировать, подчинен ведомственному органу, который и решает в конечном счете: сносить или не сносить. Решает при большем или меньшем сопротивлении вот этого самого государственного управления.

Правилен ли такой порядок? Не пора ли поставить вопрос о независимости этого управления? Оно вполне может быть самостоятельным структурным подразделением исполкома Моссовета.

Второй вопрос — люди, наши кадры. Слишком долго существовала практика попустительского разрушения. И мы просто-напросто привыкли. Создалась инерция, выросло целое поколение людей, которые не мыслят себе иного решения проблемы. Кто-то может перестроиться, а кто-то и нет. В сложившейся ситуации надо спокойно разобраться и сделать из нее соответствующие выводы.

Корр. Творческое начало было практически потеряно, архитекторы занимались привязкой типовых проектов в независимости от места существующей застройки. Я Вас правильно понял?

А. Гутнов. Мне кажется, сказать так — значит упростить проблему. Творческое начало сохранялось. Можно привести примеры зданий, относительно удачно вписанных в среду: жилые дома в районе Большой Бронной улицы, гостиница в Спиридоньевском переулке, здание Госстроя СССР на Пушкинской улице. Это все примеры, когда творческая фантазия и энергия зодчего сумели найти выход в достаточно сложной ситуации.

К сожалению, архитекторы очень много заимствовали из собственных методов работы, выработанных ими на периферии города, где и размахнуться можно вширь, и отступить от красной линии, и места лишнего не пожалеть. А что такое отступить от красной линии в центральной части Москвы? Это значит, нарушить сложившийся фронт улицы, ансамблевую застройку, причем нарушить непоправимо. Будем надеяться, что все это в прошлом. Теперь, конечно, мы должны посмотреть вперед и обязательно с историческим оптимизмом.

Фактически вся центральная часть Москвы в черте Садового кольца должна рассматриваться как единая заповедная зона. Другое дело, что внутри этой зоны мы должны разобраться, какие территории тяготеют к общегородскому центру, какие должны остаться сугубо жилыми, потому что центр Москвы не может и не должен развиваться без собственного жилья. Что происходит сейчас?

Городской центр как бы начинает терять полноту представительства. Пропадают бабушки с колясками, пропадают какие-то возрастные категории. Центр перестает быть центром.

Корр. Превращается в своеобразный торговый офис.

А. Гутнов. Да, подобие «сити».

Такая ситуация уже сложилась в районе улицы 25 Октября, и очень не хотелось бы, чтобы другие замечательные московские уголки разделили ее судьбу. Сделать это не просто, потому что надо найти методы сохранения жилья в непростой, как правило, ситуации. Здесь нельзя действовать привычным образом: снесли квартал, построили новый и зажили там. Надо научиться лечить каждое место, которое может быть спасено.

Пора нам научиться формировать жилую среду на базе старого сложившегося жилищного фонда с внесением туда, конечно, необходимого комфорта.

Сейчас в моде пешеходные улицы. Наверное, многие из старых улиц Москвы могут быть пешеходными. Но речь должна идти прежде всего о тех, которые насыщены магазинами, объектами культуры, другими видами обслуживания, чтобы люди чувствовали себя комфортно, в масштабах себе окружающей среде.

Арбат — первая попытка решения такого рода проблемы. Говорю как автор, что не все в этой работе бесспорно. Впредь надо оперировать иными средствами. Но главное остается: человеку нужен не проспект Калинина, а старый Арбат в том или другом качестве.

Представьте себе, что каждая радиальная улица Москвы превратилась бы сегодня в проспект Калинина. Что бы мы имели от центра? Вопрос, конечно, риторический. Проспект Калинина сыграл свою роль как определенный элемент столичного центра. У него своя сложная история возникновения — он был намечен еще Генеральным планом 1935 года... Но как прием для тиражирова-

ния он не годится, как, впрочем, и то, что получилось на старом Арбате.

Корр. Алексей Эльбрусевич, как вы относитесь к московским дворикам?

А. Гутнов. Они меня очень волнуют по-человечески, а с профессиональной точки зрения это сегодня очень серьезная проблема, которую нам тоже предстоит решать новыми средствами. Надо научиться ставить дом таким образом, чтобы он имел дворик, чтобы он по характеру воспроизводил ту городскую ткань, которая сложилась в прежние времена, не выглядел бы таким чудовищным диссонансом.

Еще одна проблема: включение нового в старое. Мы должны не просто поддерживать старый фонд в том состоянии, как он сложился, а сделать его частью современной жизни. Только тогда он будет существовать полноценно и получит гарантию сохранения на долгие времена.

В проблеме нового и старого я обычно пользуюсь таким термином — «скрытая реконструкция». То есть новые здания имеют право входить в сложившуюся среду только с учетом очень сложных обстоятельств исторического и архитектурного контекста. Всегда ли это у нас получается? Увы, далеко не всегда, чему немало примеров. Как быть с Государственной библиотекой имени В. И. Ленина? Выводить ее в Тушино или еще куда? Нет, конечно. Она должна развиваться на тех территориях, которые занимает, или вблизи них. Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Та же самая проблема — музей нуждается в расширении. Мы не можем ему построить новые корпуса, скажем, в районе Коптева. Значит, вновь строительство в центре. Но как? Два квартала снесем подчистую и поставим посреди них два огромные дома? Нет, нужны более разумные решения. Надо использовать все, что можно, из старой застройки этих кварталов. Где нельзя, новое должно войти таким образом, чтоб спрятаться, стать как бы

частью старого квартала. А это требует и своего проектного подхода.

Корр. Вопрос, каким быть центру, касается каждого москвича. Но в меньшей степени нас волнует и развитие города в целом, и развитие тех новых участков Подмосковья, которые теперь тоже включены в состав столицы. Считаю, Алексей Эльбрусевич, что здесь тоже есть над чем подумать.

А. Гутнов. Да, тем более, что мы сейчас входим в очень ответственную полосу работы над новым Генеральным планом развития Москвы. Он имеет расчетный срок до 2010 года. Значит, мы берем на себя смелость говорить уже о XXI веке и должны понимать всю меру ответственности, которая в этой связи лежит на нас. Что тут главное? Самое главное, мне кажется, заключается в простой, как это ни парадоксально, мысли: осознать реальный физический размер города. Мы внутренне все еще живем как будто на центральном пятачке, а все остальное за его пределами кажется нам довеском. На самом деле исторически сложившаяся центральная часть составляет сегодня менее 5% территории города и при всей своей драгоценности не может определять судьбу всей столицы, хотя мы прекрасно понимаем роль центра. Я иногда в студенческой аудитории задаю вопрос: какую часть территории занимает центр? И, как правило, слышу в ответ: 20, 30, 40%. То есть все мы внутренне склонны переоценивать масштабы этой территории, что говорит о ее высоком значении. Но если взглянуть реально, то мы увидим, что перед нами простирается гигантское образование, которое давно перешло мысленные размеры одного такого компактного города. Наверное, надо выработать политику по отношению к разным его зонам. Москва сегодня — город городов. И каждый из них, как и центр, требует своей градостроительной политики, определенного и разного отношения.

Дело здесь не только в использовании очень ценной городской

земли. Когда мы начинаем строить на все новых и новых территориях, мы размываем городскую инфраструктуру, обрекаем себя на необходимость строительства все новых километров мощных инженерных и транспортных коммуникаций, в первую очередь, метрополитена. У нас и так накопились долги в этом отношении перед городом. Если мы и дальше будем пытаться развивать его экстенсивно, то ни к чему хорошему не придем. Ведь что значит экстенсивное развитие? Это хронические недоделки, хроническое недоведение до конца того, что осталось на сложившейся территории. И до тех пор, пока мы будем давать возможность нашим мощным строительным трестам выходить на новые полигоны, мы не сможем потребовать от них полного градостроительного завершения работы в пределах сложившейся части города.

Обратите внимание, что творится сегодня в срединной части города. Эта зона — старая промышленная окраина Москвы и она фактически находится в худшем положении, чем центр, чем периферия, где мы построили новые районы. Разве это не парадоксально, что рабочее сердце Москвы в таком запущенном состоянии. Значит, мы немедленно должны идти на комплексную реконструкцию всей этой зоны.

Комплексная реконструкция — это не только приведение в полный порядок промышленных объектов, но и реконструкция всех жилых районов и элементов социальной инфраструктуры, находящихся на этой территории. Речь идет о таких заводах-гигантах, как ЗИЛ, «Калибр», «Серп и молот» и др. Здесь непочтый край работы, но он может привести к очень интересным результатам, потому что именно эта часть города может дать нам символы и образы XXI века. И при этом она находится за пределами все-таки собственно исторического ядра. Вот здесь и давайте строить проспект Калинина, давайте показывать, на что мы способны на пороге нового века.

УЛИЦА ДИМИТРОВА — НОВОКИРОВСКИЙ ПРОСПЕКТ

Тальковский В. Г., кандидат архитектуры

Среди градостроительных мероприятий, начатых в послевоенные десятилетия, к концу 80-х годов в стадии реализации находится ряд фрагментов более чем 30-километрового диаметра юго-запад — северо-восток. В него вошел ряд проспектов, улиц и площадей, объединенных в пространственно-временной градостроительный комплекс: Ленинский проспект с площадями Гагарина и Октябрьской, улицы Димитрова и Серафимовича, проспект Маркса с площадями 50-летия Октября, Революции, Свердлова и Дзержинского, улица Кирова и Новокировский проспект с площадями Тургеневской и Комсомольской, Красносельская и Русаковская улицы с Сокольнической и Преображенской площадями и, наконец, Черкизовское шоссе.

Соединяя три важнейших транспортных узла столицы — аэропорт Внуково, площадь трех вокзалов и автовокзал в Щелкове, диаметр, таким образом, является одним из важнейших как в функциональном отношении, так и для восприятия городской среды столицы.

Отдельные участки диаметра прорабатывались и осуществлялись в течение многих десятилетий. Так, Новокировский проспект начал формироваться еще в 30-е годы застройкой Ле Корбюзье, А. Щусева, П. Голосова, а затем — в 40-е годы постановкой гостиницы «Ленинградской», архитекторы Л. Поляков и А. Борецкий. На всем протяжении диаметра остался неосуществленным лишь небольшой отрезок от площади Дзержинского до Тургеневской площади, окончателная точка зрения на который еще не определилась. (Подробнее об этом будет рассказано при рассмотрении Новокировского проспекта.)

Юго-западная часть диаметра — Ленинский проспект — формировалась в 30—60-е годы. Участок от Октябрьской площади до площади Га-

гарина был, в основном, завершен до 1945 года, а до улицы Кравченко — к 1960 году. Периферийный участок проспекта начал застраиваться в 1961 году и продолжает формироваться до настоящего времени.

Октябрьская (бывшая Калужская) площадь в прошлом имела форму круга с двухэтажной застройкой. До 1914 года на площади существовал рынок, на месте которого был разбит круглый сквер диаметром около 60 м. В связи с интенсификацией транспорта и формированием Ленинского проспекта в 30-е годы сквер был ликвидирован. Октябрьская площадь, на которую выходят восемь улиц и две станции метрополитена, стала одним из наиболее сложных транспортных узлов, в связи с чем под площадью был сооружен транспортный туннель по направлению к Садовому кольцу при сохранении непрерывного движения с Ленинского проспекта на улицу Димитрова.

В проекте реконструкции Октябрьской площади, выполненном в 1965 году под руководством Я. Белопольского, площадь вписывалась в квадрат со стороной около 220 м. Житная и Добрынинская улицы связывали в единое пространство Октябрьскую и Добрынинскую площади. Центральная часть площади отводилась под строительство торгового центра, перед которым предусматривался сквер с бассейном и фонтаном. На южной стороне площади от Ленинского проспекта до Мытной улицы намечался новый проезд с застройкой пятью идентичными 15-этажными жилыми домами.

При дальнейшей проработке застройки площади северная ее сторона была активизирована постановкой уже нескольких административных зданий, композиция которых была основана на сочетании трех лаконичных геометрических объемов с различной обработкой фасадных плоскостей (архитектор Д. Бурдин и др.).

Среднее 25-этажное здание Министерства нефтяной и газовой про-

мышленности СССР было задумано как высотная доминанта всего прилегающего пространства, замыкая перспективу Ленинского проспекта. К сожалению, наметившаяся к началу 70-х годов неправильная тенденция к выравниванию московского силуэта отрицательным образом повлияла и на Октябрьскую площадь: главное здание было снижено вдвое, утратив ведущую роль на площади, пространство которой требует активной высотной доминанты.

В последующем под руководством Я. Белопольского прорабатывался, однако по ряду причин не был осуществлен, проект 30-этажного здания ВЦСПС на южной стороне площади, задачей которого было восполнение утраченной доминанты. Осуществленный здесь к 1985 году периметральный 12-этажный жилой дом неудачно замкнул перспективу со стороны центра, скрыв дальнейший поворот Ленинского проспекта.

Сложившаяся к 1985 году застройка вновь показала необходимость значительной доминанты в зоне Октябрьской площади, еще более настоятельную в связи с установкой здесь памятника В. И. Ленину (скульптор Л. Кербель, архитектор Г. Макаревич и др.).

130 Это обстоятельство, а также отсутствие на площади притягательных для горожан объектов торговли, культуры, обслуживания потребовали разработки нового проекта Октябрьской площади, задачей которого является насыщение ее активными городскими функциями (1986—1987 годы).

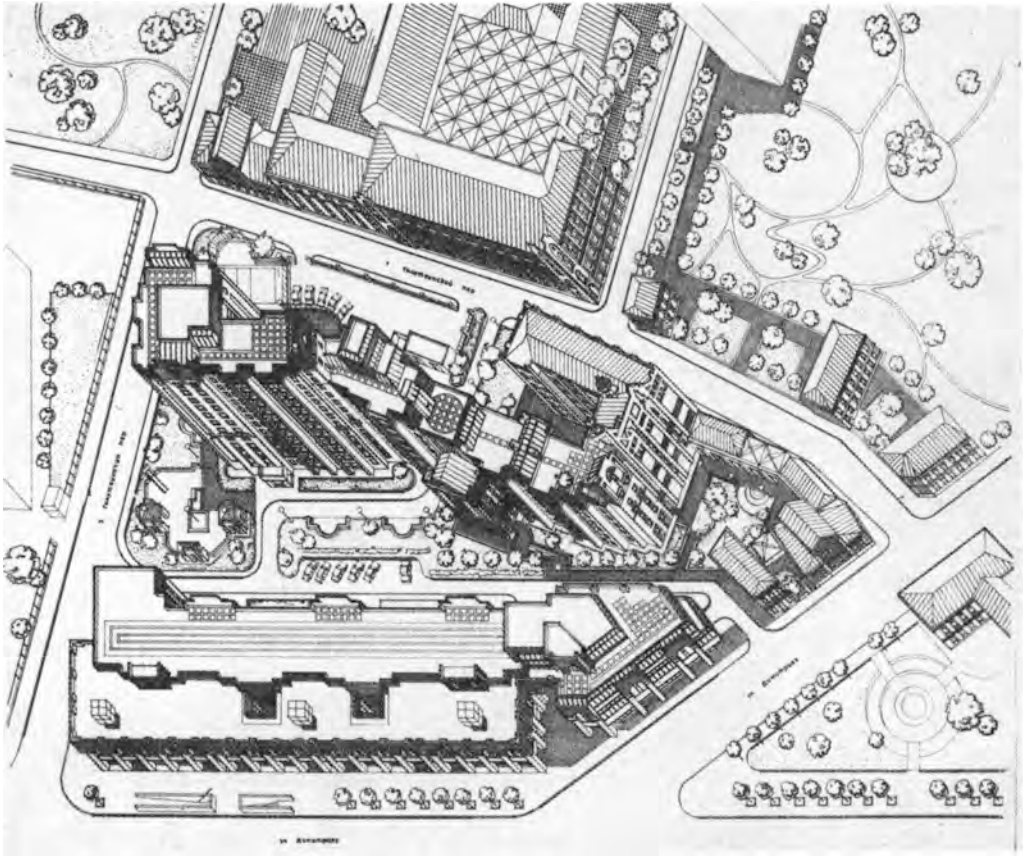
Новые проектные предложения предусматривают строительство комплекса одно-двухэтажных магазинов, кафе, учреждений обслуживания на северной стороне площади перед тремя существующими административными зданиями. Прорабатываются варианты размещения крупного зрелищного здания над транспортным туннелем в восточной части площади, а также создания новой силуэтной доминанты на северной стороне площади. Осуществление

этих мероприятий придаст площади необходимую притягательность: посещение ее в вечернее время, активное использование сквера в центре площади, соединенного с тротуарами подземными и надземными переходами.

Продолжение Ленинского проспекта — улица Димитрова до ее реконструкции имела ширину около 18 м, что было совершенно недостаточно для столь значительной магистральной. Реконструированная к 1985 году улица Димитрова с шириной проезжей части 31 м и двумя просторными тротуарами в настоящее время беспрепятственно пропускает транспорт по 4 полосам движения в каждом направлении. Три подземных перехода создают необходимые удобства для пешеходов; мощный коллектор обеспечивает весь прилегающий район всеми видами коммуникаций, что позволяет теперь приступить к планомерной комплексной реконструкции кварталов до Большой Полянки и далее.

При расширении улицы были проведены интересная «операция» по передвижке ограды и ворот уникального памятника архитектуры XVIII века — церкви Ивана-Воина, а также ее реставрация и строительство ранее не существовавшей ограды по южной стороне участка памятника.

Участок улицы Димитрова и территория, прилегающая к Октябрьской площади, постепенно становятся местом сосредоточения объектов искусства и культуры. Это проектируемый Государственный Литературный музей, выставочный зал-салон Союза художников РСФСР, памятники архитектуры XVIII и начала XIX века. Отсюда раскрывается озелененный спуск к Москве-реке, где формируется Парк искусств вокруг Третьяковской галереи. Завершается строительство Московской средней художественной школы при институте им. В. И. Сурикова. К сожалению, первоначальный индивидуальный проект школы был отклонен с абсурдным предписанием о привязке типовой школы. Авторы же не смог-

Фрагмент застройки и реконструкции улицы Димитрова: жилые дома, магазины для новобрачных, предприятие общественного питания (архитекторы В. Тальковский, С. Соколов, П. Рыжков, А. Ивыгин). Используемые в отделке зданий красный кирпич и фигурные завершения в сочетании со старой застройкой Якиманской набережной, Литературным музеем и памятниками архитектуры формируют традиционный для Москвы колорит улиц

ли этому достаточно эффективно противостоять. Однако впоследствии было найдено решение обстроить типовой корпус общеобразовательных классов индивидуальным объемом, где будут располагаться студии живописи и скульптуры, школьный музей, актовый и спортивный залы, плавательный бассейн.

Композиционный центр улицы Димитрова — здание гостиницы «Октябрьская», фланкированное двухэтажными аркадами Дома игрушки и магазина для новобрачных.

Выполненные в красном кирпиче магазины, фигурные завершения домов в сочетании с краснокирпичными гостиницей, старой застройкой Якиманской набережной, Литературным музеем и памятниками архитектуры формируют единый традиционный для Москвы колорит улицы.

Старая улица Димитрова (бывшая Большая Якиманка) не имела видовых точек на Кремль. Однако при реконструкции улицы от Октябрьской площади раскрылась великолепная панорама Кремля. Возникла не существовавшая ранее визуальная связь между Октябрьской площадью и Кремлем.

Для сохранения этой панорамы жилая застройка северной части улицы выполняется со значительным отступом от красной линии, постепенно снижаясь к существующим домам на старой трассе улиц Димитрова и Малая Якиманка.

Начато проектирование комплексной реконструкции существующих зданий. Проектом предусматривается возвращение жилой функции домам, занятым сейчас под различные конторы, с устройством в первых этажах магазинов, предприятий питания, бытового обслуживания. Предстоит реставрация ряда старинных зданий; к их числу относится квартал ранее существовавшего Полянского рынка, где предлагается разместить магазины.

У пересечения улицы Димитрова с Большой Полянкой в 1969 году установлен памятник выдающемуся деятелю международного рабочего движения — Георгию Димитрову. Окруженный в настоящее время хаотичной застройкой, обнажившейся после реконструкции улицы, памятник не формирует пространства складывающейся здесь площади. Выход улицы Димитрова к центру города еще не получил композиционного завершения.

В настоящее время авторским коллективом мастерской № 5 Моспроекта-2 ведется работа по градостроительному завершению магистрали и решению площади у памятника Г. Димитрову. Однако для принятия окончательных решений новым проектом детальной планировки центра необходимо определить будущее так называемого Соймоновского моста (или туннеля), соединяющего Замоскворечье с Кропоткинской набережной.

Пропустив центральную часть диаметра юго-запад — северо-восток (ул. Серафимовича и проспект Маркса с их площадями), остановимся на участке от площади Дзержинского до Комсомольской площади.

У площади Дзержинского начинается самый проблематичный участок, пролегающий через сложившуюся среду старомосковских улиц с большим числом памятников архитектуры и истории, капитальной застройки, характерным городским ландшафтом.

В 1968 году был проведен заказной конкурс на проект планировки

и застройки Новокировского проспекта, в котором приняло участие пять авторских коллективов, под руководством В. Нестерова, Ю. Ранинского, Л. Павлова, Б. Тхора и Ф. Новикова. Во всех проектах трасса проспекта от Комсомольской до Тургеневской площади соответствовала ныне осуществленному варианту.

Что же касается центрального участка — от площади Дзержинского до Тургеневской, то конкурс дал ряд вариантов решения. В их числе было предложение по превращению улицы Кирова в пешеходную с параллельной пробивкой новой транспортной магистрали с весьма радикальным сносом зданий.

Проект группы Л. Павлова предлагал выход проспекта с помощью серии надземных и подземных развязок под территорией Китай-города на Большую Ордынку. Столь же радикально изменился и характер застройки: развязки в Китай-городе отмечались двумя высотными зданиями, от площади Дзержинского до Бульварного кольца проектировалась гостиница протяженностью 600 м. Сложнейшая система транспортных сооружений, неизбежный большой снос и соответственно изменение облика центра показали полную нецелесообразность этого проекта.

Конкурс 1968 года не дал практических результатов, однако им были намечены некоторые положения, которые легли в основу дальнейшей работы над проектом.

Судьба участка от площади Дзержинского до Тургеневской площади остается открытой и в настоящее время. По этому поводу существуют диаметрально противоположные точки зрения. Ясно одно, что это место является одним из наиболее сложных в новом проекте детальной планировки центра, который должен определить его окончательное решение.

В последние годы был осуществлен проект участка от Тургеневской площади до Садового кольца. Застройка этого отрезка сформирована лишь частично, однако здесь еще в

УЛИЦА ДИМИТРОВА — НОВОКИРОВСКИЙ ПРОСПЕКТ

Перспектива застройки улицы Димитрова. Чтобы сохранить визуальную связь между Октябрьской площадью и Кремлем, жилые дома на северной части улицы расположены на значительном расстоянии от красной линии

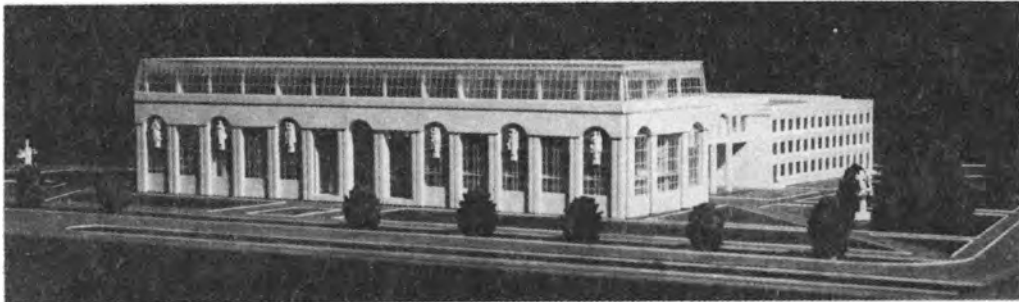
довоенные годы были сооружены крупные административные здания по проектам Ле Корбюзье и П. Голосова. Позже на этом отрезке были построены крупные здания — вычислительный центр (архитектор Л. Павлов), министерства (архитекторы Д. Солопов и др.), Институт электроники (архитектор Ф. Новиков). Большая концентрация административных зданий требует введения в застройку проспекта учреждений торговли, обслуживания, питания, элементов городского дизайна, благоустройства. Над завершением проектирования этой части проспекта работает коллектив мастерской № 2 Моспроекта-2.

Северная часть Новокировского проспекта — наиболее завершенная. Здесь заканчивается строительство комплекса Международных банков и банка для внешней торговли СССР.

Комплекс решен единой темой на всем протяжении западной стороны проспекта. Три полукруглые площади перед зданиями являются своего рода открытыми вестибюлями, откуда широкие лестницы и пандусы ведут к главным входам в банки. На строительстве банков сотрудничают специалисты из стран-пайщиков: болгарские гранитчики, чехословацкие отделочники, специалисты по витражам из ГДР и др.

На противоположной стороне уже отчасти сформировалась небольшая площадь между проспектом и Орликовым переулком.

Серьезная задача, стоящая перед авторским коллективом этого отрезка проспекта, — преодоление односторонности функционального назначения проспекта, где располагаются в основном административные здания. С этой целью ведется работа с застройщиками, в результате которой выявляются возможности использования значительной части помещений в первых этажах для устройства небольших магазинов, киосков под открытыми колонна-

дами, а также — рекламных и информационных установок. Изыскивается возможность использования для обслуживания населения в вечернее время и в выходные дни ряда помещений банков: ресторана, столовой, киноконцертного зала.

Наряду с этим мастерской № 5 Моспроекта-2 прорабатываются и более радикальные предложения, такие, как устройство торговой пешеходной улицы над проезжей частью проспекта, строительство крупного

Московская средняя художественная школа при Институте им. В. И. Сурикова. Макет (архитекторы В. Тальковский, А. Львов, Т. Сивяская, В. Бугрова; конструкторы — М. Вовшин, Ю. Кузнецов): Найденное решение обстроить типовой корпус школы индивидуальным объемом спасло город от появления безликой архитектуры

учреждения культуры, многоярусных подземных гаражей-стоянок.

Завершение двух кратко описанных градостроительных комплексов намечено на XIII пятилетку.

МОСКОВСКИЙ КВАРТАЛ: ПЕРСПЕКТИВЫ РЕКОНСТРУКЦИИ

Маслов А. В., архитектор

134 Эволюция архитектурной мысли в работе над историческим центром Москвы наглядно проявляет себя в переоценке взаимоотношений между каркасом и тканью города. Путь от Генерального плана 1935 года через проект детальной планировки (ПДП) центра 1974 года к новым градорегулирующим документам показывает постепенное перемещение внимания от внешних городских структур к внутренним. Улицы и площади не теряют своей важности, но становятся итогом сквозной работы над ветхой городской тканью. Разница методик напоминает полярные способы работы над скульптурой: высекая ее из мрамора, ваятель убирает лишнее, добываясь до формы снаружи; лепя из глины — наращивает форму изнутри, ощупывая пальцами каждую клетку.

Среда центра — неразделимый

сплав, где правомерен любой вид деятельности: снос, новое строительство, реставрация. Их соотношения определяются историческим генезисом и жизнеспособностью элементов градостроительной структуры.

Важнейшим из этих элементов является квартал. Каркас и ткань города завязаны здесь в узел. Сегодняшнее лицо московского квартала — это и его социально-историческое прошлое, и следы прикосновения к нему последующей градостроительной деятельности. Реконструкция улиц и площадей и новое строительство иногда органически развивают первоначальную структуру, иногда трансформируют ее. В зависимости от этого внешнегородское и внутриквартальное пространства или естественно продолжают друг друга, как экстерьер и интерьер дома, или вступают в противоречие.

Москва еще не может похвастать-

ся законченными образцами комплексного переустройства кварталов. Архитекторы союзных республик работают в этом направлении плодотворнее. Сказывается, видимо, более целенаправленная организация проектного процесса, а также более однозначная и определенная местная специфика архитектуры. Московская многослойность в ряде случаев затрудняет целостный охват проблемы. На бумаге существуют достаточно проработанные предложения НИИПИ Генплана г. Москвы, МосжилНИИ-проекта, Моспроекта-2, но до реализации их еще далеко. В то же время в теоретических и публицистических выступлениях московских архитекторов давно и успешно нащупываются методические подходы к такой работе.

Один из ключевых вопросов — динамика функционального развития квартала. А. Гутнов и И. Лежава видели стратегию борьбы за пространственное многообразие городской среды в непрерывной жизни сооружений, изменении их облика вместе с эволюцией функционального использования. Вибрацией каркаса, ткани и плазмы характеризуются мобильность или, наоборот, пространственно-временная устойчивость структуры. По отношению к старой ткани рекомендуется стратегия «мягкой и непрерывной реконструкции», включающая два рода мер: преобразование и заполнение.

Близкой концепции придерживается и А. Боков. Приспособление застройки к новой функции само по себе провоцирует конфликт со средой. Важнейшей ценностью, которая не должна быть при этом утрачена, является содержание квартала, образ места, зафиксированный в памяти горожан. Как оптимальный метод предлагается «мягкая реконструкция» с широкой палитрой протезирования и всевозможных «залечивающих» устройств. При этом матрицей реконструкции становится квартал как целое.

Естественной и глубоко обоснованной представляется позиция

А. Ганешина, обеспечивающая максимально щадящий режим реконструкции. Его исходная посылка — констатация утраты в Москве комплексного использования домовладений. Для целесообразного использования исторически сформировавшихся блоков застройки рекомендуются предварительные встречные исследования по двум направлениям: с одной стороны, анализ функционально-технологических процессов, исторически влиявших на объемно-пространственную организацию всего участка и каждого домовладения, с другой — анализ процессов, связанных с современным использованием зданий и территорий. Сопоставление полученных данных выявляет возможности функциональной консервации ткани. Позитивный результат этого метода — определение минимального целостного модуля комплексной реконструкции, в который могут естественно вписываться новые объекты.

Функциональная консервация не может быть понята буквально. Точнее говорить о консервации биологического, клеточного строения ткани застройки и поиске максимально совместимых с ним новых функций. Опорой для такого поиска должно стать тщательное изучение социально-исторического генезиса кварталов. Одним из самых добротных исследований в этом направлении по сей день остается работа П. и Б. Гольденбергов. Данная в ней типология основывается на образе жизни московских классов и сословий, формах их участия в производительной и общественной жизни Москвы. Эти формы пространственно материализовались, с одной стороны, во взаимоотношении интерьера квартала с городским каркасом, с другой — в «молекулярной» структуре самого квартала и месте в ней первичного модуля — домовладения.

Трудности приспособления старой застройки к современным функциям связаны, прежде всего, с изменившейся социальной основой жизни. Невозможность буквалистской функ-

циональной консервации, отмеченная выше, распространяется на любой элемент города, вплоть до квартиры. Опорой для последующих функциональных трансформаций здесь также служит внутренняя биологическая структура.

Выборочная реконструкция не всегда любима архитекторами. Многие сторонятся ее, считая несамостоятельной и малопрестижной работой. Она перестает, однако, быть выборочной, как только нанизывается на широкий комплексный замысел, который должен обязательно существовать хотя бы в голове архитектора в виде градостроительной версии. И здесь дом перестает быть вещью в себе и обнаруживает все свои многообразные взаимосвязи и с квартальной тканью, и с городским каркасом. Историческая и социальная типология кварталов — прежде всего типология образа жизни их обитателей и обменных процессов между ними и городом.

Легко предвидеть опасения по поводу возможного очередного вторжения архитекторов в реликтовую московскую среду. Но, во-первых, аккуратное профессиональное вторжение все же лучше хищнического хозяйственного в виде пристроек и частных гаражей. Во-вторых, целью реконструкции должно быть именно узаконение сложившейся структуры, обеспечение ее жизнеспособности, доведение до уровня художественной композиции. Потому-то и важно хорошо знать исторический генезис каждой зоны и квартала и работать в его русле.

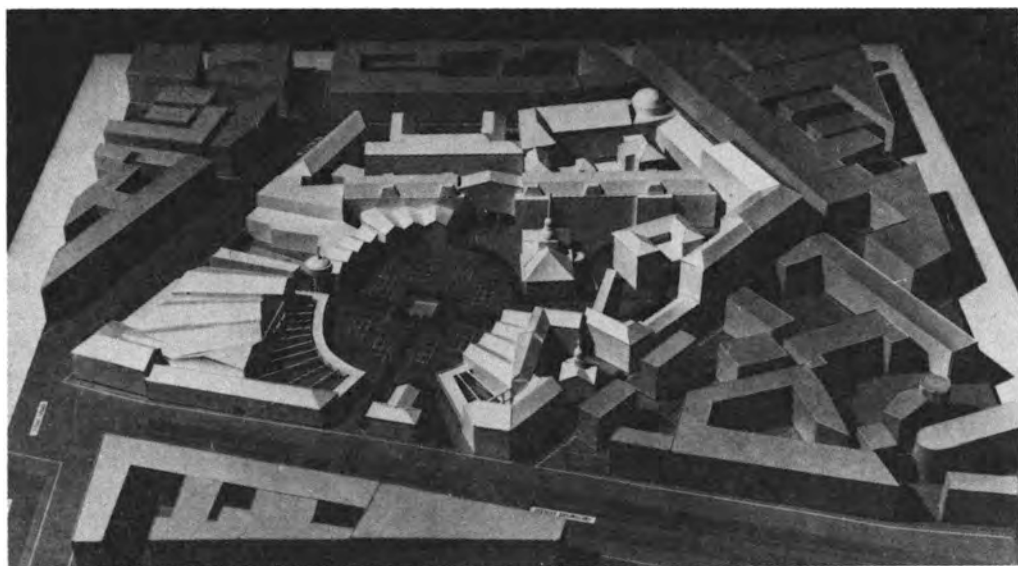
Деградация фондов старой застройки выражается сегодня не только в ее физическом обветшании — от него спасает простой капитальный ремонт, — но и в дискомфорте, несоответствии современной городской структуре, неадаптированности к новым условиям эксплуатации. Стареющая ткань требует кропотливой повседневной работы по ее переустройству — работы черной, без соблазнов немедленного показного результата. Количественные лимиты

этого переустройства могут быть объективно определены. Методически важный шаг в этом направлении сделан сотрудниками отдела перспективных исследований НИИПИ Генплана г. Москвы. Здесь изучена и классифицирована система морфотипов московской застройки. Каждый из них, выработанный в условиях конкретной философии, идеологии, экономической базы, сводится к своему практическому оптимуму плотности, этажности, исторически отстоявшемуся комплексу планировочных приемов. Этот оптимум лимитирует и перспективные возможности реконструкции каждого квартала. Степень активности его переустройства пропорциональна данным морфотипа. Наличие объективных параметров в данном случае — большое подспорье для архитектора, исключающее произвол и надуманные волонтаристские решения.

Дело, однако, не только в этом. Озабоченность художественным своеобразием города требует найти органическую преемственность в функциональной трансформации, композиционном развитии, образной характеристике каждого квартала. Сама биография его, как правило, содержит в зародыше и его дальнейшую судьбу. Так, при комплексных реконструкциях кварталов феодально-дворянского типа представляется целесообразным сохранение характера квартала-владения с единым двором-интерьером и общей функциональной принадлежностью всех старых и новых зданий, слитых в усадебный комплекс.

Кварталы капиталистического типа с доходными домами и анфиладами плохо инсолируемых и проветриваемых колодцев самой структурой чаще всего напрашиваются на приспособление под комплексы учредений торговли и обслуживания с отселением жильцов, по крайней мере, из нижних этажей.

Соединение в квартале зданий разной исторической и функциональной принадлежности часто замутняет ситуацию. Здесь архитектору

В проектом предложении по комплексной реконструкции квартала между Петровкой и Неглинной улицами внутриквартальное пространство урегулировано и превращено в овальную площадь-форум со спортивными площадками

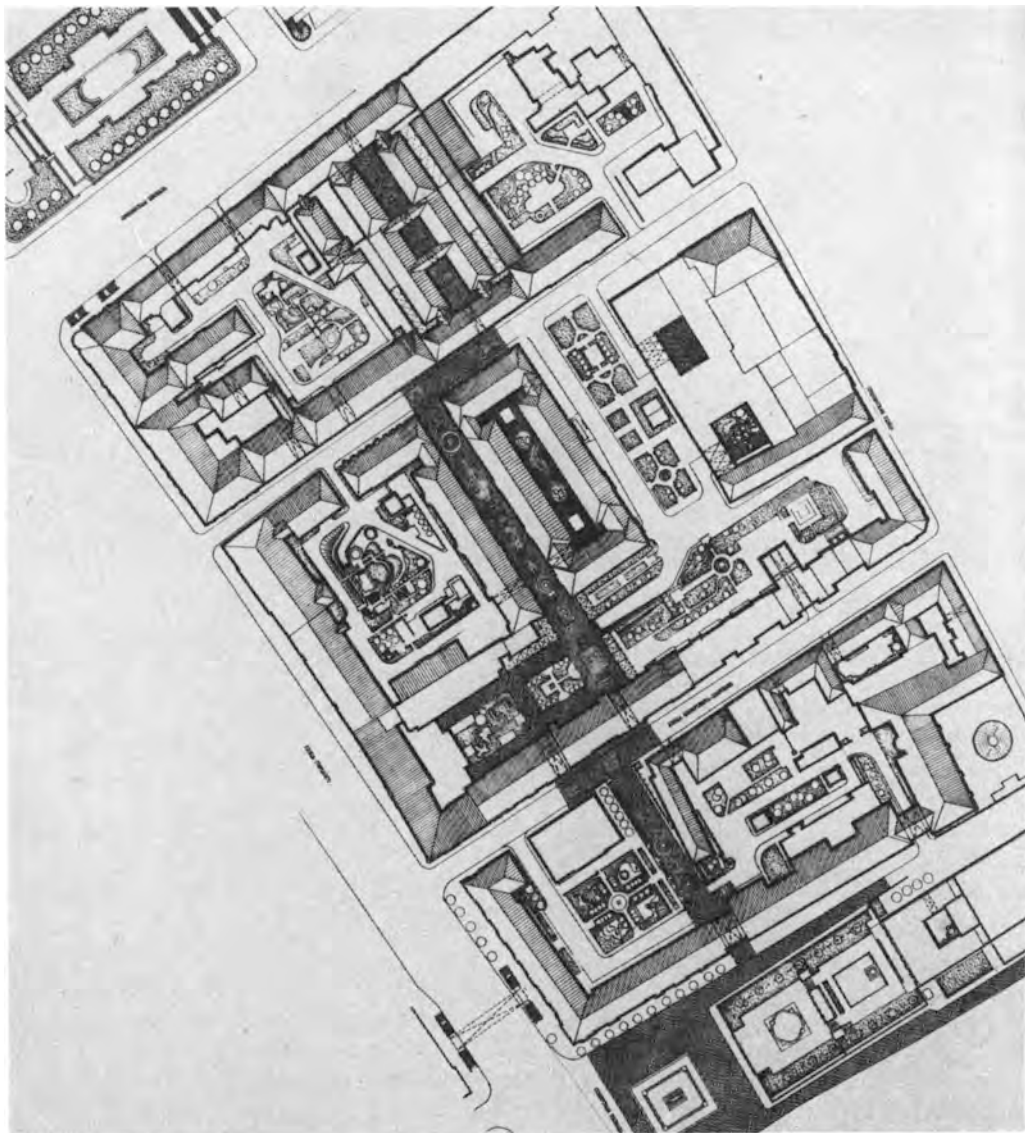
и администратору важно оценить специфику, жизнеспособность и градообразующую лепту каждого элемента и при необходимости скоординировать взаимоотношения и действия заказчиков. Динамика повседневной жизни сама способна исподволь подтолкнуть к наиболее гибкому и безболезненному решению.

Примером удачной тактики регенерации жилых кварталов с приведением их к историческому морфотипу представляются предложения коллектива авторов НИИПИ Генплана г. Москвы и Моспроекта-2, разработанные в 1975—1981 годах, в составе проекта Старого Арбата. Иные, но столь же органичные приемы использованы коллективами мастерских № 17 и № 6 при реконструкции застройки Сретенки, где исходная дробность кварталов XVI века продиктовала сохранение мелкого градостроительного модуля и необходимость автономной проработки планов всех существующих строений.

Сегодня имеются уже десятки

предложений по комплексной реконструкции кварталов. Конкурсы на эту тему, проведенные в последнее время Главмосархитектурой и Моспроектом-2, дали материал, содержащий достаточную информацию к размышлению.

В квартале, ограниченном Петровкой, Неглинной, Петровским бульваром, Крапивенским и Рахмановским переулками, структура внутреннего пространства своеобразна, даже уникальна. В центре города с высокой плотностью застройки в сердцевине квартала неожиданно раскрывается полое пространство, занятое летом теннисными кортами, а зимой — катком спортивного общества «Динамо». Вокруг лепится множество разнохарактерных построек, пестрых по принадлежности и функции. Здесь и ресторан «Узбекистан», и Министерство здравоохранения СССР, и дипломные аудитории Московского архитектурного института. Авторы проектного предложения, опираясь на существующее центральное пространство, преобразуют его в правильный овальный форум с периметром, образованным частично старыми домами, частично — легкими колоннадами, сплавляющими всю застройку в комплекс.

По осевым направлениям застройка имеет проколы на прилежащие улицы и бульвары. Решение привлекает целостностью, хотя и кажется спорным в соотношении планировочных масштабов интерьера старого квартала с внешними элементами городской структуры.

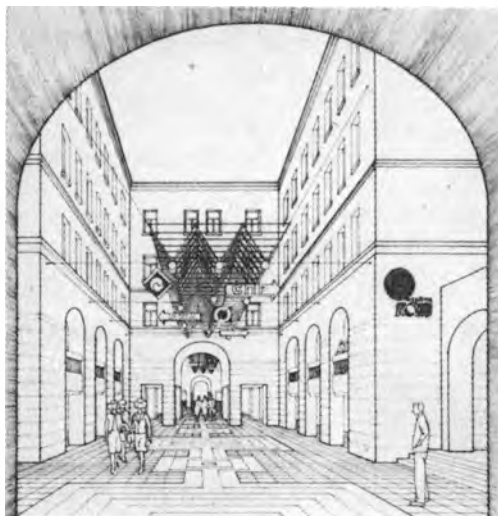
Изобретательно предложение по реконструкции квартала, примыкающего к проезду Художественного театра (бывший Камергерский переулок) напротив исторического здания Ф. Шехтеля. После реконструкции

В генеральном плане кварталов между Пушкинской и Советской площадями легко прослеживается трасса будущей пешеходной зоны

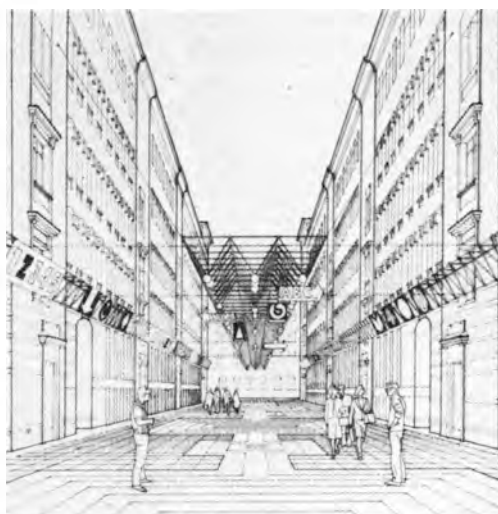
оно обретает параметры современного театра и наталкивает на поиски резервных рекреационных территорий. Дом напротив МХАТа укорачивается и замыкается новой торцевой стеной в створе с боковым фасадом театра, образующей вместе с ним входные пропилеи узкой пешеходной улицы. Сквозные проходы по первому этажу связывают пространство перед домом с дворовой терри-

торией, трактованной как открытое фойе или маленький летний театр.

Более 20 лет идет работа над кварталом между Страстным бульваром, улицами Пушкинской, Москвина и Петровкой. По двум смежным сторонам его внешнего периметра расположены памятники русского ампира: Университетская типография и Дом редактора, а в глубине — палаты XVII—XVIII веков. Центральная дворовая площадка пуста и зияющим провалом выходит на Страстной бульвар. Перед нами набор разновременных ценностей, исторически не связанных в ансамбль, как бы усадебный комплекс, лишенный главного здания. Участку необходим заинтересованный и заботливый хозяин. Точный выбор его сразу проясняет и художественное будущее квартала. Центральный дом актера в данном случае — идеальная функция комплекса зданий, а театральное общество — идеальный хозяин-меценат, способный стереть с памятников двухвековую пыль. В состав комплекса должны войти выставочные залы, творческие кабинеты, библиотека, открытые амфитеатры для импровизированных игр. Центром всей этой жизни становится небольшой экспериментальный театр с трансформируемой сценой, являющийся творческой лабораторией различных режиссерских школ. Полное соответствие специфики объекта свойствам реальной среды обеспечивает ему именно здесь абсолютную естественность. Ресурсы города достаточны для того, чтобы полностью довериться им и не пытаться навязать сооружению какой-либо новой планировочной концепции или искусственной декоративной стилистики. Уличным фасадам свойственно остаться уличными, анфиладная структура особняка — естественная основа для размещения представительской группы, декор палат XVII века прекрасно соседствует с ампиром, как это и бывало в старой Москве, и не требует насильственного переосмысления. Новая застройка отчетливо трактуется как соединя-

МОСКОВСКИЙ КВАРТАЛ: ПЕРСПЕКТИВЫ РЕКОНСТРУКЦИИ

139

В районе Козицкого переулка пешеходная улица проходит по существующему внутриквартальному проезду, а далее — по анфиладе дворов-колодцев

тельная ткань между памятниками архитектуры. Учитывая наличие на улице Москвина еще одного театрального здания — филиала МХАТа, — можно проявить потенциально существующий в городе центр театральной деятельности, в основе которого — планировочные принципы ампирических усадеб.

ПРОБЛЕМЫ ЦЕНТРА

Самым ярким выразителем связей между застройкой и городом является внутриквартальное пространство, т. е. двор, фокусирующий всю специфику образа жизни обитателей квартала. Генетически точная реконструкция может вскрыть его богатейшие градостроительные возможности. Проходные дворы Москвы — непочатая архитектурная емкость и непроявленная до времени разветвленная система пешеходных коммуникаций.

Пешеходные трассы, спонтанно формирующиеся внутри кварталов, прилегающих к крупным магистралям, часто предпочтительнее для москвичей, чем городские тротуары с параллельными потоками транспорта, перегруженные в часы пик. Наверное, у каждого из нас есть такие привычные тайные маршруты. Архитектурно оформленные, с элементами обслуживания и городского дизайна они могут превратиться в жизнеспособные пешеходные зоны.

Одна из них на сегодня спонтанно сформировалась между Пушкинской и Советской площадями. Ее место выбрано и освоено самими москвичами. Высокая концентрация пешеходов обусловлена наличием таких полюсов притяжения, как кинотеатр «Россия», торговая зона Столешникова переулка, выходы станции метро «Чеховская». Основная трасса следует исторической структуре кварталов, характерной для жилой застройки конца XIX — начала XX века. Она проходит по анфиладе дворов-колодцев и сложившимся внутриквартальным проездам. Ряд существующих жилых домов и учреждений, а также инженерные коммуникации и подвалы зданий находятся в состоянии физического и морального износа. Санитарные разрывы между домами не соответствуют льготным нормам.

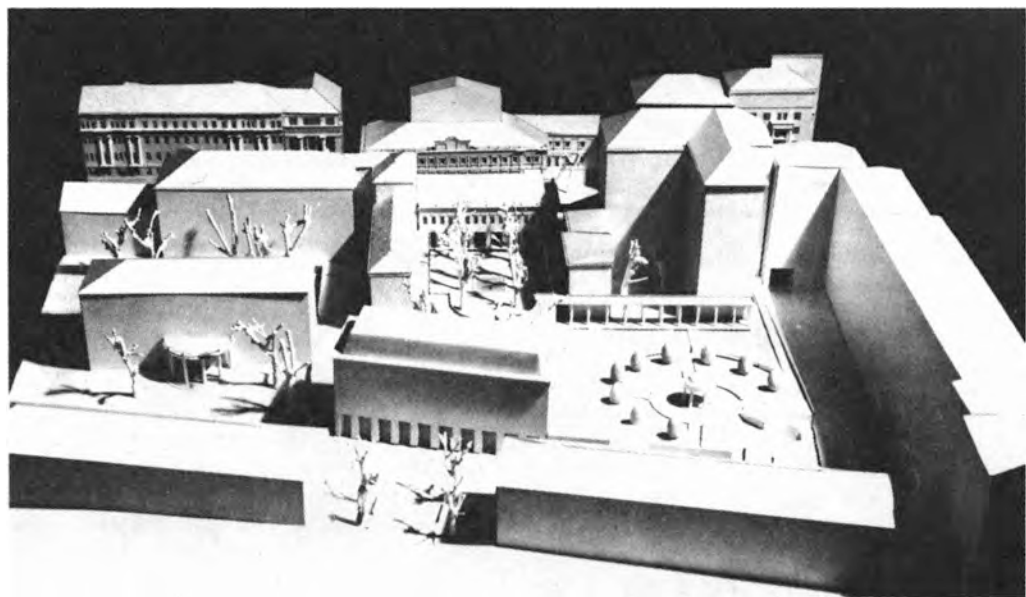
Закономерными решениями становятся отселение жильцов, превращение коммунальных квартир в молодежные общежития или гостиницы, переоборудование нижних этажей под мелкие учреждения торговли и обслуживания. На трассу нанизывается ряд объектов реконструкции и но-

вого строительства: расширение гостиницы «Центральная» с расчисткой двора и созданием нового вестибюля, достройка театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, технологическая реконструкция Елисеевского магазина. Сюда добавляется развитая система подземных пространств: вестибюли метро, связанные с переходами-распределителями, существующие подвалы, реконструируемые под культурно-развлекательную функцию, подземные гаражи, загрузочные дворы с дебаркадерами. Интерьер общественной зоны обозначается декоративным мощением и легкой подвесной рекламной-световой конструкцией на уровне вторых этажей. Инженерные коммуникации прокладываются в подвалах и проходных коллекторах, обеспечивая долговременное использование мощения трассы.

Привыкшие к лозунгам и подмене плановой работы очередной кампанией, мы готовы восторженно прилепить ярлык пешеходности к любому случайно заданному фрагменту города. Между тем речь может идти лишь о фрагментах, исторически подготовленных к этой роли. Пешеходная зона — не самоцель и не косметическая мера, а часть широкой программы комплексной реконструкции застройки и ее закономерный итог. Эта программа решает долгосрочные проблемы города, для которых городской дизайн — только завершающая внешняя упаковка.

У всех изложенных здесь предложений есть общая черта: они разработаны архитекторами на правах самостоятельности, не имеют заказчиков и планового финансирования, а стало быть, юридически бесправны.

Новое дело нельзя делать старыми способами. В условиях современного средового проектирования заказ и реализация проектов тоже требуют качественно новой методики. Введение монопольного единого заказчика в лице Главного управления капитального строительства Мосгорисполкома удобно разве что в деловом плане для городского руководства. В плане

Дворовое пространство квартала напротив исторического здания МХАТа используется как летний сад-фойе с возможностью размещения в нем открытого амфитеатра

творческом, как показывает практика, оно ведет к унификации проектного процесса и дальнейшему смазыванию своеобразия архитектуры, которое в данном случае ничем не стимулируется. Заинтересованность и выдумка более всего сопутствуют людям, строящим дом для себя. В сложных градостроительных ситуациях целесообразно кооперирование заказчиков. Если это удастся сегодня даже в капиталистической Англии, то преимущества нашей социальной системы в области комплексных реконструкций даже теоретически далеко еще не оценены. Инерционная тяга к выборочному строительству унифицированными способами лишь умножит ошибки реализации Старого Арбата. Наверное, есть смысл рассматривать Управление капитального строительства Мосгорисполкома как координирующую организацию, кооперирующую в пределах фрагмента города усилия и средства застройщиков, обеспечивающую долевое распределение их расходов по инженерным службам и благоустройству,

но не берущую на себя их качественных функций, в которых оно попросту некомпетентно.

Общая концепция Генерального плана тесно связана с вопросами территориального роста города, перспективами его экономической и социальной жизни. Невозможность безграничной пространственной экспансии заставляет нас все пристальнее вглядываться в старую городскую ткань, думать об интенсификации ее использования и реконструкции. Это значит, что в концептуальные поиски будут все активнее втягиваться архитектурные коллективы, вжившиеся в наблевшие, давно копившиеся проблемы застройки центра. В отличие от городов с одномоментно сформированным Генеральным планом, жизнь Москвы много сложнее. Вклады отдельных эпох и авторов абсорбированы ею, и градорегулирование трудно отделимо от конкретного архитектурного творчества. Московская застройка в значительной части складывалась как равнодействующая индивидуальных зодческих усилий. Участие архитектора в градостроительной деятельности для Москвы традиционно. В новом проекте детальной планировки центра это участие не может быть ограничено рисова-

нием иллюстраций к планировочным схемам: это полноправное авторское участие, при котором сама концепция центра синтезируется из мыслей наших ведущих зодчих. Поэтому доля работы мастерских должна быть зафиксирована юридически и материально. Символические суммы, отчисляемые сегодня на градостроитель-

ные разработки, никак не отвечают серьезности и глубине задачи. Главное дело нельзя делать на общественных началах!

Работа над квартальной тканью способна дать подлинное обновление элементам городского каркаса и стать мощным ресурсом вскрытия богатств московского центра изнутри.

УЛИЦА ДЛЯ ПЕШЕХОДОВ

Молева Н. М., кандидат искусствоведения,
писатель

Пешеходная зона... Понятие это впервые появилось в практике московских градостроителей совсем недавно. Немногим больше десяти лет назад оно было выдвинуто в связи с проектом реконструкции Старого Арбата — планировочного центра одного из старейших районов столицы, потерявшего в результате пробивки проспекта Калинина и свое бывшее градостроительное значение, и даже, по выражению самих проектировщиков, свой «столичный характер». Трудно сказать, что подразумевалось под «столичным характером», но старая улица и в самом деле лишилась значительной части транспортных потоков, наплыва посетителей, начавших явно отдавать предпочтение современным торговым предприятиям соседнего проспекта, а вместе с передачей учреждениям наиболее представительных доходных домов — и оживленной вечерней жизни. С окончанием рабочего дня, подобно большинству улиц исторически сложившегося центра, Арбат стал погружаться в темноту и безлюдье. Ему явно надо было возвращать функциональную основу, но вот здесь и возник вопрос — какую. Вместо исторически сложившейся улицы, хотя и скорректированной новой городской ситуацией, была предложена идея прогулочно-увеселительной, своего рода зоны массового отдыха в контрасте с напряженной жизнью проспекта Калинина.

В первоначальный вариант проекта реконструкции Арбата были зало-

жены многочисленные рестораны, винные погребки, кафе, связанные с прошлым Арбата, либо с псевдолитературными названиями далеко не лучшего вкуса, вроде «Мастера», «Маргариты», «Принцессы Турандот», либо с серией памятных досок в честь живших на улице деятелей русской культуры. Вне поля зрения проектировщиков оказался поколениями формировавшийся образ улицы, одинаково дорогой москвичам и далеким военным прошлым, и культурно-просветительской деятельностью прошлого столетия. Проектные работы начались с декораций, придумывания всяческого рода архитектурных деталей, которыми предполагалось украсить многочисленные брандмауэры балкончиков без дверей, эркеров без связи с жильем, колонок, лепнины, с откровенного подражания западным образцам, где традиция пешеходных улиц восходит едва ли не к средневековью и связана со спецификой городской жизни. Отсюда же появились совершенно необычная для русских городов (и не приспособленная к нашим северным условиям!) керамическая мостовая, пересекающие проезжую часть фонари, нагромождение по центру улицы цветочниц и даже попытка посадки на многослойном мостовом покрытии лип, впрочем, сразу же зачахнувших.

Жизнь внесла существенные коррективы в эти замыслы. Изменился ресторанный-развлекательный уклон. Пришлось отказаться от украшения слепых стен. Но сущность декорационного подхода осталась неизменной. Она и в необычно яркой для Москвы

окраске фасадов (до реставрационно-восстановительного ремонта самих домов и их дворов дело еще не дошло), и в обкладке дорогостоящими породами камней цокольной части домов, и в облицованных полированным черным гранитом урнах, и в нелепом нагромождении фонарей среди тяжеловесных и не отвечающих масштабам улицы цементных цветочниц. Историко-познавательный момент оказался вообще забытым или, по крайней мере, перенесенным на вторую очередь работы над зоной. Казалось бы, не такая уж существенная перестановка во времени, но именно она стала одним из важнейших просчетов проектировщиков.

Арбат, каким мы его видим сегодня, представляет любопытнейший социальный феномен, к которому не имеют никакого отношения архитекторы. Складывающаяся здесь форма общения, в частности, молодежи, меньше всего решает задачу, которую сами проектировщики определили для себя как «создание необходимого чувства уюта и старомосковского масштаба» — выражение, примененное в пояснительной записке к проектному предложению «Старый Арбат». Выступления самодеятельных поэтов, ищущих аудитории музыкальных ансамблей и певцов, художников-любителей, предлагающих свои услуги в качестве портретистов-моменталистов или авторов живописных поделок, связаны с режимом территории, но не с теми условиями, решением которых привлекли бы их сюда проектировщики. Но именно этот режим имеет свои существенные пробелы, о которых нельзя не думать городу. Прежде всего возрастной ценз — пешеходная зона не может быть рассчитана на одну молодежь. Затем неудобства для местных жителей — Арбат был и будет жилой улицей с людьми, нуждающимися в отдыхе и соблюдении основных правил общежития, начиная с тишины, кончая удобно расположенными продовольственными магазинами. Сегодня население улицы составляет 5,5 тыс. человек, с завершением же

ремонтных работ это число увеличится до 6,5 тыс., составив вместе с населением непосредственно прилегающих переулков более 12 тыс. Нельзя сбрасывать со счетов и 20 тыс. работающих в расположенных в зоне Арбата учреждениях. И хотя число последних предполагается сократить, площадь под ними сократится всего лишь с 59 до 41 тыс. м².

Здесь встает один из важнейших для всех пешеходных зон вопросов — разумный баланс между сохраняемой жилой площадью, сектором обслуживания местного населения и тех новых элементов, которые могут послужить привлечению посетителей. Не случайно на Совете по градостроительству 5 сентября 1987 года было отмечено, что ни одна улица живого города не должна превращаться в общепитовскую, специально торговую или развлекательную перспективу, выпадая тем самым из общегородского организма. И если сама по себе идея пешеходных зон для Москвы и нова, она, несомненно, перспективна, так как дает возможность смены ритма, окружения, задач и познавательных возможностей, которые заключает в себе улица, представляемая одним пешеходом. Казалось бы, изнемогая подчас от обрушивающегося на нас информационного потока, мы вместе с тем уже не представляем себе жизни без него. Наш отдых предполагает скорее перемену характера информации, но ни в коем случае не отказ от нее. Отсюда тяга к туристским поездкам и походам, экскурсионным программам будь то где-то на отдыхе или в родном городе. Каждый новый экскурсионный маршрут по Москве вызывает у москвичей не меньший интерес, чем у гостей столицы.

Сегодня и проектировщики Старого Арбата, и руководители Моссовета, как и Киевского райисполкома, говорят о неуправляемости стихийно возникшего на нем распорядка. Сказалось отсутствие необходимых социологических исследований — они не ведутся и в связи со второй очередью работ. Сказалось и безразличие

проектировщиков к исторической подоснове улицы.

Арбат никогда не был улицей развлечений, не славился широкой торговлей, ресторанами и увеселительными заведениями. Зато на нем во множестве были представлены небольшие учебные заведения, библиотеки-читальни, редакции научных и просветительных изданий, рассчитанных на самого широкого читателя. В издательстве «Посредник» (дом № 36), например, постоянно бывали Л. Н. Толстой и А. П. Чехов, а также передовые литераторы того времени. Деятельность руководителя этого издательства И. И. Горбунова-Посадова была связана с выходом таких журналов, как «Свободное воспитание», в котором сотрудничали Н. К. Крупская и В. В. Бонч-Бруевич, «Сельский и деревенский календарь» — о его распространении в подмосковном Мелихове и в Крыму заботился А. П. Чехов, «Борьба с пьянством», «Библиотека для детей и юношества». В 1874 году на Арбате находилась типография революционного народовольца Ипполита Мышкина, где печатались произведения Лассалья, выдержки из выходившего за границей журнала П. Л. Лаврова «Вперед». О характере Арбата как культурной артерии Москвы подробно писали и В. Г. Белинский, и П. А. Кропоткин в своих «Записках революционера».

144

Арбат для Москвы — это и центр деятельности передовых русских врачей, первая в городе амбулатория для неимущих слоев и льготная аптека, организованная группой врачей-филантропов и до наших дней продолжающая функционировать, причем интерьер сохранился в первоначальном виде. В этом же доме № 25 размещались медицинская библиотека и читальня. Если прибавить простой перечень живших на Арбате писателей — от Пушкина, Аксакова, Дениса Давыдова, Белинского, Панаева, Льва Толстого до Бунина, Блока, Андрея Белого, — легко себе представить, какой могла и должна стать обновленная улица. А ведь сейчас ничто не говорит и о великом военном прош-

лом Арбата. Начать с того, что именно здесь родился А. В. Суворов (домовладение № 14). Отсюда по дороге на Смоленск уходили русские воины на защиту западных рубежей. В 1611 году на Арбате в злейшей рукопашной схватке победили москвичи отряды мальтийского рыцаря Новодворского. В 1612 году разыгравшееся здесь же сражение Д. М. Пожарского с частями рвавшегося к Кремлю гетмана Ходкевича решило судьбу Москвы, и 1 ноября 1612 года с Арбата победоносные полки Пожарского торжественно проследовали в Кремль. Через Арбат в 1812 году пролегла дорога русских воинов с Бородинского сражения — памятником этих дней остался замыкающий улицу Бородинский мост. Не случайно были написаны в путеводителе 1833 года обращенные к Арбату слова: «Не проходи сим местом без движения сердечного, не проходи его с душою холодной. Ты попираешь кровь ближнего своего и может быть твоего прадеда, пролитую во спасение Отечества!» Вправе ли мы забывать об этих страницах? И, думается, если бы память о них была в первую очередь восстановлена хотя бы в виде памятных досок на арбатских домах, тем более, что эта идея нашла свое отражение в общем «сценарии» пешеходной зоны, староарбатский быт наших дней сложился бы совсем иначе. Пренебрежение историей неизбежно обрачивается пренебрежением и к облику улицы.

Именно потому, что каждый уголок нашего города обладает своей историей и порожденными ею традициями, в отношении пешеходных зон не может быть стереотипных решений. А ведь на сегодняшний день планируется создание в общей сложности девяти пешеходных улиц и в первую очередь Столешникова и Климентовского переулков. Каждую из них следует отдельно изучить, определить ее образное решение, причем непременно сопоставить все создаваемые зоны, чтобы избежать повторов. Так, проектировщики и в Столешниковом переулке, находящемся

между былими самыми дорогими и модными торговыми артериями столицы, и в Климентовском, представляющем характерный уголок Замоскворечья А. Н. Островского, одинаково намечают плиточное покрытие мостовой без тротуаров, посадку деревьев посередине бывшей проезжей части, цветочницы, фонари.

Между тем в Столешниковом переулке, хотя он довольно рано превратился в очень насыщенную торговую артерию, для наших дней преимущественный интерес представляет его богатейшее литературное прошлое, которое дает все основания видеть в нем своеобразные литературные мостки Москвы. И первая тема здесь — Пушкин. До наших дней дошел построенный в пушкинские годы дом № 13 на углу Пушкинской улицы, в котором располагалась типография и жил известный книгоиздатель С. И. Селивановский с наследовавшим ему сыном. Имя отца неоднократно упоминается в письмах поэта в связи с предложением Селивановского издать «Руслана и Людмилу» и другие поэмы. У поселившегося здесь С. Н. Бегичева бывал А. С. Грибоедов, а впоследствии жил в меблированных комнатах И. А. Бунин, написавший в эти годы рассказ «Казимир Станиславович». На углу Столешникова переулка и Петровки жил П. Я. Чаадаев, которого навещал Пушкин, бывавший и в доме № 14 у Е. А. Боратынского.

В Столешниковом помещалась канцелярия обер-полицмейстера, куда поэта вызывали на допрос по поводу распространявшихся в списках запрещенных цензурой строк из «Андре Шенье» под заголовком «14 декабря». А во дворе дома № 7 по Пушкинской улице сохранился великолепный памятник архитектуры XVIII века, в котором жил профессиональ-

ный игрок В. С. Огнь-Догановский, выведенный в «Пиковой даме» под именем Чекалинского.

Еще одно яркое поэтическое имя, связанное с предполагаемой пешеходной зоной, — В. В. Маяковский. В меблированных комнатах «Сан-Ремо» (Дмитровский пер., 9) он проводит декабрь 1917 — июнь 1918 года. Здесь он заявляет о себе знаменитым «Приказом по армии искусств». В том же доме четырьмя десятилетиями раньше жил, работал и скончался выдающийся ученый В. О. Ковалевский (муж С. В. Ковалевской), создатель эволюционной палеонтологии — науки об истории органического мира, исключительно высоко ценимой Ч. Дарвиным. И все это лишь отдельные исторические подробности, которые необходимо вернуть москвичам и проявить в проектируемом уголке города.

Необходимость сохранения своеобразия отдельных районов предполагает поиски, которые должны вестись на соревновательной конкурсной основе. Выбор окончательного же решения должен принадлежать не только Главмосархитектуре, но и москвичам и всем, кого волнуют судьбы столицы. Слов нет, проектировщикам трудно перестраиваться, чтобы держать отчет перед общественностью. Но старое время прошло. Осознать, что действительным заказчиком является народ, необходимо. И если говорить об улицах для пешеходов, то интересами, удобствами, представлениями тех же пешеходов больше пренебрегать не придется. Споров будет немало. Но только в таком случае мы сможем найти те градостроительные решения, которые по-настоящему удовлетворяют нас самих и не заставят краснеть перед нашими потомками — улицы для пешеходов всех поколений.

СДЕЛАТЬ ПЛОЩАДЬ УДОБНОЙ

Надежкин Б. М., кандидат архитектуры

Облик Москвы меняется. Хорошего построено немало и похвал было достаточно, может быть, даже слишком. Необходимо обратить внимание на то, что не получилось, на «прорехи» в красоте, удобстве и безопасности, на то, что можно поправить или хотя бы учесть в дальнейшей практике.

Проблемы композиции зданий, формирования ансамблей и транспортной организации в современном городе неразделимы. И когда они решаются порознь, результат всегда отрицателен. Если допустить, что площадь Савеловского вокзала в транспортном отношении как-то решена, то признаков ансамбля в ней нет. Любые высотные башни, поставленные по периметру, не способны исправить малоэстетичное нагромождение эстакад в центре.

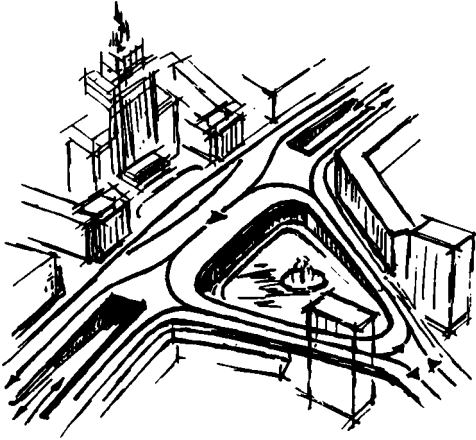
Несомненно удачный по месту расположения и композиции высотный дом на площади Восстания построен без заботы о транспортных и пешеходных путях. Транспортный узел не завершен. Мощный поток автомобилей на Садово-Кудринской поминутно стопорится светофором, чтобы пропустить перекрестный поток и пешеходов, которые к метро движутся по недопустимо узкому тротуару Баррикадной улицы в опасной близости от проходящих автомобилей. Для капитальной реконструкции этого транспортного узла, исходя из существующей застройки и местного рельефа, наиболее целесообразны организация одностороннего движения по улицам Качалова и Герцена и сооружение на их продолжении двух односторонних тоннелей под Садово-Кудринской улицей.

Воспользовавшись крутым рельефом улицы, почему бы не соорудить на высоте цоколя здания Центрального института усовершенствования врачей легкой железобетонный тротуар? На углу он уже будет над габаритом транспорта, а на торце дома,

где достаточно свободного места, закончится пологим лестничным сходом. И пешеходам безопасно, и транспорту спокойно. Соединение консольного тротуара и подия высотного дома пешеходным мостиком обеспечит удобный переход Баррикадной улицы в самом узком месте.

На Самотечной площади монументальная протяженная эстакада служит только для пропуска индивидуальных автомобилей и практически пустует, а общественный транспорт того же направления идет внизу рядом, пересекаясь в одном уровне с пешеходными и транспортными потоками Цветного и Самотечного бульваров. Технически вполне возможная остановка троллейбусов на эстакаде (с консольной площадкой) сразу бы обеспечила работу дорожного сооружения в полную силу, устранила пересечение транспорта и позволила бы организовать спокойную пересадку пассажиров по лестнице или эскалатору на транспорт поперечного направления. Это избавило бы людей от рискованных перебежек под эстакадой. Окончательное завершение транспортного узла возможно лишь путем устройства кольцевой развязки в нижнем уровне.

Без учета транспортной проблемы завершена застройка Смоленской площади. Только дополнительные дорожные сооружения, вероятно, могут композиционно разрядить ее архитектурную замкнутость. В качестве варианта можно использовать полутоннель-галерею вдоль восточной стороны площади. В ней пойдет транзитный транспорт Садового кольца. Галерея будет освещаться дневным светом, так как открыта к средней части площади, пониженной путем уменьшения уклона Смоленского спуска. Пандусы по боковым сторонам останутся для тротуаров, поворотного транспорта и развязки вверх тоннеля. Пространственная «ступенчатая» композиция площади интересна и уместна перед высоким административным зданием. Конечно,

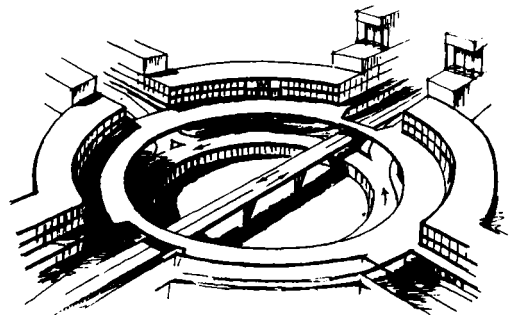
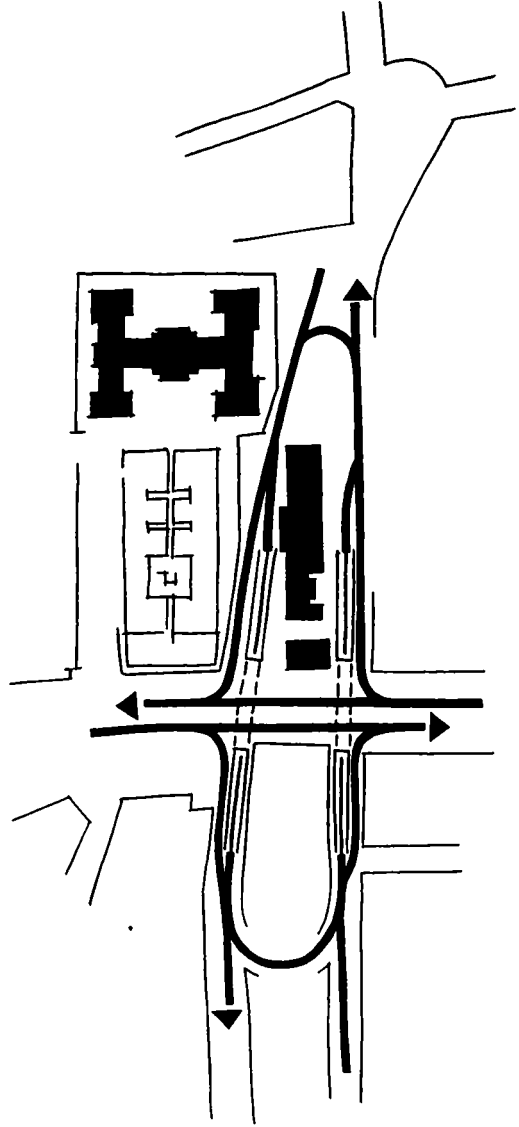
Вариант ступенчатой композиции Смоленской площади вытекает из рельефа территории и хорошо сочетается с высоким административным зданием

В сложном пересечении Садово-Кудринской с улицами Герцена, Качалова и Баррикадной наиболее оптимальным решением развязки будет постройка двух тоннелей с односторонним движением

Многоярусные развязки позволят значительно разгрузить магистрали и улучшить архитектурный облик площади

могут быть и другие варианты. Но оставить площадь в теперешнем состоянии ни в градостроительном, ни в транспортном отношении нельзя.

Какой должна быть площадь современного города, каким требованиям отвечать? Окруженная парадными зданиями, дающая возможность людям свободно пересекать ее в любых направлениях? Служить для удобной транспортной развязки? Быть подъездом или подходом к значительному общественному зданию, магазинам? Вмещать озелененные участки, бассейны, фонтаны, монументы, остановочные пункты городского транспорта? На практике только одно из назначений становилось главнейшим и площадь соответственно административно-общественной, торговой, транспортной: привокзальной или предместной. Однако с развитием городского движения всякая площадь стала транспортной и оградить ее от этой функции невозможно. Возникла необходимость расширения площади.

Но как? Нельзя же развивать ее в стороны сколько угодно.

Выход, и неизбежный, видится в создании ярусных площадей. В зависимости от высоты (или глубины) расположения они должны служить не только для разделения транспортных направлений, но и для коммуникационных, хозяйственных и торговых целей. При этом склады, гаражи, технические устройства разместятся ниже уровня улиц. Основная задача ярусной площади — развязка транспортного узла: путей пассажирского и грузового транспорта, а также входящих в город линий железных дорог. Пешеходы пользуются главным образом верхним ярусом. Но в других необходимо разместить коммуникационные устройства для пассажиров общественного транспорта: лестницы, лифты, эскалаторы для посадки, пересадки и выхода на верхний уровень площади.

Не обязательно, чтобы все ярусы были горизонтальными: для взаимосвязи возможны наклонные направления и пересечения. Верхний ярус, как правило, не должен занимать всю территорию площади, а лишь ее часть, чтобы наружный воздух и дневной свет попадали на нижние ярусы. Размеры и конфигурация площади зависят от количества и направлений

148

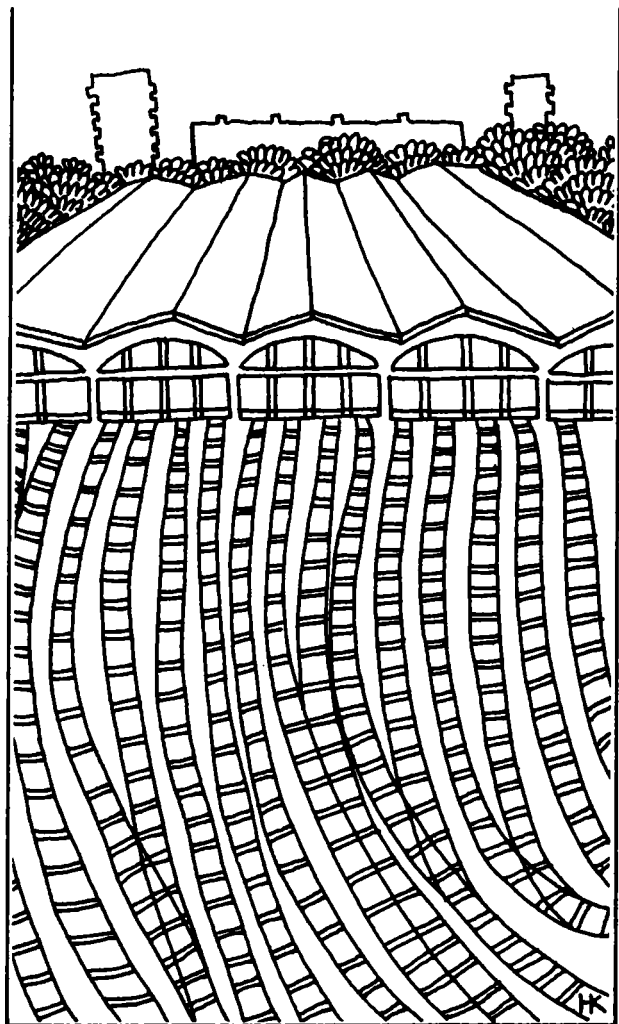
улиц, интенсивности транспортных потоков, местного рельефа и застройки.

Как пример рассмотрим один вариант кольцевой площади. Верхний

ярус предназначен для пешеходов. На нем располагаются торговые помещения небольшой высоты (два этажа), в них же эскалаторные и лифтовые связи с остановками пассажирского автотранспорта нижнего кольца и метро. Для пропуска транспорта двух направлений служат кольцевая развязка и пересечение в двух уровнях с транзитом главного направления (по прямой эстакаде). В самом нижнем ярусе по периметру круглой площади размещаются гаражи, склады магазинов и другие подземные объекты. В центре площади может быть построен бассейн с фонтанами, что улучшит циркуляцию воздуха и проветривание.

Для формирования площади нужны высокие здания. Их, особенно если это жилые дома, целесообразнее возводить в глубине микрорайона. Высокие здания обозреваемы только издали. Поэтому глубоко ошибочно было сооружение башенных жилых домов на красной линии Садово-Триумфальной улицы, проспекта Калинина, по периметру Смоленской площади.

Не будем гордиться по всякому поводу, а подумаем, как сделать лучше даже то, что на первый взгляд кажется хорошим, как вновь обрести красоту города. Постараемся, чтобы в домах было удобно жить, по городским дорогам — ездить и приятно ходить не только в парках, но и на улицах, площадях.

Развитие инфраструктуры

НА ГОРОДСКИХ МАГИСТРАЛЯХ
ТРЕТЬЕ КОЛЬЦО
ИЗ ЦЕНТРА В ПРИГОРОД ЗА ПОЛЧАСА
АКТИВНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ ПОДЗЕМНОЕ ПРОСТРАНСТВО
ЕСЛИ ЗАГЛЯНУТЬ В ЗАВТРА
«ГОЛУБОЕ ЗОЛОТО» СТОЛИЦЫ

НА ГОРОДСКИХ МАГИСТРАЛЯХ

Горбанев Р. В., кандидат технических наук

В настоящее время в Москве сложилась и развивается единая система городского пассажирского транспорта, включающая метрополитен, пригородно-городской железнодорожный, автобусный, троллейбусный, трамвайный и легковой автомобильный транспорт.

За период реализации Генерального плана развития Москвы (1971—1987 годы) пассажирский транспорт города получил большое развитие. Построено и введено в эксплуатацию около 90 км линий метрополитена, в том числе Краснопресненская, Калининская и Серпуховская линии, продлены Калужская, Рижская и Замоскворецкая линии. В настоящее время протяженность линий метрополитена, достигла 228 км.

Проведена работа по наращиванию провозных способностей отдельных линий метрополитена и железных дорог.

Завершено строительство и введены в эксплуатацию дополнительные пути на Ленинградском, Павелецком, Киевском направлениях железной дороги и создан Савеловско-Смоленский диаметр. Практически на всех направлениях число вагонов в пригородно-городских поездах доведено до 12, проведена реконструкция платформ на остановочных пунктах.

Протяженность линий наземного общественного транспорта достигла 2260 км, в том числе автобусных линий — 1500, троллейбусных — 547, трамвайных — 213 км.

Изменился качественный состав парка за счет его пополнения современными типами машин, имеющих большую вместимость и улучшенные технико-эксплуатационные показатели. Построены и введены в эксплуатацию 5 автобусных и 1 троллейбусный парк. Протяженность магистральных улиц города увеличилась на 365 км, построено свыше 30 путепроводов и мостов.

Осуществление этих мероприятий позволило, в основном, обеспечить перевозку дополнительно возникающих объемов пассажиров и грузов, но существенно не повлияло на улучшение условий транспортного обслуживания в целом по городу, а в ряде периферийных районов массового жилищного строительства (где отсутствует метрополитен), трудности еще более усугубились.

На сегодняшний день уровень транспортного обслуживания населения и народного хозяйства города не отвечает современным требованиям. Городской пассажирский транспорт в часы «пик» работает с напряжением, подвижной состав следует переполненным, графики движения нарушаются, слабо развита материально-техническая база городского транспорта.

В соответствии с Концепцией комплексного социально-экономического развития Москвы на период до 2000 г. население города к 2000 году возрастет до 9,5 млн, а к расчетному сроку — до 9,8 млн человек.

В предстоящий период новое жилищное строительство в основном будет размещаться на периферии и за пределами МКАД. Это приведет к тому, что около 80% населения будет проживать за пределами центральной зоны города. В то же время места приложения труда по-прежнему будут концентрироваться в центральной и срединной частях города.

Основными задачами в развитии транспортной системы являются сокращение затрат времени на трудовые поездки для большинства жителей и снижение наполнения подвижного состава до 3,5—4 человек на 1 м² площади пола салона.

Выполнение этих серьезных задач требует резкого повышения скорости сообщения в целом по системе транспорта и увеличения единовременной емкости подвижного состава

на линиях в часы «пик». Это возможно только за счет ускоренного развития всей транспортной системы и особенно скоростного внеуличного транспорта — метрополитена и железной дороги.

В основу перспективного развития метрополитена Москвы заложена идея создания в городе системы экспрессных линий, основным назначением которых является:

сокращение затрат времени на поездки для населения крупных периферийных районов, расположенных как в пределах МКАД, так и вне ее;

разгрузка существующих радиальных линий метрополитена;

формирование хордовых линий в срединной зоне города для разгрузки центра Москвы от транзитных пассажиров.

Перспективная схема экспрессных линий метрополитена представляет собой четыре хордовые линии, берущие начало в новых районах за пределами Московской кольцевой автодороги и проходящие через срединную зону, минуя центр города и большую периферийную кольцевую линию.

Хордовые линии в периферийной части города будут прокладываться по радиальным направлениям через крупные жилые и промышленные районы, не обслуживаемые метрополитеном. В этой части города они будут дублировать существующие линии метрополитена, разгружая их и сокращая время подвоза к станциям.

Так, например, первоочередная хордовая линия, строительство которой предусматривается в XIII пятилетке, начнется в новом жилом районе Митино за Московской кольцевой автодорогой с численностью населения 180 тыс. жителей и пройдет параллельно Краснопресненской линии через районы Строгино, Хорошево-Мневники до площади Победы. Такое проложение линии позволит не только обслужить крупные жилые районы, но и перераспределить большую часть потоков пассажиров из этих районов на новую экспрессную линию

с существующей Краснопресненской, значительно улучшив комфорт перевозок на последней.

Из района площади Победы трасса хордовой линии пойдет не в центр города, а в обход его, плавно отклоняясь на юго-восток по границе центральной планировочной зоны через Лужники, площадь Гагарина в район Новых Черемушек. Далее линия повернет на юг и параллельно Замоскворецкой линии через районы Котляково, Ленино, Бирюлево придет в новый район Бутово, расположенный за кольцевой дорогой.

Таким же образом предполагается построить и остальные три хордовые линии, которые пройдут из Косино-Жулебино в Куркино, из Солнцева в Мытищи, из Балашихи в Дудкино.

Система из четырех хордовых линий образует новый распределительный-пересадочный контур по границе центральной планировочной зоны, который позволит практически полностью освободить линии метрополитена и пересадочные узлы центра города от транзитных пассажиров.

Может показаться, что прохождение линии мимо центра города значительно ухудшит условия поездки жителей периферийных районов в центр, тем более, что доля таких поездок достаточно велика, около 40%. В действительности, при прохождении линии через центр пассажиры без пересадки могут попасть только на 4—6 станций, расположенных в нем, для выхода на других 20—22 станциях им надо совершить одну или даже две пересадки. При поездке по хордовой линии пассажиры, следующие в центр города, на 85% станций, расположенных в центре города, смогут попасть всего с одной пересадкой, так что если условия поездки и ухудшатся, то не для многих.

В более отдаленной перспективе, за 2010 год, после завершения строительства хордовых направлений будет построена большая кольцевая периферийная линия.

На экспрессных линиях метрополитена предполагается значительно

повысить скорости перевозки пассажиров до 60—70 км/ч против 40—45 км/ч на существующих линиях. На первую очередь повышение скорости до 50—60 км/ч будет достигнуто за счет увеличения расстояния между отдельными станциями до 3—5 км. Дальнейшее повышение скоростей позволит осуществить использование нового, более скоростного подвижного состава.

Увеличение расстояния между станциями ни в коей мере не ухудшит условия обслуживания пассажиров из-за увеличения дальности подхода или подвоза их от места жительства до станций метрополитена. В районах жилой и промышленной застройки станции будут располагаться на таком расстоянии друг от друга, чтобы были обеспечены все нормативные требования. Так, например, на первоочередной линии Митино-Бутово предполагается разместить в жилом районе Митино две станции, в районе Хорошево-Мневники — две станции, в районе Бутово — три станции, с расстоянием между ними 2—3 км.

Экспрессные линии метрополитена должны обеспечивать высокий уровень комфорта перевозок. Для этого на них предполагается эксплуатация поездов из 10 вагонов. Однако это не значит, что уже с первых лет эксплуатации линий по ним будут ходить полупустые десятивагонные составы. Количество вагонов в составе необходимо наращивать по мере увеличения загрузки и повышения требований к условиям перевозки пассажиров. Построив сейчас станции, рассчитанные на прием 10-вагонных поездов, мы избежим в недалеком будущем необходимости их реконструкции в период эксплуатации, что в конечном счете обойдется значительно дороже.

Существующая радиально-кольцевая система метрополитена, как и в настоящее время, будет предназначена для обслуживания скоростным транспортом населения, проживающего в пределах МКАД. Схемой не предусматривается продление радиальных линий этой системы за МКАД.

К 2000 году будет завершено строительство Люблинско-Дегунинской линии, которое начинается в XII пятилетке. Линия пройдет из района Борисова через районы Братеево, Марьино, Люблино, Южный порт, центр города, Бутырский хутор, Петровско-Разумовское в Бескудниково. Предполагается также продление Арбатской линии от Киевского вокзала в Очаково.

К расчетному сроку предполагается построить около 260 км линий метрополитена и довести их протяженность до 470 км, в том числе радиально-кольцевых линий — до 315, хордовых экспрессных линий — до 155 км. До 2000 года предполагается построить около 150 км линий метрополитена и довести их протяженность до 375 км, в том числе радиально-кольцевых — до 305, хордовых — до 70 км. Кроме этого, до 1995 года предусмотрены реконструкция всех линий метрополитена, построенных до 1970 года, с целью увеличения их провозной способности и повышения надежности работы, а также строительство дополнительных входов на станции.

Важное место в организации пассажироперевозок отводится электрифицированным железным дорогам. Пригородно-городские железные дороги являются составной частью общей системы скоростного пассажирского транспорта. Они обеспечивают скоростные связи города-центра с населенными пунктами Московской агломерации и осуществляют внутригородские перевозки населения.

Значение электрифицированных железных дорог в обеспечении транспортного обслуживания населения постоянно возрастает. Важную роль они должны сыграть в первые годы освоения новых районов, расположенных за пределами Московской кольцевой автомобильной дороги, особенно в условиях резкого отставания в развитии метрополитена. Электрифицированные железные дороги должны будут в этот период почти полностью принять на себя об-

служивание таких районов, как Солнцево, Ново-Косино, Бутово, Ухтомский, Жулебино, Подрезково, до прихода туда линий метрополитена.

В связи с тем, что сеть железных дорог в пределах Московской агломерации и города уже сформировалась, основным направлением ее развития является повышение провозной и пропускной способности, а также скорости перевозки пассажиров. Для этого предлагается осуществить строительство дополнительных третьих и четвертых путей, с выделением их для пропуски только высокоскоростного пригородно-городского пассажирского движения. Это позволит повысить скорость сообщения и значительно сократить интервалы движения поездов. В перспективе для улучшения условий транспортного обслуживания предлагается развитие и создание на базе существующих железных дорог дополнительных железнодорожных диаметров и частичное использование для пассажирских перевозок Малого кольца Московской железной дороги.

Основными требованиями в развитии наземного транспорта являются: увеличение плотности сети, обеспечивающей пешеходную доступность остановочных пунктов в пределах 400—500 м, осуществление внутрирайонных и межрайонных перевозок, а также подвоза пассажиров к станциям скоростного транспорта. С этой целью предлагается изменить структуру парка за счет увеличения доли подвижного состава, трамваев, троллейбусов и автобусов особо большой вместимости, продлить линии троллейбуса в города лесопаркового защитного пояса (ЛПЗП) и развить сеть автобуса в районах, где отсутствует электротранспорт.

Строительство новых линий метрополитена и дополнительных железнодорожных путей, развитие сети наземных видов транспорта позволит повысить скорость сообщения пассажиров по всей транспортной системе с 29 до 40 км/ч. В результате сократятся средние затраты времени на поездки. За счет изменения структу-

ры подвижного состава уменьшится наполнение на всех видах пассажирского транспорта.

Развивая и совершенствуя традиционные виды транспорта, нельзя забывать и о возможности использования новых. К сожалению, в настоящее время наука не может нам предложить новые высокоэффективные системы городского и пригородного пассажирского транспорта, которые могли бы найти свое место в общей структуре городского транспорта. А городу нужны новые виды транспорта, обеспечивающие его связь с аэропортами, городами-спутниками, крупными зонами отдыха. Нужна своя экологически чистая система для транспортного обслуживания центральной исторической части города.

Важную роль в формировании транспортной системы города играет улично-дорожная сеть. Развитие жилищного, культурно-бытового, промышленного строительства в Москве, расширение территории под застройку, значительный рост парка автомобилей и размеров уличного движения вызывают необходимость развития и совершенствования сети магистральных улиц и дорог Москвы и Московской агломерации.

Основные направления развития сети магистральных улиц города на период до 2010 года:

дальнейшее развитие сложившейся системы радиальных магистральных улиц в районы новой жилой и промышленной застройки;

дополнение сложившейся структуры городских улиц магистральными улицами поперечного, полукольцевого и хордового направлений;

создание в городе системы магистральных улиц с непрерывным режимом движения;

формирование системы магистральных улиц с преимущественным движением грузовых автомобилей;

обеспечение плотности сети магистральных улиц не менее 2,5 км на 1 км² территории.

Основой структуры улично-дорожной сети Москвы станет система главных городских магистральных

улиц, образующая единую сеть. Система главных магистральных улиц формирует каркас планировочной структуры города. Эти улицы будут основными планировочными и архитектурно-пространственными осями города. Вдоль них будут формироваться общественные центры и объекты городского значения, размещаться композиционные доминанты городской застройки. Все это обеспечит удобные транспортные связи жилых районов между собой, столичным центром, с объектами общегородского значения, с крупными промышленными зонами и системой загородных автомобильных дорог.

Городские магистрали будут основными транспортными каналами, обеспечивающими транспортные связи между различными функционально-планировочными элементами города. Сеть магистральных улиц с непрерывным движением транспорта обеспечит быстрые и удобные связи отдаленных периферийных районов города между собой и с центральной частью.

Особая роль отводится системе магистральных улиц с преимущественным движением грузового транспорта. По ним будет осуществляться перевозка основной массы промышленных и строительных грузов. Трассироваться они будут на наиболее грузонапряженных направлениях. Сооружение магистральных улиц с преимущественным движением грузового транспорта позволит почти полностью исключить движение грузовых автомобилей по главным магистралям города.

Магистральные улицы с преимущественным движением грузового транспорта пройдут через промышленные территории города, обходя

жилые районы и центр города.

Магистральные улицы с непрерывным режимом движения транспорта будут создаваться преимущественно за пределами центрального ядра города. При прохождении такой улицы в исторически сложившейся части города режим движения на ней меняется на более спокойный.

В исторически сложившейся части города предусматривается сохранение существующей планировочной структуры улично-дорожной сети. Отдельные улицы предполагается либо закрыть полностью для движения любых видов транспорта, превратив их таким образом в пешеходные улицы, либо сохранить на них движение только наземного пассажирского транспорта. Ряд улиц, имеющих недостаточную ширину тротуаров, предполагается расширить за счет проезжей части.

В отдельных районах центра города намечается создать зоны с «успокоенным движением транспорта», с запрещением движения отдельных категорий легковых автомобилей.

Предлагаемая структура улично-дорожной сети и организация движения транспорта в центральной части города потребует создания мощной системы задерживающих стоянок на ее границе, развития системы наземного пассажирского транспорта, а также вывода расположенных в центре промышленных и коммунальных объектов и большинства сосредоточенных здесь административных учреждений.

Предлагаемое на расчетный срок развитие транспортной системы Москвы, являющейся важным градостроительным элементом, обеспечит четкое обслуживание населения и гармоничное развитие города.

ТРЕТЬЕ КОЛЬЦО

Лапин Ю. Б., инженер

Систематическое обследование транспортных потоков в столице свидетельствует, что более 100 км

общегородских магистралей и большое количество транспортных узлов исчерпали свою пропускную способность и работают в пиковые часы с большой перегрузкой. К ним отно-

сятся, в первую очередь, Садовое кольцо, проспект Маркса, улица Горького, площади Смоленская, Восстания, Колхозная, Белорусская и Рижского вокзала. Перегрузка узлов Садового кольца вызывает транспортные пробки. Интенсивные транспортные потоки начинают перегружать параллельные жилые улицы. Москвичи вынуждены мириться с тем, что интенсивные потоки грузовых автомобилей проходят по набережным рек Москвы и Яузы, подходя к заповедному центру исторического ядра города. И многочисленные потоки автомобилей стремятся на Садовое кольцо поневоле как на распределительную магистраль, которая не имеет необходимых дублеров кольцевого направления.

Трудно найти жителя или гостя столицы, который бы не знал Садового кольца, не побывал хоть раз на этой городской магистрали, с утра до позднего вечера заполненной транспортными потоками. В каком другом городе мира найдется улица, пропускающая изо дня в день уже многие годы 6 тыс. транспортных средств в час пик в каждом направлении?

Отсутствие кольцевой магистрали высокой пропускной способности, связывающей радиальные направления, жилые и промышленные районы в зоне между Садовым кольцом и Московской кольцевой автодорогой (МКАД), — основной фактор перегрузки центра транспортными потоками. Вот почему архитекторы и экономисты, инженеры-строители и транспортники, начиная с первых лет работы над Генеральным планом развития Москвы, уже более 50 лет трассируют на перспективных планах новую кольцевую магистраль, уточняют ее планировку на последовательных стадиях проектирования и с горечью отмечают, как отстает формирование третьего кольца от потребностей города, особенно центра Москвы.

Тяжелая транспортная ситуация на городских магистралях столицы и особенно тревожное положение в историческом центре Москвы скла-

дывались в течение десятилетий. Это — следствие отставания развития коммунальных отраслей городского хозяйства, в том числе формирования системы общегородских магистралей от размаха московского жилищного строительства. Вместе с тем преимущественное значение имело строительство и реконструкция радиальных направлений, связывающих центр с периферийными районами и выходами на общегосударственные автодороги за пределами Москвы. Сегодня из 23 радиальных направлений, предусмотренных Генеральным планом развития Москвы 1971 года, действуют 16 радиусов. А вот замкнутых кольцевых магистралей существует всего две. Это реконструированное в 30-е годы Садовое кольцо (14 км) и Московская кольцевая автодорога (109 км), построенная в 60-е годы и бывшая административной границей Москвы до 1985 года.

Нужда в новой кольцевой магистрали назрела давно, именно эта магистраль призвана снять грузовой транспорт с Садового кольца, обеспечить более удобные и короткие связи между крупными промышленными и складскими районами города, пропустить в обход центра транзитный легковой автотранспорт, способствовать значительному оздоровлению городской среды. Такая магистраль высокой пропускной способности и, в основном, с непрерывным режимом движения должна пройти в 3—4 км от Садового кольца, чтобы не потерять своего дублирующего значения, но при этом «задеть» как можно меньше жилья.

В результате тщательных и многовариантных проработок в Генеральном плане развития Москвы 1971 года внутригородская кольцевая магистраль (третье кольцо) выделена из системы перспективных скоростных дорог, проходящих в обход центра по хордовым направлениям. Пересекающиеся центральные участки скоростных магистралей и формируют неправильный замкнутый

многоугольник длиной 35 км, играющий роль кольца.

Районы, по которым проходит трасса кольцевой магистрали, отличаются большим количеством грузоформирующих объектов, таких, как железнодорожные грузовые дворы, заводы «Серп и молот», ЗИЛ, АЗЛК и др., что определяет высокую эффективность выбранного кольцевого направления для снятия грузовых потоков с Садового кольца.

На отдельных участках общей длиной 12 км трасса магистрали совпадает с существующими улицами — Беговой, Нижней Масловкой, Сущевским валом, с Автозаводским мостом. По направлению третьего кольца построены трехъярусная транспортная развязка на площади Савеловского вокзала, Рижская эстакада через пути станции Николаевка и Октябрьской железной дороги, тоннель под Митьковской веткой и эстакада над Русаковской улицей и станцией Москва-Казанская-пассажирская. Сегодня кольцевая магистраль вышла к Бакунинской улице. Дальнейший участок трассы в 1984 году проектировался с выходом на Госпитальную мост через реку Язу и по Госпитальной улице и Краснокурсантскому проезду на площадь Проломной заставы.

156 Почему именно на эту площадь? Да потому, что последующая трасса третьего кольца наиболее полно отвечает задаче изоляции магистрали от жилых районов. Так, изолирован от жилья эстакадный участок над заводом «Серп и молот», по направлению Проломной улицы, а последующие участки трассы длиной около 5 км идут вдоль Курского направления и Малого кольца Московской железной дороги. Таким образом, третье кольцо, проходящее в основном через промышленные зоны города, вдоль железнодорожных магистралей, на восточном участке затронуло территорию одного из крупнейших архитектурно-исторических комплексов Москвы в районе Лефортово.

Многочисленные проработки ва-

риантов трассы достаточно убедительно показали, что для участка третьего кольца между Бакунинской улицей и шоссе Энтузиастов чрезвычайно трудно найти альтернативу запроектированному направлению по Госпитальной улице и Краснокурсантскому проезду.

Нелегко прокладывать новую мощную магистраль через сложившуюся городскую среду, на ее пути встают пересекаемые радиальные направления и железные дороги. Из-за большого числа сложных дорожно-транспортных сооружений стоимость одного километра достигает 12—15 млн рублей, однако эффект новой магистрали трудно переоценить по комплексу технико-экономических, градостроительных и экологических достоинств.

К сожалению, строительство третьего кольца ведется крайне медленно. Последний введенный в строй участок от Рижской эстакады до Бакунинской улицы протяженностью 2,5 км с транспортным тоннелем и Русаковской эстакадой над станцией Москва-Казанская-пассажирская строился более 8 лет. При таких темпах строительства завершение третьего кольца увидят наши потомки в XXI веке.

Мешают строительству магистрали ограничения финансирования и выделения мощностей строительных организаций. Мешает невиданная политика отдельных хозяйственных руководителей, которые стремятся возвести капитальные сооружения на арендуемых участках, переданных во временное пользование на период до строительства третьего кольца без права капитальной застройки.

Особенные сложности возникли на участке пересечения кольцевой трассой района Лефортово. В процессе первоначального проектирования магистрали от Бакунинской улицы до площади Проломной заставы была выявлена необходимость сноса ряда старых зданий, которые не являются памятниками архитектуры, истории или культуры. Так как

здания находятся в зоне особого градостроительного режима, в соответствии с установленным в Москве порядком, вопрос о сохранении или возможности сноса этих зданий был рассмотрен на общегородской комиссии с участием представителей творческих организаций. Вопрос о сносе некоторых зданий был своевременно представлен на согласование Министерству культуры РСФСР и оформлен решениями Мосгорисполкома. Однако уже после утверждения проекта и выхода строителей на трассу магистрали Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры возбужден вопрос о постановке на государственную охрану нескольких зданий, ранее разрешенных к сносу. Против строительства кольцевой магистрали по запроектированному в 1984 году наземному варианту, проходящему по Госпитальной улице и Краснокурсантскому проезду, возражают Министерство культуры СССР, представители Главного военного госпиталя им. Н. Н. Бурденко Министерства обороны СССР. Проблема трассировки кольцевой магистрали через район Лефортово получила широкое отражение средствами массовой информации и вызвала поток писем-протестов от отдельных граждан, групп населения, некоторых общественных организаций. Многие из этих протестов явились следствием неточной информации, так как проектом магистрали всегда учитывалось безусловное сохранение памятников архитектуры и садово-паркового искусства, находящихся под охраной государства: Главного военного госпиталя им. Н. Н. Бурденко, церкви Петра и Павла в Солдатской слободе, Екатерининского дворца, парка Лефортово. Вместе с тем нельзя не видеть, что строительство мощной транспортной магистрали по естественному рельефу не отвечает возрастающим требованиям охраны и благоустройства такого уникального исторического района столицы, как Лефортово, расчленяет комплексную охранную зону на тер-

ритории отдельных памятников архитектуры.

Для того чтобы правильно решить общегородскую проблему транспортно-планировочной и экологической ситуации в центре Москвы путем форсирования строительства третьего кольца в восточной части города и при этом более полно учесть проблему возрождения целостного уникального градостроительного ансамбля в районе Лефортово, в 1987 году Главмосархитектурой с привлечением специализированных организаций выполнены обширные схематические проработки по возможным трассам хордовой магистрали, обходящим район Лефортово, а также проведена проверка использования сложившейся сети улиц без строительства участка третьего кольца («капиллярное» решение). При этом расчетами и заключениями специализированных организаций (Гипрогор, МАДИ, ЦНИИП градостроительства) выявлено, что затяжка строительства третьего кольца в восточной части города может привести в ближайшую пятилетку к параличу транспортного движения в центре исторической застройки города.

Специально созданная межведомственная комиссия рассмотрела 13 возможных вариантов и выявила два принципиальных конкурентоспособных решения, отличающихся наибольшим экономическим и социальным эффектом, а также условиями реализации, по сравнению с другими рассмотренными вариантами. Один из них — это тоннельный вариант прохождения третьего кольца между Лефортовским парком и Госпитальной улицей с учетом сохранения домов по четной стороне Госпитальной улицы и последующим выходом на Краснокурсантский проезд и далее через территорию завода «Серп и молот» к Проломной улице.

Учитывая сложные гидрологические условия и уникальный характер района строительства, возникают дополнительные требования к про-

ектируемому тоннелю большой протяженности, осложняющие и удорожающие строительство магистрали. Второй вариант — обход Лефортова с восточной стороны Главного военного госпиталя им. Н. Н. Бурденко со строительством нового моста через р. Язу, выходом на улицу Новая Дорога и далее через микрорайон Синичкиной и Сторожевой улиц на шоссе Энтузиастов в районе платформы «Новая». Этот вариант фактически разрушает существенный массив жилой застройки, требует сноса жилых домов, школ и детских садов, нескольких магазинов и родильного дома. Обсуждение этого варианта вызвало крайне отрицательную реакцию жителей и общественных организаций Калининского района столицы.

158 Полемика вокруг восточного участка третьего кольца привела к решению приостановить строительство до завершения разработки нового Генерального плана развития Москвы на период до 2010 года. Думается, что это время должно быть использовано для продолжения углубленных проектов и исследовательских работ по трассе магистрали в районе Лефортово. И наибольшего внимания заслуживает вариант тоннеля, проходящего между Госпитальной улицей и территорией парка. Именно эта трасса от Госпитального моста вдоль Госпитальной улицы и Краснокурсантского проезда до площади Проломной заставы является оптимальной по условиям реализации проекта, несмотря на трудность и сложность строительства транспортного тоннеля, длина которого подлежит определению в процессе вариантных проработок с тем, чтобы обеспечить целостность конструкций памятников архитектуры и всего исторического ансамбля, оздоровление городской среды на территории парка и военного госпиталя.

Временное нарушение ландшафта в период строительства тоннеля открытым способом затрагивает наименее ценную часть парка и может сочетаться с осуществлением ре-

конструкции самого парка, находящегося в запущенном состоянии. Именно эта трасса позволяет уже в ближайшие годы широко развернуть строительство кольцевой магистрали на тех участках, где не требуется сноса жилых или промышленных зданий, переселения жителей и ликвидации промышленно-складских объектов, в первую очередь, на эстакадном участке от площади Проломной заставы до шоссе Энтузиастов.

Не менее неотложная задача — проектирование и строительство участка кольцевой магистрали от Волгоградского проспекта до Велозаводской улицы вдоль Малого кольца Московской железной дороги. Этот участок необходим при любых вариантах трассировки системы магистралей в восточной части города, так как он поможет разгрузить существующие улицы: 2-ю Машиностроения, Новоостاپовскую, ряд узлов на Волгоградском проспекте, Шарикоподшипниковую и Велозаводскую улицы.

В истории градостроительства невозможно найти ни одного крупного города, имеющего многовековую историю, который по мере своего развития не осуществлял на практике периодическую реконструкцию планировочной структуры и системы улиц. Особенно остро эта проблема стоит перед динамичными городами, перерастающими миллионный рубеж, стоит она и перед Москвой.

В 30-е годы началась радикальная реконструкция улиц и площадей центральной части столицы. На месте узких кривых улочек с булыжным мощением, густо оплетенных паутиной трамвайных путей, появились улица Горького и проспект Мира, великолепные московские мосты, обновленное Садовое кольцо, ожерелье центральных площадей вокруг Кремля и Китай-города. Реконструкция улиц и площадей центра, сооружение метрополитена по Генеральному плану 1935 года были уникальным градостроительным мероприятием, обеспечившим в сжатые сроки формирование новой транс-

портной инфраструктуры города, значение которой не уменьшается уже в течение полувекowego периода развития Москвы. Таким же рывком в совершенствовании транспортно-планировочной структуры Москвы является и строительство третьего кольца.

Внимание к строительству внутригородской магистрали третьего кольца и содействие этому строитель-

ству требуется от плановых органов и от Минтрансстроя СССР. Но главное — объединить усилия тех, кто проектирует кольцевую магистраль, и тех, кто стремится воссоздать и активно включить в жизнь столицы прекрасный комплекс Лефортова, чтобы решить в течение 7—10 лет проблему оздоровления и обеспечения нормальной жизнедеятельности всей центральной части Москвы.

ИЗ ЦЕНТРА В ПРИГОРОД ЗА ПОЛЧАСА

Александр К. Э., кандидат технических наук,
Бордуков И. В., инженер

Процесс развития Москвы становится все более сложным. Вновь расширена граница города для размещения крупных объемов жилищного строительства и объектов приложения труда за пределами Московской кольцевой автодороги в районах Косино-Жулебино, Бутово, Химки, Митино и других районах, удаленных от центра города на 22—28 км. Москва вступает в новый этап своего развития. В связи с этим Главмосархитектурой с привлечением ряда проектных и научно-исследовательских организаций разработан проект технико-экономических обоснований (ТЭО) нового Генерального плана развития Москвы на период с 1991 по 2010 год.

Общественные обсуждения перспектив развития пассажирского транспорта, предусмотренных в проекте ТЭО, показали, что обеспечение приемлемых затрат времени и достаточного комфорта поездок населения из удаленных районов в центр города — проблема сложная. Приходится учитывать, что все виды общественного транспорта Москвы давно уже работают с большим напряжением. Средняя дальность поездки возросла за последние годы с 8,4 до 11 км, а время трудовых передвижений в утренние часы «пик» составляет около 60 мин вместо 40 мин по норме.

Главная забота столичных градостроителей — прокладка новых линий метрополитена и реконструкция действующих. Радует, что развернуто строительство долгожданной Тимирязевской линии в район Отрадного, где проживает 600 тыс. человек, и линии от Курского вокзала, идущей в юго-восточном направлении (Люблино, Печатники), где численность населения превышает 300 тысяч. Осуществлена реконструкция станций крайне перегруженной Горьковско-Замоскворецкой линии для приема 8-вагонных поездов. На очереди удлинение станционных платформ на Калужско-Рижской и других линиях. Усиливается производственно-техническая база метро-

159

строения. Но впереди новые и столь же неотложные задачи. Нетерпимо, когда в утренние часы «пик» пассажиры толпами простаивают у входов на станции метро («Комсомольская», «Текстильщики», «Бауманская», «ВДНХ» и др.), не имея возможности быстро добраться до места работы. Все это снижает уровень транспортного обслуживания населения в утренние и вечерние часы «пик».

Хотелось бы подчеркнуть, что исторически сложившаяся радиально-кольцевая сеть крайне осложняет решение современных социальных, архитектурных и транспортных вопросов современного градостроительства. Ее дальнейшее развитие привело к чрезвычайно высокой кон-

центрации мест приложения труда и объектов культурно-бытового обслуживания в центральном ядре. Теперь требуется создать в Москве другие зоны удобной транспортной доступности с перемещением в них общегородских объектов массового тяготения.

Известно, что высокая пропускная способность дорог достигается главным образом путем строительства полноценных развязок на перекрестках и площадях. Однако таких развязок в Москве почти нет, преобладают «проколы», например по Садовому кольцу, без учета левоповоротного транспорта, крайне усложняющего пропуск прямых автомобильных потоков (площадь Маяковского). Еще хуже, когда перекрестки и площади застраиваются, не оставляя места для развязок, как на Смоленской площади. Такая недалекость в недалеком будущем нам дорого обойдется.

Казалось бы, очевидно, что давно пора отказаться от массовой изнурительной и каждодневной пересадки пригородных пассажиров на тупиковых вокзалах. Однако и в новых проектах ТЭО вновь предлагается сохранить и даже усилить пересадку на таких вокзалах. По нашему мнению, в ТЭО должны быть найдены решения, обеспечивающие удобный выезд в пригородную зону из всех районов города максимум с одной пересадкой.

А какова же позиция разработчиков ТЭО по организации транспортного обслуживания каждого из новых крупных жилых образований за пределами МКАД?

Здесь опять выдвигается московский принцип пригородного движения путем строительства экспрессных линий метро по хордовым направлениям в обход центральной части Москвы за пределами кольцевой линии метро. Но разве не ясно, что именно в центр и пойдут главные потоки пассажиров из жилых районов, расположенных за МКАД. Следовательно, неизбежны пересадки с экспрессных линий на дейст-

вующие радиальные линии и наземный транспорт с дополнительной потерей времени для поездки в центр. А можно ли вообще-то осуществить такие пересадки? Ведь в утренние часы «пик» радиальные линии метро уже перегружены пассажирами, следующими в центр, и принять дополнительные большие потоки с экспрессных линий физически не смогут.

Долгие годы в печати обсуждались разные варианты радикального улучшения пригородных сообщений путем строительства железнодорожных диаметров через центр Москвы в расчете на расселение москвичей в пределах МКАД. Теперь ситуация в корне изменилась. Экспрессные диаметры мощного рельсового транспорта, проходящие через центр, нужны, но уже в новом качестве, с учетом удобного транспортного обслуживания больших масс населения на вновь осваиваемых территориях за пределами МКАД.

Авторами статьи предлагается проект одного из возможных вариантов строительства двух региональных экспрессных линий метрополитена, связывающий новые образования непосредственно с центром Москвы за 25—30 мин. Один из них проходит в районе Митино, Косино-Жулебино со станциями пересадки на обычное метро у Белорусского вокзала, на Пушкинской, Новой и Таганской площадях и на пересечении с железнодорожной линией Рязанского направления. Второй диаметр, Химки — Бутово, имеет пересадочные станции на метро у Савеловского вокзала, на проспекте Мира, Новой площади и у Павелецкого вокзала. Таким образом, для поездки в центр отпадает необходимость делать пересадки на перегруженные действующие линии в узлах, расположенных зачастую за пределами малого кольца Московской окружной железной дороги. Пересадочные же станции в предлагаемом варианте экспрессных линий будут для большинства пассажиров конечной целью поездки.

Основную часть экспрессных линий целесообразно протрассировать наземными в полосе отвода существующих железнодорожных магистралей, что позволит существенно снизить стоимость строительства. На подходе к центру и через него линии пойдут в тоннелях. Экспрессные линии необходимо эксплуатировать с новым подвижным составом, обеспечивающим более высокую провозную способность по сравнению с существующими вагонами. Обычный поезд из восьми вагонов метро (при норме четыре стоящих человека на 1 м² пола вагона) может перевезти 1158 пассажиров, а поезд типа электрички с восемью вагонами серии ЭР-22 — 1886 пассажиров, т. е. на 728 (64%) больше. При интервалах движения 2 мин такой состав может перевезти примерно 60 тыс. пассажиров в час «пик» в одном направлении, что и нужно для каждого жилого образования, расположенного за МКАД.

На разных экспрессных линиях скорость поездов между наиболее удаленными станциями должна составлять около 170 км в час, следовательно, необходимы верхний токоъем, устойчивое верхнее строение пути и соответственно надежность конструкции вагонов. Новый подвижной состав следовало бы создать в предельно короткие сроки.

Все это предъявляет особые требования к габаритам тоннелей. На этот счет имелись серьезные научные разработки, о чем более 30 лет назад писал журнал «Городское хозяйство Москвы» (№ 3 за 1955 год). Суть их состоит в том, что можно вписывать подвижной состав с шириной вагона 3,48 м в тоннели с габаритом 5,6 м в свету при условии некоторого понижения пантографа и незначительного округления верхней части кузова вагона.

В пересадочных узлах с большим пассажиропотоком следовало бы по примеру зарубежной практики строить трехплатформенные станции для выхода пассажиров из вагона в одну сторону и входа с противополож-

ной. У нас такие станции строились с учетом будущего ответвления новой линии от существующей или же в расчете на большой пассажирооборот (станция «Измайловская», в районе которой предполагалось строительство крупнейшего в Европе стадиона).

Идея строительства пригородно-городских железнодорожных диаметров или же экспрессных линий метро, непременно проходящих через общегородские центры, реализована в ряде крупных зарубежных городов (Берлин, Мюнхен, Копенгаген, Бостон, Филадельфия, Цюрих, Валенсия и др.). Так, в Париже и его агломерации за 20 лет построены четыре диаметральные линии регионального экспресс-метрополитена общей протяженностью более 400 км, проходящие через центр города с разветвлениями на периферии по 15 направлениям к крупным жилым образованиям. В пределах собственно Парижа длина этих линий составляет 43 км, из них 27 км — в тоннелях.

В отличие от большинства крупных городов в Москве до сих пор нет данных о фактических закономерностях трудового расселения. Поэтому в ближайшее время необходимо предусмотреть проведение такого базового обследования в комплексе работ по переписи населения или независимо от нее. Отсутствие обосновывающих исследований было бы допустимо, если бы транспортная система Москвы имела достаточные резервы для принятия возможных мощных пассажирских потоков, которые появятся в связи с развертыванием массового жилищного строительства за пределами МКАД. Однако из-за отставания развития транспорта в предшествующие годы такого резерва нет.

В проекте ТЭО продолжает чувствоваться какая-то непреодолимая робость, боязнь коснуться решительными реконструктивными мерами сложившегося Московского железнодорожного узла, сама планировочная структура которого подсказыва-

ет целесообразность интенсивного его использования для транспортного обслуживания москвичей. Авторами ТЭО намечена некоторая активизация использования городских и пригородных участков железных дорог, однако по объему перевозок им отводится подчиненная роль.

Наиболее реальным и перспективным является именно интенсивное использование прежде всего существующих железнодорожных линий, превращение их в три самостоятельных диаметра: Курско-Октябрьский, Рижско-Горьковский и Савеловско-Смоленский. Следует также предусмотреть использование малого кольца Московской окружной железной дороги, в первую очередь, западного его участка, через Лужники. Главное то, чтобы диаметры получили развязанные в разных уровнях пары главных путей исключительно для движения электропоездов по плотному, строго ритмичному, параллельному графику. Маршруты этих электропоездов должны прокладываться только в пределах дальности массовых, регулярных, повседневных передвижений населения, в том числе жителей новых образований Москвы за МКАД.

162

Настало время добиться коренной перестройки в образе мышления работников Министерства путей сообщения, Московской железной дороги, Главмосархитектуры, которым нужно признать ведущую роль же-

лезных дорог в транспортном обслуживании населения города и его региона. Поэтому развитие пассажирского транспорта нужно поднять на новый, более высокий уровень, предусматривающий создание единой системы пригородно-городских маршрутов электропоездов, органично увязанных с региональными экспрессными линиями метро, проходящими через центр, и обычными линиями метро по хордовым направлениям. От сооружения новой кольцевой линии метро следует отказаться.

Москве нужны современные многоуровневые транспортные узлы в главных пересадочных пунктах обычных и экспрессных линий метро, пригородно-городских железнодорожных линий и наземного общественного транспорта, например у Курского вокзала. В этом отношении мы до обидного отстали от практики крупнейших зарубежных городов.

В целях дальнейшего развития загородных зон массового повседневного отдыха населения желательно продолжить железнодорожную ветку от станции Пирогово вдоль водохранилища до Савеловской линии с движением электропоездов с Ярославского и Савеловского вокзалов. Могут быть и другие предложения, поскольку массовый отдых населения — важнейшая проблема жизнедеятельности Москвы.

АКТИВНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ ПОДЗЕМНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Каммерер Ю. Ю., гидротехник,
Дунаевский Н. Д., инженер,
Щербаков В. В., строитель.

Быстрый рост столицы ставит перед градостроителями ряд сложных вопросов, в частности, как в условиях сложившегося города обеспечить требуемый уровень комфортности для населения, решить транспортные проблемы, улучшить окружающую среду, как наиболее рациональ-

но использовать дорогую и дефицитную московскую землю.

Один из путей к решению сложных градостроительных проблем лежит в широком освоении подземного пространства. В подземном уровне, как об этом говорит богатый зарубежный, да и отечественный опыт, можно размещать практически все, что для своего нормального функционирования не нуждается в естественном освещении. Это позво-

ляет экономить дорогую землю за счет более компактных объемно-планировочных решений зданий и сооружений, способствует улучшению окружающей среды и имеет ряд других преимуществ.

В зарубежной практике подземное пространство используется широко и эффективно. Достаточно нескольких примеров: 11-уровневая система различных сооружений под площадью Де-Фанс в Париже, торговая улица в Токио, Центральный вокзал в Варшаве, гараж-стоянка на 1400 автомобилей под Женевским озером и многие другие. Редкое здание не имеет одного или нескольких подземных этажей.

О чем говорит московский опыт такого строительства? Практически все жилые, общественные, торговые и другие здания дореволюционной постройки имели подвальные этажи, иногда их было два (например, трехэтажное здание елисеевского магазина на улице Горького имеет два подземных яруса). В ряде случаев подвалы занимали площадь не только под зданием, но и под смежной дворовой территорией, образуя большие подземные объемы, например, так называемый, «Соляной двор» у нынешней площади им. В. П. Ногина, винные подвалы треста «Арагат» на улице Кирова. Умели наши предки считать деньги, ценить землю.

Послевоенное строительство примерно до 1960 года при всех трудностях тех лет тоже не пренебрегало подземным пространством. Немало примеров удачных объемно-планировочных решений объектов постройки тех лет. Так, основаниями всех высотных домов, украшающих Москву, стали подземные железобетонные коробки, полости которых используются для производственных, культурно-бытовых и других целей. К числу удачных решений надо отнести комплекс жилых домов микрорайона «Лебедь» на Ленинградском шоссе, объединенных подземным этажом для стоянки 300 автомобилей.

Есть примеры комплексного освоения подземного пространства. Это, в первую очередь, жилой район Чертаново-Северное, где под землей размещено 17% общего объема зданий, в том числе гаражи-стоянки на 3500 автомобилей, инженерное оборудование территории, подсобные помещения магазинов и даже подъездная дорога ко всем подземным сооружениям выполнена в виде тоннеля. Такое решение создало большие дополнительные удобства населению и позволило повысить плотность застройки, улучшить условия проживания.

К сожалению, это только примеры, в целом же подземное строительство последних лет резко отстает от потребностей города. Большинство зданий почти всех назначений строится с неиспользуемыми, как правило, для хозяйственных или производственных целей техническими подпольями.

Целесообразность и необходимость широкого освоения подземных уровней в градостроительных целях всеми признавалась и признается, однако дело продвигается крайне медленно. Причин тому несколько.

Одна из главных заключается в том, что застройщик получал землю бесплатно и у него не было никаких стимулов для ее экономии. В капиталистических странах земля находится в частной собственности и стоит очень дорого.

Так, за один гектар земли надо заплатить в пересчете на наши деньги: в Париже — 15 млн руб., в Лондоне — 30 млн руб., в Нью-Йорке — 70 млн руб. Это заставляет владельцев использовать землю предельно рационально.

У нас земля не продается и не покупается, она — общенародная собственность. Это иногда ассоциируется с представлением, что она ничего не стоит. Стоит. И очень дорого стоит.

Мосгорисполкомом с 1988 года введена плата за отводимые участки. Оценочная стоимость земли,

определяемая затратами на подготовку ее для застройки, колеблется на один гектар от 1 млн руб. на периферии до 5 млн руб. в центре города. Кстати сказать, такие затраты могут быть решающими при рассмотрении целесообразности размещения в Москве некоторых предприятий.

Мало заинтересованы в экономии земли и проектировщики: ее стоимость в проекте не учитывается. Главным показателем в проекте здания или комплекса сооружений считается стоимость 1 м² или 1 м³.

Еще одна причина — в устаревших противопожарных и санитарных нормах. Чего стоит, например, требование устраивать из каждого яруса подземного гаража-стоянки отдельный изолированный выезд. За рубежом строят 12—16-ярусные подземные стоянки автомобилей. У нас же в двухэтажных подземных гаражах Управление пожарной охраны разрешает эксплуатировать как стоянку лишь один верхний этаж.

В США более 1,5 млн школьников периодически занимаются в подземных классах. Оказывается никакого вреда здоровью (искусственный климат, никаких сквозняков), а успеваемость выше. Наши органы здравоохранения опасаются размещать под землей даже гардеробы...

Была еще одна причина, сдерживавшая использование подземных уровней, — отсутствие нормативных документов, подкрепляющих призывы к использованию подземного пространства. Теперь они есть.

По поручению Мосгорисполкома НИиПИ Генерального плана г. Москвы совместно с другими организациями Главмосархитектуры и союзными институтами Госстроя СССР, а также Институтом экономических проблем Мосгорисполкома разработаны Схема освоения подземного пространства столицы, Временные нормативные показатели и Номенклатура основных типов зданий и сооружений с подземными помещениями. Эти документы одобрены постоянным Советом по градостро-

ительству Москвы и введены в действие с 1 января 1987 г.

Нормативами предусматривается подземный ярус под большей частью капитальных зданий и сооружений, которые должны строиться в Москве. Под многоэтажными зданиями таких ярусов может быть несколько. По разработкам ЦНИИ-Промзданий в производственных корпусах целесообразно иметь два подземных этажа.

В обобщенном виде предусматриваются следующие площади подземных этажей в процентах от общей площади зданий:

гаражи для грузовых автомобилей,	
склады и базы	15—30
лечебные учреждения и предприятия	
службы быта	15—20
промышленные здания	10—30
гаражи для легковых автомобилей . .	10—20
жилые дома	0,5—2

Конкретная площадь подземного этажа уточняется заданием на проектирование в зависимости от этажности здания, его назначения, технологических особенностей производства и других показателей.

Каковы приоритетные направления освоения подземного пространства города, предусматриваемые Схемой?

Наиболее сложная работа предстоит в производственных зонах, особенно во вновь формируемых. Промышленные предприятия, строительная индустрия, транспортные парки, склады, базы и другие предприятия подобного характера сосредоточены в производственных зонах. Складывались они в прошлом по так называемому «усадебному» принципу: каждое предприятие имеет свою территорию и собственную производственную инфраструктуру (инженерные коммуникации, очистные сооружения, дороги и т. п.). Это привело к тому, что зоны в большей части застроены хаотично при крайне невысокой плотности, а территорию занимают огромную — четверть всей городской земли.

Часто предприятия, занимая боль-

шие площади дефицитной земли, используют их крайне нерационально и не испытывают от этого никаких неудобств ни экономического, ни другого характера.

Решительный переход на укрупнение и кооперацию мелких предприятий, размещение их в общих многоэтажных зданиях и комплексах с едиными блоками обслуживания при активном использовании подземного пространства позволят сэкономить значительные земельные площади, обеспечить лучшие условия для труда и отдыха работающих и создадут условия для формирования достойной столицы промышленной архитектуры.

Первые реальные проекты зданий и сооружений с подземными этажами подтверждают их высокую эффективность. Мастерской № 3 института «Моспромпроект», например, под 5-этажным зданием автобазы скорой медицинской помощи предусматривается дополнительный подземный 6-й этаж. В результате при небольшом удорожании здания будет получена на той же территории стоянка еще на 96 автомобилей. На современном уровне Воронежским филиалом Гипроавтотранса Министерства автомобильной промышленности СССР разработан проект базы механизации для Главмосремонта в районе Чертанова. Вместо привычных одно- и двухэтажных зданий на участке площадью 3,3 га предложено разместить 7-этажную стоянку с подземным ярусом для 1150 тяжелых машин типа МАЗов, КРАЗов (самосвалы, автокраны и др.). Плотность застройки превышает существующую в 4—5 раз и составляет 18 тыс. м²/га. В результате одна комплексная база заменит несколько существующих мелких.

Приведенные да и многие другие примеры дают представление о рациональных решениях отдельных предприятий, но этого сейчас недостаточно. Речь идет о формировании промышленных узлов, крупных «гостиничного» типа комплексов, где каждому предприятию выделялись

бы нужные производственные площади и где были бы обобществлены производственная инфраструктура, учреждения культурно-бытового назначения и др. Подобный «гостиничный» комплекс был предложен ЦНИИПромзданий при формировании производственной зоны «Алтуфьевское шоссе». В пяти 4—6-этажных зданиях с двумя подземными ярусами предлагалось разместить 14 транспортно-складских предприятий, подчиненных Мосгорисполкому. При меньших капиталовложениях здесь можно было бы выстроить 11,5 га земли для другой застройки. Однако этих выгод оказалось недостаточно, чтобы преодолеть сложившийся стереотип — каждый директор хочет быть автономным, иметь «свое» хозяйство.

Здесь, несомненно, должно быть сказано новое слово, этого требует время.

Важное направление подземного строительства — транспортные сооружения и в первую очередь гаражи-стоянки. Из 600 тысяч автомобилей, прописанных в городе, в настоящее время только около половины имеют постоянное место, крыши обеспечено всего 27%. Грузовой и пассажирский транспорт ночует, как правило, под открытым небом.

Автомобильный парк столицы быстро растет и недалеко то время, когда он перешагнет миллионный рубеж. Хотим мы этого или нет, но проблему гаражей и стоянок для автомобилей придется решать. Причем думать как решать надо сегодня.

Всюду за рубежом гаражи-стоянки размещаются в подземных этажах жилых, общественных и других зданий, во многих случаях под улицами и площадями.

Положительный опыт 50-х годов строительства стоянок автомобилей под жилыми домами на Варшавском шоссе, на Фрунзенской набережной и позднее в Чертанове-Северном не используется. Жилые дома строятся, как правило, с техническими подпольями глубиной 1,8 м. Углубив техподполье на 0,8—1 м, можно

было бы оборудовать в них недорогие стоянки для легковых автомобилей. Кстати, оборудование стоянок можно производить за счет владельцев машин.

Жилые дома да и капитальные здания другого назначения строятся со сроком амортизации 100 лет. Трудно предположить, какие помещения общего пользования, кроме гаражей-стоянок, понадобятся будущим жителям через несколько десятков лет, но что сейчас ничего не строится в погоне за сиюминутной копеечной экономией, это плохо. Схемой пока предусматривается один подземный этаж на каждые два-три жилых дома. В последующем представляется целесообразным иметь подземные этажи во всех многоэтажных зданиях. Их помещения можно использовать для работы с населением (клубы, дискотеки, кружки, различные мастерские и т. п.), а также для гаражей-стоянок и других целей.

В центральной части города вопрос со стоянками автомобилей решается сложнее всего — участков для стоянок машин на поверхности практически нет, они могут быть только под землей. Опыт строительства таких гаражей-стоянок есть. Например, на улице Миклухо-Макля построена двухэтажная стоянка на 800 машин, строятся стоянки и меньшей вместимости. Удачен проект круглого шестизэтажного гаража с подземным ярусом на 450 автомобилей, разработанный мастерской № 11 Моспроекта-1.

Наиболее значимое транспортное подземное сооружение города — метрополитен, его тоннели во всех направлениях пронизывают ткань города. О нем как о сооружении рассказывается в других разделах книги, здесь же изложены пожелания на будущее, предусматривающие более полное использование сооружения в интересах города.

При строительстве метрополитена мелкого заложения, а оно преобладает в московской практике, глубокие котлованы над установлен-

ными конструкциями тоннелей и станций засыпаются грунтом. Как показывают проектные проработки, а также зарубежный опыт, подземное пространство над сооружениями метро может быть эффективно использовано для размещения автомобильных стоянок, складов и многих других целей. В составе наземных и подземных объемов станций целесообразно предусматривать помещения для объектов сферы услуг, мелкорозничной торговли, общественных уборных и других целей.

Такое комплексное использование метрополитена сулит определенный экономический эффект и создает дополнительные удобства для населения.

Москва занимает одно из первых мест в мире по числу подземных пешеходных переходов. Их построено и эксплуатируется более 300, в том числе такие развитые и сложные как под площадями Ногина, Тургеневской, Дзержинского. Ими ежедневно пользуются миллионы людей, именно поэтому необходимо обратить внимание на недостатки, допущенные при строительстве. Практически подземные переходы решают только одну чисто транспортную задачу — обеспечить пропуск расчетного потока пешеходов. Сейчас этого уже недостаточно — они должны решать дополнительные социальные задачи. В подземных переходах, особенно под магистральными улицами, площадями, должны предусматриваться помещения для торговли товарами попутного спроса, объектов сферы обслуживания и информации.

К сожалению, многие пешеходные переходы, особенно из ранее построенных, убоги по архитектурному и художественному оформлению. Этого для сооружений массового пользования допускать нельзя. Каждый подземный пешеходный переход должен иметь свое лицо, быть узнаваемым.

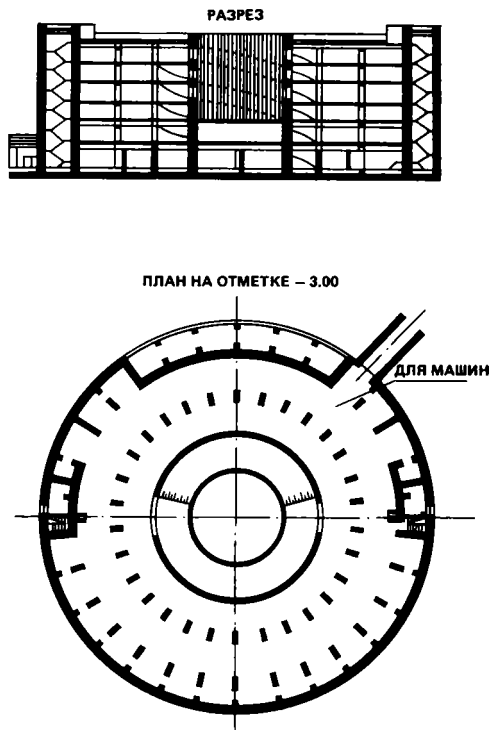
Есть в Москве объекты для масштабного подземного строительства.

Пришло время для реконструкции многих центральных площадей, представляющих собой крупные транспортные узлы, где пересекаются автомагистрали, линии метрополитена, бесконечные потоки пешеходов. Особенно многолюдны привокзальные площади. Здесь нужны в первую очередь подземные переходы развитого типа с учреждениями попутного обслуживания, стоянки такси и автобусов, нужны также многочисленные вспомогательные помещения: камеры хранения, кассовые залы, залы ожидания и т. п.

Реконструкция площадей трудоемка и дорога, поэтому ее редко осуществляют сразу в полном объеме. Обычно она ведется очередями, по мере возникновения необходимости и появления возможности выполнить работы. Но проект реконструкции должен разрабатываться в полном объеме, с учетом перспективы. В Схеме Моспроект-1 и Моспроект-2 разработаны проектные предложения по реконструкции 14 центральных площадей с учетом активного освоения подземных горизонтов. При полной реализации предложений может быть получено около 250 тыс. м² подземных помещений различного назначения.

Нет практически ни одной отрасли городского хозяйства, где бы размещение различных объектов под землей не сулило более рационального использования земельных участков и более компактных и удобных объемно-планировочных решений.

Технология современного строительства позволяет сооружать под землей помещения практически любого назначения и любой комфортности. Эти возможности должны быть максимально использованы в градостроительстве Москвы. При реализации предложений, заложенных в Схеме и Временных нормативах, в Москве до расчетного срока — 2000 год — могут быть получены полноценные подземные помещения самого различного назначения общей площадью около 2,5—3 млн м². Для строительства такой площади поме-

Чтобы рациональнее использовать землю, целесообразно в гаражах-стоянках предусматривать подземные этажи. Архитекторы Я. Белопольский и Ф. Чижевский запроектировали гараж-стоянку на 450 машин с подземным этажом

щений в наземном варианте потребуются земельные участки размером 500—700 га.

Переход на массовое строительство зданий и сооружений с подземными этажами означает создание новой, сложной отрасли в градостроительстве. Потребуется подготовка предприятий стройиндустрии, оснащение их специальными механизмами и оборудованием. Нужно разработать и внедрить в производство новые конструкции зданий, новую технологию строительного производства.

Требуется, наконец, уделить самое серьезное внимание гидроизоляции подземных помещений. Здесь нет проблем — выпускаются современные надежные материалы, отработаны технологии их применения — речь идет об освоении этой отрасли строительного производства. Сухо

в метрополитене, проложенном в обводненных грунтах, сухо в гараже под Женевским озером.

Первоочередная, не терпящая дальнейшей отсрочки задача в освоении подземного пространства, — разработка проектной документации. Практически все массовое строительство в городе ведется по типовым проектам и почти все они не предусматривают подземных этажей.

Очень важна решительная перестройка отношения к освоению подземного пространства, к бережному, рациональному использованию зе-

мельных ресурсов. Введением нормативов на подземное строительство сделан пока первый шаг в этом направлении.

Необходимо также, чтобы активное освоение подземных уровней было экономически выгодно всем: и тем, кто проектирует и строит, и тем, кто будет эксплуатировать здания и сооружения. Интенсивное использование подземного пространства города и формирование развитой и устойчивой инфраструктуры — объективная потребность градостроительства, соответствующая требованиям интенсификации народного хозяйства.

ЕСЛИ ЗАГЛЯНУТЬ В ЗАВТРА

Крахотина В. В., журналист

Лучшие станции первых линий московского метро остались непревзойденными образцами подземного строительства. Под охрану государства как памятники архитектуры взяты станции «Красные ворота», «Маяковская», «Кропоткинская». Сохранить традиции создания самого быстрого и удобного городского транспорта, не терять лица столичной подземки — задача современных зодчих. В каком направлении будет развиваться архитектура метро в ближайшем будущем, какие цели стоят сейчас перед создателями подземных сооружений? На эти и другие вопросы нашему корреспонденту отвечала главный архитектор института «Метрогипротранс» Н. Алешина.

Н. Алешина. Несмотря на то, что в последние годы работа наших архитекторов по сооружению станций метрополитена отмечалась премиями Совета Министров СССР («Пушкинская», «Кузнецкий мост», «Горьковская», «Чертановская»), дипломами Международной выставки-смотрa в Софии (станции Серпуховского радиуса), дипломами за лучший проект года на конкурсах-смотрaх нашего творческого союза, в архитектуре метро все же заметен уход от характера транспортных сооружений, встречается пере-

грузка тем и художественно-декоративных композиций, излишне много приемов, деталей.

Мозаика станций «Нагатинской» и «Ленино» — красива, но я считаю, что для нас это не метод. Если на художественное оформление накладывается информация, то это и дорого, и в таких сооружениях, как метро, функционально неоправданно.

Сегодня время требует от архитектора осмысления и широкого применения индустриальных методов отделочных работ, унификации сооружения технологических блоков в служебных помещениях метрополитена. Необходимо отработать их так, чтобы техническая документация для них была единой и в то же время функционально раздельной, чтобы ее можно было легко привязать к любому следующему объекту на новой линии. Это высвободит время проектировщиков для творческой работы над перспективными проблемами и архитектурным образом станции и вестибюля, что в основном и представляет лицо нашего метро.

Корр. А как сочетается рациональное и технически необходимое размещение станций с окружающей городской застройкой?

Н. Алешина. Их надо крепче увязывать с районными, городскими обще-

ственными, транспортными и торговыми центрами, чтобы добиться в этих узлах наиболее полного развития подземного пространства. Эти вопросы надо решать вместе с райисполкомами и горисполкомами. Было бы целесообразно строительство сооружений, расположенных рядом с метро, осуществлять на долевых началах — строители, эксплуатационники, различные министерства и ведомства. Подобное решение не ново — во многих странах можно встретить рядом с метро не только торговые точки, но и гаражи, прочие службы. И у нас в стране, в Ереване например, станция метро «Площадь Спандарьяна» была сразу запроектирована вместе с кинотеатром на 200 мест, кафе и дискотекой.

В свое время, когда проектировался Серпуховский радиус метро в Москве, мы тоже предлагали между вестибюлями станции «Чертановская» построить один общий зал, который бы объединил все выходы из метро на обе стороны Балаклавского проспекта и Чертановской улицы, к жилому экспериментальному району. К сожалению, при утверждении проекта это было исключено. Так, соображениям единовременной разовой экономии было отдано предпочтение в ущерб перспективному развитию градостроительства данного района.

Теперь, когда во главу угла ставится человеческий фактор, мы тоже должны думать об интересах и удобствах пассажиров. Ведь если, к примеру, пешеходные переходы «начинить» экспресс-автоматами торговли, то пассажир по дороге домой мог бы, проходя, бросив монету в такой автомат, приобрести молоко, соль, спички и многие другие продукты повседневного спроса. Быстро и удобно.

Корр. Проекты каких станций готовит институт в настоящее время?

Н. Алешина. Сейчас проектировщики Метрогипротранса работают над новой Люблинской линией. Именно на строительстве этой трассы они стараются решить задачу применения унифицированных повторно применяемых конструкций подземных ве-

стибюлей, блоков служебных помещений для станций глубокого заложения, а также задачу унификации этих элементов для станций мелкого заложения.

Интересна работа над сложным узлом подземного вестибюля будущей станции «Чкаловская» и действующей «Курской» кольцевой линии. Мы ставим вопрос так, чтобы как можно полнее и целесообразнее использовать новую подземную территорию у железнодорожного вокзала не только для метрополитена, но и для города, хотя город, может, еще и не готов к такой комплексной застройке, нет средств. Но тогда возможна очередность строительства: в одной пятилетке — метрополитеновские сооружения, в следующей — городские. В любом случае уже в проекте необходимо закладывать все перспективные объекты данного микрорайона.

Корр. Долговечные, но дорогостоящие мрамор и гранит — традиционная одежда наших метровокзалов. А какие материалы будут определять облик станций будущих линий?

Н. Алешина. Наши прошлые попытки применить новые материалы в целях экономии дорогих камней, а также для разнообразия палитры в отделке станций до сих пор заметного результата не дали. Такие синтетические материалы, как стеклокристаллит, фистал, фигран, с которыми мы пробовали работать, плохо соединяются с раствором. Существующие красители невыразительны, блеклы и не дают нужной гаммы. Но что самое главное — все они не соответствуют классу наших сооружений.

Сегодня необходимо заняться разработкой изготовления новых материалов на современной индустриальной основе. Но для этого следует тщательно проработать технологию их производства, провести испытания опытных образцов на полигонах с утверждением и присвоением им Знака качества. Надо потом найти изготовителя и только после этого начать их массовое применение. Вот такой подход к решению вопроса будет государственным.

Сейчас мы думаем над тем, как организовать индустриальное изготовление крупноразмерных плит из естественных и искусственных материалов различного цвета и фактур. Отделка новых станций Калужского радиуса, например, «Коньково» и «Теплый Стан» выполнена «сухим» способом, основной материал — керамические плиты, изготовленные на заводе «Люде» в Латвии.

Корр. Известно, что типовые проекты станций мелкого заложения ограничивают возможности автора. Но поиск новых решений необходим и для этих сооружений. В каком направлении, на Ваш взгляд, он должен идти сегодня?

Н. Алешина. Да, сейчас нашим архитекторам очень трудно работать над проектами этих сооружений. Типовые их конструкции действительно сдерживают творческую мысль зодчего. Его работа здесь сведена лишь к выбору колонн или цвета отделочного материала. Считаю, что при сегодняшней развитой сети метрополитена в стране настала пора создать каталог унифицированных изделий, в который бы вошли различные формы колонн, перекрытий и другие элементы конструкций этих станций. Имея такой каталог, архитектор метро в работе над станциями мелкого заложения мог бы создавать на новом радиусе разные типы сооружений из готовых индустриальных элементов.

Корр. Свет на станциях, в вестибюлях — один из главных компонентов облика сооружения, а светильники, люстры — часть его общего образного решения. Каким будет их развитие в будущем?

Н. Алешина. При той перспективе строительства новых линий, которая

намечается в Москве до 2000 года и дальше, пора уже Минтрансстрою подумать об организации специализированного предприятия союзного значения по выпуску светильников для всех метрополитенов страны. Тогда можно было бы отработать их конструкцию и технологию изготовления отдельно для станций, для вестибюлей, для пересадок и пешеходных переходов. На таком специализированном предприятии можно было бы наладить и производство индивидуальных светильников, люстр, если того требует архитектурное решение.

А что происходит сейчас? Проектируем, а потом гадаем, где бы разместить заказ на изготовление. Все это нерационально и несовременно. Люминесцентные светильники промышленного изготовления, которые мы сейчас устанавливаем в метро, как правило, невыразительны и нередко диссонируют с общим образом станции и вестибюля, где в отделке использованы дорогие материалы, — мрамор, гранит, чеканка, керамика. К тому же размеры таких светильников каждые 3—5 лет меняются, обновляются и плафоны, поэтому при выходе из строя одного из них требуется полная замена всех плафонов. Но есть и другая беда. Наши эксплуатационники очень часто устанавливают только трубки светильника. Это не просто нарушение правил эксплуатации и требований эстетики. Это вопиющее пренебрежение к общему облику сооружения высокого класса, каким является московское метро.

В решении художественного образа каждой новой станции метро наши архитекторы должны стремиться к большей выразительности, однако не забывая, что метро — прежде всего средство передвижения.

170

«ГОЛУБОЕ ЗОЛОТО» СТОЛИЦЫ

Храменков С. В., инженер-строитель

Можайское, Рузское, Озернинское, Истринское, Икшинское, Пестовское, Пяловское, Клязьминское, Аку-

ловское и Химкинское водохранилища... водяные «клады» столицы. Рыбаки, туристы, местные жители, население расположенных по их берегам

деревень, поселков и городов вряд ли задумываются о том, что все эти «жемчужины» Подмосковья — сложные инженерные сооружения, питьевые резервуары многомиллионного города. И от того, как мы относимся к их «жизни», — напрямую зависит качество воды. В настоящее время московские водохранилища отданы МГЭСО «Мосводоканал» в обособленное водопользование. У московской воды наконец-то появился единый хозяин — эксплуатационник и строитель, ученый и рабочий. Именно он и будет отвечать за то, какая вода придет в наши дома в 2000 году, сможем ли мы, как и раньше, пользоваться ею свободно, но расчетливо, несмотря на общую нехватку ее во всем мире, не станет ли ее дефицит тормозом для развития города, промышленности, жилищного строительства, решения социальных проблем?

Водопроводно-канализационное хозяйство в течение многих лет надежно обеспечивало водоснабжение и санитарное благополучие Москвы, которая ежегодно увеличивала водопотребление в среднем на 3—4% или 120—140 тыс. м³/сут. Перспективный прогноз, составленный в середине XX века по данным Генерального плана развития Москвы 1935 года, полностью оправдался. Система городского водопровода и канализации не была фактором, сдерживающим развитие жилищного и промышленного строительства. Для этого своевременно развивались источники водоснабжения, строились и реконструировались водопроводные станции и станции аэрации, осваивались новые насосные станции и регулирующие узлы.

Устойчивое водоснабжение города стало возможным благодаря развитию двух основных водосточников — Москворецкого и Волжского. Построенные на наиболее крупных притоках Москвы-реки Истринское, Можайское, Рузское, Озернинское водохранилища многолетнего регулирования стока повысили отдачу Москворецкого водосточника в маловодные годы с 5 до 32 м³/с. С вводом в эксплуата-

цию Вазузской гидротехнической системы был полностью покрыт дефицит в западных и юго-западных районах столицы. Водоотдача же Волжского водосточника с учетом полного исчерпания пропускной способности канала им. Москвы достигла 82 м³/с. Таким образом, общая расчетная мощность водосточников составила к 1987 году 133 м³/с. Имеющиеся водные ресурсы полностью обеспечили потребность Москвы в воде.

За последние десятилетия были приведены в соответствие мощности водопроводных и очистных сооружений станций аэрации. Если за сутки город потребляет сегодня 6,4 млн м³ воды, то и очищается при этом столько же сточных вод. Решение этой инженерной задачи обеспечило для каждого москвича реальную возможность свободно тратить в своем жилище до 500 л воды в сутки. Хорошо это или плохо? Следует признать, что плохо, потому что расточительно. Водопотребление в Москве, вплоть до конца 80-х годов, шло по экстенсивному пути. Но больше так продолжаться не может. В этом смысле к 2000 году планируется добиться качественного перелома в самом отношении к воде. Необходимо уже в 1991 году пересмотреть тарифы на воду, сломать традиционные подходы к использованию воды в жилом секторе, в промышленности. Его величество «допотопный кран», который, как правило, течет, должен уйти из нашей жизни навсегда, иначе мы не справимся со «шквалом» набегающих проблем, окажемся не готовыми к ужесточению требований времени к экономии, качеству, хозяйскому мышлению.

Новая Концепция комплексного социально-экономического развития Москвы на период до 2000 года рассчитана на интенсификацию использования природных ресурсов, улучшение экологической обстановки в городе, принципиально новые методы хозяйствования. В основу разработки проекта плана развития водопроводно-канализационного хозяйства на период до 2005 года были положены

конкретные меры, связанные с важнейшими решениями о прекращении работ по переброске северных рек, остановкой подготовительных работ по сооружению Ржевского гидроузла, разработкой Целевой комплексной программы (ЦКП) регионального использования и экономии воды в городском хозяйстве и промышленности Москвы. Разработка ЦКП закончена. Определены пути покрытия дефицита воды как за счет внутренних резервов, так и за счет перспективных водоисточников. Но уже сейчас ясно, что задачи эти будут решаться «Мосводоканалом» с минимальными затратами, путем реконструкции сооружений. Предусматривается бесприродное водопотребление на длительный период за счет повторного использования сточных вод, снижения избыточных напоров, внедрения новой техники и автоматизации в системе подачи и распределения воды. Это повлечет за собой к 2000 году серьезные качественные перемены в самом водопроводно-канализационном хозяйстве.

172

Учитывая, что численность населения в столице к 2005 году составит 9,8 млн. человек, предусматривается снижение удельного расхода воды до нормы, утвержденной решением Мосгорисполкома — 235 л/сут. Расход воды в промышленности к этому времени будет приниматься с учетом экономии воды за счет внедрения оборотных систем водоснабжения, внедрения водосберегающих технологий. Сократится также расход воды питьевого качества в промышленности: использование технической воды на производственные нужды будет доведено до 800 тыс. м³/сут. Воплощение в жизнь этих принципиальных положений потребует больших усилий от всего коллектива «Мосводоканала».

Воду для Москвы к концу XX столетия с полным правом можно будет назвать «тяжелой» водой. Неизменно обостряются все проблемы, связанные с добычей и переработкой этого природного ресурса. По расчетам к 2010 году городу дополни-

тельно потребуется около 3 млн. м³ воды в сутки, если не будет начата реализация ЦКП. Причем ресурсы Москворецкой и Волжской систем, как доказали специалисты, к 2005 году будут исчерпаны. Сегодня чрезвычайно трудно сказать, какой из вариантов решения назревающей острой проблемы окажется оптимальным, наиболее жизненным. Однако споры специалистов у нас идут пока в «русле» четырех направлений — о привлечении новых водоисточников, переходе на пониженную обеспеченность в маловодные годы, уменьшении величины санитарного обводнения Москвы-реки в черте города, реконструкции канала им. Москвы. Поиск единственно верного решения идет остро, в обстановке широкого привлечения общественного мнения, ибо вода — дело социальное.

В целях обеспечения стандартного качества питьевой воды водопроводные сооружения должны нарастить свои мощности к концу столетия почти на миллион кубических метров в сутки. При этом следует уточнить — вырастут мощности, но не подача воды в город. Москвичам об этом следует знать и более бережно относиться к воде.

В новых условиях хозяйствования экономичность и надежность работы системы приобретают особое значение. К концу XX века именно в этих целях получают дальнейшее развитие регулирующие узлы: путем реконструкции — Лениногорский, Краснопресненский, Ореховский и Кузьминский, путем нового строительства — Сокольнический, в Митине, Бутове, Малине, Щербинке, Химках. На 150 км в год будет увеличиваться общая протяженность водоводов, магистралей и разводящих сетей. И все это — чтобы не потерять ни одного кубометра драгоценной воды.

В ТЭО развития канализации к 2000 году планируется прием 2,5 млн м³/сут поверхностных стоков. Как принять и очистить эту огромную загрязненную реку? Для обеспечения водоотведения от новой жилой

застройки и объектов культурно-бытового назначения намечается дальнейшее развитие системы канализации. Уже начато строительство насосных станций с подводящими и отводящими трубопроводами — Измайловской, Новокузнецкой, Бутовских и других. Все они должны быть рассчитаны и на прием поверхностных стоков.

В связи с дальнейшим развитием Москвы и отсутствием свободных площадей для застройки в XII пятилетке намечены вывод иловых площадок в Марьино и закрытие Люблинской станции аэрации мощностью 500 тыс. м³/сут. В связи с закрытием иловых площадок предусматривается строительство сооружений по механическому обезвоживанию осадка и его тепловому кондиционированию с доведением объема его обработки до 3,5 млн м³ на Курьяновской и Люберецкой станциях аэрации.

Каким же будет водопроводное хозяйство на рубеже двух веков? Прежде всего очень требовательным к качеству, к строжайшему соблюдению технологии, к надежности работы своих систем. И достигнуто это будет на основе широкого внедрения достижений научно-технического прогресса практически во все важнейшие стороны деятельности «Мосводоканала». Питьевая вода... В 1990 году на нее будет введен новый ГОСТ, что повлечет за собой «цепную реакцию» новшеств в ряде технологий и процессов. Должна измениться технология хлорирования воды на водопроводных станциях, предполагается дополнительная обработка новым реагентом — марганцовокислым калием. Начнется применение процесса флокулирования на новых блоках сооружений, появятся новые, более эффективные реагенты. Все это должно обеспечить отсутствие привкусов и запаха в московской питьевой воде.

Если же посмотреть вглубь, так сказать «за кулисы» процесса повышения качества продукции, то становится отчетливо видна та огромная инженерная, технологическая, орга-

низационная перестройка хозяйства, которая уже проводится и будет закончена к 2000 году. На новом уровне будет организована работа хлорного хозяйства, интенсифицирована работа фильтров, внедрены прогрессивные методы обработки водопроводных осадков, в частности их механическое обезвоживание.

Не менее сложные задачи предстоит решить и в канализационном хозяйстве. Настоящими опытными полигонами станут Объединение Курьяновских станций аэрации и Люберецкая станция аэрации. Здесь до конца столетия значительно поднимется эффективность работы сооружений механической и биологической очистки. Начиная с XIII пятилетки, в отрасли ставится задача — добиться такого качества очистки больших масс сточных вод, чтобы их можно было повторно использовать в системах промышленного водопровода. В XIV пятилетке на карте Москвы появится новая Северная станция аэрации мощностью 500 тыс. м³/сут, работающая на самых современных принципах. Как и в водопроводном хозяйстве, проблема осадка на станциях аэрации, образно говоря, «проблема века». Как с наименьшими затратами и в возможно более короткие сроки из огромного количества осадка, остающегося после обработки городских сточных вод, получить органические удобрения и биогаз? Ведь они так необходимы народному хозяйству. В период предстоящих пятилеток проблема осадка с помощью отраслевой науки будет конкретизирована, выяснен КПД его в сельском хозяйстве.

И, наконец, о том, как «работает» вода на заводах, фабриках, предприятиях Москвы и как необходимо заставить ее «работать» по-новому. Как известно, московская промышленность к 2000 году не снизит своих темпов развития. Это потребует еще большего водопотребления для ее нужд. В настоящее время промышленность Москвы потребляет около 2 млн м³/сут воды, из которых

1,3 млн м³/сут. из системы городского водопровода, т. е. воду, прошедшую полный процесс очистки в соответствии с требованиями ГОСТ 2873—84 «Вода питьевая». К 2000 году намечается снизить водопотребление промышленными предприятиями до 800 тыс м³/сут за счет всемерного развития систем водооборота, доведения его коэффициента до 0,9. Кроме того, для многих технологических процессов — охлаждение оборудования, промывка сырья и продукции, золоудаление и т. п. — не требуется питьевая вода. Здесь может и должна использоваться так называемая техническая вода, себестоимость которой в 3—5 раз ниже. Чтобы ограничить потребление питьевой воды на технологические нужды в 1975 году была введена в эксплуатацию Юго-Восточная система промышленного водопровода, работающая на доочищенных сточных водах, поступающих от Курьяновской станции аэрации. Затем поочередно, в 1979, 1980, 1984 годах были введены в эксплуатацию соответственно Черкизовская, Кунцевская, Крымская системы, источниками водоснабжения для которых служат Клязьминское водохранилище и Москва-река. Суммарная производительность систем промышленного водопровода в 1989 году равнялась 680 тыс. м³/сут, а средняя суточная подача составляет 350 тыс. м³/сут. Сегодня системы промышленного водопровода осуществляют подачу технической воды 26 предприятиям города.

В перспективе производительность систем в 2000 году возрастет до 1210 тыс. м³/сут с подачей 1 млн м³/сут, что даст возможность перевести на техническое водоснабжение более 100 предприятий и ежегодно экономить более 12 млн руб. и около 75 млн кВт·ч электроэнергии.

Особое значение в обеспечении технической водой предприятий придается использованию для этих целей доочищенных сточных вод города. Работа в этом направлении перспективна и целесообразна, так как поз-

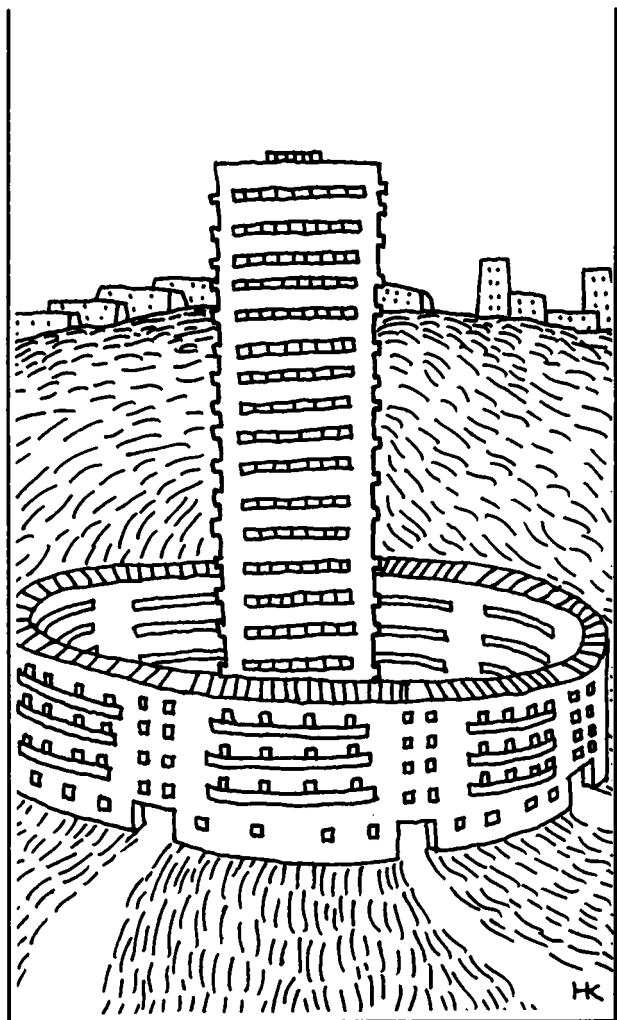
воляет наиболее рационально использовать водные ресурсы Москвы и оздоровить обстановку в бассейне Москвы-реки в черте города и ниже по течению. Сейчас уже восемь предприятий Ждановского, Люблинского и Волгоградского районов с успехом используют в своей технологии доочищенные стоки Курьяновской станции аэрации. Среди них АЗЛК, Комбинат древесно-волоконистых плит, завод «Клейтук» и др. До 2000 года намечается перевести на техническое водоснабжение и такие крупные предприятия, как Государственный подшипниковый завод-1, Шинный завод, завод «Серп и Молот».

В 1986 году в среднем было использовано в технологических процессах предприятий 46,3 тыс. м³/сут доочищенных сточных вод, а к 2000 году их количество планируется довести до 200 тыс. м³/сут. Более 40 предприятий Таганского, Люблинского, Волгоградского, Пролетарского районов перейдут на техническое водоснабжение от Юго-Восточной системы, а переброска доочищенных стоков на правый берег Москвы-реки позволит присоединить к системе еще 15 промышленных предприятий Замоскворечья.

К 2000 году предусматривается создание Северной системы промышленного водопровода для водоснабжения промышленных зон и ТЭЦ-27 Мосэнерго, расположенных в северной части Москвы. Источником водоснабжения будут глубоко доочищенные сточные воды намечаемой к строительству Северной станции аэрации.

Вода, водичка, «голубое золото». Когда она будет расцениваться нами наравне с такими природными богатствами, как уголь, нефть, газ? Давно, давно требует она к себе такого отношения, требует новых идей и подходов, новой экономики.

2000-й год — большой рубеж, и он не за горами. В отрасли правильно найдены «болевые» точки, дело чести многотысячного коллектива «Мосводоканала» обеспечить их устранение.

Жилище: поиски и решения

КОМФОРТ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ
КОПЭ — НОВАЯ СТРАТЕГИЯ ЖИЛИЩА
ДЛЯ КОГО РЕКОНСТРУКЦИЯ?
ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ С «ПЯТИЭТАЖКАМИ?»

КОМФОРТ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

Кордо Н. Я., архитектор

Жилищное строительство столицы стоит на пороге больших изменений. Для обеспечения к 2000 году каждой московской семье отдельной квартирой, улучшения градостроительных и архитектурных качеств застройки нужна прежде всего концепция или модель дальнейшего развития домостроения Москвы.

Такая модель в первой ее редакции создана Главмосархитектурой. Это программа крупных планово-организационных и проектных мероприятий, включающих в себя, в частности, выпуск домов нового поколения. Модель основана на предпосылке о росте численности населения Москвы с 8,7 млн человек в настоящее время до 9,5 млн человек к 2000 году, знании сегодняшнего семейного состава очередников, демографическом прогнозе на конец расчетного срока, нормах площадей квартир для строительства в Москве, данных о квартирной структуре опорного фонда, материалах о дальнейшем использовании «пятиэтажек» постройки 60-х годов.

176

Приняты во внимание количественные параметры коммунальности, которую нужно устранить в предстоящие две пятилетки: число семей на 362 тыс. превышает число квартир, 11,1% всех квартир в Москве — коммунальные, в них живет 16% москвичей или 22,5% семей. При этом нельзя забывать, что к 2000 году семей станет больше, а часть домов, перейдя в категорию ветхих, будет снесена.

Учтены резервы ускорения решения жилищной проблемы — ликвидация так называемой «незаселенки», равной примерно 200 тыс. м² жилой площади; прекращение переоборудования без достаточных на то причин жилых зданий в административные; отказ от передачи типовых домов под рабочие общежития; расширение доли площади, выделяемой

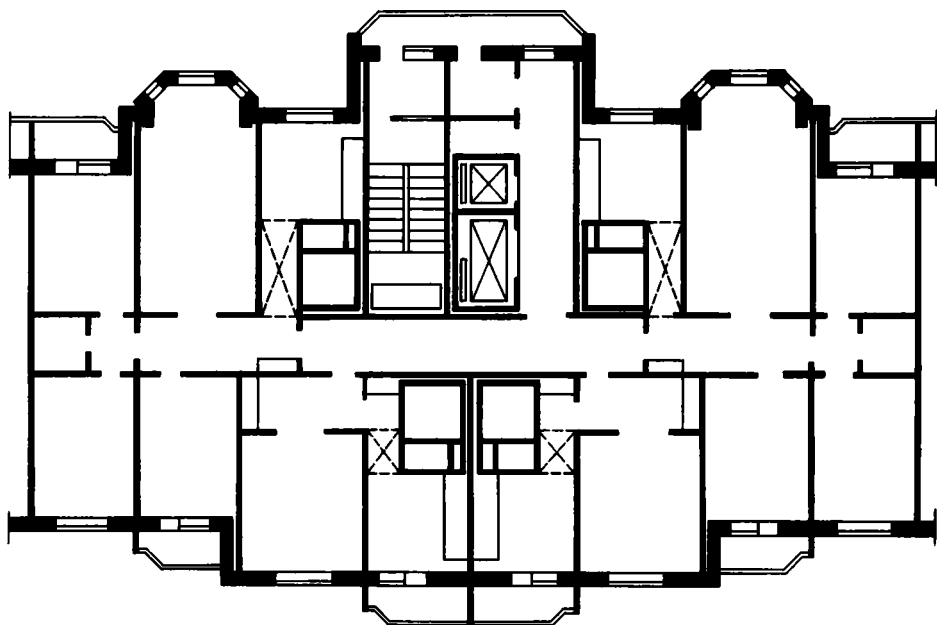
очередникам из всего вводимого за год жилья; приведение квартирного состава новостроек в соответствие с разработанной Главмосархитектурой «Заявкой на квартирный состав московского жилищного строительства» (при ее соблюдении каждый год можно расселять на 13 тыс. очередников больше, чем в настоящее время).

Для выделения к 2000 году каждой семье отдельной квартиры требуется не наращивание мощностей стройиндустрии, а изменение ее структуры. Есть смысл передать Главмосстройкомитету под условным названием ДСК-4 принадлежавшие Главмоспромстройматериалам мощности по выпуску панельного жилья.

По расчету ввод жилья в XII пятилетке в Москве должен составить 15,5 млн м², в XIII — 16,5 млн м², в XIV — 16,5 млн м² общей площади. Всего к 2000 году нужно построить 48,5 млн м².

При разработке модели пришлось считаться с тем, что план жилищного строительства на XII пятилетку уже утвержден и привязки на срок до 1990 года практически сделаны. Период, когда возможны активные действия, улучшающие структуру жилого фонда, сужен до двух пятилеток.

В связи с этим срок освоения выпуска домов по новым проектам надо предельно сжать. В 1995 году, контрольном году XIII пятилетки, нужно снять с производства все устаревшие действующие серии. Выпуск домов старых типов должен идти в убывающих, а новых — в нарастающих количествах. Для этого предполагается некоторое перераспределение объемов строительства. Сейчас мощность ДСК-1 — 1 млн, ДСК-2 — 330 тыс., ДСК-3 — 450 тыс. м². Монолита нет, есть каркасное и кирпичное строительство. Панельное домостроение занимает 83,9%.

Секция дома для освоения производством на ДСК-3 с однокомнатными и четырехкомнатными квартирами, предназначенными соответственно для одиноких и больших семей

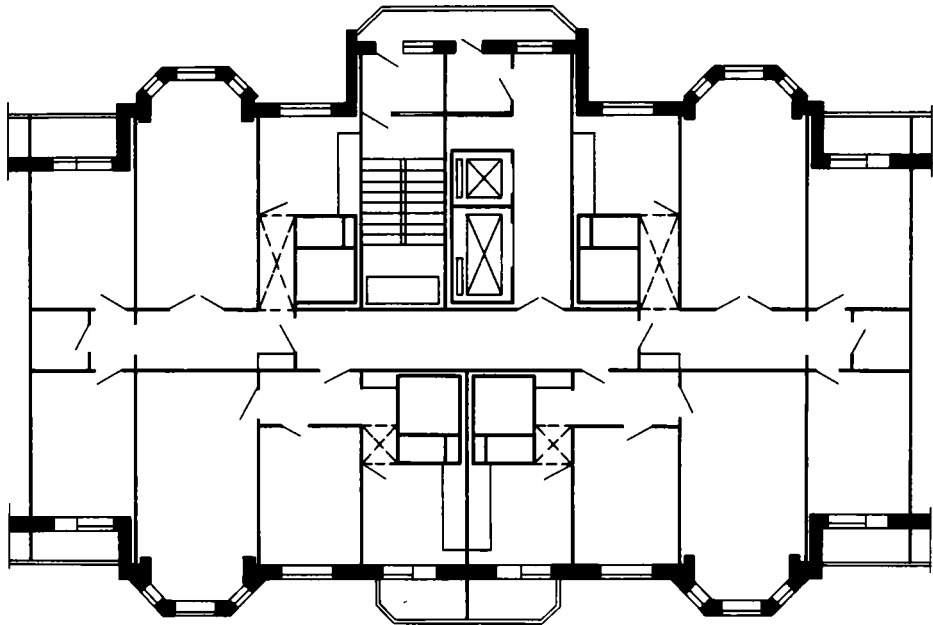
В XIII пятилетке доля панельного домостроения в процентном выражении возрастет, а в абсолютном снизится. Появятся первые дома из монолитного железобетона. Этот вид домостроения будет развиваться по этапам. Разумно к 1995 году довести его долю до 3% общего ввода, в XIV пятилетке — до 13,4%.

Модель исключает массовый снос домов первого поколения (придется снести лишь небольшое число зданий К-7, П-32, П-35). Часть «пятиэтажек» подлежит планировочной модернизации. Дома же с поперечными несущими стенами, с трудом поддающиеся перепланировке, можно после ремонта переселить по повышенной норме предоставления жилой площади. Обследования показали: есть значительный слой населения, заинтересованный не в тонкостях планировки, а просто в большой площади.

Очень важен вопрос квартирного состава строительства. Именно его решение прежде всего требует внедрения нового поколения проектов. Старые серии домов мешают демо-

графически обоснованно расселять очередников, так как нет малых вариантов квартир, предусмотренных, наряду с большими, принятой Госстроем СССР системой параметров квартир для Москвы (есть лишь весьма малое поступление квартир типа 3М за счет выпуска домов П30/12*). Сравнение расчетной квартирной структуры с фактической показывает — в графах квартир типа М сплошь стоят прочерки. Это ведет к постоянному перерасходу распределяемой площади, замедлению темпов решения жилищной проблемы. Хотя составленная с учетом демографии очередников «Заявка» и утверждена Мосгорисполкомом, она не реализуется на деле. Облегчая себе выполнение плана, Главмосстрой не строит малых квартир.

Квартиры типа М — не малогабаритные квартиры 60-х годов. Возьмем большую двухкомнатную квартиру жилой площадью 30 м². Она заселяется семьей из трех человек. На человека здесь приходится 10 м², причем число комнат на одну меньше числа жильцов. Жилая площадь малой двухкомнатной квартиры — 24 м². Но она дается семье из двух человек (вариант «двое взрослых»). На человека тут

приходится 12 м², а число комнат равно числу жильцов, каждый член семьи имеет отдельную комнату. Рассматривая таким же образом трех-, четырех- и пятикомнатные квартиры типа М, легко убедиться в их преимуществах перед квартирами типа Б: в малых квартирах выше жилищная обеспеченность и лучше формула заселения, т. е. соотношение между числом комнат и числом жильцов.

178 Это не значит, что квартиры типа Б не нужны. При определенном составе семьи в них можно без ущерба для проживания разместить на одного человека больше, чем в малой квартире той же комнатности. Сочетание квартир типа М и Б дает оптимальное по экономичности и комфорту расселение.

К 1995 году фактический квартирный состав новостроек совпадает с расчетным. В XIV пятилетке «Заявка» изменится. Вообще «Заявка на квартирный состав московского жилищного строительства» должна разрабатываться и утверждаться на каждое пятилетие.

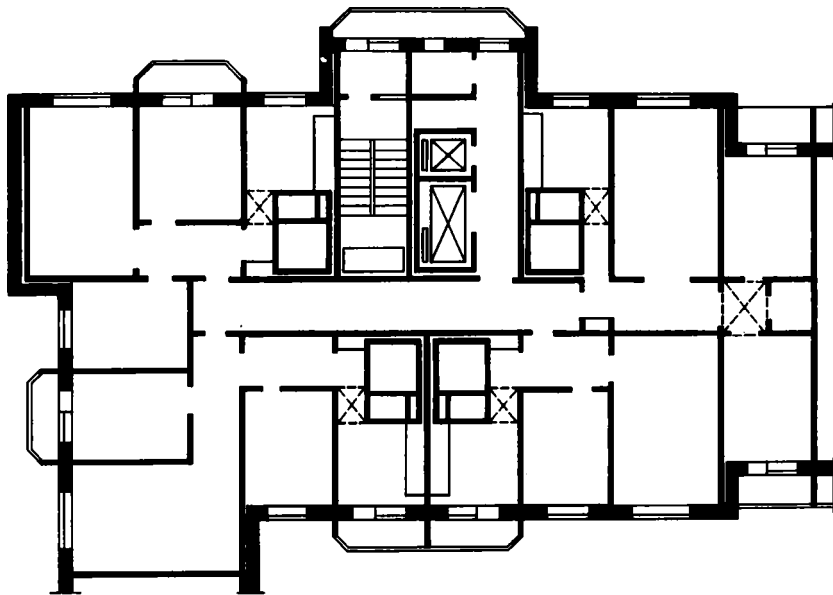
Велика роль высоты возводимых зданий. Сейчас средняя этажность новостроек в Москве — 16,5. Ее нужно снизить. Самой компактной, считает НИИПИ Генплана г. Москвы,

Секция дома с двух- и трехкомнатными квартирами, которые планируется выпускать на ДСК-3 для наиболее массовой застройки с учетом различных вариантов фасадов

застройка будет при средней этажности 12. Это учтено при создании проектов домов нового поколения. Приняты следующие градации этажности: 4 этажа (безлифтовый дом), 7—9 этажей (однолифтовые дома), 11—16 этажей (двухлифтовые дома), 18—22 этажа (трехлифтовые дома). Сейчас найдено соотношение строительства той или иной высоты, что позволит выйти на рекомендуемый НИИПИ Генплана г. Москвы показатель. Кроме достижения требуемой плотности, застройка смешанной этажности даст и эстетический эффект.

Составная часть модели — блок организационных мероприятий, проведение которых — главный ключ к решению жилищной проблемы, а также проблем градостроительного и эстетического порядка. Речь идет об изменении планового, экономического, организационного базиса московского строительства.

Надо перейти от планирования по «валу» к планированию жилищного строительства по числу квартир в соответствии с «Заявкой» (при нор-

Предназначенная для производства на ДСК-3 поворотная секция дома вместе с рядовыми секциями обеспечивает поворот застройки под углом 90°

мативных площадях квартир «вал» будет обеспечиваться сам собой). «Валовое» планирование сложилось в период коммунального расселения. В 1957 году было опубликовано постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О жилищном строительстве СССР», в котором, в частности, говорилось о строительстве квартир для посемейного заселения. Но форма планирования не изменилась. Этот разрыв существует 30 лет. Он должен быть устранен. Планирование следует привести в соответствие с формой заселения.

Отчетность о выполнении плана стройиндустрией также требует изменения. Главным отчетным документом о выполнении плана должен стать акт о том, что сданное число квартир различных типов соответствует «Заявке».

Система премирования работников стройиндустрии должна учитывать точный выход на запланированное соотношение квартир.

Необходимо усовершенствовать критерий экономичности проекта. Сейчас им служит стоимость 1 м²

общей площади, а должна быть стоимость квартиры или вселения одного человека. Дело в том, что где самый дешевый квадратный метр жилья, там самое дорогое вселение. Но ведь конечный результат работы проектировщика и строителей — расселение людей. И мы должны судить об экономичности этой работы не по стоимости квадратного метра, а по стоимости вселения.

Нужно улучшить систему финансирования стройиндустрии, сделать рентабельной работу комбинатов, осваивающих выпуск домов по не применявшимся ранее проектам. На этот счет подготовлен четкий план действий. Если стройиндустрия по 18 лет тиражирует одну и ту же секцию, не желая приступить к строительству других, то научно-производственное объединение «Прокатдеталь» через каждые два года просит дать ему новый проект. Комбинаты надо перевести на финансирование, аналогичное финансированию НПО «Прокатдеталь».

Следует изменить порядок согласования проекта, сократить число согласующих инстанций и прежде всего ограничить право стройиндустрии на согласование проекта рамками узкотехнологических вопросов.

Сегодня стройиндустрия, пользуясь правом согласующей инстанции, блокирует внедрение новых серий домов.

Такова, обходя детали, модель решения вопроса обеспечения каждой московской семьи отдельной квартирой с одновременным улучшением архитектурных качеств застройки. К расчетному сроку в Москве установится равенство между числом квартир и семей (3 528 300). Больше половины семей будет жить по формуле $K=n$. Обеспеченность человека общей площадью достигнет 20 м².

В создании этой модели участвовал Главмосучет, а в разработке отдельных ее фрагментов — Министерство жилищно-коммунального хозяйства РСФСР и МГСПС.

Как уже отмечалось, модель предусматривает формирование нового поколения проектов жилых домов, именуемых базовой серией. Работа над серией в нужном направлении определилась не сразу. Вначале имелись в виду переоснастка всех комбинатов, сквозная унификация конструкций, стандартизация планировочных решений на весь объем ввода панельного домостроения. Сейчас взгляд на эти вопросы изменился. Решено сохранить в парке проектов то, что способно помочь решению задачи выделения к 2000 году каждой семье отдельной квартиры, улучшению архитектуры массовой застройки.

Предметом первоочередных забот архитекторов стали проекты домов для ДСК-3, что связано с необходимостью скорейшей замены изношенной оснастки этого комбината. ДСК-3 обеспечит диапазон этажности 11—16 этажей. За промежуточный объект типизации приняты объемно-конструктивные фрагменты (ОКФ), являющиеся связкой двух квартир. Из запроектированных с шагом 3 и 3,6 м ОКФ составляют рядовые и торцовые (поворотные) секции с разными наборами квартир трех типов: 1М, 2Б, 3Б, 4Б. Методологически ОКФ играют роль выпускаемых на ДСК-2 компоновочных объемно-

Фрагмент фасада с одним из вариантов размещения эркеров, ранее не применявшихся в московском панельном домостроении

планировочных элементов (КОПЭ) с той разницей, что КОПЭ представляет собой «столб» на всю высоту дома, а ОКФ — взятый из этого «столба» участок высотой в один этаж. Объемно-конструктивные фрагменты задуманы в разных вариантах — с балконом, без балкона, с эркером, с рельефом наружных панелей, что позволит индивидуализировать архитектуру домов. Так, можно скомплектовать дом с эркерами в средних, верхних, нижних или во всех этажах. Можно разместить на фасаде балконы или участки с рельефными панелями. Словом, обеспечивается вариантность «рубашки» здания. Квартиры запроектированы так, чтобы к лестнично-лифтовому узлу всегда примыкали кухни и санузлы.

Проекты домов для ДСК-1 разрабатываются также с шагом 3 и 3,6 м, а для ДСК-2 — только 3,6 м. Но наборы квартир в секциях здесь будут иными.

Планируется выпуск жилых панельных зданий с широким (6,6 м) шагом поперечных несущих стен. Квартиры в этих домах будут преимущественно типа М.

Рассматривается вопрос о проектировании зданий П30, П46, П55, подлежащих выпуску на ДСК-4.

Все эти мероприятия позволяют выйти на расчетное соотношение квартир, повысить их качество и ком-

фортность. В серии заложены возможности «адресного» архитектурного решения домов и жилых обра-

зований с учетом градостроительной и природной характеристики места строительства.

КОПЭ — НОВАЯ СТРАТЕГИЯ ЖИЛИЩА

Рочегов А. Г., Бажакина А. И., архитекторы,
Гордон А. Л., кандидат технических наук,
Пятецкий А. М., инженер

Сейчас стало очевидным, что пришло время вернуть архитектуре основополагающее значение, изначальный смысл, определяющие содержание и все конкретности проектных решений и обязывающие строить то, что необходимо и приемлемо для города, а не наоборот — сочинять такие проекты, которые характерны для отсталого, затерявшегося где-то на уровне 50-х годов панельного домостроения, выпускающего сотнями стандартные коробки домов, абсолютно безразличных к любому месту строительства.

Московское жилищное строительство для всех, имеющих отношение к комплексу планирования, проектирования и осуществления жилища в нашей стране, имеет особое значение. Так уж повелось сравнивать свой уровень реализации жилищной программы с уровнем московским. Но, к сожалению, уже не первый десяток лет при этом сравнении мы видим постепенное, с каждым годом нарастающее, отставание уровня жилищного строительства в Москве от уровня жилищного строительства в других городах. О каком уровне идет речь? О градостроительном.

Горькие эпитеты о безразличной, невыразительной застройке, не отвечающей на десятки обязательных градостроительных требований московского зодчества, надоели, но не привели ни к каким существенным изменениям в позиции и Главмосархитектуры и, самое главное, в позиции Главмосстроя. По-прежнему гигантский механизм производства ДСК выдает одну и ту же неуклюжую продукцию, которая не может обес-

печатить современную застройку и подлинную архитектуру жилого дома.

Пришло время пересмотреть правила застройки нашего столичного города. Начинать надо с социально-экономических и духовных начал. Только на их основе можно создать то, что необходимо всем участникам строительного комплекса, что необходимо иметь в производстве на столах архитекторов и в производстве на ДСК.

Управлением Моспроект-1 Главмосархитектуры совместно с Московским государственным объединением крупнопанельного домостроения Главмосстроя в 1979—1982 годах был разработан и частично внедрен принципиально новый метод проектно-производственного обеспечения многоквартирного домостроения с высокой степенью стандартизации и унификации проектных решений и широким использованием вычислительной техники. Он называется «Метод компоновочных объемно-планировочных элементов» — КОПЭ — по названию первичного элемента типизации.

КОПЭ представляет собой часть жилой секции, сформированной на всю высоту здания и имеющей индивидуальные архитектурно-планировочные технико-экономические характеристики. КОПЭ — «открытые» элементы. Блокируясь между собой в определенном порядке, они могут образовывать большое число домов с различными наборами квартир — широтные или меридиональные, рядовые, угловые и поворотные, любой этажности, что позволяет перейти к «открытой» типизации.

«Открытая» типизация требует коренной перестройки всего процесса управления индустриальным домостроением, создания новых методов

проектирования и строительства, позволяющих реализовать на практике эту систему.

182

Предложенный метод типового проектирования основан на системном подходе и представляет собой набор правил, ограничений и связей, впервые объединивших планирование, проектирование, заводское производство и индустриальное строительство в единую взаимосвязанную и управляемую проектно-производственную систему на основе общей для каждого процесса единицы измерения — КОПЭ.

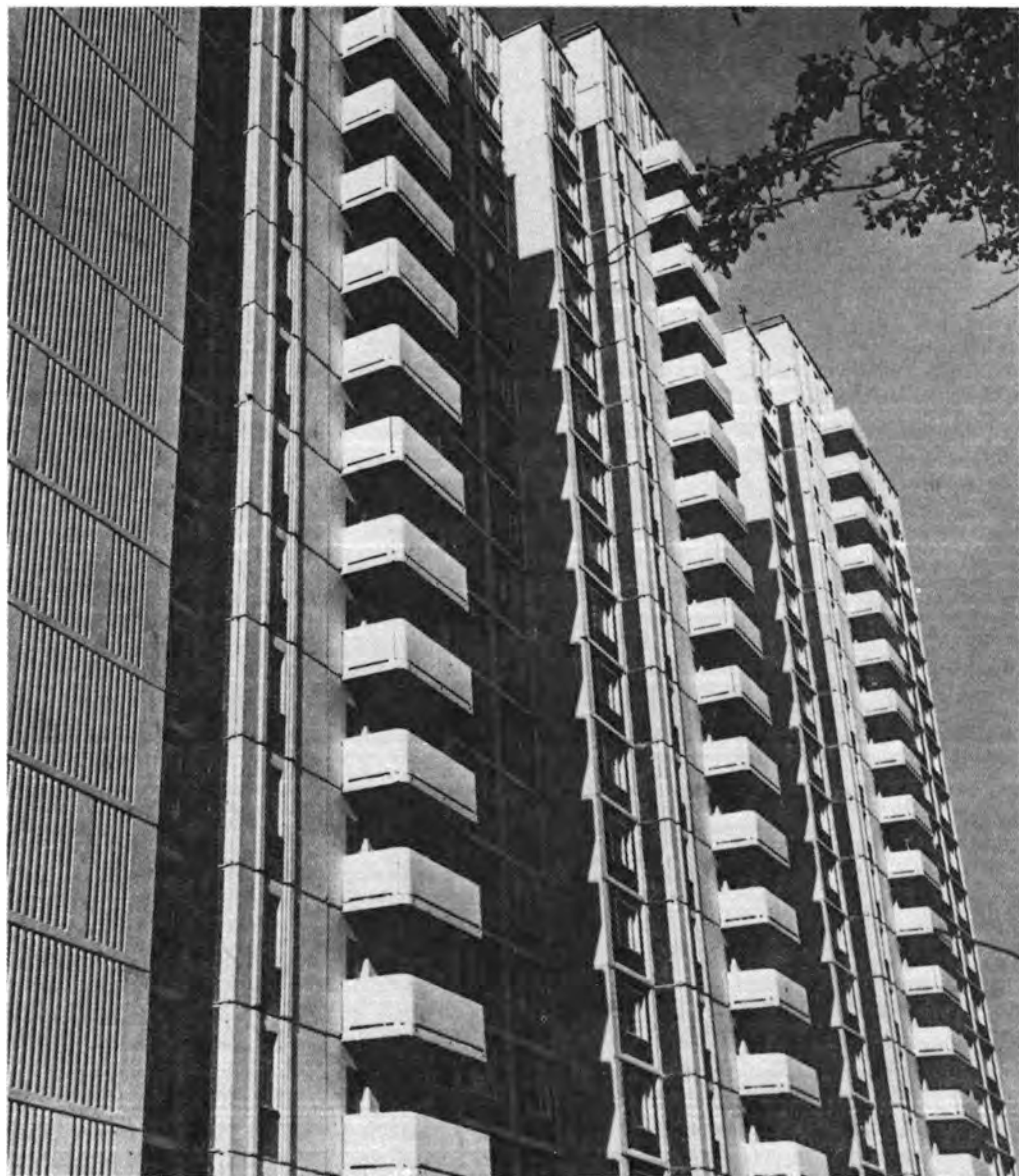
В метрическом ряде «бесконечность через конечность» КОПЭ, на данном этапе, является оптимальным законченным элементом — ключом к формированию многообразных жилых композиций. Этому способствует также сверхвысокая унификация конструктивных элементов, которая снижает общее количество марочного фонда в 2—3 раза по сравнению с блок-секционным и всеми предыдущими методами. При этом «экономия» марок происходит на внутренних несущих конструкциях. В результате

Утерянное ныне понятие «наш двор» восстанавливается в застройке жилого района Воронцово благодаря повышенной пластичности домов серии КОПЭ, способных формировать традиционные пространства дворов с замкнутыми перспективами, создающими ощущение уюта и изолированности от городского шума

создается возможность разнообразить наружные элементы фасадов — панели, детали, объемные элементы.

Естественно, что заводское домостроительное производство, крайне заинтересованное в своей собственной стабильности, ритмичности и оптимальной номенклатуре изделий, получило инструмент, с помощью которого устанавливается взаимопонимание и доверие между всегда противоречащими сторонами архитектор — промышленность.

Уже первые опыты применения метода КОПЭ в московском строительстве дали ряд положительных результатов в решении градостроительных проблем как на новых территориях, так и в центральной части города. Первые жилые дома производства ДСК-2 в Воронцово, Бибиреве подтвердили гибкость этой системы, позволяющей получать

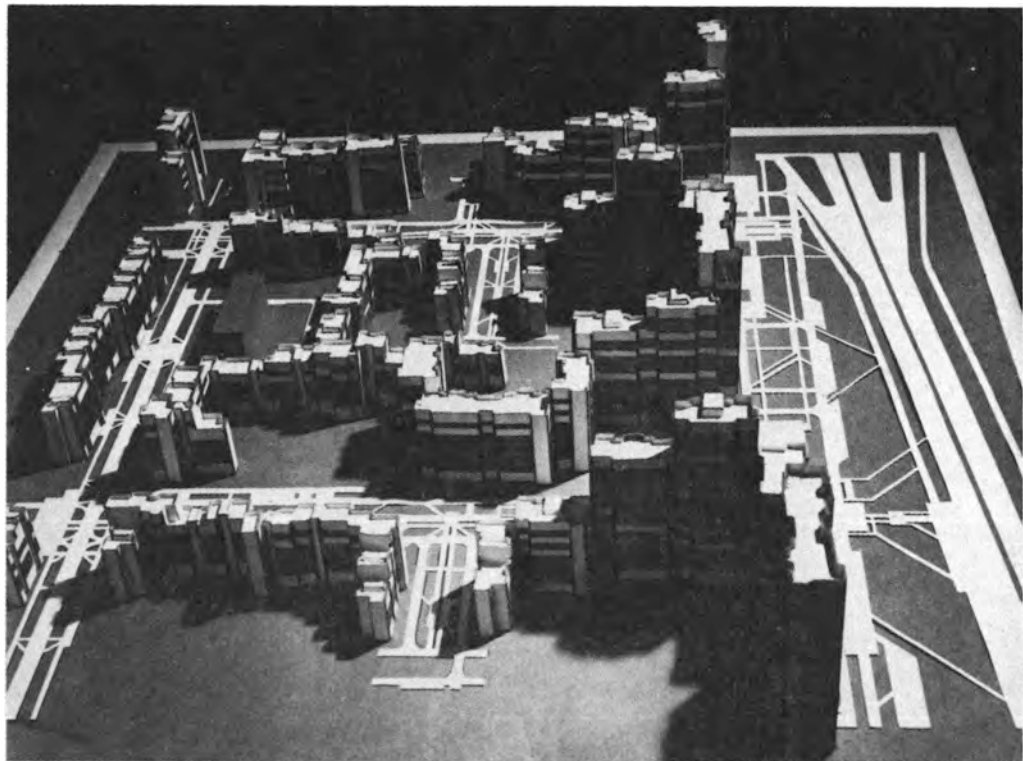

Сочетание традиционного колорита московской архитектуры (красного и белого цветов) и выразительных деталей отделки придает домам этой серии самобытный и запоминающийся облик

дома сложной пластики в плане — с углами, поворотами, сдвигами, организовывать разномасштабные дворные пространства. Разная этажность секций, усложнение пластического решения фасадов и отдельных панелей подтвердили

широкие возможности строительной индустрии, по-разному проявившиеся при строительстве высотных домов из КОПЭ ДСК-2 и жилого дома по улице Гиляровского в центре сложившегося района.

К сожалению, освоение метода КОПЭ в Москве ограничилось серией домов ДСК-2, по сути, первым этапом освоения этой серии, что явилось следствием боязни руководителей градостроительного процесса отойти

184

от стереотипов, сложившихся в крупнопанельном домостроении. Нежелание объективно разобраться в новом методе прикрывалось и прикрывается критикой отдельных недостатков, свойственных первым домам.

Будучи убежденными в перспективности метода КОПЭ, на основе которого ведется широкомасштабная деятельность проектных и строительных организаций в городах Российской Федерации — Ростове, Омске, Новокузнецке, Новосибирске, Липецке, Барнауле, Сочи и ряде других, мы считаем необходимым его распространение на все московское индустриальное домостроение. В развитии метода КОПЭ Управлением Моспроект-1 была предложена своя концепция московской базовой серии жилых домов — «Альтернатива-87». Она основана на следующих принципах:

полный набор квартир от одно-двухкомнатных малых до пятикомнатных больших;

В проекте застройки жилого района на Можайском шоссе впервые строительство велось на новой территории домов серии КОПЭ смешанной этажности — от 4 до 22 этажей

соответствие площадей квартир действующим нормативам; обеспечение функции зонирования;

решение первых этажей с единой высотой 3,3 м для жилья и предприятий культбыта;

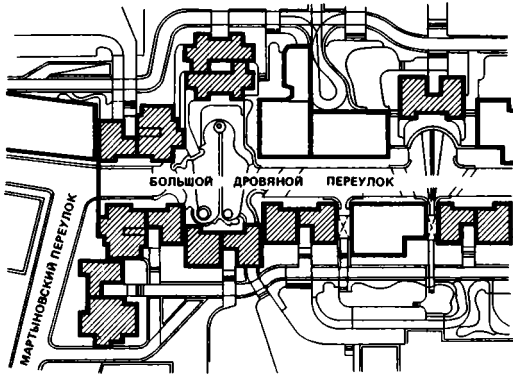
использование технического подвала для повышения комфортности домов;

многовариантность при формировании жилых секций;

возможность строительства разноэтажных домов — от 2 до 25;

возможность создания домов различной конфигурации в плане — прямых, угловых, точечных, сдвиговых, широтных, меридиональных; возможность обеспечения необходимой шумозащиты жилых домов;

возможность строительства как на новых территориях, так и в сложив-

Использование малоэтажных домов серии КОПЭ в районах реконструкции (Б. Дровяной пер.) позволяет восстановить фронтальную уличную застройку, зачастую имитирующую старую (по обработке фасадов)

1 — малоэтажная (от трех до пяти этажей) застройка серии КОПЭ; 2 — опорные строения

шейся застройке, в том числе в центральной части города;

возможность изменяемости и поадресного формирования фасадов; высокая степень унификации архитектурно-планировочных и конструктивных решений;

максимально ограниченная номенклатура внутренних элементов зданий при широкой номенклатуре наружных изделий;

возможность переналадки производства за счет использования действующего оборудования.

Перед архитекторами и строителями столицы стоит задача радикально изменить к лучшему состояние московского панельного домостроения, вывести его из затянувшегося застоя и к 2000 году решить не только количественную задачу в жилищном строительстве, но и придать ему полноценное художественное осмысленное содержание, сформировать неповторимую застройку Москвы.

Анализ традиционной застройки Москвы, сформировавшей городскую архитектуру улиц и улочек в конце XIX и первой половине XX века, показывает, что именно этот период градостроительства в наибольшей степени формирует образ Москвы и

ее архитектуру, пространственную среду. Каковы же композиционные особенности архитектурного языка, его строя и лада? Для Москвы характерна особая протяженность фасадов; пульсирующая высота жилых домов, без резких скачков этажности рядом расположенных; плотная фронтальная застройка улиц, иногда с небольшими разрывами, просветами в глубинные пространства домов. Первый этаж московских домов располагался или на высоком цоколе и являлся по своему положению бельэтажем, или был откровенно выше, нежели последующие. Архитектурная детализация фасадов была заметно насыщеннее в первых двух-трех этажах; в многоэтажных домах в гладкой плоскости фасадов выше второго-третьего этажа появились спокойные, почти лишенные или вообще лишенные каких бы то ни было наличников оконные проемы.

Последний этаж дома часто отличался от нижних небольшой акцентацией деталей около окон. Венчание жилого дома было обязательным — карниз с аттиковым возвышением, балюстрадами, иногда мансардным этажом; эти композиционные приемы завершения делали московские дома живописными по силуэту. Жилых домов со строгими классическими ордерами было сравнительно мало.

Традиционная методика проектирования жилых домов из типовых домов и блок-секций, разъединяющая проектировщиков типового жилища и проектировщиков застройки в городах как между собой, так и со строителями и технологами домостроения, не может разрешить противоречие между многообразием градостроительных требований и производственными ограничениями.

Современные градостроительные концепции, основанные на полном удовлетворении социальных, экономических и архитектурных требований, могут воплощаться в жизнь только в комплексе, неразрывном единстве и при строгом соответствии замыслов архитектора реальным

возможностям строительной индустрии.

Блок-секционный метод, предусматривающий широкую номенклатуру различных секций без должной их унификации, потребовал от промышленности строительных материалов освоения многих сотен марок изделий. Однако не имея возможности освоить их все ни одновременно, ни поэтапно, промышленность тормозила выпуск секций. Вот почему во всей массовой жилой застройке использовано 2—3 секции. Это, как правило, рядовые секции, формирующие однотипные длинные или короткие дома-коробки. Поворотные и угловые секции, в большинстве своем, не осваивались, что мешало созданию полноценных градостроительных композиций. Таким образом, то, что оказалось непосильным для промышленности, привело к полной дискредитации понятия «архитектурно-художественное разнообразие жилой среды». И до сего времени московские ДСК тиражируют маловыразительные серии, одной этажности, с одно-

образной отделкой фасадов, которые в силу своей массовости создают совершенно катастрофическую ситуацию из-за своей невыразительности, безадресности и анонимности.

В свете решения важнейшей социально-политической задачи — обеспечить до 2000 года каждую московскую семью отдельной квартирой — выбор правильного метода проектирования и строительства — ключевая проблема. Мы и мысли не допускаем, что новое руководство Главмосархитектуры и Главмосстроя не знает о преимуществах метода КОПЭ по сравнению с имеющимися в жилищном строительстве другими методами и приемами проектирования и застройки. Нам надо менять стратегию. Советские архитекторы и градостроители, используя богатейший исторический опыт московского градостроения, но не копируя и не повторяя его, должны усилить и умножить традиции московского зодчества, не сходя с пути широкого применения методов индустриализации и заводского домостроения.

ДЛЯ КОГО РЕКОНСТРУКЦИЯ?

186

Кавтарадзе С. Ю., искусствовед,
Кафтанов А. В., архитектор,
Тарканов А. Ю., арт.-критик

«Мы едем, едем, едем в далекие края, хорошие соседи, счастливые друзья...» Куда же мы едем? Мы, бывшие соседи, друзья, едем в Крылатское, Солнцево, Воронцово — едем не на дачу, а навсегда. Наш дом на Остоженке (бывш. Метростроевской) поставлен на капитальный ремонт с выселением. Забудем его темный двор. Нас ждет город-сад, город-лес, город-поле.

Оглянемся. За нами — старый доходный дом с огромной и бесконечной квартирой. В ней 15 комнат и 12 семей, она начинается с парадного входа, а кончается у заколоченного черного, у нее кухня, как цех общепита, а ванная, как баня: у дверей

по утрам очередь. На кухне ссорятся, в туалете по графику убирают, восемь квартирных детей играют в коридоре, кошек же — не сосчитать. Зато легко сосчитать кнопки на двери с инструкцией кому и сколько звонить. Прощай, коммунальная кухня, — теперь у каждого будет своя. Прощайте, облезлая ванна и общий унитаз — о вас мы не пожалеем. А о чем пожалеем?

Уезжая, мы теряем жилье в центре. Возможность через пять минут оказаться у ЦУМа, через десять — на Арбате, а через пятнадцать — в магазине «Чай-кофе» на Кировской ул.

Уезжая, мы теряем некую часть истории, которую теперь так любим и ценим. Она ведь не только на Куликовом поле, но в каждой квартире.

Мы непременно приобретем

новые вещи, полезные и нужные каждому современному человеку, а потеряем сущие пустяки, о которых и говорить неудобно. Голоса переулка под окнами, паркетный стон, шорох мелких и мельчайших квартирных зверей. Мы расстанемся с чугунной раковиной на фигурном кронштейне и с тем рисунком обоев, подобного которому уже не будет в нашей жизни, и с неповторимым на них пятном, в котором виделись в детстве целые картины (а теперь ничего не видится). Мы утратим тайну квартирных лабиринтов, всех этих шкафов-перегородок, обрезанных фанерой рисунков на потолке, ангелочков в парадном («мама, а раньше у всех детей были крылья?»)... продолжайте сами. Вы ведь уже все поняли, а мы перечисляем и перечисляем, потому что не в состоянии выразить это одной фразой. Потому что только все вместе напомнит нам единый и такой знакомый образ старого покинутого дома.

Этого не взять с собой никак. Воссоздать привычный уклад на новом месте невозможно. При переезде мебель (неподвижный, но, несомненно, одушевленный народец) теряет права полноправных граждан квартиры и превращается в гостя, в диковинку. Присущий ей от рождения стиль становится ретро-стилем. Музейными экспонатами покажутся в новой квартире ампирные кресла или зеркальный шкаф, подпиленный на высоту прихожей. Новая квартира молчаливо предлагает вам все начать с нуля.

Нет, мы решительно не хотим переезжать. Мы хотим спокойно жить на знакомой улице, но вот уже обнесут забором наш старый дом. Сюда нам не вернуться. Такова ситуация в городе, жилья не хватает, любая освободившаяся комната должна быть перераспределена. Это напоминает известную головоломку «15» (а в Москве — «9 000 000») с той разницей, что в игре каждая фишка переходит на освобожденное поле ради восстановления нарушенного порядка, а здесь — чем больше передвигаем, тем чаще запутываемся.

Душа растает с телом, тело теряет душу. Кстати, у души квартиры есть имя. Домовой! Нэкогда грозное, а ныне доброе и беспомощное божество очагов. Ни естествознание, ни фольклористика не дадут точного ответа, как он выглядит и где живет. Предполагают, правда, что если раньше он обитал за печкой, то теперь выбирает газовую плиту или батарею центрального отопления. Он — главный виновник всех ночных шорохов и стуков. Однако его не застигнешь врасплох — лишь дети могут увидеть в темном углу его тень.

Наши архитекторы — не дети и замечать домовых не обязаны. Меж тем известно: при смене жильцов домовые уходят и возвращаются не раньше, чем через десять лет. Если же обитатели квартиры сменяются чаще, можно быть уверенным: квартира эта бездушна, покровителя у нее нет.

Уезжая, мы теряем соседей. Перед глазами — страшные сцены кухонных баталий, кастрюльных грабежей, решительных действий в защиту морали и нравственности. Но ведь были и хорошие соседи, были счастливые друзья.

Когда-то в общих квартирах жили почти все, и никто не чувствовал себя обиженным только из-за этого. Теперь по-другому. Современная коммуналка — жилье заведомо пятого сорта. С ней борется каждый, начиная от горсовета и кончая самими жильцами. Тут все чаще поселяют людей случайных, временных, для которых жилплощадь в коммуналке — лишь шаг на пути из общежития к отдельной квартире или на годы закрытая комната, куда приходят после ссоры с женой. Новым квартирантам откровенно чужд когда-то сложившийся уклад, их раздражает старый шкаф, давным-давно кем-то выставленный в коридор, анахронизм крутящегося медного звонка и прочие безобидные мелочи.

Иные жильцы коммунальной квартиры в принципе не против выехать «за город». Достаточной компенсацией сочтут они замену коммуналь-

188

ной площади на отдельную квартиру. Но, во-первых, далеко не все квартиры в центре — коммунальные. Во-вторых, далеко не все квартиры на окраинах — отдельные. В-третьих, переезд в отдельную квартиру благо не для всех: кому-то соседи просто необходимы. А в-четвертых, почему бы не предложить людям отдельную квартиру на старом месте — ведь ради этого и реконструируют дом, да при этом еще появится возможность ориентироваться на конкретный состав жителей, определенный набор квартир.

Не таится ли здесь одно из возможных решений? Можно перестроить дом или квартиру. Можно поменять перекрытия и даже фасады. Можно, если уж так хочется, сбить лепнину и расколотить изразцовые печи, но если оставить жильцов на их исконном месте, с ними останется дух и покровитель дома.

Как много говорили о том, что пора реконструировать старые большие дома. Но, видимо, плохо представляли себе, к чему, собственно, призываем. Первые же опыты вызвали недоумение, а то и протесты. Оказалось, что сносить плохо, но и перестраивать так, как мы сейчас это делаем, — немногим лучше. Вместо «живого» дома мы получаем чучело. Теряем дом изнутри, сохраняя его снаружи. За старым фасадом на новых перекрытиях поселятся новые люди, и хорошо, если хотя бы давние обитатели города.

Видимо, простых утверждений о ценности старого города недостаточно, раз мы еще не знаем толком, что с ним делать. Очевидно, хотя и не для всех, что надо сохранять историческую застройку. Но это лишь первый шаг. В какой-то момент мы начали терять цель реконструкции. Перестали понимать, что, собст-

ДЛЯ КОГО РЕКОНСТРУКЦИЯ?

венно, собираемся реконструировать и ради чего это делаем. Для кого реконструкция?

Менее всего для самих жителей центра. Не только горожане теряют старые улицы, но и улицы теряют своих жильцов. Они не увидят, как родится новый город, зато у них на глазах умирает старый. А на их место придут люди, никак с этим местом не связанные и даже не собирающиеся здесь устраиваться надолго. Лишь в редких случаях центр покидают добровольно. Как правило, из центра переселяют, не считаясь с нашими желаниями.

Странные вещи творятся с реконструкцией центра. Самые лучшие пожелания оборачиваются своей противоположностью. Желание сбегать старый город привело к тому, что (под старостью) в него вторглась машина современного строительства с его конвейерными методами и

работой для среднего, абстрактного — никакого — потребителя.

Мы недовольны новыми районами. Но там работа архитектора в основе своей гуманна — он дает людям жилье, пусть не такое хорошее, как хотелось бы. В реконструкции же, где задача, казалось бы, еще более благородна, все начинается с того, что у людей отнимают их собственную квартиру, чтобы заменить ее на какую-то новую, далекую, чужую.

Почему мы так любим всех непременно переселять, менять местами? Город полон перемещенных лиц, житель центра сидит на чемоданах: грядет реконструкция. Сколько еще будет сказано о своеобразии города, хотя нет и не может быть своеобразия города без своеобразия каждой комнаты. Мы начинаем с переустройства улиц, хотя следовало бы начинать даже не с отдельного

189

ЖИЛИЩЕ: ПОИСК И РЕШЕНИЕ

дома. Не реконструкция дома, а реконструкция квартиры должна стать главной и первой задачей. Мы живем не на улице. Мы живем в квартире.

Честно ли обращаться с такими призывами к архитектору? Ведь это лишь косвенно затрагивает его работу, у него простая задача — реорганизовать жилое пространство в соответствии с современными нормами. Может быть. Однако пока эти

«архитектурные» проблемы не будут кем-то решены, мы не получим и удовлетворительных результатов. А отвечать снова придется архитектору, потому что так сложились обстоятельства: он сейчас единственный профессионал, по долгу службы реально занимающийся столь тонким и непонятным делом, как реконструкция. И беда в том, что имеющиеся в его распоряжении привычные средства не совсем отвечают ситуации. Более того, чем активнее он будет искать чисто профессиональные пути решения, тем больший вред принесет.

Нам скажут: вы сами не знаете, чего хотите. Верно. Не знаем. В любой научной архитектурной статье

должны быть: разбор ситуации, выявление проблемы, указание методов решения. Но в ненаучной архитектурной статье возможен и такой ответ: мы принципиальные сторонники половинчатых решений; никакой реконструкции ради реконструкции, лучше поздно, чем рано. В идеале следовало бы прийти к людям в старый дом и спросить: чего бы вы хотели, как для вас его реконструировать? Мы не призываем всех поступать сразу именно так, но уверены, что это правильней. Реконструкция только тогда реконструкция, когда она делается конкретно и для конкретных людей. В любом другом случае это просто ханжеская новостройка со старыми фасадами.

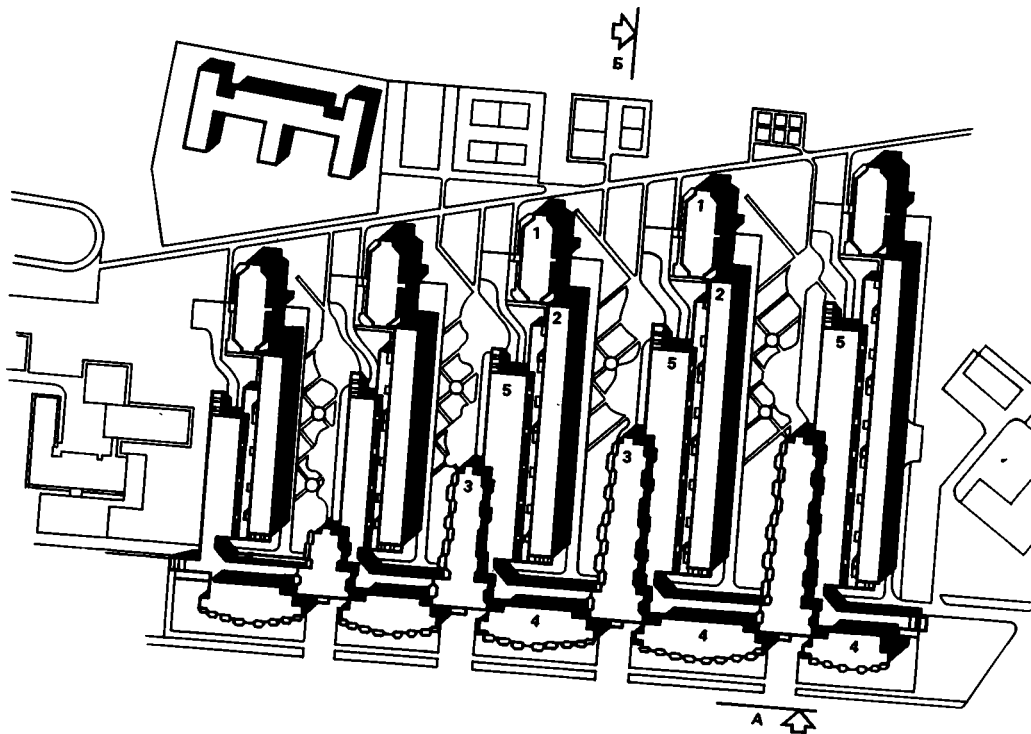
ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ С «ПЯТИЭТАЖКАМИ»!

Зеликин Л. М., архитектор, Дмитриев Б. В., кандидат архитектуры

Типовые жилые дома так называемого первого поколения индустриальной застройки 50—60-х годов все более и более привлекают к себе внимание общественности и, естественно, прессы. Наряду с профессиональными и публицистическими статьями по этой проблеме накопилось также большое число писем трудящихся. Общее мнение — вопрос требует быстрых практических мер по его решению. В письмах предлагается множество способов решения, включая крайние: снести и построить на этом месте новые дома или же оставить все как есть. МНИИТЭП, являясь автором первых типовых серий индустриальных домов в Москве, проводит в настоящее время исследование в этой области, с целью комплексного совершенствования жилой среды микрорайонов застройки первого поколения.

Прежде, чем излагать нашу точку зрения по этому вопросу, хотелось бы вспомнить историю «пятиэтажек». К середине 50-х годов жилищные условия основной массы городского

населения оставляли желать лучшего, норма жилой площади на человека была менее 6 м², многие жили в бараках, полуподвалах, коммунальные квартиры были основным видом расселения. Стал вопрос об интенсивном индустриальном строительстве жилья, которое позволило бы переселить в отдельные квартиры в течение 10—15 лет большинство жителей городов. На примере Москвы можно убедиться в очевидности социального и экономического эффекта строительства «пятиэтажек». За 15 лет с 1958 по 1973 год в отдельные квартиры «пятиэтажек» переехало более 1,4 млн человек и приблизительно столько же улучшило свои жилищные условия. Таким образом, был совершен качественный скачок в обеспечении большинства жителей Москвы современными жилищными условиями. Одновременно была заложена индустриальная база, обеспечивающая развитие жилищного строительства на современном этапе. На территории Москвы сложился ряд районов 5—9-этажной застройки, обжитых, обеспеченных транспортом и предприятиями общественного обслуживания,

хорошо озелененных и благоустроенных, масштаб архитектуры которых естествен для жилой среды и не подавляет человека.

192 Для авторов этой статьи время строительства «пятиэтажек» — наша молодость, институт, первые шаги на работе. Эта пора совпала с первыми шагами нашей страны к обновлению, к созданию неизолированного и динамичного общества. Строительство «пятиэтажек» воспринималось тогда как один из символов демократизации общества. Это было строительство для человека, о котором вспомнили среди серьезных государственных дел и забот. Дух того времени и того строительства точно выразили слова известной песни Н. Матвеевой: «Эти дома без крыш, светлые без огня, эта печаль и радость, эта ночь с улыбкой дня». Надо сказать, что массовое жилищное строительство в Москве не прошло незамеченным и за рубежом, о чем говорит золотая медаль Международного союза архитекторов.

Генплан реконструируемого жилого комплекса в микрорайоне № 23 (Свиблово, ул. Снежная).

1 — девятиэтажные жилые дома серии 11-18 с надстройкой четырех этажей; 2 — пятиэтажные жилые дома с надстройкой четырех этажей; 3 — вновь проектируемые жилые дома с уступом на два-четыре этажа; 4 — вновь проектируемые жилые дома широтной ориентации на четыре этажа; 5 — пешеходная эспланада

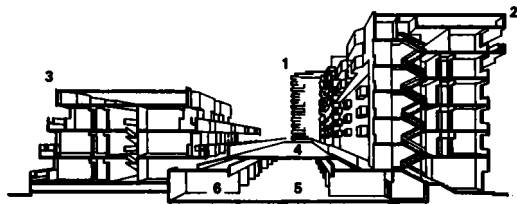
Прошло 30 лет. Индустриальная пятиэтажная застройка морально устарела и не удовлетворяет возросшим требованиям к жилищному строительству: норме общей площади квартиры на одного человека; норме площадей подсобных помещений (кухня, кладовые, санузлы, летние помещения квартир); требованию к совершенствованию планировки и разнообразию типов квартир; к уровню инженерного оборудования, в том числе наличию лифтов и мусоропроводов; требованию по улучшению отделки домов и квартир; норме обеспечения жилых микрорайонов объектами обслуживания населения; норме плотности

застройки, обеспечивающей более эффективное использование дефицитной городской территории; требованию защиты жилой застройки от вредных факторов окружающей среды; архитектурной выразительности и индивидуализации жилой застройки.

Что же делать с «пятиэтажками»? Снести и построить новые типовые жилые дома? Это будет означать для Москвы потребность в дополнительных 27 млн м² общей площади нового жилья для расселения жителей из сносимых домов. К этому следует прибавить расходы по разборке зданий, утилизации их конструкций, расходы по восстановлению благоустройства и озеленения, нарушенного новым строительством. Для справки, необходимый для расселения объем жилья соответствует десятилетнему плановому объему жилищного строительства в Москве. О каком обеспечении каждой московской семьи к 2000 году отдельной квартирой можно тогда говорить!

Второй путь — оставить «пятиэтажки» до того времени, пока степень износа основных несущих конструкций не достигнет допустимого предела. Несущие конструкции панельных «пятиэтажек» будут надежно служить еще не менее 70 лет, конструкции блочных и кирпичных домов — еще дольше. Но скорость морального старения этих домов увеличивается с каждым годом и через 10—15 лет условия проживания в «пятиэтажках» могут стать абсолютно неприемлемыми для нашего общества. Скорость физического износа и соответственно затраты на устранение массовых эксплуатационно-технических дефектов в этих домах будут также интенсивно возрастать.

Как мы видим, оба крайних способа решения проблемы «пятиэтажек» оказываются неэффективными. По выполненным сейчас (весьма приближенным) расчетам эффективным является способ полной реконструкции жилых массивов пяти-

Поперечный разрез пятиэтажных и вновь проектируемых двух- и четырехэтажных жилых домов и автостоянок

1 — девятиэтажные жилые дома серии 11-18 с надстройкой четырех этажей; 2 — пятиэтажные жилые дома с надстройкой четырех этажей; 3 — вновь проектируемые жилые дома с уступом на два—четыре этажа; 4 — пешеходная эспланада; 5 — проезд для автомобилей вдоль домов; 6 — крытая автостоянка

этажной застройки с устранением всех ее недостатков. Приведенная стоимость таких работ составляет сейчас от 75 до 80% по сравнению с новым строительством. Реконструкция — это новое направление в массовом жилищном строительстве. Очевидно, в будущем нас ждет реконструкция «девятиэтажек», а потом «12—14-этажек» и т. д. Для правильного развития этого направления, с учетом длительной перспективы, сейчас требуется решить многие вопросы планирования и финансирования научно-исследовательских, проектных работ и строительства, отработки технологии, ее материально-технического обеспечения, включая новые средства механизации. Реконструкция и новое строительство должны планироваться взаимосвязанно, как два направления, совместно обеспечивающие развитие жилого фонда Москвы.

Как же должна проводиться реконструкция? Ответ на этот вопрос дан в проекте, представленном авторами на Всесоюзном архитектурном конкурсе проектных предложений по жилым комплексам на 3—5 тыс. человек для городского строительства из монолитного бетона, проведенном Госгражданстроем, ныне Госкомархитектура. Проектом предусмотрена комплексная реконструкция существующей группы типовых 5- и

9-этажных жилых домов в районе Свиблово с использованием технологии монолитного железобетона. Авторы предлагают внутреннюю перепланировку и надстройку имеющихся домов, а также строительство новых, что в сумме обеспечивает плотность застройки, соответствующую существующим нормам. Если раньше в этом массиве проживало 1800 человек, то после реконструкции комфортабельные квартиры получат 4200 человек. Состав квартир приведен в соответствие с демографическими требованиями, в частности, существенно возросло их разнообразие, больше стало многокомнатных квартир. В надстраиваемых этажах применена коридорно-секционная планировочная структура с квартирами типа «мезонет», что позволяет сократить число пристраиваемых лифтов на 55—60%.

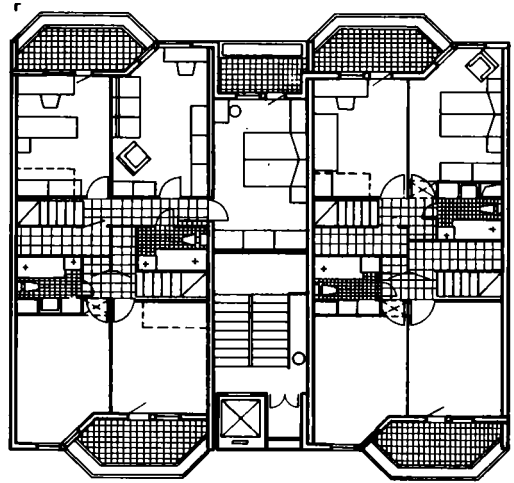
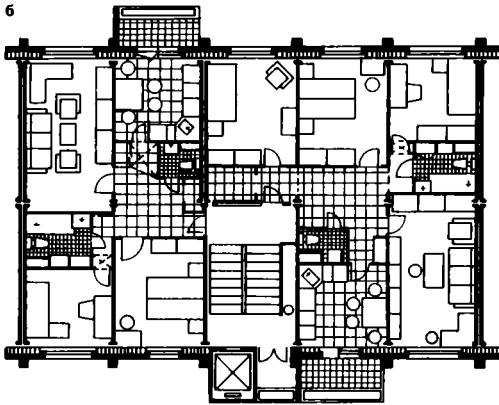
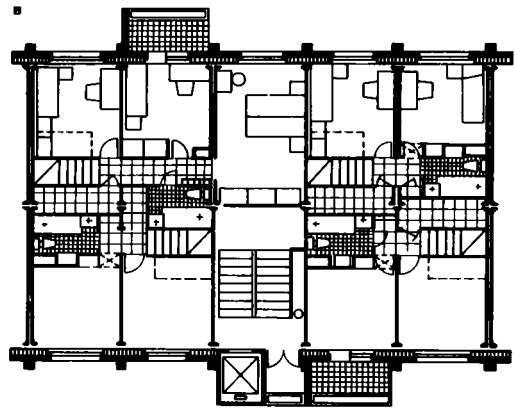
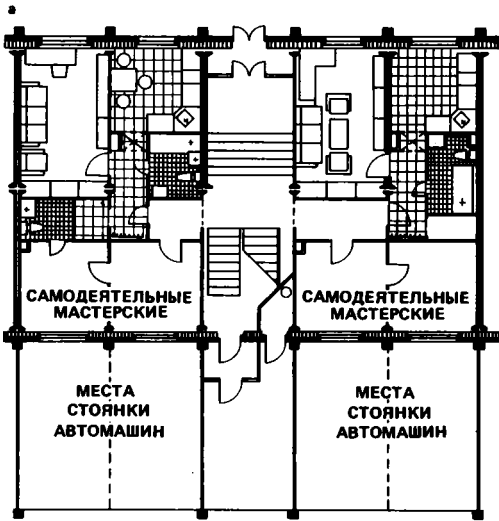
Первые этажи домов частично использованы для создания развитой системы помещений общественного обслуживания. Между параллельно стоящими зданиями, в уровне первого этажа с небольшим заглублением устраивается крытая стоянка с эксплуатируемой кровлей для личного автотранспорта. Наружные панельные стены утеплены и усилены сплошным монолитным слоем теплого бетона, выполняемого с помощью переставной щитовой опалубки. Надстройка старых и строительство новых домов ведется с помощью инвентарной тоннельной опалубки. Такая технология позволила обеспечить композиционное единство и индивидуализацию облика ансамбля домов. Расчетный экономический эффект от реконструкции по сравнению со строительством на этом месте новых типовых жилых домов при аналогичной плотности застройки составляет около 600 тыс. руб. Вот что даст реконструкция.

Проект получил II премию и авторы полагают, что принципы, заложенные ими, одобрены авторитетным жюри. Во-первых, необходима комплексная реконструкция

жилых микрорайонов (или жилых групп домов), а не отдельных выборочных домов. Во-вторых, эта реконструкция должна проводиться по индивидуальным проектам, выполняемым с использованием широкого диапазона конструктивно-технологических систем.

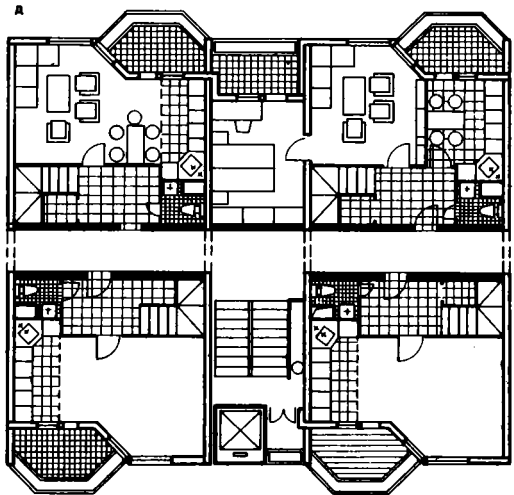
Необходимость скорейшего развертывания работ по реконструкции с применением новых технологий очевидна, так как привлечение сейчас мощностей существующих домостроительных комбинатов и отрыв их от основной задачи — нового строительства — крайне нерентабельны. В реконструируемых районах при разнообразии градостроительных ситуаций, серий и типов домов, геологических и демографических условий технология монолитного домостроения, имеющая определенную гибкость, представляется одним из наиболее эффективных методов реконструкции, позволяющим добиться высокого архитектурного качества жилой среды. Кроме того, применение легкой инвентарной опалубки и бетононасосов дает возможность обойтись без тяжелых кранового оборудования, без складов сборных конструкций и, таким образом, максимально сберечь зеленые насаждения вокруг реконструируемых домов. «Монолит» может быть с успехом дополнен применением легких сборных конструкций для наружных стен (в лоджиях), внутренних перегородок, а также для зданий общественного назначения.

Разумная организация работ по реконструкции жилых домов первого поколения для условий Москвы представляется следующей. На первом этапе должны быть разработаны экспериментальные проекты реконструкции нескольких характерных микрорайонов. В выбранных для экспериментальной реконструкции микрорайонах должны быть отселены дома — представители различных серий и различного градостроительного положения. В процессе разработки проектов реконструкции микрорайонов эти дома дол-

Секция дома К-7 после реконструкции с надстройкой

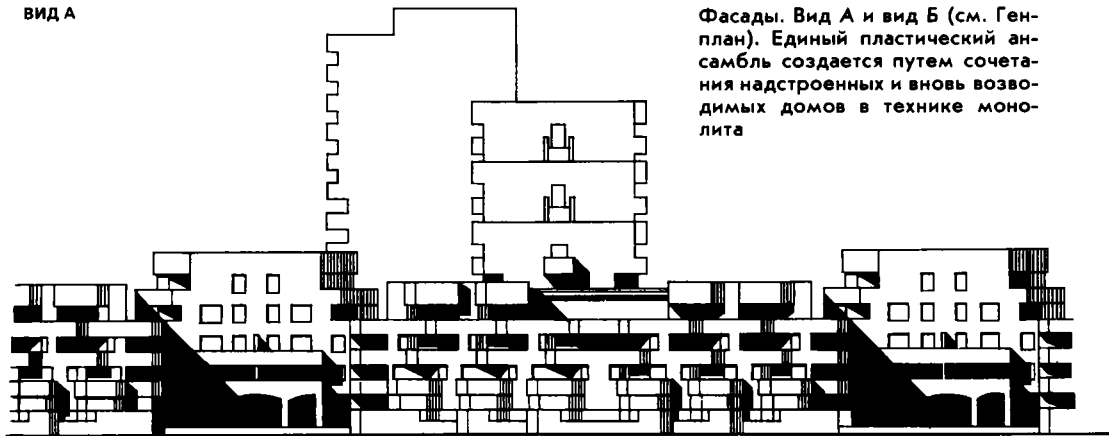
а — первый этаж с модернизацией: однокомнатные квартиры типа Б и общественные помещения; б — рядовой этаж с модернизацией: трех- и четырехкомнатные квартиры типа М соответственно на 3—4 человека; в — модернизируемый пятый этаж: нижний уровень трех- и четырехкомнатных квартир типа М, расположенных на пятом и шестом этажах; г — надстраиваемые седьмой—девятый этажи: нижний уровень трех- и четырехкомнатных квартир типа Б, расположенных на седьмом, восьмом и девятом этажах; д — надстраиваемые шестой, восьмой и десятый этажи: верхний уровень трех- и четырехкомнатных квартир типов М и Б

жны быть комплексно изучены и на них, в первую очередь, проведены необходимые натурные эксперименты по проверке различных конструктивно-технологических решений. Очевидно, программа рекон-

рукции домов — представителей различных серий должна проводиться только в рамках экспериментальных

ВИД А

Фасады. Вид А и вид Б (см. Генплан). Единый пластический ансамбль создается путем сочетания надстроенных и вновь возводимых домов в технике монолита

ВИД Б

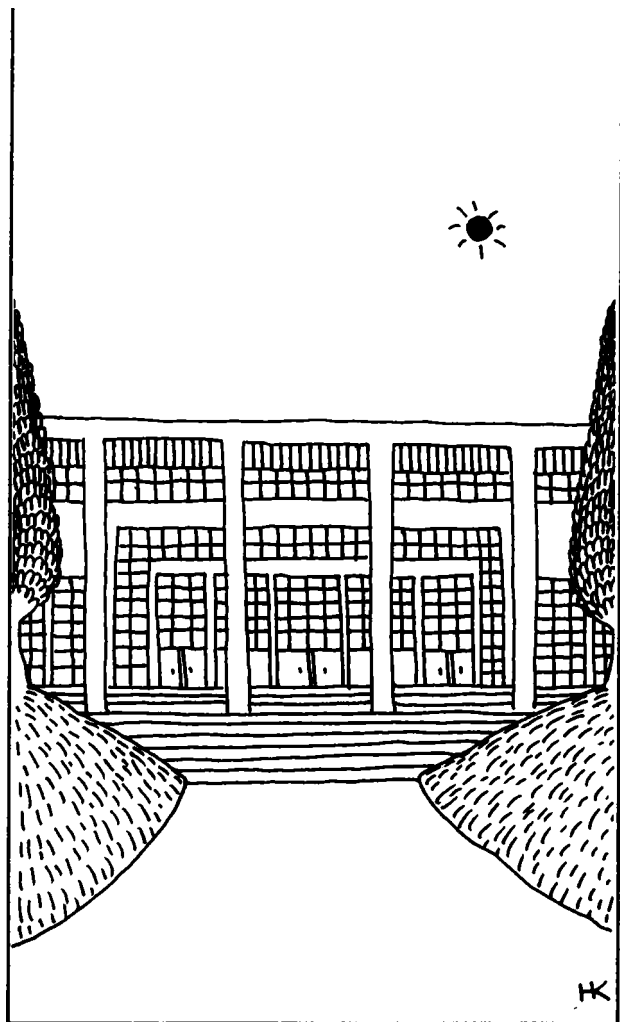
196

работ по комплексной реконструкции этих жилых микрорайонов.

В процессе экспериментальной реконструкции отдельных домов и микрорайонов в целом должен быть тщательно проанализирован возможно более широкий круг социальных, архитектурно-планировочных, экономических, инженерных вопросов, опробованы новые формы организации работ по реконструкции, в том числе на основе создания ремонтно-строительных кооперативов с привлечением средств и труда населения с целью добиться максимального социального и экономического эффекта реконструкции. На основе результатов эксперимента разрабатываются рекомендуемые схемы реконструкции для различных серий домов и градостроительных ситуаций, для встроено-пристро-

енных предприятий общественного обслуживания, а также типовые решения новых блок-секций для «уплотнения» застройки. Эти схемы могут использоваться на последующем этапе массовой реконструкции, который должен выполняться также по индивидуальным проектам комплексной реконструкции конкретных микрорайонов.

На основе реконструкции пятиэтажной застройки представляется возможным провести интереснейший эксперимент по созданию качественно новой жилой среды, отличающейся неповторимостью архитектурного облика отдельных жилых районов, с полным удовлетворением комфорта проживания. При этом необходимо расширить социологические исследования, чтобы предвосхитить требования завтрашнего дня.

Общественные здания : идеи и воплощение

ШКОЛЫ И ДЕТСКИЕ САДЫ
ВОКРУГ СЦЕНЫ
УНИКАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС
ВДНХ 2000 ГОДА
АРХИТЕКТУРНАЯ СРЕДА ДЕТСКИХ ПАРКОВ

ШКОЛЫ И ДЕТСКИЕ САДЫ

Каптерев К. В., архитектор

При создании проектов школ и детских садов, на массовое сооружение которых московские строители и промышленность строительных материалов должны перейти уже в этой пятилетке, необходимо было подробно проанализировать недостатки существующих проектов, попытаться решить проблемы, волнующие педагогов и архитекторов, медиков и гигиенистов, социологов и экономистов, учесть сегодняшние возможности промышленности и всего строительного конвейера, а также создать специализированную материальную базу для строительства массовых видов общественных зданий.

В Москве по типовым проектам, разработанным более 10 лет назад в панельных конструкциях первого поколения, школы и детские сады строятся до сих пор. Такие здания морально устарели и не отвечают в полной мере требованиям сегодняшнего дня. Набор и параметры помещений, организация внутреннего пространства зданий не соответствуют сегодняшним нуждам. При массовом применении этих типовых проектов трудно достичь архитектурного разнообразия.

Наука и практика убедительно показывают, что основным направлением ускоренного строительства объектов социально-бытового назначения является переход на возведение их из крупноразмерных конструкций полной заводской готовности. Такой метод позволяет значительно снизить заводскую и построечную трудоемкость, резко сократить продолжительность строительства, уменьшить стоимость и материалоемкость сооружений.

Для обеспечения комплексности московской застройки институтами Главмосархитектуры (МНИИТЭП, МНИИПОКОЗ) разработана широкая номенклатура социально-бытовых

объектов с применением панельных конструкций территориального каталога. В общем объеме строительства весьма высока доля школ и детских садов, которым сегодня отводится особая роль. Поставлены принципиально новые задачи: всестороннее гармоничное развитие школьников, превращение десятилетней школы в одиннадцатилетнюю с обучением детей начиная с шести лет, усиление роли трудового обучения. Необходимо превратить традиционную школу в школу продленного дня, а затем полного дня с охватом учебно-воспитательным процессом во внеучебное время всех учащихся школы, создать материальные предпосылки для превращения школ в центры учебно-воспитательной работы с детьми микрорайонов. Но это — лишь одна часть проблемы, ее социально-педагогическая сторона.

Вторая часть — совершенствование архитектуры зданий школ и детских садов в тесных рамках индустриализации и типизации строительного процесса.

Для скорейшего решения выше перечисленных проблем проектными и научными подразделениями МНИИТЭП была разработана комплексная программа, на основе которой были созданы серии новых типовых проектов школ и детских садов и условия для перспективного индивидуального (адресного) проектирования на базе номенклатуры изделий для общественных зданий. Для группы зданий с высотой этажа 3,3 м и повторяющейся ячеистой объемно-планировочной структурой, к которой относятся общеобразовательные, специальные школы и детские сады, были разработаны панельные конструкции «широкого» шага, т. е. с укрупненными монтажными элементами. Их выбор определился технико-экономическими показателями, возможностью дальнейшего повышения сборности, повышением заводской готовности изделий (а следова-

тельно, улучшением их качества), упрощением монтажа за счет укрупнения монтажных элементов и уменьшением ответственных соединений, выполняемых на строительной площадке, единой системой объемно-планировочных параметров и конструктивных узлов, позволяющей применять в одном здании и панельные, и каркасные конструкции по каталогу. Сейчас происходит поэтапное внедрение в строительство этих конструкций, что позволит в короткий срок решить важнейшую задачу — обеспечить комплексность жилой застройки Москвы.

В настоящее время МНИИТЭП в системе панельных конструкций «широкого» шага, с учетом требований педагогов, разработаны проекты школ, детских садов и блоков-пристроек для реконструкции существующего фонда детских садов и школ: школа на 33 класса, школа на 22 класса для затесненных участков (2 проекта); детские ясли-сад на 12 групп, детские ясли-сады на 12 и 6 групп со встроенными бассейнами.

Целевая же задача будет решена и решается перспективной проработкой различных моделей школ и детских садов.

Разработанные в настоящее время типовые проекты, отвечая требованиям полной индустриализации строительства и сегодняшним возможностям различных предприятий ППО Моспромстройматериалов по изготовлению ограниченной номенклатуры изделий (не более 500 марок), представляют собой одновариантные объемно-планировочные решения, которые при многократном повторении неизбежно приводят к однообразию застройки. Поэтому до перехода к индивидуальному проектированию каждого адресного объекта учебно-воспитательного назначения в процесс проектирования заложен принцип вариантности, давно зарекомендовавший себя в дизайне: невидимое остается одинаковым, видимое (если надо) делается по-разному.

На первом этапе проблема инди-

видуализации архитектуры типовых проектов школ и детских садов решается при их адресной «привязке» за счет широкого использования цветовой гаммы отделочных материалов, выбираемых авторами застройки в соответствии с ее генеральным решением. МНИИТЭП на этой стадии к каждому проекту разработал 2—3 варианта цветовых решений облицовки панелей наружных стен с учетом изготовления их на заводе.

На втором этапе предполагается периодическая частичная замена панелей наружных стен, а также других элементов фасадов (входов, крылец, галерей и т. п.). В этом случае индивидуализация конкретных типовых проектов осуществляется «привязчиком».

На третьем этапе обогащение архитектуры зданий школ и детских садов в крупнопанельных конструкциях «широкого» шага будет решаться путем разработки для каждого типа зданий нескольких типовых проектов с различными объемно-планировочными решениями (различная этажность, конфигурация и пр.), выполняемых как МНИИТЭП — ведущей организацией, так и Управлением Моспроект-1, в том числе и на конкурсной основе.

В конечном счете необходимо полный переход на индивидуальное проектирование каждого адресного объекта на основе действующей номенклатуры изделий панельных конструкций с включением элементов в монолитном и каркасном исполнении.

Из проектов зданий учебно-воспитательного назначения, разработанных в системе крупнопанельных конструкций и с учетом изменившихся педагогических требований построены школа на 33 класса и детский сад-ясли на 12 групп с пристроенным плавательным бассейном (ванна 3×7 м). Как уже говорилось выше, созданию проектов предшествовала работа по выбору конструктивной системы для общественных зданий, исходя из типологии и унификации

объемно-планировочных параметров и территориального каталога. В процессе экспериментального строительства первых объектов в Фили-Кунцеве решался комплекс вопросов, связанных с подготовкой производства, освоением технологии и выпуска индустриальных изделий.

По объемно-планировочному решению школа на 33 класса представляет собой два прямоугольных в плане объема, объединенных одноэтажным переходом. Один из них четырехэтажный — учебный корпус, состоящий из двух функциональных блоков: старших и младших классов.

В трехэтажном объеме находятся общешкольные помещения: вестибюль с дифференцированными по возрастам гардеробами, мастерские, обеденный зал с пищеблоком, кружковые, актовый зал, библиотека и административные помещения. Изолированность блока общешкольных помещений дает возможность использовать его как центр культурно-массовой работы с населением микрорайона. Корпуса школы образуют внутренний дворик, акцентированный своеобразной галереей. Это позволяет проводить здесь школьные праздники, использовать как летнюю рекреацию и для прогулок групп продленного дня.

200

Детский сад-ясли представляет собой две трехэтажные, унифицированные блок-секции групповых ячеек, объединенные трехэтажным административно-хозяйственным блоком. В здании размещается 12 групп (280 мест): из них 4 группы для детей ясельного возраста и 8 групп для дошкольников. Групповые ячейки яслей находятся на первом этаже и имеют самостоятельные входы. Над ними расположены ячейки детей младшего и среднего (второй этаж) и старшего дошкольного возраста (третий этаж).

В центральном блоке предусмотрены пищеблок, постирочная, залы для гимнастических и музыкальных занятий, медицинские и административные помещения.

Принятая композиционная схема

позволила обеспечить необходимую групповую и возрастную изоляцию, наиболее удобную взаимосвязь обслуживающего персонала со всеми группами сада-яслей.

Несмотря на ограниченные возможности индустриального производства, эти проекты — поиски образа здания, адресованного детям.

Детализировка и цветовая разработка элементов наружных конструкций усиливает роль детских садов и школ как акцента внутреннего пространства микрорайона.

Пластике фасадов обогатили арки галерей, рельеф наружных стеновых панелей, а яркие цвета их облицовки, окраска необычных по форме лоджий и входов выявляют специфику сооружений данного типа.

В первых объектах, построенных МНИИТЭП в Фили-Кунцеве, активно использованы приемы дизайна: шрифтовые композиции на теневых навесах, лестничных клетках и в холлах информируют и визуально объединяют интерьер с территорией.

При проектировании бассейна-пристройки была поставлена задача — максимально использовать номенклатуру изделий для школы и детского сада. Так как ограждающие конструкции зала бассейна по своим теплофизическим характеристикам потребовали бы создания новых изделий, было принято объемно-планировочное решение, предусматривающее обстройку плавательного зала с трех сторон вспомогательными помещениями. Таким образом, для бассейна были разработаны только изделия ванны и обходных дорожек.

Отдельно стоящий одноэтажный объем бассейна соединен переходом с одной из лестничных клеток детского сада-яслей, что дает возможность применять данный проект в дальнейшем для пристройки к существующим зданиям детских садов.

Проекты детских садов-яслей различной вместимости со встроенными бассейнами предусматривают применение уже разработанных трехэтажных блок-секций и изменение объемно-планировочного решения

центрального блока. Школа на 22 класса для затесненных участков разработана с учетом анализа характерных градостроительных ситуаций и площади уже отведенных ранее участков для школ на 20 классов. Это и определило объемно-планировочное решение — компактный трех-четырёхэтажный объем с группами помещений блоков общешкольного, старших и младших классов.

Трехзальный блок общественных помещений находится на стыке учебных блоков. В местах их сопряжения — четыре лестничные клетки. На первом этаже расположены вестибюль с гардеробами, столовая с пищеблоком, мастерские и блок первых классов (дети шестилетнего возраста), имеющий свой выход на участок. Два спортивных зала и актовый зал можно эксплуатировать изолированно от учебных блоков, они рассчитаны на организацию досуга учащихся школы и жителей прилегающего микрорайона. Крупный масштаб школы с ризалитами и перепадами по высоте формирует архитектурную среду жилого комплекса.

Параллельно с разработкой типовых проектов осуществляется переход к индивидуальному адресному проектированию для экспериментального строительства на базе панельных конструкций «широкого» шага с частичным применением каркасно-панельных конструкций и монолитного железобетона.

Система конструкций «широкого» шага предусматривает применение смешанных конструкций, что дает возможность в дальнейшем разрешить архитектурно-типологические противоречия «чисто панельных» проектов, позволит проектировать гибкие внутренние пространства. Первым экспериментом являются проекты здания бассейна для группы школ с двумя ваннами $11,5 \times 25$ и $6 \times 11,5$ м и детского сада-яслей на 6 групп со встроенным бассейном (ванна 3×7 м), пристраиваемого к торцам жилых зданий. В проекте осуществлена попытка видоизменить традиционную ячейку детского сада

(основного функционально-планировочного элемента), не связанную с игровыми площадками и теневыми навесами. Террасное объемно-планировочное решение позволило приблизить групповые площадки ко всем ячейкам. Каждая группа имеет непосредственный выход на прогулочную террасу.

Проект террасного детского сада позволит применять его на неиспользуемых в настоящее время городских территориях и получить определенное архитектурное разнообразие при формировании жилой среды.

Наряду со школами традиционной вместимости в ближайшем будущем будут разрабатываться индивидуальные проекты школьных комплексов (сблокированные школы). Они позволят откорректировать состав группы помещений общешкольного блока, выделяемых для двух или трех сблокированных школ. В отличие, например, от двух школ на 33 класса в комплексе 33+33 класса оказывается возможным иметь крупный спортзал 18×30 м и два зала 12×24 м, увеличенное число мастерских и кружковых благодаря экономии и более рациональному использованию, получаемых от блокирования помещений. Кроме снижения на 3—5% эксплуатационных затрат и экономии территории, по сравнению со школами на 33 класса, школьные комплексы обладают известными преимуществами и в объемно-планировочном решении, так как могут служить доминантами архитектурной среды микрорайона.

Реализация новых проектов зданий учебно-воспитательного назначения будет способствовать поэтапному решению проблем, поставленных педагогами школы и существующей практикой застройки города: обеспечению всех детских садов бассейнами; созданию школы полного дня с трудовым обучением; осуществлению связи зданий учебно-воспитательного назначения с окружающей жилой средой; получению разнообразия композиционных приемов.

ВОКРУГ СЦЕНЫ

Анисимов А. В., доктор архитектуры

Смысл существования театрально-зрелищных объектов столичного города выходит далеко за границы чисто функциональных систем обслуживания населения. Они составляют культурный потенциал страны, обеспечивают сохранение и развитие национального искусства, от их качества и разнообразия зависят престиж и репутация города как культурного центра. Пробелы в этой области на определенных этапах истории в дальнейшем способны вызвать необратимые отрицательные явления. Сеть зрелищных зданий Москвы выполняет помимо городских очень важные столичные и международные функции. Аудитория московских театров и концертных залов на 63% состоит из москвичей, 15% — жителей Московской области, 16% — жителей других городов СССР и около 6% иностранцев. С развитием международных связей, транспорта и повышением культурных запросов населения две последние группы имеют тенденцию к относительному расширению, что повышает требования к качеству и разнообразию зрелищных учреждений.

202

От старого времени Москва получила относительно неплохое наследство театральных зданий. Во всяком случае не нужно было заново создавать их сеть, как это было с кинотеатрами, библиотеками, школами... И вот это относительное благополучие, надежда на вечность Большого и Малого театров, Колонного зала, старого МХАТа и многих других привело к тому, что в течение многих лет театрально-зрелищные здания Москвы в основном развивались за счет реконструкций и приспособлений (20—50-е годы), строительство новых сооружений составляло редкие исключения. Сеть зрелищных зданий Москвы оказалась к концу 60-х годов в запущенном состоянии. Уже тогда ее в основном составляли морально и физически изношенные по-

стройки. В эти же годы принимались решения, по существу пресекавшие строительство объектов культуры, за отдельными исключениями. Имеется в виду печальный период, когда культура «поддерживалась» на базе остаточного принципа финансирования.

Определенное оживление театрального строительства наблюдалось с 70-х годов, когда появились новые здания МХАТа, Детского музыкального театра, Центрального театра кукол, Театра зверей, Московского театра драмы и комедии на Таганке, целая группа концертных и киноконцертных залов, цирк на проспекте Вернадского. Но большая часть этих зданий тоже строилась на базе недостроенных коробок или старых сооружений, а остальные заменяли аварийные, непригодные для дальнейшей эксплуатации сооружения. Темпы роста зрелищных учреждений даже в лучшие годы заметно отставали от роста населения и темпов строительства общественных зданий массового обслуживания. С 1961 года население Москвы выросло на 2,5 млн, т. е. более чем на 40%, а число зрительских мест в театрах лишь на 23%. Вместо трех работавших на рубеже XIX—XX веков стационарных цирков работает сейчас два... За последние 80 лет обеспеченность местами в театрах и цирках на 1000 жителей Москвы сократилась более чем вдвое, при резком повышении интереса к живому исполнительскому искусству. В городе отсутствует целенаправленная политика строительства зрелищных объектов. Все усилия затрачиваются на решение локальных задач: строительства отдельных зданий и «штопанья дыр» — дорогостоящих реконструкций и повторяющихся капитальных ремонтов (повторяющихся из-за беспринципности принятых решений).

Определение сбалансированных масштабов развития театрально-зрелищного обслуживания, отбор перспективных типов зданий, их рацио-

нальное размещение, выяснение жизнеспособного соотношения различных видов зрелищных сооружений и расширение сети с учетом сложившейся застройки стали актуальными задачами проблемы создания материально-технической базы культурного строительства. В 1988 году началась разработка «Программы развития материально-технической базы театров Москвы». Надо отметить, что подобный документ разрабатывается впервые.

Строительство многообразных театральных зданий в международной практике можно свести к четырем основным направлениям: совершенствование традиционных типов зданий с глубинной колосниковой сценой, развитие многозальных зрелищных комплексов, так называемого «бедного театра» с упрощенной планировкой, как правило, с единым пространством сцены-зала и распространение зрелищ в форме «театра вне театра». Традиционные театры стали обогащаться вторыми малыми залами, механизацией и трансформацией демонстрационных площадок в рамках относительно традиционной сценографии. Многозальные комплексы исполнительских искусств появились в ряде крупнейших городов мира в качестве новых главных зрелищных объектов с новейшей технологией. Широкое распространение «бедного театра» создает гибкую систему использования разнообразных малых залов для многочисленных студийных театров и экспериментальных направлений исполнительского искусства. За 2—3 последних года в Москве появилось свыше двух десятков жизнеспособных студий и маленьких театриков. Стало серьезной проблемой их размещение и развитие с обеспечением всем современным инженерным оборудованием. «Театр вне театра» с использованием зданий иного назначения, выдающихся архитектурных ансамблей и просто открытых городских пространств создает неожиданные нестандартные возможности для постановщиков. Особый интерес пред-

ставляют спектакли типа «Звук и свет» на фоне памятников архитектуры, основанные на записанной программе звука и света без живых актеров. Несмотря на очевидную рентабельность и огромный интерес публики к этим представлениям, такой жанр не получил в Москве до сих пор никакого развития. А ведь для реализации подобных предложений в Москве можно использовать такие великолепные ансамбли, как Коломенское, Царицыно, Измайловский комплекс, Новоспасский и Высоко-Петровский монастыри и, конечно, Московский Кремль.

Бывшие разоренные культовые сооружения следует вернуть их законным владельцам. Однако, опираясь на зарубежный опыт (Италия, Польша, Франция), в крупных, выдающихся по своей архитектуре и акустике сооружениях по отдельным дням целесообразно устраивать концерты музыки, выставки и даже музеи.

На новом этапе театрального строительства необходимо качественное изменение его сути и градостроительного подхода. Уже довольно передельвать в театры бывшие кинотеатры и рядом с ними строить новые кинотеатры (почти удваивая сумму расходов)¹. При современных градостроительных масштабах неразумно рассовывать театры-одиночки по случайным пустырям и недостроенным коробкам. К началу XXI века необходимо создать новую фундаментальную основу главных зрелищных зданий столицы с новейшей технологией, которая не вмещается в старые коробки. Ведь сколько бы десятков миллионов рублей не вкладывать в реконструкции Большого, Малого театров и МХАТа, мы все равно не получим современных сцен с передвигающимися планшетами и регулируемой акустикой, сопоставимых с

¹ Имеется в виду реконструкция «Колизея» под «Современник» и строительство кинотеатра «Новороссийск», реконструкция «Таджикистана» для театра «Сатирикон» и строительство кинотеатра «Гавана».

новой Метрополитен-оперой в Нью-Йорке, Национальным театром в Лондоне или Оперой на пл. Бастилии в Париже. Для этого нужно было бы полностью разрушить эти памятники архитектуры и культуры изнутри. А разумнее их сохранить и использовать для ограниченного репертуара (для которого они предназначались) или отчасти как мемориальные театральные центры с их развитием за счет приспособления прилегающих построек. Нельзя жить бесконечно за счет прошлого, паразитируя на зданиях, созданных сто с лишним лет тому назад.

К началу XXI века необходимо замахнуться на обновление основной базы театральной Москвы, создав новый столичный театрально-зрелищный центр международного масштаба. Для этого на некоторое время (допустим, с XII по XV пятилетки) все новое театральное строительство столичного масштаба целесообразно сосредоточить на единой строительной площадке такого Центра. Это, безусловно, удешевит строительство, это будет дешевле в эксплуатации (единые транспортные и инженерные коммуникации, кооперирование некоторых сопутствующих и вспомогательных служб и т. п.). Такой комплекс создает предпосылки для сооружения крупного полноценного градостроительного ансамбля, со-масштабного современному городу. Такой многозальный комплекс может включить в себя залы специализированного балетного театра (основного и камерного игрового балета), двухзальный гастрольный театр с регулируемыми параметрами залов разного сцениграфического построения, театр камерной и современной оперы, экспериментальный драматический театр, современный филармонический концертный зал с естественной акустикой. Здесь же возможна группа малых студийных залов и учреждения сопутствующего обслуживания: гостиница (для гастролеров), специализированные торговые предприятия, салон театральных касс с информационным цент-

ром, театральные библиотеки и музей...

До начала нового века могут быть завершены специализированные комплексы: легкого жанра на базе сада «Эрмитаж», детского зрелищного центра на проспекте Вернадского за счет ландшафтного объединения трех объектов (Детского музыкального театра, цирка и Дворца пионеров) и строительства открытого театра; центра классической музыки, который может сформироваться в результате реконструкции кварталов, примыкающих к зданию Московской консерватории, строительства Оперной студии и приспособления памятников архитектуры; Центра драматического искусства на базе четырехзального Театра на Таганке с освоением окружающего пространства и реставрацией церкви Николы с возвратом ей первоначальной функции и возможностью устройства там концертов духовной музыки.

В крупных общественных центрах периферийного пояса города ближе к новым жилым массивам намечено разместить театрально-концертные залы гастрольного типа и детские театры.

Творческий потенциал Москвы уже сегодня значительно превышает число эксплуатируемых залов. В случайных помещениях работают несколько сильных жизнеспособных творческих коллективов: Московский государственный театр балета СССР, Экспериментальный театр под руководством режиссера Г. Юденича, который готов переродиться в интересно задуманный Театр полифонической драмы; Московский театр комедии, группа московских областных театров, коллектив экспериментальной современной оперы под руководством Н. Рыбникова. Дело движется, но не так быстро, как хотелось бы... В 1987 году сдан отреконструированный, отреставрированный и достроенный старый МХАТ, отделочные работы ведутся в Московском областном театре (новое здание на Волгоградском проспекте), ведутся работы по реконструкции

старого помещения Детского музыкального театра возле ресторана «Славянский базар» для Московского камерного музыкального театра, проведен конкурс на поиск места для нового здания Московского театра оперетты, чтобы освободить старый Солодовниковский зал для филиала Большого театра, Государственному московскому театру балета СССР передан комплекс бывших конюшен на Скаковой улице. Есть проект расширения Театра им. Евг. Вахтангова, начались работы в приспособляемых зданиях.

Кроме того, нуждаются в реконструкции старые здания филиала МХАТа на улице Москвина, конгломерат помещений Театра им. М. Н. Ермоловой, Драматического театра им. К. С. Станиславского, Театра юного зрителя и Московского областного театра юного зрителя. Закончены работы по реконструкции старого цирка на Цветном бульваре с помощью финской строительной фирмы.

В связи с проводящимся экономическим и организационным экспериментом в области театрального дела в самое последнее время появилось более двух десятков жизнеспособных театральных студий. Некоторые из них уже работают в своих стационарных помещениях: театры-студии «На Юго-Западе», под руководством О. Табакова на улице Чапыгина, «Сфера» в саду «Эрмитаж». Но большинство еще мечтает получить «свой дом». Заманчивым для их размещения становится путь приспособления ценной исторической застройки. Однако резервы эти не бесконечны и не так уж дешевы в реализации, как кажется вначале. Но студийное движение творчески жизнеспособно, самоокупаемо и поэтому перспективно. По всей видимости, вскоре в Вспольном переулке откроется театр-студия «На досках», а на улице Чкалова станет двухзальным театр-студия под руководством М. Щепенко. Есть основания считать, что такие мини-театры станут одними из самых распространенных культур-

ных учреждений столицы и появятся во многих новых и старых районах города.

Широкое развитие получил любительский театр. Особенность этого движения заключается в том, что многие коллективы перешагнули качественные рамки самодеятельности и превратились, по существу, в полупрофессиональные группы, которые перестала удовлетворять обычная клубная сцена. Некоторые из них настолько индивидуализировались, что им потребовались нестандартные, в основном трансформируемые сцены. Их объединяет Агентство любительских театров и Международная ассоциация любительских театров. Встает вопрос об их размещении, о создании нового типа театрального помещения, во многих случаях в приспособленных зданиях. Заманчивой идеей является строительство Центра любительского театра, состоящего из нескольких залов разной вместимости (например, 50, 100, 250 и 400 мест) с разными типами сцен, трансформируемых и стационарных, традиционных порталных и со сценой-ареной, античной сценой или иными модификациями... Такой Центр может обладать специфическим набором дополнительных помещений, включающих в себя методический консультативно-информационный комплекс, клубную часть и подсобные мастерские.

В отдельных случаях театр перестает быть узкоспециализированным зрелищным объектом. В него все чаще проникают функции клуба, воспитательного и обучающего учреждения, музея, выставочного зала и др. В будущем можно предвидеть появление многофункциональных досуговых центров с доминирующей театральной деятельностью, в которых до какой-то степени окажется стертой грань между профессионалами и любителями, между зрителями и актерами. Это потребует новой архитектуры и свободного, трансформируемого игрового пространства.

Иным направлением развития

возможно станет механизированный и автоматизированный театр. Оборудованный новейшими музыкальными компьютерами, он перестанет нуждаться в актерах и традиционных декорациях. Движение плоскостей, преобразование звуков и света, импровизированных пространственных ситуаций станет захватывающим зрелищем этого театра-«хамелеона», где смогут демонстрироваться как высокое искусство, так и последние достижения в области науки и техники.

УНИКАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС

Тимошенко Е. А., журналист

Необычное, оригинальное сооружение из монолитного железобетона возводится на проспекте 60-летия Октября рядом со зданием Всесоюзного научно-исследовательского института системных исследований (ВНИИСИ). Это часть комплекса Международного научно-исследовательского института проблем управления (МНИИПУ) и ВНИИСИ.

Соседство двух научных учреждений отнюдь не случайно. Международный институт проблем управления стран — членов СЭВ в своей деятельности опирается на базовые организации социалистических государств, в частности в СССР — на ВНИИСИ Академии наук СССР. Перед коллективом института стоят серьезные и ответственные задачи. Строящийся комплекс будет иметь конференц-зал на 500 мест, в котором можно будет проводить различные симпозиумы и конференции.

Экскурсию по будущему комплексу ведет автор проекта, архитектор М. М. Посохин.

— Вот этот похожий на солнце круг с 12-ю расходящимися лучами — крыша конференц-зала на 500 мест, — поясняет М. М. Посохин. — Ребра жесткости несущей конструкции вынесены вверх. Это позволило получить внутри зала больше

Анализ реального развития театрально-зрелищной сети Москвы показывает, что к 2010 году можно ожидать увеличения сети московских залов на 15 тыс. мест при неблагоприятном стечении обстоятельств и до 40 тыс. мест — при благоприятном. Суммарный прирост мест за последние годы в среднем ежегодно составлял около 800 мест. Так что даже при нынешних темпах развития к первому десятилетию XXI века в Москве каждый четвертый театр и концертный зал будет новым.

свободного пространства. Конференц-зал опирается на облегченное кессонное перекрытие. Ниже разместились малые залы для секционной работы, аудитории.

Здание конференц-зала примыкает к основному семизэтажному корпусу. Над прямоугольной стилобатной частью возвышается сооружение, напоминающее перевернутую усеченную пирамиду. Начиная с третьего, этажи выступают вперед на 1,5 м, так что у седьмого этажа «повисают в воздухе» уже 7,5 м.

Весь комплекс возводится из монолитного железобетона и является яркой иллюстрацией его неограниченных возможностей. Это материал очень пластичный. Точно так же, как скульптор творит статую, архитектор в содружестве со строителями, используя монолитный железобетон, может создать неповторимое, уникальное в своем роде сооружение.

В числе достоинств монолита — прочность, долговечность и экономичность. Чтобы железобетонные конструкции сделать на заводе, потребовалось бы прежде запроектировать и изготовить специальные формы. Немалых расходов потребовала бы и доставка их на объект. А, кроме того, некоторые конструктивные элементы комплекса, например винтовую лестницу, изготовить в заводских условиях было бы практически невозможно.

У строящегося комплекса немало особенностей. Одна из них состоит в том, что здесь впервые ограждающие конструкции выполнены из офактуренного керамзитобетона, не требующего дополнительного утепления. А это значительно облегчило и ускорило работы. Для повышения долговечности сооружения применено наружное водоотталкивающее полимерное покрытие. Здания двух институтов соединяет переход, выполненный из стекла и бетона. Ведь мощный вычислительный центр и типография, разместившиеся в семиэтажном корпусе МНИИПУ, предна-

начены для совместного пользования.

В оснащении будущего комплекса деятельное участие принимают страны — члены СЭВ. Так, для конференц-зала венгерская фирма БИАГ поставила аппаратуру синхронного перевода речей, вмонтированную в удобные кресла, а также мобильную систему «Конференция», позволяющую участникам заседаний вести диалог непосредственно со своего места. Кондиционеры для комплекса получены из ГДР, типографское оборудование для офсетной печати — из Чехословакии, а ряд электронных устройств — из Болгарии.

ВДНХ 2000 ГОДА

Мавленков А. Н., журналист

Социологи утверждают, что на главной выставке страны воспитано уже несколько поколений советских людей. Регулярно, в будни, по выходным и праздничным дням, и летом, и зимой сюда приходят десятки тысяч человек. Они знакомятся с последними достижениями науки и техники, культуры, встречаются с учеными, специалистами, передовиками производства, литераторами и музыкантами, развлекаются на аттракционах или просто отдыхают среди зелени многочисленных скверов. И уж, наверняка, каждый гость столицы непременно старается попасть на ВДНХ СССР. Ежегодно на главную выставку страны приходит более 11 млн человек. Цифра, что и говорить, внушительная. Но специалисты считают, что ВДНХ должна работать с еще большей отдачей. И главное — не в числе посетителей, а в том, что выставка должна стать активным стимулятором прогресса.

Сейчас, когда все звенья нашей экономики переводятся на рельсы ускорения, содержание ВДНХ СССР, формы и методы пропаганды достижений в различных областях должны выйти на качественно новый уровень. Решить эту задачу в нынешних усло-

виях довольно трудно. Дело в том, что градостроительная основа главной выставки страны сложилась в 50-е годы. За прошедший период некоторые павильоны «постарели» и уже не удовлетворяют выставочным требованиям, для эффективного показа последних достижений не хватает экспозиционной площади, да и инженерное оборудование оснащено далеко не по последнему слову техники.

Недавно специалисты Московского научно-исследовательского и проектного института объектов культуры, отдыха, спорта и здравоохранения (МНИИПОКОЗ) подготовили проект генерального плана развития ВДНХ СССР до 2000 года. Оптимальный вариант будущего облика главной выставки сложился не сразу и не за один год. Но судить зодчих за медлительность все же не стоит. Ведь им предстояло на площади 254 га воссоздать практически уменьшенную копию народного хозяйства страны.

В одном из залов института размещен макет ВДНХ СССР в том виде, в каком она встретит начало следующего тысячелетия. Глаз сразу же отмечает, что внешне облик выставки изменится незначительно. И все же среди привычных очертаний знакомых павильонов сразу же выделяешь

новые оригинальные строения, инженерные сооружения.

Для многих посетителей ВДНХ начнется у станции монорельсовой дороги, построенной перед главным входом. Магистраль опояшет выставочную территорию кольцом протяженностью 3,9 км. За день вагоны незнакомого пока для нас вида транспорта смогут перевезти более 20 тыс. пассажиров. Их путешествие будет и полезным, и приятным. За несколько минут они смогут добраться до самых дальних павильонов, с высоты птичьего полета любуясь величественной панорамой выставочного комплекса.

Заманчиво прокатиться по монорельсовой дороге, но предпочтем все же пешее путешествие. Перемены ожидают нас сразу за главным входом. Из группы зданий, открывающихся глазу, знакомым оказывается только одно сооружение — павильон «Центральный». Перед ним разбита просторная площадь с Доской почета победителей Всесоюзного социалистического соревнования, которая переехала сюда с бывшей площади Промышленности. Это, так сказать, парадный вход выставки. А слева и справа расположились комплексы новых павильонов, по каким-то неуловимым признакам объединенных архитекторами в целостные ансамбли.

208

В новом генеральном плане зодчие стремились разбить экспозиционную площадь на тематические зоны. Всего их — пять. Слева от главного входа разместится объединенный раздел «Строительство». Его выставочные площадки и стенды будут переведены на основную территорию с Фрунзенской набережной. За ним — зона «Наука и культура». Справа от главного входа расположатся друг за другом еще три зоны — «Межотраслевые выставки» (основным здесь останется известный многим монреальский павильон), «Промышленность и транспорт», «Сельское хозяйство». Объединение павильонов по отраслевому принципу создаст определенные удобства посетителям, позволит сэкономить время.

Некоторые элементы генерально-

го плана развития ВДНХ СССР уже реализованы. Но основная работа, разумеется, впереди. Пройдет совсем немного времени, и на территории главной выставки страны развернется большая стройка. Зодчие предполагают сохранить сложившуюся планировочную структуру, разумно дополнив ее современными деталями. Такое решение принято не случайно. Ведь многие из павильонов ВДНХ СССР стали уже памятниками советской архитектуры. Образно говоря, они несут в себе аромат эпохи. Многие сооружения, построенные в 50-е годы и сохранившиеся до наших дней, украшены камнем различных ценных пород, лепкой, резьбой. В их создании активное участие принимали наши видные архитекторы и художники Б. Иогансон, М. Сарьян, К. Алабян, А. Жуков и др.

В процессе реконструкции выставочного комплекса предполагается применить самые современные технологические решения и архитектурные приемы. Например, единую конструктивную систему, которая позволит органично вписать новые павильоны в существующую структуру. Градостроители предусматривают также максимально использовать индустриальные технологии с применением крупноразмерных блоков. Это обеспечит быстрый монтаж зданий. Прогрессивные по архитектуре и конструктивным решениям новые павильоны сами по себе станут своеобразными экспонатами выставки, демонстрирующими достижения архитектурно-строительной науки и техники.

Здания каждой зоны будут соединены между собой эстакадами, крытыми переходами. Между ними разместятся видовые и экспозиционные площадки. А на них расположатся станции монорельсовой дороги, небольшие кафе, киоски, висячие сады и выразительные малые архитектурные формы. Такова вкратце структура планировки главной выставки страны недалекого будущего. А какие преобразования намечены в оснащении и содержании павильонов, в улучшении всей деятельности ВДНХ СССР?

Посетители приходят на выставку с разными целями. Одни хотят познакомиться с последними достижениями науки и техники, другие приезжают сюда, чтобы перенять конкретный опыт того или иного предприятия, передового коллектива. Третьи желают просто отдохнуть, развлечься.

При разработке генерального плана проектировщики стремились учесть интересы всех групп посетителей. Но упор делали, естественно, на совершенствование научно-познавательной программы. А она предполагает предельную информативность. Уже на подходе к каждому павильону посетителей будущей ВДНХ встретят так называемые средства визуальной информации. В определенной степени они позволят судить о тематике и качестве содержания экспозиции каждого павильона. Архитекторы учли также, что необъятное объять невозможно, что человеку хочется провести время на выставке с максимальной пользой. Как организовать осмотр экспозиции наилучшим образом?

Специалисты пришли к выводу, что утомляемость у человека наступает после обхода 7 тыс. м² экспозиционной площади. После этого посетителю трудно воспринимать информацию. Поэтому в новых павильонах решили изменить методы показа. Каждая экспозиция будет организована таким образом, чтобы определенная группа стендов разумно чередовалась либо с демонстрационными залами, либо с уголками развлечений, оснащенными, например игровыми автоматами или видеомагнитофонами. Такие паузы, по мнению проектировщиков, помогут посетителям передохнуть и в конечном счете более результативно провести время на выставке. Впервые новый принцип показа экспозиций попытались воплотить в павильоне «Товары народного потребления».

Заняв площадь 48 тыс. м², этот павильон стал самым большим на главной выставке страны. На двух этажах здесь разместилась межотраслевая экспозиция. Посетителей па-

вильона ждет немало сюрпризов. Например, действующая парикмахерская, в которой свое искусство показывают победители всесоюзных и международных конкурсов. Есть здесь и музыкальный театр, оборудованный лучшими отечественными инструментами. Если умеешь играть на них, можешь продемонстрировать свое мастерство. В двух конференц-залах, на 200 и 400 мест, намечено проводить просмотры и обсуждения новых моделей одежды. Причем мнение посетителей будет обязательно учитываться при оценке той или иной модели. Такая обратная связь — одна из особенностей выставки будущего.

К сожалению, в нынешних условиях претворить в жизнь научно-познавательную программу в полном объеме очень трудно. На ВДНХ не хватает больших залов для проведения массовых мероприятий, по существу, нет помещений для занятий по интересам. В недалеком будущем положение изменится в лучшую сторону. На территории выставки предполагается построить Зеленый театр и киноконцертный зал на 2000 мест, Информационный зал и Дом симпозиумов. Самостоятельные конструкторов встретят оснащенные по последнему слову техники мастерские. Здесь они смогут воплотить в металле свои изобретения и идеи. В одном из зданий разместится зал аквариумов. В нем можно будет не только познакомиться с представителями подводной флоры и фауны, но и купить декоративных рыбок, инвентарь и корм для них. Кроме того, на выставке предусмотрено выделить места для продажи цветов, кроликов, голубей, певчих и декоративных птиц. Не будут обойдены вниманием и посетители, склонные к другим увлечениям. Одни из них получают квалифицированные консультации по вопросам ведения домашнего хозяйства, другие узнают секреты эффективности обработки приусадебных участков. Для любителей флоры весьма поучительной станет «тропа природы», проложенная среди растений, занесенных в Красную книгу.

Таким образом, вся деятельность ВДНХ СССР будет направлена на то, чтобы посетители проводили здесь время с наибольшей активностью и пользой. И не только взрослые, но и дети. Перед расширенным, реконструированным павильоном «Юные натуралисты и техники» предполагается построить картодром. На нем каждый школьник сможет проверить свое мастерство в вождении микроавтомобилей. Рядом разместится просторный бассейн для показа действующих моделей судов.

Любителям пассивного отдыха ВДНХ также предоставит лучшие условия. Помимо объектов, о которых уже упоминалось, они найдут на территории выставки новые уютные скверы, тихие, оборудованные удобными скамейками и беседками уголки отдыха на берегах прудов. Появятся здесь специализированные магазины, новые рестораны и кафе с кухней народов нашей многонациональной страны, летние закусочные, бары. И дело, разумеется, не только в увеличении числа предприятий общественного питания, торговли. Вопрос ныне ставится так: все объекты обслуживания, размещенные на главной выставке страны, должны стать образцовыми, чтобы работники торговли, бытового обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства всего Советского Союза смогли бы познакомиться с передовыми формами и методами работы. Что касается торговли, то тут разговор особый. Сейчас обсуждается идея продавать на ВДНХ СССР только самые новые, самые перспективные образцы изделий, и

даже те, которые еще нуждаются в проверке покупательским спросом.

Существенно улучшится транспортное обслуживание посетителей. Во-первых, проектировщики предполагают обеспечить беспрепятственный подход от остановок общественного наземного транспорта и станции метрополитена к главному входу. К нему посетители смогут добраться, не пересекая оживленных магистралей. Для этого будет устроен подземный переход и частично изменено направление движения маршрутов наземного транспорта. Во-вторых, получит дальнейшее развитие внутривыставочный транспорт. О монорельсовой дороге уже упоминалось. Расширится сфера действия и завоевавших популярность микроавтобусных поездов. Их станет больше. Всего намечено организовать три маршрута. Один — экскурсионный пройдет вдоль центральной аллеи. Два других — будут проложены в места наибольшего сосредоточения павильонов. Провозная способность микроавтобусных поездов составит 30 тыс. пассажиров в день. В перспективе на территории главной выставки страны предполагается построить еще и канатную дорогу.

Генеральный план развития ВДНХ СССР уже начал осуществляться. Возможно, от каких-то идей проектировщикам придется отказаться. Но ясно одно, через 15—20 лет притягательная сила главной выставки страны значительно возрастет. Она станет удобнее, интереснее и полезнее для посетителей, число которых по расчетам специалистов, возрастет до 18 млн в год.

АРХИТЕКТУРНАЯ СРЕДА ДЕТСКИХ ПАРКОВ

Овчинников В. В., Прокин Д. И., архитекторы

Проблемы обновления духовной и культурной жизни нашего общества требуют нового качественного подхода в деле эстетического воспитания детей. Равнодушие части моло-

дежи к истории и культуре нашей страны, бездушное отношение к памятникам истории, культуры и архитектуры вызваны рядом причин, среди которых можно назвать такие, как относительно низкий культурный

уровень, недостаток, либо отсутствие эстетического воспитания.

Эстетическое воспитание подрастающего поколения, развитие чувства прекрасного, полноценное и всестороннее формирование личности было и остается важнейшей социальной задачей нашего общества. Решение этой задачи, реализация накопленного опыта возможны не только в рамках учебно-воспитательного процесса с применением эффективных методических средств и обучения профессиональным навыкам (уроки рисунка, живописи, пластики и т. п.), но и путем формирования определенной архитектурно-художественной среды. Ее воздействие на психоэмоциональное состояние ребенка зависит от того, насколько выразительно, умело и тактично будут использованы пластические и изобразительные средства, формирующие ее. Эстетическая организация архитектурной среды способствует созданию тесной, органичной связи между архитектурой, природой и человеком, вызывает в нем определенное отношение к окружающему его миру. В результате эстетическая реальность преобразовывается и синтезируется в личностный мир ребенка.

Существующая система эстетического воспитания детей, как показывает практика, малоэффективна и не соответствует современным потребностям в таком важном элементе формирования личности, как развитие чувства прекрасного. Эстетическое воспитание детей осуществляется, как правило, в детских садах, а затем в общеобразовательных школах на уроках рисунка или эстетики по утвержденным программам. Таким занятиям не всегда уделяется должное внимание как со стороны учеников, так и педагогов, нередко занятия носят формальный характер. Специализированных художественных средних школ явно не хватает.

Вне школы эстетическое воспитание детей проводится во дворцах и домах пионеров и школьников, в самодеятельных студиях и кружках по месту жительства, в пионерских лаге-

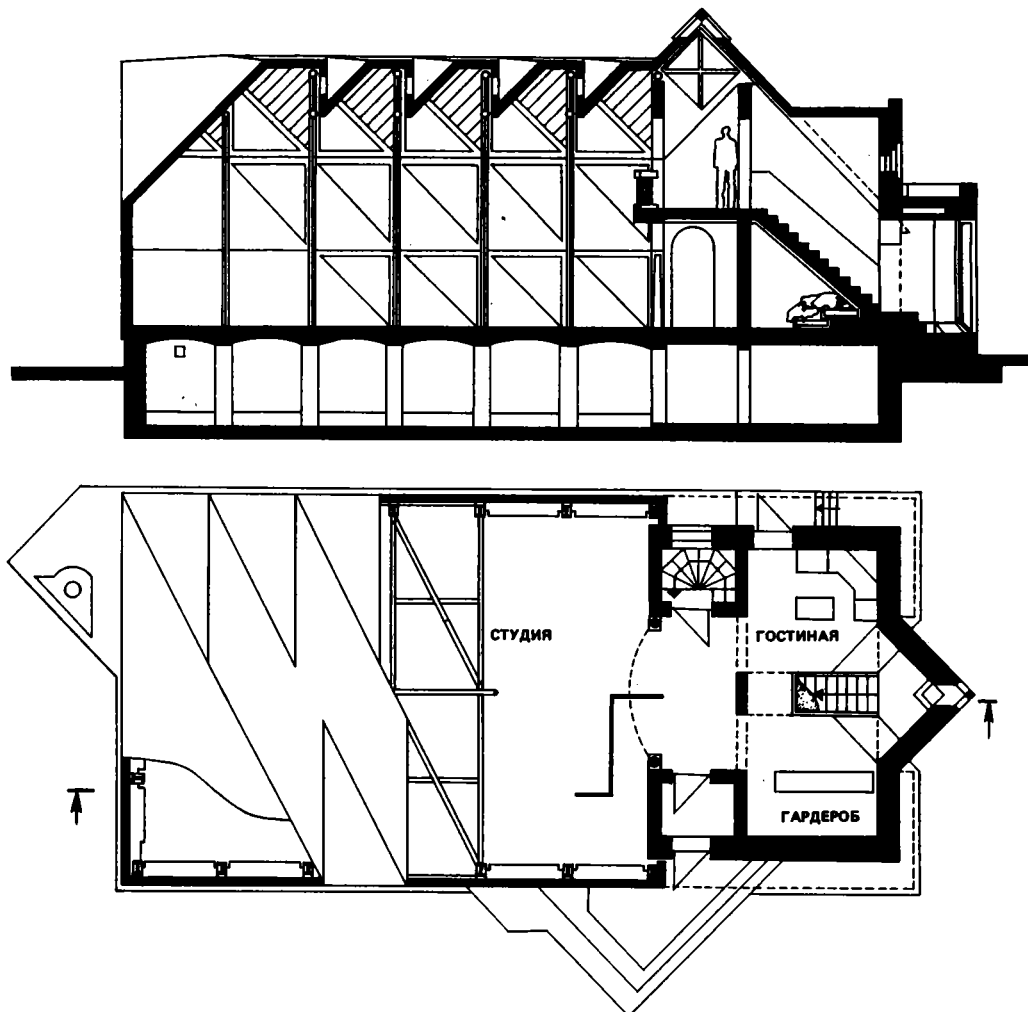
рях. Практически все самодеятельные студии размещаются в приспособленных помещениях, мало соответствующих проводимым в них занятиям.

Дома и, особенно, дворцы пионеров не могут привлечь всех желающих заниматься детей в силу своих градостроительных, типологических и функциональных особенностей (проблемы транспортной и пешеходной доступности, режим работы, бесконтрольность со стороны родителей, формализм и др.).

Таким образом, задачу качественного эстетического воспитания детей невозможно решить путем использования существующих и создания новых дворцов пионеров, рассчитанных на обслуживание детей целого района или города.

Вместе с тем, в Москве существует сеть детских парков, находящихся в ведении районных отделов народного образования. Наряду с различными видами досугово-развлекательной деятельности (игровой, физкультурно-оздоровительной) эти парки могли бы стать центрами эстетического воспитания детей. Преимущества переноса акцента в эстетическом воспитании детей из домов и дворцов пионеров и школьников в детские парки очевидны.

Во-первых, детские парки располагаются, как правило, в непосредственной близости от жилых микрорайонов и, соответственно, более доступны. Во-вторых, различные мероприятия, проходящие в детских парках, могут носить более демократичный и неформальный характер, чем во дворцах пионеров. Здесь допускается участие в разнообразных мероприятиях детей различных возрастных групп и родителей. В-третьих, сочетание в детских парках открытых и закрытых пространств, элементов озеленения и ландшафта, скульптуры, декоративных элементов дает более широкие и разносторонние возможности для эстетического воспитания детей. В-четвертых, различные реконструктивные мероприятия, которые необходимы детским паркам для их модернизации и приспособления

к новым условиям, требуют меньше затрат, чем строительство новых домов пионеров.

В качестве примера реализации высказанных выше предложений можно привести проводимую исполкомом Калининского района, РУНО, при активном участии скульптора А. В. Иванова, работу по созданию Центра эстетического воспитания детей и молодежи на территории Детского парка №2 на Покровском бульваре.

Проектом Центра предусматривается благоустройство существующей территории парка со сносом ветхого деревянного хозяйственного корпуса, реконструкция и приспособление

совмещенный план студии и продольный разрез. Размещение помещений в нескольких уровнях позволяет более рационально использовать объем здания, обогащает интерьер, создает единое пространство с дифференциацией отдельных помещений

рядом ряда строений, в том числе бывшей оранжереи, под Студию эстетического воспитания детей.

В основу планировочного решения Студии заложен композиционный прием, позволяющий органично включить здание в существующий парк, придать облику Студии характер паркового сооружения с традиционным, характерным для большинства усадеб старой Москвы анфиладным расположением основных

помещений. В решении архитектурно-художественного облика здания использованы мотивы готического и классического стилей архитектуры. Авторы стремились к созданию выразительного, запоминающегося образа здания, возможно навеянного сказками Андерсена и Гофмана.

Здание Студии задумано как двухчастный объем, состоящий из студийного и вспомогательных помещений. Студийное помещение представляет собой универсальное пространство, предназначенное для проведения занятий с детьми, а также организации выставок, экспозиций, диспутов. Здесь же могут проводиться занятия по живописи, графике, скульптуре различных возрастных групп школьников. В результате универсального использования Студии в течение года более эффективно эксплуатируется имеющаяся площадь, например во время школьных каникул (особенно летних, когда часть детей выезжает в пионерлагеря и занятия в студии не проводятся).

Объем вспомогательных помещений решен в виде кирпичной встройки с двухскатной кровлей, являющейся как бы продолжением кровли студийного помещения. К вспомогательным помещениям отнесена гостиная с прихожей и гардеробом. Эти помещения расположены на одном уровне с помещением Студии. Гостиная имеет верхний уровень, на который ведет открытая лестница. Выступающий эркер центральной лестницы, ведущей на галерею, подчеркивает пластическое решение кирпичной части здания. Гостиная с прихожей и гардеробом открывается в зал студии порталом из кирпича. На верхнем уровне гостиной имеется балкон, являющийся как бы продолжением лестницы и выходящий в зал Студии. На нижнем уровне под залом Студии находятся дополнительные помещения для экспозиции, кладовые и другие вспомогательные помещения, а также санузел.

Основной объем здания Студии запроектирован из деревянных мно-

Фрагмент фасада в процессе строительства. Применение металлического каркаса и навесных деревянных многослойных панелей нескольких типов упростило монтаж Студии

гослойных щитов двух основных типов и рам как с остеклением, так и без него, представляющих столярные изделия заводского изготовления, которые закрепляются на металлическом каркасе здания. Применение металлического каркаса, навесных деревянных щитовых панелей и рам позволило, с одной стороны, упростить монтажные работы, с другой, — получить свободный от опор зал размером 8,4×13,6 м. Открытый металлический каркас дал возможность интересно решить интерьеры помещений.

Пластика кровли обеспечивает верхнее освещение зала Студии, что позволяет создать в студии благоприятные условия для работы, повышает освещенность помещения ес-

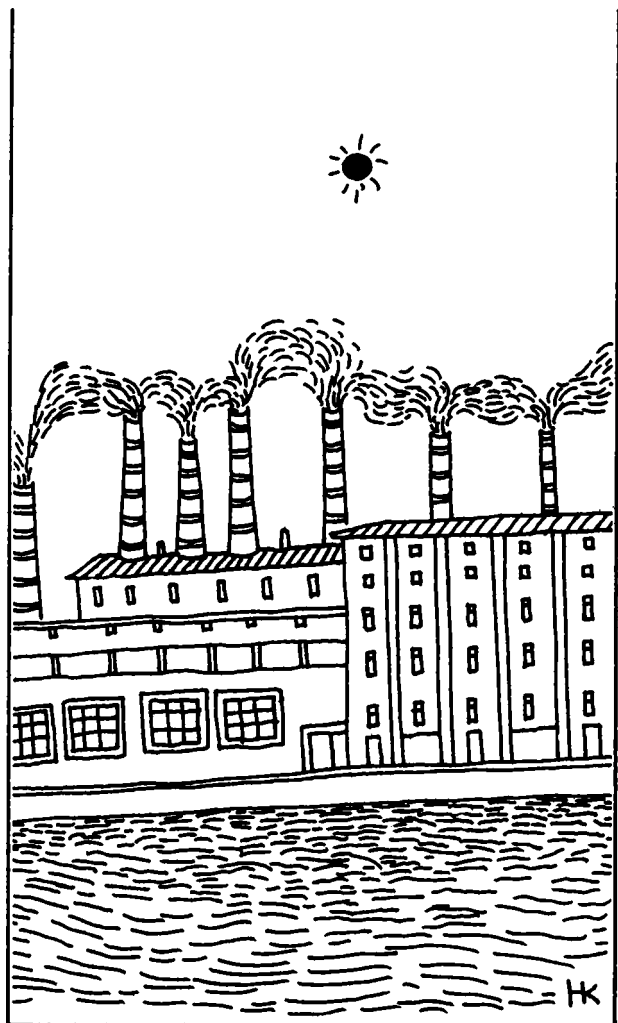
тественным светом, обогащает интерьер здания.

В целом решение интерьеров всех основных помещений направлено на формирование архитектурно-художественной среды, способствующей эстетическому воспитанию детей, пробуждению в них чувства гармонии, чему способствуют такие архитектурные приемы как сочетание пространств различных высот и площадей, соотношение света и тени, применение разных строительных материалов, цветовое решение, использование архитектурных деталей и скульптуры.

Размещение здания Студии в детском парке позволяет расширить функциональное назначение парка, сделать его более привлекательным. Выразительное пластическое и силуэтное решение объема направлено на создание эстетически организованной среды парка средствами архитектуры. Органичное и целенаправленное включение в структуру

парка скульптуры, декоративных элементов детских игровых площадок, открытых парковых сооружений — беседок, декоративных и плескательных бассейнов, элементов искусственного ландшафта создает определенный эмоциональный настрой, располагающий к восприятию эстетической реальности. Парк становится центром для проведения не только пассивных, но и активных форм досуга детей.

В дальнейшем предполагается расширение парка в глубь квартала и формирование на его основе специальной досугово-развлекательной зоны. Создание такой зоны позволит более эффективно использовать внутриквартальные территории, будет способствовать эстетическому воспитанию детей. Опыт, полученный при разработке и реализации проекта реконструкции Детского парка № 2 Калининского района, может быть использован при реконструкции других детских парков Москвы.

Промышленность столицы

АРХИТЕКТУРА ПРОМЫШЛЕННЫХ ЗДАНИЙ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ПРОМЗОНА: НЕОБХОДИМ КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД

АРХИТЕКТУРА ПРОМЫШЛЕННЫХ ЗДАНИЙ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Черкасов Г. Н., кандидат архитектуры

Образ Москвы ассоциируется с ее архитектурой. Образ московской архитектуры — так, как он представляется самим жителям или гостям города, — это Кремль, соборы, Арбат, Солянка, Замоскворечье... Это архитектура того времени, когда Москва была административным, религиозным и торговым центром страны. В настоящее время ситуация изменилась. Москва уже не только административный, но также крупный научный, культурный и промышленный центр.

Промышленность с точки зрения функционирования городского организма, развития Генерального плана и образа жизни населения является наиболее значительной.

Территории промышленных предприятий занимают около 30% всей территории Москвы. В общем количестве трудоспособного населения доля работающих, занятых на промышленных предприятиях, самая высокая. В структуре транспортных перемещений населения связи с промышленными предприятиями являются основными как по затратам времени, так и протяженности и сложности транспортных коммуникаций. Промышленные предприятия — основные потребители воды, электроэнергии, топлива и других сырьевых материалов, ввозимых в город. Они служат основным фактором, влияющим на экологическое состояние городской среды. Промышленная застройка составляет 40% периметра всех набережных Москвы, промышленные здания и сооружения тянутся вдоль всех линий железных дорог, по которым мы въезжаем в столицу, многие магистрали — Шарикоподшипниковская улица, Волгоградский проспект, Варшавское шоссе и другие — сформированы промышленными зданиями.

Все это говорит о том, что состояние промышленной застройки не мо-

жет не оказывать самого существенного влияния на архитектуру города. Более того, полноценная эстетическая и пространственная взаимосвязь объектов труда, быта и отдыха, служащая одним из важнейших элементов гармонизации жизни, не может не являться также основой формирования архитектуры современного индустриального города. Несоблюдение этого положения — одна из причин однообразия, безликости, бездуховности, примитивности многих современных районов Москвы. Исключение объектов индустрии из структуры застройки и промышленных образований как градостроительных элементов из архитектурного контекста среды довольно долго служило и еще продолжает служить инструментом мышления архитекторов, застраивающих Москву.

Подобное положение имеет свое объяснение, определенные историко-генетические корни. Попробуем представить себе эволюцию социально-экономических условий и определяемых ими общественных представлений.

Вплоть до конца XIX века не существовало особых проблем и противоречий, связанных с развитием промышленности в городе. Жилые и общественные здания строились в непосредственной близости от фабрики или завода и составляли вместе с ними одно градостроительное образование. Таковы, например, московские Пушечный двор, Суконный двор, позднее Прохоровская Трехгорная мануфактура и др. Производительность этих предприятий сравнительно невелика, выделяемые вредности не оказывают существенного влияния на условия проживания, все рабочие живут в непосредственной пешеходной доступности от своего завода или фабрики.

К концу XIX века эта патриархаль-

ная картина резко изменилась. Увеличилась производительность труда в промышленности, примерно за 100 лет в среднем выпуск продукции одним предприятием вырос в несколько десятков раз. Появились новые предприятия и производства, химические и газовые заводы, котельные, электроподстанции и др. Выделяемые производственные вредности, пыль, газ, дым, копоть, шум сильно ухудшали условия проживания около предприятий, загрязняли реки, воздух и землю.

Русские медики изучают санитарно-гигиеническое состояние фабрик и заводов. В 1879—1885 годах Ф. Ф. Эрисман, Е. М. Дементьев и А. В. Погожев проводят санитарное обследование 1080 предприятий Московской губернии, на которых работает 114 тыс. человек. Установлена крайне неблагоприятная картина санитарного состояния заводов и заводских поселков, условий труда и проживания. В результате этих исследований сначала в отдельных губерниях, а затем и в общегосударственном масштабе принимаются законодательные санитарные нормы и разрабатываются предписания по содержанию промышленных предприятий, охране воздуха, водоемов и почвы. Вводятся регламентации по размещению предприятий, в ряде случаев в отдалении от жилых районов. На отдельных крупных предприятиях число рабочих увеличивается во много раз и доходит до нескольких тысяч. Ориентироваться только на пешеходную доступность уже не приходится. Появляется массовый общедоступный транспорт — сначала конка (1872 г.), а затем трамвай (1899 г.).

В глазах общественного мнения России заводы и фабрики предстают как места тяжелого, изнурительного, многочасового (10—14 часов) труда, часто опасного для здоровья и жизни, места жестокой эксплуатации, в том числе женщин и детей, источник загрязнения и деградации природы.

Таким образом, в результате воздействия комплекса санитарно-эко-

номических, санитарно-гигиенических, транспортных и психологических факторов в общественном мнении и профессиональной среде формируется определенное негативное отношение к промышленным предприятиям, проявляющееся, в частности, в стремлении изолировать их от города (селитьбы) и исключить из системы архитектурной организации городской среды. Можно считать, что эта тенденция изоляции промышленности от города объективно действовала вплоть до начала 70-х годов (за исключением 15-летнего периода расцвета советской архитектуры в течение 1917—1932 гг., когда престиж труда и промышленной архитектуры определял иные приоритеты) и психологически ее воздействие продолжает ощущаться, как уже говорилось, и в наше время, и в Москве в особенности.

В рамках этой тенденции получила, в частности, широкое развитие идея промышленных узлов и 66 производственных зон Москвы, зафиксированных в Генеральном плане развития Москвы 1971 года. Однако уже в это время данный изоляционный этап размещения предприятий объективно себя исчерпал и концепция производственных зон Москвы, как единственной формы размещения предприятий, стала играть негативную роль в развитии планировочной структуры и архитектуры города.

В начале 70-х годов определяющими стали новые социально-экономические условия. Стало ясно, что механическая изоляция промышленных предприятий от селитебных районов за счет санитарных разрывов, характерная для периода экстенсивного развития промышленности, уже не может обеспечить необходимых гигиенических требований. В условиях всеобщей урбанизации и роста производственных мощностей свободные участки территории оказались практически исчерпанными, санитарно-защитные зоны со временем начали застраивать. Стало очевидным, что задача обеспечения чистоты природной среды и поддер-

жания нормального экологического равновесия может быть решена только путем использования современной техники и технологии, традиционные архитектурно-планировочные мероприятия уже не дают ожидаемого эффекта.

В новых условиях интенсивного развития промышленных предприятий наряду с задачами реконструкции и технического перевооружения важное значение приобретают качественные показатели труда, состояния производственной и городской среды как единой сферы жизнедеятельности человека. Условия труда на многих предприятиях становятся нормальными и хорошими. В Москве особое развитие получают высокотехнические интеллектуальные отрасли производства, где трудятся рабочие высокой квалификации со средним образованием.

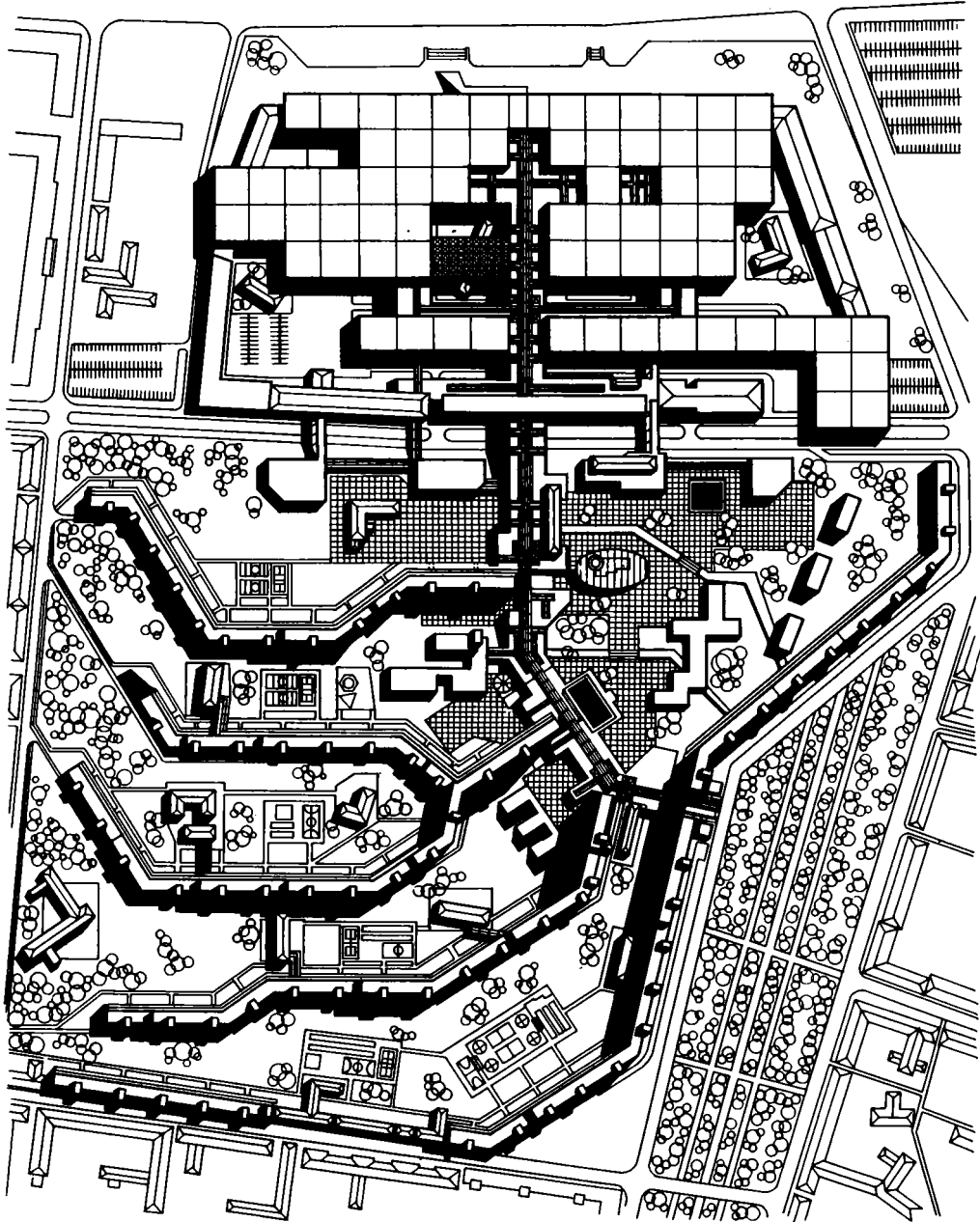
Концентрация большого числа предприятий и работающих в производственных зонах приводит к необходимости организации сложной системы пассажирских перевозок, связанной с затратами большого количества времени на трудовые передвижения и транспортной усталостью.

Следует также отметить, что изоляция предприятий в особых зонах, эстетически и функционально менее благоустроенных по сравнению с жилыми зонами, не отвечает современным представлениям о труде как основной жизненной потребности человека, призванной приносить удовлетворение и удовольствие от жизни. (Скорее наоборот, подобная ситуация соответствует отношению к труду исключительно как к необходимой и нелюбимой обязанности, от которой хочется побыстрее отделаться.)

В силу всех этих причин, очень быстро обрисованных, в стране начинается этап дифференцированного подхода к размещению промышленных предприятий. Этот подход учитывает многообразие конкретных жизненных ситуаций и определяет наличие самого широко-

го спектра архитектурно-планировочных решений от размещения предприятий в удалении от жилых территорий до их включения и сращения с жилой застройкой. В этой связи весьма перспективным представляется применение интегральной застройки, основанной на довольно тесном сочетании зданий различного назначения и различных типологических структур. В прошлом подобная практика была наиболее распространенным явлением, в том числе и в Москве. Если мы посмотрим на историческую застройку, то, например, увидим, что рядом со зданием типографии соседствуют жилые дома и церковь, далее тянутся корпуса больницы, переплетная мастерская и т. д. Подобная плотная застройка, состоящая из разного типа зданий, в значительной степени определяет своеобразие и очарование старых кварталов Москвы. И в современной застройке мы можем наблюдать нечто подобное. Таковы, например, фрагменты Москворецкой набережной с МОГЭСом, Ленинградского проспекта со зданием 2-го Московского часового завода или площади 1905 года с типографией «Московской правды». Эти участки города в архитектурном отношении выгодно отличаются от застройки, составленной только из жилых домов или только из промышленных зданий.

Поиски архитектурно-градостроительных решений, основанных на интеграции производственных, жилых и общественных сооружений, являются важным средством совершенствования условий жизни и эстетических качеств городской среды. К подобным экспериментам относится, в частности, проект интегрированного промышленно-жилого образования (ИПСО), выполненный в Московском архитектурном институте на базе комбината «Трехгорная мануфактура». Одно из преимуществ ИПСО — общая система обслуживания, единая как для производственной, так и жилой зоны. Социально-экономическая эффективность данной системы максимально высока,

Интегрированное промышленно-селитебное образование (ИПСО) на базе комбината «Трехгорная мануфактура» (проектное предложение, авторы Г. Черкасов, Л. Татаржинский, Н. Бухарциан, П. Беляев, С. Кичкин, при участии В. Кулиша). Генеральный план

90% работающих на фабрике проживают тут же в ИПСО (жилые дома сверху), по вертикальной оси комплекса проходит «ствол», в котором сконцентрированы все основные объекты обслуживания (административно-бытовые помещения, столовые, кафе, медицинские, торговые учреждения, выставочные залы и др.), предназначенные как для работающих, так и для проживающих

так как она обслуживает одновременно и работающих на производстве, и жителей, независимо от работы предприятия.

И тут мы подходим к еще одной кардинально важной проблеме для жизни и для архитектуры города. Речь идет о повышении эффективности использования вспомогательных зданий и помещений промышленных предприятий и активном включении их в социальную жизнь города.

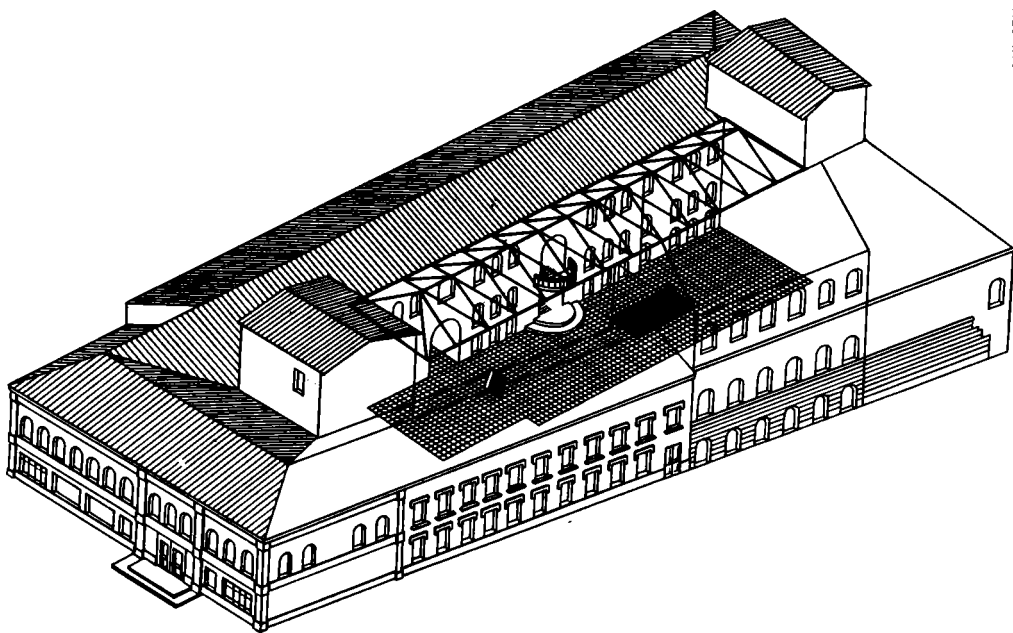
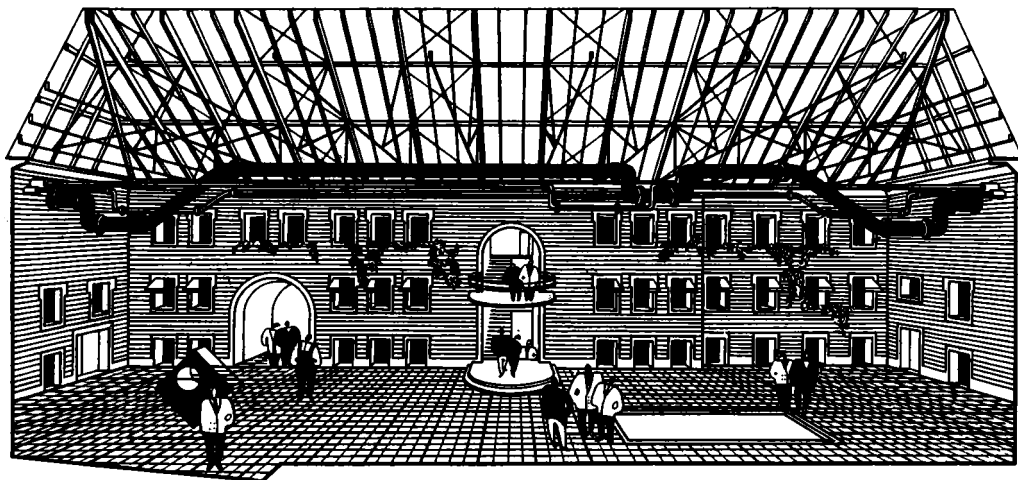
На промышленных предприятиях Москвы (и других городов) действует разветвленная сеть объектов общественного питания, торговли, культурного, бытового и медицинского обслуживания, которые используются явно недостаточно. На предприятиях функционируют различного типа и вида столовые, чайные, кулинарии, пункты приема заказов на пошив одежды и обуви, парикмахерские, профилактории, поликлиники, музеи, выставочные залы, залы собраний и красные уголки, библиотеки, спортзалы. Как правило, большинство из них работает всего 2—4 часа в сутки и только в рабочие дни. Практически омертвляются колоссальные ресурсы, материалы, капитал, труд, энергия. Между тем все эти помещения нужно постоянно поддерживать в рабочем состоянии, отапливать или кондиционировать, поддерживать чистоту, реконструировать. Все эти затраты ложатся на бюджет предприятия и соответственно увеличивается стоимость продукции, которую оплачивает потребитель. И пока что вся эта сеть обслуживания имеет тенденцию к увеличению и соответственно росту непроизводительных затрат предприятия.

В Москве много общественных зданий разного типа, мы строим больше, чем это необходимо и целесообразно. Подобного рода строительство не только отвлекает средства от выполнения многих нерешенных проблем, но и создает новые проблемы. Эксплуатация этих сооружений требует больших затрат, которые тяжелым бременем ложатся на народное хозяйство.

В настоящее время имеются все предпосылки включить почти весь мощный потенциал вспомогательных (обслуживающих) зданий и помещений промышленных предприятий в общегородскую систему социального обслуживания и тем самым решить многие проблемы обеспечения населения услугами самого разнообразного вида. Для этого необходимо в проектах реконструкции и нового строительства предприятий вспомогательные объекты размещать на стыке с жилой зоной. К объектам, расположенным на территории предприятий, можно устроить специальные подходы. В проектах ряда объектов — столовых, залах собраний, выставочных залах — предусматривать возможность использования их населением (отдельные входы, туалеты).

Возникает также задача включения в социально-культурную жизнь города не только обслуживающего, вспомогательного, но и производственного потенциала предприятия. Для этого необходимо организовать более широкий доступ на промышленные предприятия с целью их осмотра посетителями, а также предоставить им возможность работать в ЦРП — цехах для работы посетителей¹. Проведение в жизнь данных рекомендаций может рассматриваться, в известной мере, как одно из качеств безотходной технологии. Только в данном случае используется не отработанное тепло или вода, а информационно-зрелищный потенциал предприятия. Использование данного потенциала — важное средство получения новых технических знаний, обмена опытом, профессионального, да и просто гражданского воспитания и обучения, повышения

¹ В ЦРП любой посетитель может за определенную плату на несложном оборудовании предприятия и при консультации мастеров выполнить изделие для собственного пользования. Например, в ЦРП типографии лично отпечатать стихи Б. Пастернака или собственную книгу, в ЦРП текстильной фабрики выкрасить майку по своему рисунку.

Проект реконструкции хлебозавода на ул. Сре-тенке (авторы О. Осмоловская, М. Симакова, руководители Г. Черкасов, В. Прибылов, С. Головачев)

Проект предусматривает превращение хлебозавода в производственно-торговое предприятие на основе создания качественно новых условий труда (повышение содержательности труда) и организации труда по системе замкнутого временного цикла (попеременная работа сотрудников в цехе, булочной, кафе, администрации и др.). Внутренний дворик перекрывается и превращается в рекреационное пространство многоцелевого использования

авторитета предприятия, решения проблемы свободного времени.

Самого серьезного внимания требует проблема выявления и охраны памятников промышленной архитектуры и включения их в современную социально-культурную жизнь города. Между тем, действительная ситуация оставляет желать лучшего. На территории Московского электромашиностроительного завода «Динамо» находится памятник архитектуры — церковь Рождества Богоро-

дицы, где похоронены герои Куликовской битвы Пересвет и Асляби. В связи с этим Центральный совет Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) в 1986 году рассматривал проект реконструкции этого завода. Проект не был согласован из-за недостаточного учета требований охраны церкви Рождества Богородицы. При рассмотрении проекта совершенно не учитывалась необходимость соответствующего отношения к другим памятникам, входящим в состав завода, — четырехэтажному

Памятники промышленной архитектуры Москвы

Завод «Каучук», табачная фабрика «Дукат», кондитерская фабрика «Рот Фронт», пивоваренный завод им. А. Е. Бадаева (архитектор Р. И. Клейн), бывшая Синодальная типография на ул. 25 Октября, водонапорная башня (Павелецкая железная дорога)

производственному корпусу, построенному в период I пятилетки в духе конструктивизма, и одноэтажному круглому в плане зданию с куполом из металлических конструкций, построенному инженером

В. Г. Шуховым в конце XIX века (входившему ранее в состав завода фирмы «Бари», где работал В. Г. Шухов).

Этот пример весьма характеризует отношение к охране памятников фабрично-заводской архитектуры как

в Москве, так и во многих других городах страны. О том, что данный пример не единственный, свидетельствует тот факт, что в Москве в 1987 году числилось поставленных на охрану 1897 памятников архитектуры и среди них нет ни одного промышленного объекта.

Неудовлетворительное положение с охраной памятников промышленной архитектуры можно объяснить в основном двумя причинами — методическими, о которых уже говорилось, и социально-психологическими, связанными с укореившимся отношением к архитектуре промышленных сооружений как к архитектуре второго сорта. Эта причина объективно обусловлена такими пережитками прошлого как пренебрежение и потребительское отношение к труду, культивировавшееся в течение целого ряда веков. В настоящее время общественные идеалы кардинально изменились, но материальная среда, к которой принадлежит архитектура, меняется значительно медленнее, как и архитектурное мышление.

Памятники фабрично-заводской архитектуры в Москве составляют неразрывную часть исторической городской застройки, представляют интересные образцы композиционных и конструктивных решений, являются средством формирования трудовых традиций коллективов промышленных предприятий.

Многочисленные памятники промышленной архитектуры, производственные и вспомогательные здания и сооружения, мосты, газгольдеры и водонапорные башни могут быть активно включены в социальную инфраструктуру Москвы. Более того, все эти сооружения как самостоятельные объекты или в составе действующих промышленных предприятий в настоящее время лучше всего подходят для реализации одной из социальных функций предприятий по взаимосвязи с потребителем и городом, вовлечения материального и культурного потенциала предприятий в социальную жизнь Москвы.

Многие из памятников промышленной архитектуры, науки и техники могут изменить свою первоначальную функцию и превратиться в цехи для работы посетителей (ЦРП), музеи, выставочные залы, рестораны, фирменные мастерские и магазины. Москва нуждается в выявлении, сохранении и целесообразном использовании памятников промышленной архитектуры.

Работа предприятий в условиях полного хозрасчета и самофинансирования создает благоприятные возможности для включения громадного и пока мало используемого потенциала вспомогательных зданий и помещений, а частично и производственного потенциала предприятий в общественную жизнь города. Предприятию уже невыгодно будет строить и содержать зал собраний, который используется только 2 раза в месяц или столовую, работающую только 3 часа в день. Оно будет заинтересовано частично компенсировать затраты на их содержание или

даже получать прибыль. До сих пор таких условий не было. На многих крупных промышленных предприятиях существуют музеи. Но открытого доступа туда не предусмотрено. А ведь они представляют чрезвычайный интерес для изучения истории науки и техники, развития московской и российской индустрии, направлений развития современной промышленности. И это при том, что в стране ощущается голод прежде всего именно на технические музеи, что в Москве (и в стране) всего один подобный музей (Политехнический) и что в крупных городах индустриально развитых стран (Вашингтон, Чикаго, Лондон, Мюнхен, Париж, Прага...) музеи науки и техники наиболее посещаемы.

Хотелось бы надеяться, что архитектура Москвы 2000 года прежде всего явится средством разрешения насущных социальных проблем, многие из которых лежат в сфере труда и ее интеграции в структуру жизнедеятельности.

ПРОМЗОНА: НЕОБХОДИМ КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД

Шапиро М. Г., архитектор

224

В полувековой, после Генерального плана 1935 года, практике развития и реконструкции Москвы ведущее место занимает жилищное строительство, оно ведется в больших объемах и достаточно централизованно, так как имеет единого заказчика.

В жилищном строительстве имеются и определенные достижения: отработана система массового строительства, основанная на комплексном проектировании жилых районов и микрорайонов, на применении типовых проектов как жилых, так и общественных зданий и учреждений культурно-бытового обслуживания, на производстве на домостроительных комбинатах полносборных домов и возведении их в кратчайшие сроки.

Совершенно непохоже сложилась

обстановка в промышленном строительстве, где нет единого заказчика или застройщика, где строительство или реконструкция ведутся штучно, а значит кустарно без учета интересов города, а часто вопреки им. Проектирование осуществляется многими десятками проектных организаций ведомственного подчинения (некоторые находятся вне Москвы), которые являются маломощными, зачастую не имеющими в штате ни одного архитектора.

А ведь промышленные здания, как и научные, экспериментальные, складские и транспортные должны участвовать в формировании архитектурного облика московских магистралей, улиц и площадей. Подсчитано, что границы промышленных, складских и тому подобных территорий Москвы проходят по городским магистралям на протяжении

150 км, вдоль набережных рек Москвы и Яузы — 40 км, с жилыми районами общая граница составляет 220 км.

Есть ли в Москве предпосылки для таких же, как в жилищном строительстве, организованности, системности, единства в промышленном строительстве?

На этот вопрос был получен ответ еще в Генеральном плане развития Москвы 1971 года, в котором появилось понятие «производственная зона», т. е. территориальная структура, включающая группы сложившихся промышленных, складских, транспортных и других внеселитебных объектов, расположенных по соседству.

В центральных районах города такие сообщества заводов и фабрик возникали вдоль Москвы-реки и Яузы, железнодорожных станций и путей, городских магистралей и насчитывали до сотни разнородных, разновеликих, разновозрастных объектов.

На периферии города таких объектов было меньше и располагались они не так кучно, что позволяло при их формировании включать в границы и свободные, резервные участки для возможного в будущем производственного и коммунального строительства.

И, наконец, создавались новые производственные зоны у границ города, где промышленные, научные и другие объекты должны были не только обеспечивать нужды индустрии, но и являться местами приложения труда значительной массы населения, которое появилось в районах-новостройках, также расположенных у границ города.

С присоединением к Москве ее резервных территорий возникнет еще 10 производственных зон.

Создание производственных зон позволяет избавиться от разбросанности строительства, способствует концентрации усилий нескольких предприятий в создании общезонных объектов (теплового пункта, очистных сооружений, подъездных

путей и дорог, инженерной инфраструктуры, культурно-бытовых объектов, вычислительных центров и др.).

Но этого, к сожалению, не произошло. Сейчас уже в основном застроены все производственные зоны, занявшие пятую часть территории города. Практически в Москве не осталось свободных мест ни для ведения массового жилищного строительства, ни для дальнейшего развития народнохозяйственного комплекса столицы. Население Москвы намного превысило установленную численность, и город вынужден был шагнуть за пределы МКАД.

Причин такого развития столицы немало, но, на наш взгляд, одна из главных — экстенсивное использование производственных зон, которое привело к расточительному расходованию ценных городских земель при одновременном замедлении темпов развития народного хозяйства Москвы.

Как могло такое произойти? Есть ли иной выход из положения или хотя бы смягчение возникшей проблемы? Однозначный ответ на эти вопросы дать трудно. Мы попытаемся рассмотреть лишь некоторые из них.

У министерств и ведомств сложилась порочная тенденция к расширению в Москве своих предприятий, к наращиванию мощностей по строительству новых объектов, цехов, лабораторий, складов. Тяга эта сильна, несмотря на действующий запрет на размещение градообразующих предприятий. Запрет существует, а новые объекты, особенно научные, экспериментальные и ряд других подразделений разных калибров являются в порядке исключения. Для размещения их в Москве места, как правило, нет, но его в конце концов выкраивают в одной из производственных зон за счет изъятия неосвоенных участков, ранее отданных для других ведомств, объектов.

В связи с острым дефицитом территории то или иное предприятие оказывается на выкроенной для

него площадке в окружении случайных соседей, не имеющих ничего общего с характером производства «новичка». А значит, ни о каком кооперировании, специализации и других прогрессивных решениях речи и быть не может. Воду, энергию, тепло предприятие получит от соответствующих служб Мосгорисполкома, кадры наберет, переманивая у своих соседей, а чего не хватит — завезут «по лимиту»: ведь если объект построен, не может же он не работать. Это было известно еще до начала отвода участка, проектирования, строительства не только в Главмосархитектуре, но и в центральных плановых органах.

Так растет население Москвы, а с ним и все, что требует его обслуживания. Это самостоятельная тема, безусловно, связанная с чрезмерным ростом градообразующей базы, во многом усложняющим нормальные условия жизни горожан и заставившим выйти за пределы МКАД.

Но вернемся в производственную зону, куда попало условно взятое нами предприятие. Проектировать его поручат ведомственной организации. Проектируя «штучный» объект, авторы естественно предусмотрят на его территории все «свое» — от склада горючих материалов до отстойника. Такой подход ведомств к своим интересам и привел к тому, что производственные зоны заполнены разнообразными объектами с десятками одноэтажных мелких вспомогательных сооружений. При разумном размещении и они могли быть кооперированы и укрупнены, а территория предприятия соответственно уменьшена и упорядочена.

Можно ли изменить создавшееся положение в процессе реконструкции производственных зон?

Крайне необходимо и можно, если в корне изменить отношение к делу, до конца понять суть политики перестройки в народном хозяйстве, а главное, что рост экономического потенциала должен идти одновременно и в тесной связи с широко-

масштабным совершенствованием планирования, управления, стиля хозяйствования с поиском новых путей и методов развития производства.

Метод проектирования производственных зон в Москве не устарел, но он направлен на решение лишь архитектурно-планировочных задач — первоначальной организации территории, установления красных линий, упорядочения дорожно-транспортных вопросов, инженерного обеспечения, охраны окружающей среды.

В отличие от жилого района, где господствует единая технология организации жизни населения, проектирование производственной зоны прочно связано с особенностью деятельности входящих в нее предприятий и учреждений. Поэтому из более чем 70 производственных зон нет, скажем, двух одинаковых по отраслевому составу, санитарно-гигиенической характеристике, транспортному обслуживанию, числу трудящихся, а главное, по народнохозяйственному содержанию.

Определение последнего, главного для любой производственной территории, не входит в компетенцию градостроителей. Они не решают, что надо сохранить, что вывести из Москвы, что развивать, реконструировать и в каких объемах. Это безусловно является прерогативой планирующих органов, ведающих вопросами государственного развития. Однако и они до сих пор организованы по отраслевому принципу, т. е. озабочены интересами ведомств, а судьба столицы, как целостного крупнейшего в стране объекта, в поле их деятельности не попадает.

Проект планировки производственных зон в Москве выполняют проектировщики-градостроители и начинают его с участия в составлении задания на проектирование. Работают они совместно с заказчиком, т. е. промышленным отделом управления планировки и застройки Главмосархитектуры. Задание содержит перечень сохраняемых и размещаемых

ПРОМЗОНА: НЕОБХОДИМ КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД

В проекте промзоны «Борисово» достигнуто единство архитектурно-пространственного замысла и мобильность размещения отдельных предприятий

предприятий и организаций, составленных по заявкам ведомств. В результате списки объектов, которые должны формировать производственную зону, отрабатываются дилетантским способом, опирающимся на интуицию и весьма поверхностные знания промышленной или научной специфики. В связи с этим не удивительно, что списки объектов корректируются по несколько раз в период проектирования и даже после утверждения проекта. Почему же возможно такое в Москве?

Дело в том, что до сих пор (а разговор идет уже много лет) не составлена комплексная схема реконструкции и развития московской градообразующей базы до 2000—2010 годов. А ведь в ней должны были определить пути, объемы и сроки развития профилирующих для города отраслей народного хозяйства и их предприятий.

Известно, что самые важные открытия совершаются на стыке разных наук, самые передовые машины, приборы, изделия создаются при содружестве и совместной деятельности различных производств. И где, как не в Москве, должно это проявиться в широких масштабах. Координирующая роль комплексной схемы состоит в увязке планов министерств и ведомств по выпуску самой совершенной продукции, что позволяет обоснованно решить вопрос о сохранении одних предприятий и выводе или ликвидации других. В этой схеме нужно предусмотреть ограничение развития крупных объектов путем строительства их филиалов в малых и средних городах, где имеются территориальные и трудовые ресурсы, которых нет в Москве.

Важнейшим разделом комплексной схемы должно стать установление очередности реконструкции и развития предприятия отрасли с выделением первой очереди, концентрируя ее объекты в ограничен-

ном числе производственных зон и промузлов. Территориальное объединение позволило бы не только углубить кооперирование, но и сосредоточить материальные средства при долевом участии всех ведомств на создании общеузловых объектов производственного и социального характера.

Разработанная «Комплексная программа научно-технического прогресса Москвы на 1986—2005 гг.» нацеливает на интенсификацию общественного производства, повышение его эффективности и сбалансированности с учетом внешних и внутренних народнохозяйственных связей, использование достижений научно-технического прогресса для ускорения темпов решения социально-экономических задач, улучшения условий труда и жизни москвичей. Основными направлениями развития промышленности признаны реконструкция и техническое перевооружение действующих предприятий, что позволит в более короткие сроки добиться увеличения выпуска продукции без роста численности кадров.

Однако эта программа, так хорошо координирующаяся с концепцией Генерального плана развития Москвы, пока далека от практики. Пора передовые идеи закладывать в конкретные планы деятельности производственных объединений, крупных предприятий, экспериментальных производств и других объектов.

Не отдельные, штучные объекты, а создаваемые, исходя из межотраслевых интересов, объединения предприятий, размещаемые в существующих производственных зонах или на присоединенных к Москве территориях, могут дать значительный технологический эффект. Это позволяет использовать подземное пространство в качестве одного из значительных и, можно сказать, еще не тронутых резервов экономии ценных городских земель.

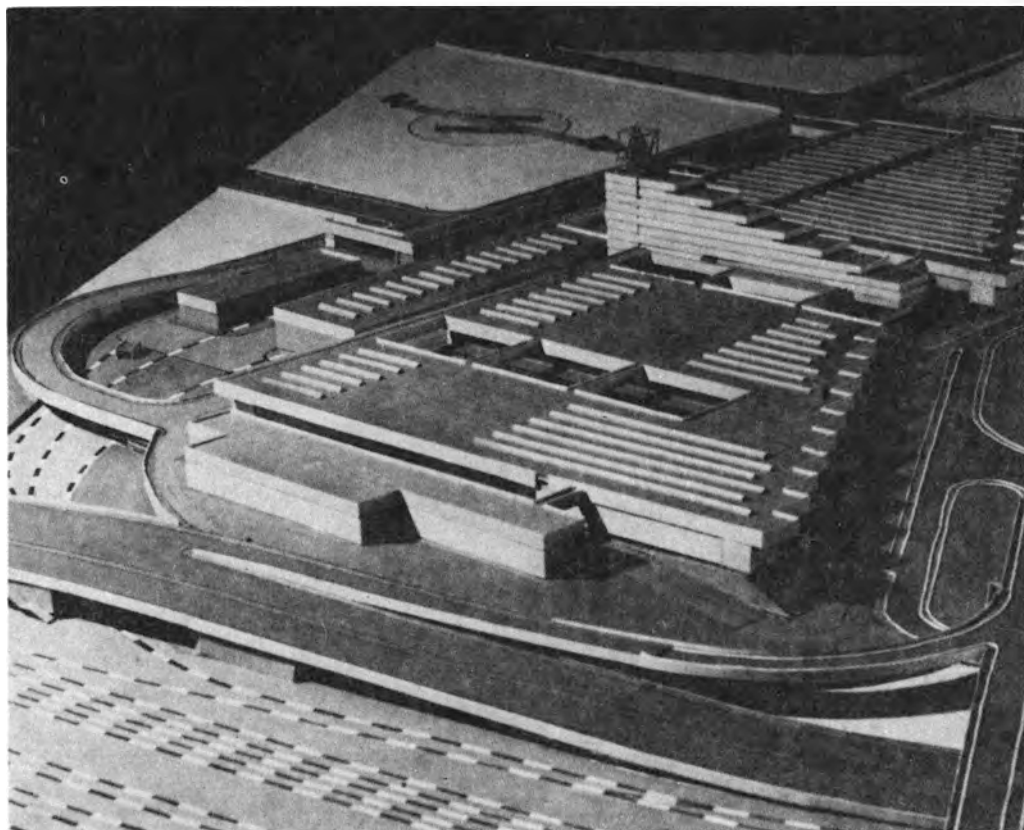
Задание на проектирование любой производственной зоны, разработанное экономистами-промышлен-

никами на основе комплексной схемы, обладало бы достаточными обоснованностью и стабильностью. Архитекторы получили бы надежный документ для пространственной организации производственной зоны и ее составного элемента — промышленного узла.

Промузел способствует наиболее прогрессивной организации входящих в него предприятий, позволяет применять ЭВМ на всех этапах деятельности, включая и организацию отдыха трудящихся, исключить дублирование, обеспечить ритмичность производственных процессов, рационально использовать отходы производства. Для создания промузла в производственной зоне необходим иной, чем сегодня, подход. Ведущую роль должна сыграть единая система заказчика и подрядчика на осуществление проектных работ. Только в этом случае можно гарантировать четкость исполнения прогрессивных замыслов, ведущих к совершенствованию технологических процессов, использованию скрытых резервов.

В Москве, несмотря на то, что производственные зоны проектируются с 1965 года и что 45 проектов их планировки утверждены Мосгорисполкомом, не узаконено территориальное понятие «производственная зона». Поэтому и нет у нее хозяина, кто заботился бы не об отдельном предприятии, а о всей зоне, как части городской территории, которая является частью столицы. Отсюда безобразное состояние почти всех без исключения сложившихся производственных зон.

Каждая производственная зона должна иметь координирующий управленческий орган, который в зависимости от характера зоны может называться Советом директоров или Дирекцией строительства. В состав координирующего органа должны также входить представители Мосгорисполкома (промУКСа), Мосгорплана и Главмосархитектуры (проектировщик). Координирующий орган обеспечивает реализацию проекта

ПРОМЗОНА: НЕОБХОДИМ КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД

Промышленный узел Главмосплодоовощторга, предназначенный для размещения предприятий по переработке плодоовощной продукции, отличается высокой плотностью застройки

планировки и реконструкции производственной зоны, доленое участие предприятий в создании общеузловых вспомогательных объектов, финансирование строительства с привлечением, если надо, кредитования. Он способствует выполнению мероприятий по оздоровлению экологической обстановки в производственной зоне.

Складывающаяся в мире экология крупнейших городов говорит о чрезвычайной опасности, с которой придется в самом ближайшем времени бороться везде. Москва не является исключением, и мероприятия, уже сегодня проводимые в жизнь, являются недостаточными. Применение экономических санкций, по нашему мнению, может зна-

чительно ускорить достижение результатов, если все предприятия будут вносить в бюджет Мосгорисполкома плату за выброс каждого отдельного ингредиента. Это позволит быстрее применить улавливатели или изменить технологию. Средства же, полученные в единый карман, можно будет целенаправленно использовать на строительство очистных сооружений.

Единая система заказчика и подрядчика при одновременном доленом участии ведомств в осуществлении проекта нашла практическое претворение в Кишиневе (промзона «Новые Чеканы»), в Ленинграде (промзона «Парнас») и в ряде других городов и показала большой народнохозяйственный эффект.

Головной проектной организацией Госстроя СССР — институтом «Промстройпроект» и рядом специализированных институтов за последние два десятилетия выполнено бо-

лее 500 схем генеральных планов промузлов, большинство из которых уже функционирует.

Эта прогрессивная форма организации предприятий на единой территории не прививается только в Москве. Опыт проектирования и осуществления Рубцовского промузла показал, сколь консервативна, а значит неэффективна ведомственная структура отраслевого подчинения предприятий. Получивший высокую оценку проект организации промузла был поддержан партийной организацией Бауманского района, однако завяз на десятилетие в тенетах разном ведомственной структуры объектов, хотя насчитывается их там всего пять.

Образцом перспективного промузла, обладающего мобильностью размещения отдельных предприятий, так необходимого Москве в период до разработки комплексной схемы, является Борисовский узел, разработанный Промстройпроектом. Он отличается единством архитектурно-пространственного замысла, целесообразным зонированием, удобной организацией вспомогательных кооперированных служб, высокой эффективностью использования территории, большими возможностями по созданию эстетического внешнего вида промышленной застройки.

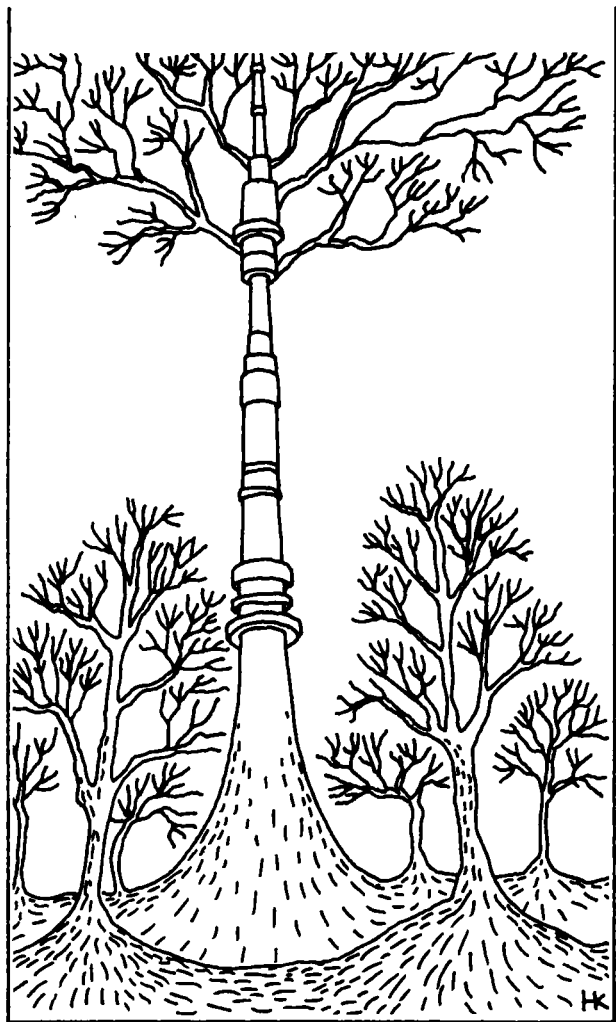
230

Высоки и его технико-экономические показатели: семь ведомств для размещения 18 объектов требовали отведения 37,4 га территории, а проектировщики уложились в 27,4 га. На развернутых производственных площадях удалось получить 323 тыс. м², вместо заявленных 261 тыс. м². Плотность составила 11 800 м²/га, что в 1,4 раза больше среднеотраслевых норм.

Высокую оценку специалистов получил также проект Бирюлевского промузла, выполненный в институте «Моспромпроект». Промузел предназначен для размещения группы родственных предприятий, выполняющих Продовольственную программу. Они будут перерабатывать нестандартную плодоовощную продукцию по безотходной схеме. Здесь же разместятся тарное производство, завод по изготовлению нестандартного оборудования для торговых учреждений и плодоовощных баз.

Взаимоувязанная технология позволяет получить высокую плотность производственных площадей, намного превышающую среднемосковскую для данной отрасли, и экономию около 10 га городской земли, которая потребовалась бы при «штучном» размещении объектов. Использование этой территории в селитебной зоне города позволило бы получить, например, более 100 тыс. м² общей площади в жилых домах, школу, два детских учреждения, магазин и предприятия обслуживания.

В период интенсификации развития следует отказаться от проектирования отдельных предприятий и полностью перейти на создание промузлов, система которых гарантирует прогрессивную организацию производства и эффективные градостроительные решения. Приведенные примеры говорят о том, что московские проектировщики для этого созрели. Перестройка, идущая в стране, должна коснуться и проектирования производственных зон — сферы труда многомиллионной армии рабочих, техников, инженеров, упорядочения $\frac{1}{5}$ части городской территории, совершенствования крупнейшего научного и промышленного центра страны.

С экологических позиций

ГДЕ ЖЕ ТА «ЗОЛОТАЯ СЕРЕДИНА»?
ЕСЛИ ВЫ СОГЛАСНЫ — ЛЕТИМ!
ПО ПРОГРАММЕ «ЭКОПОЛИС»
СОХРАНИТЬ НА ВЕКА

ГДЕ ЖЕ ТА «ЗОЛОТАЯ СЕРЕДИНА»!

Удальцов А. П., журналист

Издательство «Русский язык» попросило разъяснить (в связи с подготовкой к печати серии книг «Новое в русской лексике»), что такое «градостроительная экология». Как говорится в письме, это словосочетание встретилось в одной из статей «Литературной газеты».

Не знаю, что это за статья, но, опубликовав уже довольно давно в той же газете статью «Голубые города или голубые мечты?», я употребил слова «экология города». Разумеется, не мне принадлежит это понятие, да и сейчас я не смогу дать ему точное определение — это сделают специалисты. Здесь же я хочу лишь поразмышлять о том, как не просто пробивают себе дорогу и как не просто укореняются в сознании людей простые истины.

Кстати говоря, ведь и сам термин «экология» имеет массу толкований. Разные специалисты определяют и истолковывают его по-разному.

Мне было интересно узнать, как трактует экологию автор всемирно известной книги «До того, как умрет природа», профессор Жан Пьер Дорст, директор Национального музея естественной истории в Париже.

Книга эта появилась в 1964 году, переведена во многих странах мира, в том числе и в СССР (1968 г.) и вызвала всеобщий читательский интерес. Тому есть свои причины. Книга Жана Дорста уникальна, она явилась по существу первым опытом анализа состояния охраны природы во всемирном масштабе. Отсчет новейших экологических воззрений, так не просто укореняющихся в сознании людей, мы с полным правом можем вести с момента создания этого капитального научного и одновременно популярного труда.

Корр. Вас называют одним из ведущих экологов мира. Но что такое экология? В глазах многих людей экология — какая-то милая и неясная область деятельности, цель кото-

рой — оберегать птичек и зеленые насаждения. Так ли это?

Ж. П. Дорст. Дать полное определение экологии, конечно, трудно. Напомню общепринятую формулировку: экология есть отрасль биологии, изучающая отношения живых существ с физической средой, а также отношения живых существ друг с другом. И хотя такое определение совершенно оправданно, я тем не менее считаю, что экология есть нечто большее, что это не только отрасль науки, а метод мышления, метод глобальный и интегрированный с целым рядом проблем, связанных с изучением функционирования биосферы и ее освоением человеком и для человека. Наш род не может быть оторван от остального живого мира. Изучать эти вопросы следует, призвав на помощь все науки. Вклад геологии, климатологии, физической океанографии должен учитываться наравне с ботаникой, зоологией или молекулярной биологией. Математик, экономист и в известной мере даже философ тоже могут сказать свое слово. Таким образом, экология приобретает совсем иное значение, чем первоначальная формула. Неоценимую помощь ей могут оказать системный анализ и электронно-вычислительные машины. Экология есть наука синтеза, именно так ее надлежит понимать.

Корр. Некоторые защитники природы винят во всех современных бедах науку, сам процесс развития науки и техники. Как относитесь к этому Вы?

Ж. П. Дорст. Многочисленное и требовательное человечество не сможет довольствоваться возвратом к идиллическому сельскому прошлому; надо контролировать технический прогресс таким образом, чтобы увеличить наши потенциальные возможности, но при этом исходить из того, что биосфера реально может дать человеку. Речь идет, следовательно, о том, чтобы повлиять на наше индуст-

риальное общество и привести его к состоянию более удовлетворительно-го равновесия. Человечеству придется научиться гибкости и перестать путать «быть» с «иметь» в качестве критерия благосостояния и даже счастья.

Так закончилась беседа с профессором Дорстом.

Быть и иметь. Где «золотая середина» между ними? На эту проблему вывел нас наш долгий разговор с прославленным путешественником, знаменитым ученым, одним из лидеров экологического движения на Западе, отважным капитаном, журналистом, писателем, кинематографистом Жаком-Ивом Кусто, которая состоялась в Париже на киностудии в тот момент, когда мой собеседник монтировал новый фильм о поисках таинственной Атлантиды.

Приведу фрагмент из беседы с ним.

— Верите ли вы,— спрашиваю я Кусто,— в возможность глобального экологического кризиса на планете, о котором так часто говорят ученые Запада?

Ж.-И. Кусто. К сожалению, он может наступить, потому что во всем мире природные ресурсы истощаются, и многие не думают о завтрашнем дне. Если в корне не изменить наш образ жизни, нашу экономику, то экологический кризис неизбежен.

Кусто объясняет мне, что главную опасность он видит прежде всего в скорой нехватке источников энергии, в бесконтрольном, на его взгляд, развитии техники.

А. П. Удальцов. Но вы же как инженер, как создатель технически сложных подводных приборов, в принципе, наверное не против научного и технического развития. Это следует из всей логики вашей жизни.

Ж.-И. Кусто. Я целиком за технический прогресс...

А. П. Удальцов. Тогда ответьте, пожалуйста, где та «золотая середина» в техническом совершенстве, которая позволит нам уверенно смотреть в будущее?

Ж.-И. Кусто. Вы спрашиваете, где ее провести, чтобы в будущее можно

было смотреть с безмятежным спокойствием? Может быть, это и легко было бы сделать. Однако опасность сейчас в том, что многие люди считают, как только наука и техника делают нечто возможным, надо автоматически претворять эту возможность в действительность, в то время как следовало бы иметь выбор выбирать такие технические решения, которые совместимы с сохранением окружающей среды, всей нашей экологической системы. Всеобщее распространение автомобиля, например,— вещь, на мой взгляд, плохая, потому что автомобиль должен служить только для определенных оптимальных перевозок, а что мы видим в жизни? По какой бы автомагистрали вы ни ехали, вы обязательно встретите легковые автомобили, в которых сидят всего двое, а то и один человек. С экологической точки зрения, это же катастрофическое явление! Катастрофическое в смысле растраты энергии и в смысле отравления атмосферы. Общественный транспорт гораздо более экономичен и гораздо меньше загрязняет среду. Хотелось бы надеяться, что дальнейший технический прогресс пойдет по пути развития именно общественного транспорта, как гораздо более практичного, гораздо более экологически разумного по сравнению с тем, какой мы имеем сегодня. Или возьмем другой пример. Электроника сейчас становится все меньше по размерам, происходит ее миниатюризация. Люди, стало быть, имеют возможность делать необыкновенные вещи из очень небольшого количества материала и требующие очень немного энергии. Телефон, например, потребляет очень мало энергии, а позволяет поддерживать связь хоть со всем миром. Вот это разумный прогресс. А когда телефон совместится с телевидением, когда можно будет и видеть человека, с которым говоришь, тогда не всякому захочется лететь в самолете, чтобы встретиться с ним. Это будет означать экономию и энергии, и материалов. Так что прогресс, по-моему, не обязательно в том, чтобы производить больше стали, боль-

ше электроэнергии. Гораздо более мудрый технический прогресс состоит в том, чтобы научиться делать вещи очень сложные и практически необходимые из очень малого количества материалов и с очень малыми затратами энергии. Тут нужен и выбор, так чтобы мы могли говорить «нет» одним формам развития и говорить «да» и максимально поощрять другие — экологически рациональные. В общем, я верю в прогресс, но прогресс контролируемый.

А. П. Удальцов. Так что же мы назовем «золотой серединой»?

Ж.-И. Кусто. Это возможность выбора. Разве не могли бы люди пойти, например, на такую простую меру, как запретить производство предметов, которые выбрасываются на свалки? Сейчас делают бритвенные лезвия, которыми пользуются обычно только раз. Это же расточительство! Или зажигалка, которую, как только та опустеет, можно выбросить, потому что она дешевая; или всевозможная тара и упаковка. На это тратится громадное количество энергии и материалов, а в конце концов все идет на помойку. Ведь очень просто сказать: запрещено. Пора поощрять и развивать лишь то, что экологически разумно.

234

Эта встреча с Кусто состоялась несколько лет назад, но как созвучно его мыслям то, что высказал совсем недавно, уже после аварии на Чернобыльской АЭС, академик Б. Патон: «Полная стоимость крупного комплекса (а современный промышленный город, по существу, является таким комплексом — А. У.) определяется далеко не только прямыми затратами на его создание. В расчет надобно брать еще и экологические потери, неизбежно сопутствующие его включению в «экоиндустриальную» систему. Значит, надежность такого сооружения — даже при его нормальной, безаварийной работе — непременно должна включать в себя задачу сохранения всех элементов окружающей комплекс среды, которые должны быть защищены от воздействия этого комплекса. Иначе говоря, надежность

крупного народнохозяйственного комплекса — это надежная защита от него окружающей его внешней среды. И, разумеется, людей, занятых его эксплуатацией или просто расселенных в окрестностях».

...Да, простые истины не просто входят не только в обыденное сознание, скажем так, «простых» людей, но и представления специалистов и даже ученых.

Как долго думали мы, что окружающая среда — это где-то там — в лесу, в поле, в океане. И как не просто укоренилось в нашем сознании, что окружающая среда — это среда нашего обитания, а значит и города, и наши жилища, и рабочие места, и транспорт...

Гораздо позднее, чем об экологии вообще, стали говорить об «экологии города». А нам бы давно понять, почему с таким упорством Достоевский, Бальзак и Золя, а позднее и Блок описывали смог и мглу, нависающую над городскими улицами!

Сколько тысяч тонн бумаги извели за последние годы во всех странах мира ученые, журналисты, писатели, специалисты по охране природы, убеждая население Земли, что лес надо беречь, океан охранять, а диких животных и вообще не трогать. Небесполезным оказалось занятие. В чем-то кого-то убедили, кого-то даже переспитали.

Но город...

В развитых странах более половины людей живет в городах. А ведь, кажется, совсем недавно основная деятельность человека протекала в поле. В 1790 году, например, 95 процентов американцев жили в поселениях, насчитывающих не более 2 500 человек.

Сегодня пророки уже грозят скорым приходом единого глобального человеческого поселения — «эйкуменополиса». Такой процесс неуклонно развивается. Кто бывал, тот видел бетонные «корабли», вытянувшиеся друг за другом на десятки километров между Токио и Иокогамой, Нью-

¹ Лит. газета, 1986, 29 октября.

Йорком и Вашингтоном, Кельном и Франкфуртом-на-Майне.

В городе — центр духовной жизни, здесь вершины науки и памятники тысячелетней культуры. Забота о городской среде обитания человека должна стать частью общей заботы об окружающем мире.

Стала ли? Вот вопрос, который звучит теперь на многих международных форумах. Казалось, совсем недавно главной темой на них была охрана живой и неживой природы. Сегодня призыв — «Охране города — максимум внимания!» — занял ведущее место.

...Международный салон новой техники по охране окружающей среды... Три гигантских выставочных зала салона демонстрировали новейшую технику борьбы с загрязнениями, методы создания зеленых зон, суперсовременные моющие вещества и механизмы. Выставка впечатляла не искусно сработанными стендами, а обилием реальных новинок науки и техники, направленных на охрану среды обитания человека, и прежде всего городской среды. Зеленые газоны футбольных полей с раскиданными по ним пестрыми мячами, открывающие экспозицию одного из залов, могли ввести в заблуждение: уж не на выставке ли мы «Все для спорта?» Нет, просто таким образом организаторы как бы говорили: можно и нужно влиять на природу города. Если вы поиграете в футбол на обычной лужайке, то после двух-трех раз она превратится в грязное, отталкивающее месиво, если же вы примените специальную систему дренажа, то станете владельцем вечнозеленого газона. Не хотите играть в футбол? Не надо. Пусть это будет настоящий деревенский луг в вашем большом городском дворе, и никому не придется гонять мальчишек и писать грозно — «По газонам не ходить!». Таков простенький пример воздействия человека на природу города.

«Экология города» — эта тема появилась в планах научных исследований совсем недавно. Еще всего лишь каких-нибудь десять-пятнадцать лет

назад об этом просто не думали. Не думали, когда строили новый автовокзал в центре жилого массива, не думали, когда размещали в одном здании магазин продовольственных товаров и бытовой химии.

Но теперь все начинает меняться. Всемирная организация здравоохранения предупреждает: 70—90% всех раковых заболеваний в городах связано с присутствием в окружающей среде различных химических веществ. Прибавьте в этому шум и стрессы большого города.

Чем дальше идет научно-технический прогресс по своему пути неизбежного развития, тем более чистой среды он требует. Чем более чистая вводится технология, тем больше требует она чистых элементов природной среды: чистой воды, чистого воздуха. И если на производстве готовую продукцию еще как-то можно оградить от вредного воздействия, где-то изолировать, в каких-то цехах поставить воздушные фильтры, кондиционеры, то, выйдя за пределы цехов, продукция сразу же «обливается» всеми агрессивными веществами, которые находятся в атмосфере любого крупного города. Например, в Ленинграде ежесуточно выбрасывается в воздух 1 200 т сернистого ангидрида, что в соединении с влагой воздуха приводит к появлению 1 800 т кислоты. И плюс еще 600 т двуокиси азота. И все это обрушивается на город. Страдают люди, а также здания и сооружения, и среди них ценнейшие исторические памятники.

Но главное (если сконцентрировать внимание на технике), она сама накладывает на себя определенные ограничения и далее не может развиваться. Если мы будем пренебрежительно относиться к экологическим проблемам города, то можем сознательно или бессознательно поставить себя на грань тупикового развития. Ведь именно в крупных городах сконцентрирована самая передовая технология, самое дорогое оборудование, самые ценные здания, сооружения, коммуникации.

Крупный город является как бы

экологической моделью того нежелательного экологического будущего, которое может постигнуть всех нас, если мы уже сейчас не задумаемся над тем, что нам делать. Наступил момент, когда изучение экологических проблем крупных городов стало задачей не только необходимой, но и обязательной. Главные из этих проблем, на мой взгляд, таковы: здоровье человека в условиях крупного города, возможность дальнейшего развития научно-технического прогресса и, наконец, сохранение естественных природных элементов, которые есть и в самом городе, и в его окрестностях. Если мы решим эти проблемы (верю, с большими трудностями, но решим), то сможем думать и говорить о «городе будущего».

Еще лет десять назад «город будущего» было принято рисовать таким научно-фантастическим мегаполисом с похожими друг на друга бетонными громадами зданий, с высоченными башнями, с геометрически правильной сетью монорельсовых дорог и транспортными средствами, скользящими на воздушной подушке. Сейчас, когда космические корабли совершают долговременные полеты, когда компьютеры и роботы внедряются в повседневную жизнь, будущее заметно приблизилось. И надо признать, что прежние представления о городе будущего утратили свою актуальность. Теперь многие футурологи считают, что городской пейзаж 2000 года останется примерно таким, каков он сегодня. За последние годы наука о будущем сделала скачок в своем развитии. В ней стало меньше утопий и больше реалистического предвидения, ее «сценарии» создаются с учетом требований экологии города, роста затрат на строительство и необходимости экономить энергию.

Электронная революция, о которой спорят сейчас, уже началась. Но это революция «подспудная», оставляющая неизменными очертания и формы привычных предметов. Автоматизация, преобразуя наш мир изнутри, делает все вокруг более организованным, поддающимся контро-

лю, эффективным. Но делает это, по-видимому, так, что изменения не будут бросаться в глаза. Техника постепенно и незаметно проникает во все уголки наших домов. Гигантские экраны нового кинотелевидения, панель микрокомпьютера и лазерный «читчик» видеодисков будут сочетаться в наших домах со старинной (или сделанной «под старину») мебелью.

Все сети коммуникаций — эти магистральные передачи информации завтрашнего дня — будут бесшумными и невидимыми.

Дом будущего будет абсолютно надежен, хорошо защищен от возможных пожаров, землетрясений и других катастроф благодаря чувствительным датчикам, реагирующим на дым, шум, высокую температуру, вибрацию. Он будет удобен и ухожен благодаря новому поколению домашних думающих приборов. Живя в таком «электронном» доме, можно быстро избавиться от уймы обременительных каждодневных обязанностей и забот.

Передвигаться в «городе будущего» станет легче и приятнее. Большие автостоянки у границ исторических центров будут соседствовать со станциями общественного транспорта такого, например, как скоростные поезда, движущиеся по колеи и представляющие собой нечто среднее между поездами метро и старыми трамваями. Они будут ходить как под землей, так и по ее поверхности через определенные короткие интервалы и без всяких помех. Управлять транспортом будет большой компьютер (отсутствие водителя придаст им вид поездов-призраков). Модернизированные «потомки» наших автобусов будут бивариантными, т. е. в городе они смогут работать на электроэнергии, а за его пределами — на дизельном топливе. Машины станут бесшумными и чистыми. Сеть специальных туннелей позволит увеличить их скорость. Между городами, связанными особо напряженным пассажирским потоком, заснут сверхскоростные поезда — ходить они будут так часто, что, не смотря на свой малый размер, смогут

перевозить из города в город за час до 20 тыс. человек при скорости 300—400 км/ч.

А может все будет совсем не так? По-иному? Ведь проблем у современного города, кроме названных мной, без преувеличения, миллион. Начиная от сохранения памятников архитектуры, эстетики наших жилищ и кончая зелеными зонами и улицами только для пешеходов.

Сейчас настало время говорить не просто об окружающей среде, а о городской среде обитания человека. И тут придется внедрять в сознание горожан простые непростые истины, чтобы каждый из нас почувствовал: шуметь в городе так же недопустимо, как бросать в лесу пустые бутылки и банки; оставлять без надобности открытыми водопроводные краны, когда половина населения земли испытывает недостаток в питьевой воде,— показать себя дикарем, недостойным уважения людей; промчаться по тихим улицам на мотоцикле — быть осужденным общественностью в той же степени, как, скажем, алкоголик или лжец; курить в помещении, где есть некурящие,— проявить свою невоспитанность; выехать на автомобиле с неотрегулированным двигателем, без нужды форсировать режим его работы, увеличивая загрязнение воздуха, так же низко, как вырезать на

стволе дерева свое драгоценное имя.

После упомянутой уже статьи о «голубых городах» мне пришли сотни горячих заинтересованных писем читателей. В них боль, страсть, раздумья, поиски, конкретные предложения.

Письма горожан подтвердили остроту вопроса и показали дискуссионный характер самой темы «Экология города». Критика читателей была направлена в адрес министерств, ведомств и местных органов власти, но много места в письмах уделено и проблеме экологического воспитания современного человека.

Словами «экологическое воспитание человека» я и хочу закончить эти заметки. Уверен, будет четко сформулировано понятие — «экология города» и словосочетание «градостроительная экология» войдет в русскую лексику. Это, конечно, в чем-то облегчит процесс экологического воспитания. Но научно-технический прогресс необратим, а значит в городах будут возникать все новые и новые, и все более сложные экологические проблемы. Решать их придется тем самым министерствам, ведомствам и местным органам власти, которые сегодня критикуют горожане. И несмотря на все беседы и встречи, меня по-прежнему мучает вопрос: где же та «золотая середина?»

237

ЕСЛИ ВЫ СОГЛАСНЫ — ЛЕТИМ!

Машинский В. Л., инженер

Уважаемый читатель! Я советую Вам воспользоваться любезным приглашением писателей-фантастов и совершить в машине времени путешествие в Москву 2000 года. Помня бессмертное правило Козьмы Пруtkова о том, что нельзя объять необъятное, ограничим свое знакомство с Москвой 2000 года только озеленением города. Если Вы согласны — летим!

Лучше всего приземлиться не на

Красной площади, а где-нибудь на окраине Москвы.

Итак, мы в Москве 2000 года. Нам повезло — уже в первом попавшемся киоске мы купили набор карт и схем по Москве. Присядем на скамейку и посмотрим карту Москвы. Глаз привычно отмечает зеленые массивы Сокольников, Лосиног острова, Измайлова, Кускова, Кузьминок. Но что это? Появились новые зеленые пятна.

Писатель-фантаст, обеспечивающий нам полет, посоветовал: «Летите в Институт Генплана. Там мы дого-

ворились, что вам расскажут о современном состоянии озеленения города, мы позаботились также, чтобы ваше появление не вызвало удивления».

И вот мы беседуем с одним из главных специалистов мастерской озеленения Института Генерального плана 2000 года. На стене висит огромная карта Москвы. Он подошел к карте и начал свой рассказ.

— Вы прибыли к нам из 1987 года. В то время в Москве насчитывалось 60 парков и парков культуры и отдыха, 22 детских парка, 14 городских лесопарков, 118 стадионов, 30 садов, 959 скверов, 152 бульвара. Площадь зеленых насаждений общего пользования составляла 14,6 га или на одного жителя приходилось 17,8 м².

Вы, конечно, знаете, что генеральная схема озеленения Москвы, утвержденная Мосгорисполкомом в 1975 году, так и не была воплощена в жизнь. Из 18,8 тыс. га, отведенных под зеленые насаждения, более 2,5 тыс. га было уже застроено. На месте проектируемого парка за МГУ на Ленинских горах возникли жилые районы: Олимпийская деревня, Никольское, Раменки. В Строгине на месте проектируемого общегородского парка культуры и отдыха был построен жилой район на 130 тыс. жителей. Интенсивно застраивался зеленый клин от площади Коммуны до ВДНХ. Строительство парков им. 60-летия Октября, XX партсъезда было практически законсервировано.

Основная идея Генерального плана Москвы — создание зеленых клиньев от центра Москвы к периферии, дополненных системой внутримикрорайональных зеленых насаждений — оказалась неосуществленной.

Застройка города расчленила эти крупные структурные элементы системы озеленения столицы, превратив их в не связанные между собой оазисы. Уровень работ по озеленению был крайне низок, что резко ухудшило экологическую обстановку в городе. Зеленые насаждения города распределались очень неравномерно. В центральном ядре Москвы обеспе-

ченность зелеными насаждениями составила всего 4,4 м²/чел., а в средней части города (в пределах Садового кольца) — еще меньше — 3,5 м²/чел. В результате существующие зеленые насаждения, испытывая все возрастающую нагрузку и лишённые необходимого ухода, стали погибать.

Основную причину вы знаете. Застойные явления, поразившие нашу страну и вскрытые на XXVII съезде КПСС. Несмотря на то, что высшие государственные органы страны вопросам охраны природы стали уделять все возрастающее внимание, с мыслью о том, что озеленение является одним из наиболее эффективных средств охраны природы в современном городе, в 1987 году еще не соглашались. Все внимание было уделено строительству очистных сооружений, пыле- и газоуловителей, хотя самые лучшие пыле- и газоуловители могут улавливать и задерживать не более 97% всех вредных выбросов, а вредные выбросы автотранспорта, непосредственно подвозящего эти выбросы к жилым домам, вообще не поддаются улавливанию. И в 2000 году доля экологически чистого транспорта составляет еще очень небольшой процент от всего автопарка, работающего в городе.

Перелом произошел позднее, когда перестройка набрала силу и научились переводить энергию слов в энергию дела.

Московский городской комитет партии и Мосгорисполком провели научно-практическую конференцию по вопросам озеленения и благоустройства города, на которой впервые слово было предоставлено специалистам. Их выступления не были заорганизованы, и они дали анализ существующего положения и внесли свои предложения по коренному улучшению дела. Предварительно была проведена большая работа. Группы специалистов были направлены в другие города и регионы страны, где они изучили опыт городов, добившихся успехов в озеленении, обобщили его и выработали конкретные мероприятия по озеленению Москвы. Потом

были еще конференции, но значение первой конференции состояло в том, что все разумные предложения впервые стали немедленно осуществляться.

Была откорректирована генеральная схема озеленения города. Все территории, которые предназначались для создания зеленых объектов города, были исключены из системы застройки и переданы вновь созданному Главному управлению озеленения Москвы. Было принято принципиальное решение о скорейшем завершении парков им. 60-летия Октября, XIII партсъезда, парка Дружбы и других объектов, которые строились много лет. В течение XII—XIII пятилеток была создана водоохранная зона вдоль Москвы-реки и на Крылатском гребном канале, парки в Марьине, нижних Мневниках, создан, наконец, детский парк «Страна чудес», парк Победы у Серебряно-Виноградских прудов, парки в пойме Яузы и Чермянки, на оставшейся незастроенной территории Юго-Западного клина, массивов Царицына и Коломенского. Парки и зоны отдыха были также созданы за пределами Московской кольцевой автодороги (МКАД) в Солнцево, Ново-Косине, Жулебине и других районах города. Были проведены большие работы по реконструкции центра. На месте снесенной малоценной застройки и пятиэтажек возникли сады, скверы, бульвары. Дальнейшее развитие получили пешеходные улицы, которые в отличие от Арбата были озеленены. При расчете обеспеченности зелеными насаждениями впервые было учтено так называемое временное население города. Каждый день в Москву на работу, в гости, по делам приезжает более 1,5 млн. человек. До сих пор они в расчет не брались. К 2000 году обеспеченность населения насаждениями общего пользования составила 24 м²/чел.

В Москве насчитывается 51 садово-парковый объект площадью 4800 га, имеющий историческое значение. К 2000 году закончена их реконструкция и восстановление исторического

облика. Это, в первую очередь, парки Кускова, Измайлова, Кузьмино, Останкина, Лефортова, Царицына, Коломенского, Покровско-Стрешнева и многие другие объекты.

Большую работу пришлось провести по упорядочению внутримикрорайонных насаждений. Были пересмотрены нормативы, определяющие плотность застройки микрорайонов, разработаны дифференцированные нормы обеспеченности зелеными насаждениями. Они стали обязательными для проектировщиков. Жилые строения, детские сады-ясли, школы располагаются на территориях, на которых можно разместить детские, спортивные площадки, площадки отдыха, достаточное количество зеленых насаждений. Мы широко применяем цветы. По уровню цветочного озеленения Москва заняла первое место среди крупнейших городов страны. По существу создана новая номенклатура малых форм архитектуры. Мы считаем, что основой композиционных решений микрорайонов должно стать бережное отношение к рельефу, воде, существующим зеленым насаждениям. У нас почти прекратились жалобы на необоснованную вырубку зеленых насаждений. Перед проектированием застройки мы тщательно изучаем территорию и подходим к ее решению каждый раз индивидуально, стараясь учесть все возможности, широко применяем водные устройства: фонтаны, каскады и пр.

Сейчас наши главные усилия сосредоточены на развитии лесопаркового пояса Москвы и пригородной зоны как основной базы организации загородного отдыха на лоне природы. Мы считаем это составной частью озеленения города. Реконструируем существующие зеленые насаждения, причем эта реконструкция производится строго по проектам.

Тут автор и читатель не выдержали и спросили главного специалиста генплана, как им удалось добиться такого коренного улучшения озеленения столицы? Специалист ответил, что коренное улучшение озе-

ления города было достигнуто в результате системного подхода к проблеме, который предусматривал разработку и осуществление увязанных между собой мероприятий в области перспективного планирования, финансирования, организации управления зеленым хозяйством города, проектирования, развития производственной базы, подготовки кадров и т. д. Мы внимательно проанализировали все, что было сделано ранее.

У меня к вам такой вопрос. Мы рассмотрели Положение о комплексе благоустройстве Москвы, которое вы объявили концепцией благоустройства. Мы заложили ее в компьютер, чтобы просчитать все варианты, но компьютер отказался работать, объявив, что Положение составлено некорректно с многочисленными логическими и техническими ошибками. Когда же мы, включив локализатор ошибок, попробовали оценить общую направленность Положения, то компьютер сообщил, что она не содержит ничего нового, закрепляет существующую раздробленность ответственности между многими организациями. Кстати, Московский городской совет создал Главное управление озеленения Москвы. Когда мы попробовали выяснить логику в запрещении посадки кустарников и поощрении громадной вырубке деревьев, имевшей место в 80-х годах, то компьютер просто перегорел и нам пришлось отправить его на переплавку.

Ваше Положение задерживало развитие озеленения города почти на пять лет. Как вы, специалисты, могли выпустить такой документ?

— Без коренного улучшения озеленения и благоустройства,— продолжал главный специалист,— нельзя решать социальные вопросы. Поэтому была разработана программа, к сожалению, без участия специалистов. Руководители города, не накопив еще опыта работы в условиях перестройки, новые задачи пытались решить старыми методами волевого руководства. Специалисты выступили против. Вам лучше знать, удалось нам убе-

дить в чем-либо руководство города или нет.

Тут главный специалист посмотрел на часы и сказал:

— Прошу простить меня, но у меня сегодня доклад в Союзе ландшафтных архитекторов и инженеров садово-паркового хозяйства и я должен покинуть вас.

Читатели. А что, такой Союз существует?

Главный специалист. Да. Вы создали его в 1989 году.

Подойдя к большому видеозащиту, который стоял в углу, он нажал кнопку. На экране появился главный специалист Главного управления озеленения Москвы, который, поздоровавшись, сказал:

— Вы хотите узнать, какие вопросы решались в рамках системного подхода к проблеме озеленения? Я постараюсь ответить на ваш вопрос.

Вы знаете, что в 1987 году было принято принципиальное решение о создании Главного управления озеленения Москвы, которое выступило единым хозяином всех зеленых насаждений столицы. На этот Главк была возложена обязанность осуществлять уход за всеми насаждениями общего пользования и микрорайонов. Были созданы объединения по уходу за зелеными насаждениями. Маломощные тресты, ведущие работы по строительству (зеленому), которые находились в составах строительных главков Главмосстроя и Главмосинжстроя, были переданы Главному управлению озеленения Москвы. Эти тресты стали выполнять работы по озеленению микрорайонов, по своим проектам и сметам и в свои технологические и агротехнические сроки. Сдача домов была отделена от сдачи озеленения и благоустройства.

Главное управление озеленения стало распорядителем лимитов на проектирование и основным заказчиком на строительство зеленых объектов. Главку по озеленению были переданы два завода, которые специализировались на выпуске малых архитектурных форм и улучшенных плиточных покрытий разных расцвет-

ток. Была укреплена питомническая база Москвы, организовано два питомника по выращиванию крупномерного посадочного материала и красивоцветущих форм деревьев и кустарников, организовано производство рулонов газонных покрытий, фабрики по производству растительной земли для посадок. Все территории, предназначенные для создания зеленых объектов, были переданы нашему Главку, который строго следит, чтобы на этих территориях не было капитального строительства. Был разработан порядок их использования. Широко практиковалось предварительное освоение этих территорий путем посева трав, внесения минеральных и органических удобрений. Часть этих территорий используется для организации временных питомников.

На многих заводах страны были размещены наши заказы на механизмы и орудия, которые позволили нам ликвидировать ручной труд в озеленении.

Были внесены изменения в систему работ по зеленому строительству. Озеленение города стало планироваться как самостоятельная отрасль городского хозяйства, войдя составной частью в народнохозяйственный план. Годовые и пятилетние задания стали составляться на основе откорректированной генеральной схемы озеленения города.

В Горплане появилось специальное подразделение по планированию озеленения и благоустройства. К финансированию и материально-техническому снабжению работ по озеленению были привлечены средства предприятий, расположенных в Мос-

кве. Их вклад определяется пропорционально численности работающих на этих производствах. Восстановительные суммы, получаемые за вырубаемые деревья в зоне строительства, стали использоваться на нужды озеленения города.

Для каждого типа озеленения были установлены предельные сроки проектирования и строительства. Вся реконструкция стала производиться только по проектам.

Организовано специальное управление по проектированию зеленых объектов общего пользования и озеленения жилых районов и кварталов.

Московский лесотехнический институт и ряд других институтов организовали подготовку архитекторов и инженеров по ландшафтной архитектуре, садово-парковому хозяйству и строительству, а также агрономов по декоративному садоводству.

Таковы в общих чертах мероприятия, которые помогли к 2000 году вывести Москву на передовые рубежи в озеленении.

В Москве имеется межведомственный Совет специалистов, который разрабатывает необходимые мероприятия по развитию озеленения, контролирует их выполнение, выпускает специальный бюллетень, посвященный проблемам озеленения и благоустройства, и обобщает передовой опыт.

Мы часто бываем в других городах и за рубежом. Все, что мы видим полезного, применяем в Москве.

Здесь вмешался писатель-фантаст: — Ну, друзья, пора возвращаться. Мы попрощались и вышли.

241

ПО ПРОГРАММЕ «ЭКОПОЛИС»

Егикова В. М., журналист

Необычные макеты неизменно притягивали посетителей Всесоюзной художественной выставки «Мастера культуры за мир» в Центральном выставочном зале. Притягивали прежде всего своей необычностью и в то

же время тем, что воспроизводили самые обычные городские улицы, жилые кварталы. Были здесь и дома, и детские площадки, и уголок набережной в Химках, и даже труба ТЭЦ.

Казалось бы, все привычно глазу, вот только... Вот только некоторые детали почти до неузнаваемости из-

менили городской пейзаж. Мы увидели много зелени и мало асфальта. Увидели, как застекленные балконы превращают дома в цветущие оранжереи даже зимой. Нам показали, что можно совместить растения и гаражи. Даже труба ТЭЦ оказалась использованной в виде своеобразного каркаса для теплицы, обеспечивая горожан овощами и зеленью в любое время года.

Внесем ясность: макеты отображали не реальный облик городского квартала, хоть адрес его и был назван точно. Они воспроизводили образ нашей с вами среды обитания, образ, каким его представляют художники. Макеты, демонстрировавшиеся в Москве, — лишь часть той экспозиции, которая была развернута в Химках, где группа художников из экспериментальной студии Союза художников СССР, руководимая Е. А. Розенблюмом, попыталась изобразительными средствами показать, каким может быть город, который хочет жить в гармонии с природой. Предварительно художники консультировались с учеными. Свои рекомендации дали сотрудники лаборатории экологии и охраны природы биологического факультета МГУ, той самой лаборатории, где родилась несколько лет назад программа «Экополис».

242

Что такое экополис? Какую цель преследует программа, в разработке которой вместе с биологами участвуют психологи и юристы, медики и социологи, архитекторы и педагоги, а теперь вот еще и художники?

Прежде, чем ответить, перенесемся на несколько лет назад в Пущино. Именно он был выбран организаторами программы «Экополис» как база для экспериментов, которые не могли не показаться странными непосвященному человеку. В самом деле, исследователей интересовало, например: какова численность птиц в Пущине и за его пределами? Как влияют автомобильные трассы на флору и фауну? Какова доля тяжелых металлов, накапливающихся в придорожных растениях?

Результаты этих «странных» иссле-

дований, постепенно накапливаясь, складывались в картину, которая помогала постичь механизм взаимодействия различных структур современного города, помогала ответить на вопрос, как ему развиваться дальше. И не случайно уже первые обобщенные данные вызвали живой интерес у специалистов. Так, врачи приняли как руководство к действию брошюру кандидата медицинских наук Т. М. Максимовой «Экологические аспекты изучения здоровья населения», а психологи и социологи — работу кандидата наук Л. Б. Филонова, позволяющую заново взглянуть на проблему общения в городе...

Два внушительных сборника — итог семилетней работы в Пущине, если не считать созданных здесь заказников, открытия детской экологической станции, занятий школы партийно-хозяйственного актива, где с идеями программы «Экополис» знакомилась те, от кого зависит ее практическое воплощение.

Так что же такое экополис? Это человеческое поселение нового типа, город, совершенный с экологической и социально-психологической точек зрения. Программа, как считает один из ее авторов, руководитель лаборатории экологии и охраны природы биологического факультета МГУ, кандидат биологических наук Дмитрий Николаевич Кавтарадзе, призвана дать концепцию формирования городской среды и ее сопряжения с окружающей средой. Иными словами, подсказать, как сделать так, чтобы союз «и» в сочетании «город и природа» был в полном смысле слова соединительным.

Возможно ли это? Скептический вопрос, наверное, понятен. Ведь мы с вами свидетели того, как подчас беспощадно наступает город на природу. Сегодня мы все чаще задумываемся, как уменьшить загазованность магистралей, как снизить уровень шума, как уберечь деревья, вытесняемые не только новыми строительными площадками, но и пестицидами, выбросами предприятий.

О том, какой дискомфорт испыты-

вают от всего этого москвичи, наглядно свидетельствуют их письма в разные инстанции. А ведь процесс роста городов во всем мире идет с нарастающей силой, и значит, эти «болезни роста» надо уметь преодолевать. Как? Вот здесь и могут сыграть

свою важную роль рекомендации, которые сегодня готовы дать ученые. Но готов ли город их воспринять?

Возможно ли уже сегодня использование идей «Экополиса» в столице?

«Не просто возможно, но и необходимо», — считает Д. Н. Кавтарадзе.

СОХРАНИТЬ НА ВЕКА

Горбатова В. И., инженер

Наша столица расположена на стыке трех крупных физико-географических районов, повлиявших на формирование ее современного облика. По оси города пролегла долина Москвы-реки с древними террасами, разделенными протоками на отдельные знаменитые московские «семь холмов». На севере Москвы зеленеют Останкинская дубрава и лесная опытная дача Тимирязевки, на востоке расположены самые крупные парки — Государственный природный национальный парк «Лосиный остров», Сокольники, Измайлово, которые еще с XVI века являлись заповедными, поэтому древесная растительность в них хорошо сохранилась. Живущие на юге и западе столицы охотно проводят свое свободное время на Ленинских горах, в Битцевском лесопарке, Серебряном бору, Коломенском, Царицыне и других достопримечательных местах.

Несмотря на уникальные природные богатства, в городе не состоял на государственной охране ни один памятник природы. В лучшем положении оказались памятники культуры, которые приобрели статус охраны и постепенно реставрируются. А между тем естественные сокровища природы — это такие же уникалы. Уничтожить их легко, но воссоздать уже невозможно.

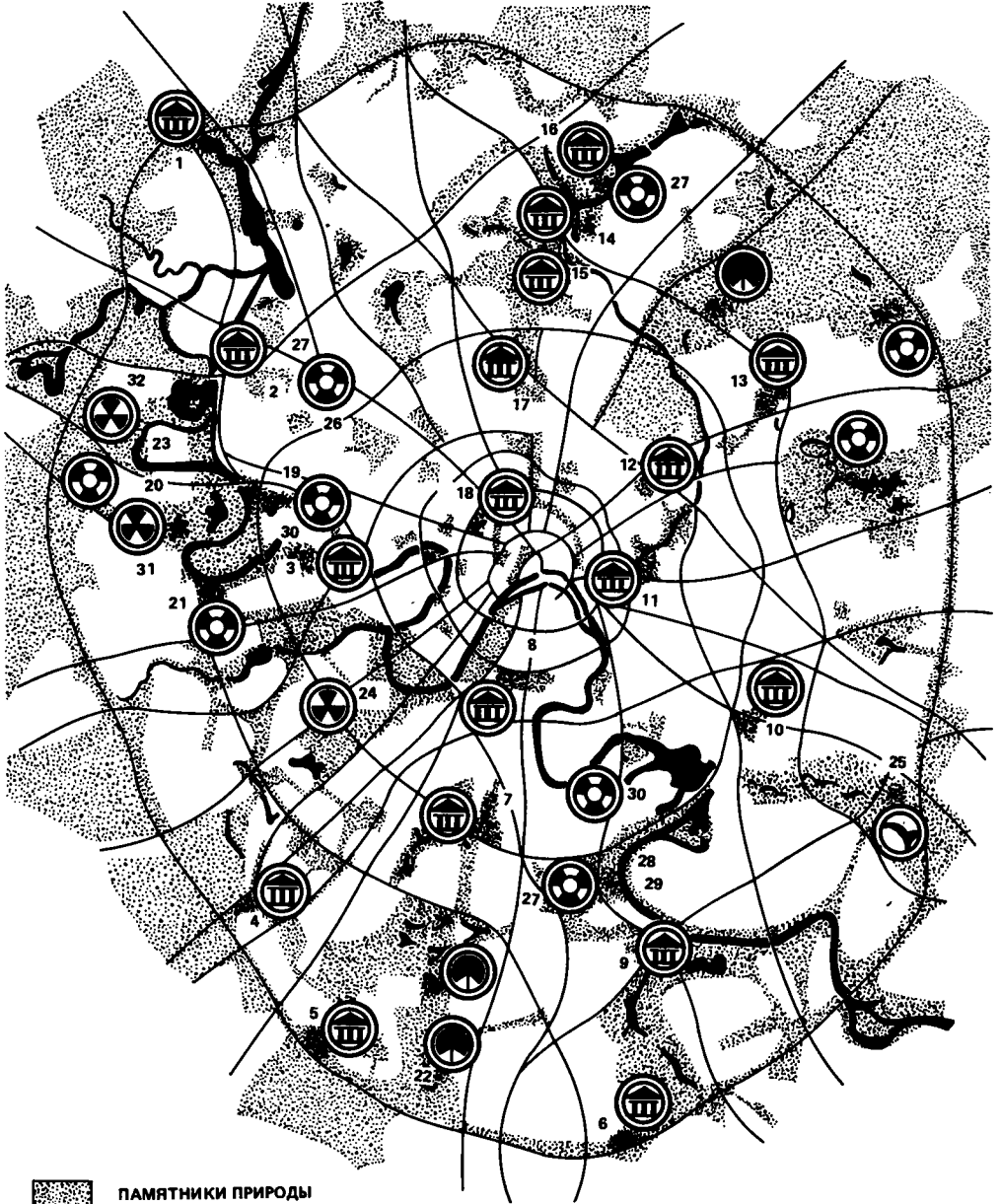
Выполняя план мероприятий по природоохранным работам в столице, сотрудники НИИПИ Генплана г. Москвы с участием Общества охраны природы по заказу Управления го-

сударственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры разработали проектную документацию на памятники природы. Сбор и анализ информации о природных объектах из различных источников — архивных и литературных материалов, от институтов, любителей-краеведов — позволил выявить свыше 60 ценных природных объектов, которые предложены к постановке на государственную охрану, определены их границы, даны рекомендации по режиму использования и сохранения.

Наиболее многочисленная группа памятников — геологическая. В нее включены характерные формы рельефа, обнажения горных пород и родники. По мнению специалистов Всесоюзного института геологии, самая характерная форма рельефа — террасы реки Москвы. Наиболее известные — Ходынская терраса в районе Кремля, Мневниковская терраса, хорошо обзриваемая в районе Мневниковской излуины и Кленового бульвара, и Серебряноборская терраса, которая удачно вписывается в парк Серебряный бор.

Не менее интересны овраги и оползневые ступени. Татаровский овраг, Крылатские холмы, овраг «Малая Гнилуша», склоны Ленинских гор, склон в парке Фили-Кунцево — все это поражает своим микрорельефом, создающим неповторимый облик.

Целой серией геологических ценностей изобилует музей-заповедник «Коломенское». Здесь единственная в городе старица реки Москвы, обрыв берега с обнажением горных пород,

ПАМЯТНИКИ ПРИРОДЫ

ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ

ЗООЛОГИЧЕСКИЕ

БОТАНИЧЕСКИЕ

КОМПЛЕКСНЫЕ

ПАМЯТНЫЕ ПАРКИ

оползневые ступени под названием «Чертов городок», отдельные глыбы песчаников «Девичий камень», «Камень-Гусь», родник «Кадочка» и др.

Парадоксально то, что на территориях, признанных памятниками истории и культуры, или в других единичных природно-исторических комплексах памятники природы не объявляются. Таким образом, на территории музея-заповедника «Коломенское», в Государственном природном национальном парке «Лосиный остров» и других памятниках истории и культуры не объявлены государственные памятники природы. Естественно, это отрицательно сказывается на сохранности природных ценностей.

Большой популярностью у населения пользуются родники. К сожалению, их обустройство носит пока любительский характер. Отсюда низкий эстетический уровень их содержания. Удивительно, что до сих пор они не стоят на учете, их просто игнорируют, даже считают опасными для здоровья. В этом отношении Москва отстает от других городов страны, например Пензы, где родники разумно используются на рекреационных территориях. Они утоляют жажду в

жару, оживляют ландшафт, привлекают птиц. Наиболее известные родники Москвы — в Тушине, Ясенево, Крылатском, Коломенском, Давыдково и др.

Биоценотические, дендрологические, зоологические, биологические памятники природы еще недостаточно изучены, поэтому специалистами института «Союзгипролесхоз» предлагается несколько наиболее подготовленных эталонных участков — липняки Яузского лесопарка, ельники Битцевского лесопарка — явление довольно редкое для города. Они напоминают нам о смене климатических поясов в прошлом.

В московских парках, скверах и дворах много старых деревьев-долгожителей. Одни из них отличаются гигантскими размерами, другие связаны с именами великих деятелей литературы и искусства, третьи лучше всего сохранили жизнеспособность. Разумеется, все они нуждаются в охране: дубы в Коломенском, дуб на проспекте Маркса, вяз по улице Воровского и др.

Не только красотой, но и памятью о прошлом дорога нам природа Москвы. Старинные аллеи и парки, участки заброшенных каналов, пруды выявлены в 20 малоизвестных, небольших по размерам усадебных парках, и специалисты предлагают их поставить на государственную охрану как памятники природы. Некоторые из них сохранили архитектурно-парковый ансамбль и основные исторические элементы: планировку, рельеф, водоемы, насаждения. Часть парков сохранила отдельные фрагменты планировки, дающие представление об их характере и стиле усадьбы. И, наконец, последняя группа парков, в которых сохранились отдельные исторические или природные элементы. Все эти усадебные парки находятся в сильном запустении, а некоторым, из-за дефицита территорий под жилищное строительство, грозит полное забвение. Эти парки требуют безотлагательной государственной охраны. По решению Мосгорисполкома от 27 декабря 1987 г. 54 объекта при-

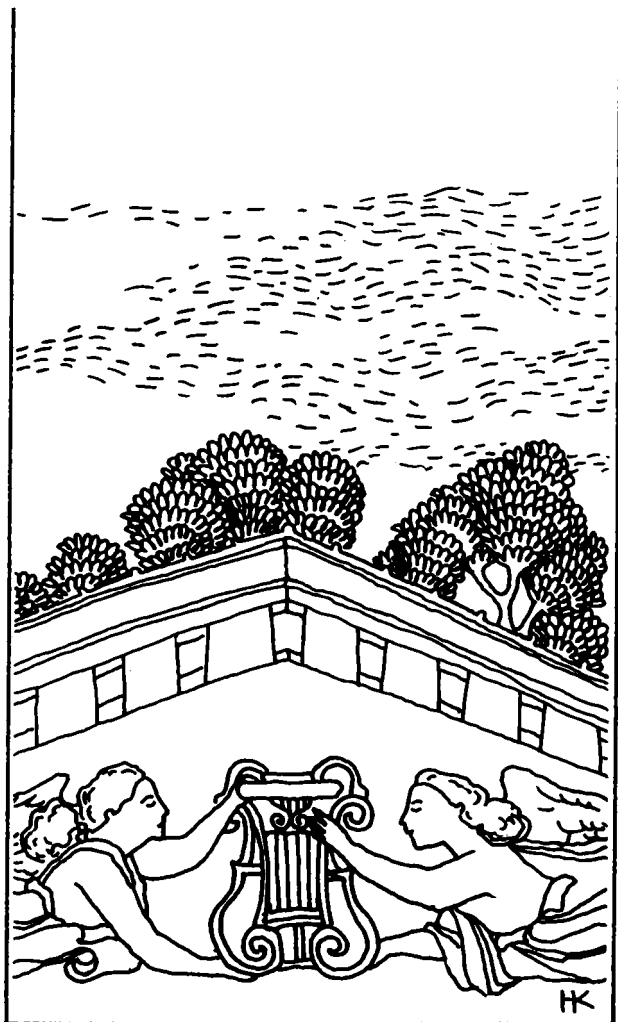
Впервые на государственную охрану взят ряд памятников природы на территории города

Усадьбы: 1 — Козьмодемьянское; 2 — Покровское-Стрешнево; 3 — Фили-Покровское; 4 — Богородицкое; 5 — Малое Голубино; 6 — Загорье (Герцена); 7 — Коробовские сады; 8 — Бекетовская дача; 9 — Аршиновский парк; 10 — Чесменская дача; 11 — усадьба Строганова; 12 — детский парк им. Милюткина; 13 — Черкизово; 14 — Свиблово; 15 — Леоново; 16 — Медведково; 17 — Марьино; 18 — усадьба Небольсиной; 19 — Геологический парк; 20 — овраг «Малая Гнилуша»; 21 — оползневые ступени в парке Фили-Кунцево; 22 — ельник в Битцевском лесопарке; 23 — парк Серебряный бор; 24 — склоны Ленинских гор; 25 — зоологический объект в Кузьминском парке; 26 — карстовая зона; 27 — родники; 28 — валуны; 29 — старица р. Москвы; 30 — Мневниковская терраса р. Москвы; 31 — Крылатские холмы; 32 — Щукинский полуостров

роды объявлены памятниками природы.

Забота о сохранении природных объектов должна быть гарантирована, поэтому все памятники природы закрепляются за организациями и ведомствами, которые обязаны выполнять охранные обязательства. Кон-

троль за их выполнением будут осуществлять исполкомы районных Советов народных депутатов. Правильное использование памятников природы, своевременный уход за ними и поддержание в хорошем состоянии позволит сохранить их для будущих поколений.

Союз муз

РОЛЬ ДИЗАЙНА
АРХИТЕКТУРА СВЕТА
ПРАЗДНИК НА УЛИЦЕ
ЦЕНТР ИСКУССТВ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ
МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ЛЕТОПИСЬ

РОЛЬ ДИЗАЙНА

Азрикан Д. А., кандидат искусствоведения

Сегодня невозможно считать город приспособленным для жизни, если он не пронизан дизайном. Завтра такой город вообще потеряет право быть городом. Такова логика развития культуры.

Дизайн в городе — это качество всей предметной среды, с которой взаимодействует горожанин, — общественный транспорт, торговое оборудование, системы визуальной коммуникации, витрины, места для отдыха и развлечений, все, что важно для человека, живущего внутри города, а не взирающего на него извне, как на архитектурный макет.

Дизайн города — это нечто другое, это качество города как целого, как произведения градостроительного искусства. Можно сказать, что в таком смысле город — плод творчества архитекторов и градостроителей. Но почему не считать архитектуру лишь частью, одной из сфер дизайна? По праву первородства? Однако процесс проектирования дома отличается от проектирования, допустим, вагона меньше, чем процесс дизайна чашки от дизайна станка. Почему же чашка, вагон и станок — дизайн, а дом — архитектура? Для дизайна всегда важен не тип объекта, а метод проектирования, синтезирующий множество подходов, интегрирующий технические и гуманитарные факторы. В этом плане градообразующие творчества имеют будущее лишь постольку, поскольку они смогут стать дизайнерскими по методу.

Сегодня Москва — уникальный в отношении к дизайну город. Это, пожалуй, единственная из мировых столиц, которая пошла на риск и обходится без профессионального дизайна в деле формирования своей предметно-пространственной среды. Между тем, мировая практика свидетельствует, что дизайн городской среды стал одной из наиболее развитых и престижных сфер деятельно-

сти в дизайне и ему уделяется, по крайней мере, равное с архитектурой внимание при формировании города. Во многих случаях происходит не просто сотрудничество, а подлинное интегрирование, сращивание архитектуры и дизайна в едином творческом процессе. Характерной чертой зарубежной практики являются такие проектные решения оборудования для городских пространств, которые ориентированы на серийное промышленное изготовление с помощью самых передовых технологий и новейших материалов. Это выгодно экономически и позволяет создавать и поддерживать высокий функциональный и эстетический уровень городской «микросреды». Промышленное производство элементов городского оборудования при высокопрофессиональном проектировании не ведет к однообразию решений, которое проистекает от недостатка мастерства художника, а не заложено изначально в комбинаторных принципах формообразования. Ведь и безграничное богатство природных форм основано на комбинаторике ограниченного числа исходных элементов. А архитектура из кирпича?

Дизайн городской среды в Москве, впрочем, как и в других городах страны, в самое ближайшее время должен быть направлен на решение ряда первоочередных проблем.

Система городских визуальных коммуникаций. Речь идет о «языке», с помощью которого город общается с горожанином или гостем. Это всевозможные надписи, указатели, вывески, таблички, как стабильные, так и динамические, — электронные табло, часы, информаторы и т. д. Это графика и на стационарных объектах, и на средствах общественного транспорта, — номера маршрутов, указатели, надписи и печатная продукция — карты города, схемы метро, путеводители. То, на каком языке город об-

щается с человеком, свидетельствует о культуре этого общения, о степени уважения к горожанину. Культура визуальных коммуникаций города — один из компонентов демократичности города, его открытости человеку. Молчаливый город — не вечный город. Надо с сожалением признать, что сегодня формированием визуального языка занимаются не профессионалы графического дизайна, а случайные люди. Профессионалов, собственно, и нет, так как их нигде не готовят. Ни в одном вузе нет факультета графического дизайна. Почему-то считается, что дом должен проектировать профессионал, а надпись с названием улицы на нем — кто угодно. В то же время за рубежом в составе профессиональных союзов дизайнеров число дизайнеров-графиков, как правило, на порядок выше чем проектировщиков вещей.

Результат неблагоприятной ситуации в графическом дизайне налицо — сегодня даже москвич, не говоря уже о гостях, особенно зарубежных, зачастую не получает от города необходимой информации для ориентации в сложном городском пространстве, в маршрутах транспорта, в городской географии, в размещении и работе его торговых, зрелищных, обслуживающих и других предприятий. В Москве множество районов, особенно новых, которые абсолютно немые, и человек чувствует там себя, как в пустыне. Те разрозненные фрагменты отсутствующей в городе системы визуальных коммуникаций, которые все же появились на свет, страдают низкими функциональными качествами, крайне примитивна технологическая культура их выполнения. Отсутствуют какие-либо попытки создания специфически московского стиля городской графики, специально разработанных московских шрифтов, систем знаков, цветовых решений. Нет признаков, по которым графика на аптеке отличается от графики на почте, продуктовых магазинах, кинотеатрах.

Для того чтобы Москва вошла в XXI век обновленной и с возрожден-

ными историческими культурными традициями, необходимо, в ряду других, решить проблему визуальных коммуникаций города. Нужен комплексный дизайнерский проект, а лучше конкурс таких проектов, включающих разработку специальных современных, в то же время специфически московских, удобочитаемых шрифтов, знаков, цветовых кодов, фирменных графических стилей городских служб различного профиля.

Такие стили должны приобрести все системы города — милиция, скорая помощь, производственные предприятия, коммунальные, ремонтные службы, транспортные организации, системы связи, бытового обслуживания, гостиницы, рестораны, аптеки. Крупные графические стили солидных фирм и организаций дополняются красочным разнообразием графических программ мелких кооперативных предприятий, которые также должны стать объектом творчества профессиональных дизайнеров. Все должны иметь свое лицо, выраженное цветографическими средствами. Однажды это уже было. «... Каждая часть имела свою «рубашку», и москвичи издали узнавали, какая команда мчится на пожар. Тверская — все желто-пегие битюги, Рогожская — вороно-пегие, Хамовническая — соловые с черными хвостами и огромными косматыми черными гривами...!» Существовали в те времена и «фирменные стили» московских аптек, булочных.

Графические фирменные стили городских служб должны охватить и принадлежащие им средства транспорта, что сделает коммуникативным и транспортный поток. Это внесет в городскую жизнь атмосферу своеобразной «визуальной гласности», предупредительности, доверия к горожанину. Город, его власти и службы с одной стороны, и житель — с другой становятся в такой среде

¹ Гиляровский В. А. Москва и москвичи.— М.: Московский рабочий, 1960.

равноправными партнерами. Это демократическая среда.

Работа в области визуальных коммуникаций города должна вестись в тесном взаимодействии с возрождением исторической московской топонимики. Понадобится очень большой художественный такт, чтобы обеспечить гармоничное взаимодействие слова и его графического решения, особенно, когда это коснется наиболее значимых мест города. Здесь вряд ли станут уместны распостраненные ныне таблички белого оргстекла с выклеенными вручную грязно-синими буквами «никакого» шрифта.

Многое придется пересмотреть в области так называемой «наглядной агитации», методы которой сформировались в эпоху низкого уровня грамотности населения, в эпоху, когда отсутствовали средства массовой информации в их сегодняшнем понимании. При наличии телевизора в каждой московской семье следует ли напоминать с помощью букв на крышах домов о том, что решения принимаются, чтобы их претворяли в жизнь, что Москва город-герой, что народ наш и его общественные институты достойны всяческого уважения, что мир лучше, чем война. Не унизительно ли это для человека наших дней с его уровнем образования, культуры и гражданского самосознания и не профанация ли это наших национальных и идеологических ценностей?

Вместо помпезных восклицаний и серой, неряшливой, с массой запретительных надписей, сегодняшней функциональной городской графики должен быть создан современный язык графической информации. Город должен «заговорить», как это подobaет столице. Если отнестись к этой проблеме серьезно, нужно начать с системы образования, чтобы было кому решать эти задачи. Одновременно необходимо приступить к технологическому перевооружению как проектного дела, так и производства самих объектов графической информации. Все эти вещи

взаимосвязаны. Появятся специалисты — им понадобится техника для выполнения проектов. Сегодня ее нет, все делается вручную, дедовскими методами. Появятся хорошие проекты — понадобится индустрия для их реализации. Да, настоящая индустрия — сегодняшние витринно-оформительские комбинаты и комбинаты декоративно-оформительского искусства, выполняющие графические работы, не располагают нужными мощностями, а имеющаяся в их распоряжении техника и материалы не выдерживают никакой критики. Вывеска на московском учреждении должна находиться на опережающем научно-техническом уровне, как и любая другая московская и отечественная продукция. Сколько десятилетий можно писать бронзовой краской по стеклу? Неужели и в XXI веке?

Системы городского оборудования. Мировая практика дизайна включает сюда торговые киоски, открытые кафе, транспортные остановки, телефонные кабины, различные сиденья, наружную осветительную арматуру, средства сбора отходов и мусора, всевозможные ограждения, детские площадки, стоянки автомашин, велосипедов, посты милиции, ГАИ, стенды для газет, навесы и т. д. В отечественной традиции многое из перечисленного принято называть «малой архитектурой». Может быть именно из-за этого «уменьшительного» термина и находится весь городской дизайн Москвы в таком плачевном состоянии? К сожалению, нет, иначе положение можно было бы легко исправить. Проблемы же лежат гораздо глубже и коренятся в непрофессиональном проектировании, отсутствии единой дизайн-концепции городской «мебели», если так можно весьма условно обозначить объект концепции, базирующийся одновременно на общем художественном замысле среды города или его отдельных зон и на высокой технологической культуре.

Обратимся, например, к киоскам. Этот элемент городской среды ведет

себя особым образом — он обязательно собирается в группы со своими собратьями. Это диктуется спецификой жизнедеятельности горожанина — он пользуется услугами «мини-торговли» в зонах транспортных пересадочных узлов, скрещения пешеходных путей, в других местах, создающих паузу в движении. Однако проектировщики киосков упорно игнорируют этот факт. В результате киоски не блокируются и их скопления представляют собой хаотическую неряшливую картину, способную погубить любой величественный ансамбль «большой» архитектуры. Конечно, киоски не должны быть одинаковыми, но их различия должны быть визуально мотивированными, способствующими опознаванию нужного и содействующими формированию полноценных художественных ансамблей городского партера.

Пойдем дальше. Раз киоски группируются в зонах транспортных остановок, почему в решениях павильонов остановок никак это не учитывается? Грамотный дизайнер, если бы его привлекли к решению этих проблем, спроектировал бы комплекс городского оборудования, куда вошли бы и элементы конструкции киосков, и транспортных павильонов, и телефонных кабин, и стендов для газет, афиш, объявлений (недаром столбы у остановок всегда оклеены объявлениями) и носители визуальных коммуникаций. Такие комплексы, очевидно, необходимо разрабатывать специально для конкретных исторических зон Москвы и отдельно для районов новой застройки, так как функциональные и эстетические требования здесь различны. Однако в любом случае конструкции оборудования должны быть рассчитаны на серийный выпуск и, в связи с этим, обладать необходимой степенью унификации, которая позволит создавать разнообразные объемно-пространственные структуры. Они и заменят существующий ныне конгломерат не сочетаемых между собой предметов случайных

форм, зачастую полукустарного изготовления, неудобных и непривлекательных, не отвечающих культурным традициям города, архитектуре его исторического ядра.

Предстоит заново поставить проблему проектирования специальных средств для сезонной и праздничной торговли. Здесь — совершенно белое пятно. Груды разбитых деревянных ящиков, выброшенных из грузовиков, украшают сегодня наиболее людные места города. Это ярмарки. В поисках улучшения положения появляются уродливые сооружения из досок и стеклопластика. Их создатели полагают, что они похожи на терема. Продавцам и покупателям неудобно, груды ящиков остаются на тротуарах, город становится похож на сюрреалистическую комбинацию лагеря беженцев, декораций к «Сказке о царе Салтане» и заднего двора овощной базы.

И здесь нужен дизайнер, нужна производственная база, нужна культура руководителей, нужна профессиональная комплексная постановка проблемы, нужны деньги. Тогда можно будет разрабатывать и изготавливать комплексы удобного и красивого оборудования, прилавков, навесов, складского, весового, тарного хозяйства, погрузочно-разгрузочного оборудования, спецтранспорта, средств малой механизации, современных сборных модульных конструкций сезонных и временных торговых павильонов.

Развитие кооперативной и индивидуальной торговли, обслуживания и производства вскоре внесет в городскую среду новую ноту. С этим как быть? Иллюзий, что среду можно упорядочить путем запретов и всеобщей униформности, ни у кого очевидно не осталось. Значит необходимо поддерживать инициативу и самостоятельность, развивать дизайн и в этой сфере, открыть дизайнерские кооперативы по проектированию современного оборудования для новой сферы городской жизнедеятельности.

Помимо двух названных общих

проблем — визуальные коммуникации и городское оборудование, пронизывающих городскую среду насквозь, в Москве существует ряд более локальных, но не менее значимых проблем для дизайна. Одна из них — бывшая гордость, а ныне боль, — московский метрополитен. Как известно, сегодня он работает на пределе возможностей. Метровокзалы 30—40-х годов, построенные более для спокойного созерцания, нежели для наилучшего выполнения транспортной функции, так же как стандартные станции 50—60-х годов стали препятствием для дальнейшего развития: оборудование и подвижной состав устарели. Техника, призванная помогать пассажиру, ныне становится тормозом. Московский метрополитен самый загруженный в мире. Для обеспечения перевозок счет идет на секунды. Здесь — многое в руках дизайнеров. К примеру, автоматический турникет. Три дизайнерские ошибки делают его сегодня точкой задержки — трудно попасть в монетоприемник, расположение светового сигнала останавливает движение пассажира, неясно, с какой стороны нужно проходить. Удручающе устарело и художественно-конструкторское решение. Таких примеров в метро множество. Техника, все системы метрополитена, включая визуальную информацию, нуждаются в коренной реконструкции. Некоторые шаги уже предпринимаются. Проведен первый в стране Всесоюзный конкурс дизайн-проектов. Объектом разработки стал новый поезд метро. Конкурс дал интересные решения. В частности, для разных линий предложены разные типы вагонов, учитывающие специфику каждой линии. Например, для кольцевой линии, где все станции пересадочные, по которой расположены семь железнодорожных вокзалов, а 20% пассажиров едут с вещами, вагоны должны иметь вместо четырех одновременно открывающихся дверей шесть, а также специальные места для багажа. Вновь проектируемые хордовые ли-

нии получают скоростные поезда с комфортабельными сиденьями, расположенными по ходу поезда. Эти поезда будут входить на станции с тремя платформами. Таким образом, двери в вагоне будут открываться с двух сторон, с одной стороны — выход, с другой — посадка. Это позволяет вдвое уменьшить число дверей и соответственно увеличить число посадочных мест. Во всех конкурсных проектах предложены поезда новых форм на базе прогрессивных технологий и материалов. Есть надежда, что к концу столетия московское метро получит современный подвижной состав. Но так надо решать и все остальные проблемы метрополитена. Для этого Всесоюзный научно-исследовательский институт технической эстетики совместно с Управлением метрополитена провел работы по дизайн-программе «Метро».

Похожая неблагоприятная ситуация с дизайном «ворот» города — аэропортами, железнодорожными и речными вокзалами с той только разницей, что пока никаких шагов в этом направлении не предпринимается.

Дизайн витрин. Сейчас усилилось внимание к этой сфере. Проводятся конкурсы. И здесь развитие сдерживается нехваткой современных материалов.

Важная сфера дизайна городской среды — одежда всех тех, кто обслуживает население, кто олицетворяет собой заботу города о человеке, — от персонала общественного транспорта, торговли, дорожных и ремонтных рабочих, дворников до милиции и пожарных. Нетронутая целина. Все эти люди одеты плохо, а люди большинства профессий, которые обязаны быть в униформе, вообще ее не имеют. Первое впечатление самое сильное. А разве хорошо одет пограничник, который ставит штамп в паспорте в Шереметьево-2, первый советский человек, которого видят наши зарубежные гости?

Проблем дизайна, касающихся

московской жизни, так много, что объема этого издания не хватило бы даже на их простое перечисление. Что же делать для того, чтобы Москва вошла в третье тысячелетие как современная столица?

Иллюзий быть не должно. Даже если предположить, что завтра Москва получит необходимое ей число талантливых дизайнеров и все, что делается специально для столицы, будет обязательно проходить через дизайнерский проект, это не решит всех проблем. Предметная среда современного города соткана из продукции фактически всех отраслей промышленности — городские автобусы, строительная техника, работающая в городе, полиграфия плакатов и афиш. А пригородные электрички, въезжающие на вокзал, будто из прошлого века?.. Атмосфера среды города — зеркало общего состояния здоровья экономики страны. Человеческое восприятие не вычитает из городской предметной среды продукцию, допустим, Минавтопрома, отделяя ее от плодов деятельности горисполкома. Учитывая ситуацию, первоочередными мерами по улучшению предметной среды города должны стать шаги по коренному совершенствованию системы дизайнерского образования. Нужно открыть в Москве дизайнерский вуз, одновременно направив на учебу в дизайнерские учебные заведения зарубежных стран молодых художников, архитекторов и инженеров. Союз дизайнеров СССР должен открыть в Москве необходимое число проектных бюро различной специализации — от проектирования одежды до систем городского оборудования.

Однако как ни хороша будет, например, телефонная кабина, которую можно сделать силами города, в нее придется ставить тот же телефон-автомат, который безнадежно устарел! То же можно сказать об автоматах для продажи газированной воды, о поливальных и уборочных машинах, о контейнерах для мусора, о технике (вернее об ее от-

сутствии), с которой должен бы работать дворник, о, пока, к счастью, редких газонокосилках, издающих невыносимый треск и выпускающих облака выхлопных газов.

Характерной проблемой предметной среды города стали автозаправочные станции (АЗС), своеобразный интерьер наизнанку. В центре — здание АЗС, вокруг — оборудование. Усилия архитектора сводятся к отсутствию дизайна этого оборудования — колонок, кранов, указателей, резервуаров. Значит, необходимо внедрять дизайн во все отрасли промышленности. Только в этом случае наши города и Москва в том числе обретут достойное лицо.

Назрел вопрос о пересмотре соотношения функций главного архитектора города, главного художника, районных архитекторов. Необходимо ввести должность главного дизайнера города, освободив архитекторов и художников от несвойственных им обязанностей. Для того чтобы обеспечить синтез искусств, нужно сначала четко понять, кто чем должен заниматься, каждому отдать его сферу деятельности и затем интегрировать общие усилия. Такой опыт есть. Это международные проектные семинары «Интердизайн», на которых архитекторы, градостроители, дизайнеры, художники, инженеры, социологи и другие специалисты объединяются с целью разработки единого решения какой-либо проблемы. Так проектировался экспериментальный жилой район в Тбилиси, агропоселок на Апшероне и ряд других объектов. Опыт, достойный распространения.

Как видим, мы, к сожалению, не смогли показать в этой статье радужные перспективы преобразования городской среды с помощью дизайна. Сегодня город выглядит так, как он и должен выглядеть после длительного застоя в развитии научно-технического прогресса в тех отраслях, которые формируют его среду, после многих лет недооценки роли дизайна в нашей жизни. Проблема слишком застарелая, колоссальная

по объему и сложности, связанная с большим кругом общекультурных и экономических процессов в промышленности и городском хозяйстве.

АРХИТЕКТУРА СВЕТА

Татаринова Н. В., Игнатьев Р. В., журналисты

Куранты пробили полночь. Уже затихли недавно многолюдные улицы и проезды, ведущие к Красной площади. Вот тогда и вышли к кремлевским стенам исследователи — светотехники. Они установили прожектора в разных местах площади, нацелили их лучи на резной силуэт башен, каменные плиты Мавзолея В. И. Ленина, осветили шатры Покровского собора, стены Исторического музея. Не раз выключались мощные лампы, менялся угол их «прицела», в разных вариантах опробовалась своеобразная архитектура света. Так более 30 лет назад создавалась первая система комплексного освещения Красной площади. Со временем она модернизировалась, использовались новые, более мощные лампы, менялась и сама графика света. Беспрерывно занималась этой работой лаборатория архитектурного и спортивного освещения Всесоюзного научно-исследовательского светотехнического института и МосгазНИИпроекта. Выделить композиционные центры во всем архитектурном ансамбле, придать им пластику, выразительность — такими были и остались главные задачи специалистов. Конечно, справиться с этим заданием сложно. Ведь памятники Красной площади разнородны и по расположению, и по размерам, и по архитектурному оформлению, и по фактуре самих строительных материалов. А система должна быть комплексной, как бы воедино связывать весь ансамбль.

Созданию первой такой схемы освещения предшествовали исследования и сложные расчеты. На моделях проверялось, как будут выгля-

Для решения проблемы по самым оптимистическим прогнозам потребуются десятилетия. Тем более важно как можно быстрее поставить ее и начать действовать.

дет красный кирпич, гранит, белый камень, металл при разных способах и интенсивности освещения. Потом опыты проводили уже на натуре, выработывали оптимальный вариант. Схема получилась удачной. Вот уже в течение многих лет каждый вечер по ее «сценарию» освещается главная площадь Москвы. Частичные изменения и корректировка позволили придать архитектурному ансамблю праздничный нарядный вид. Тем не менее, сегодня пришла пора обновить и перепланировать систему, использовать современные источники освещения.

На разноцветную картинку направлен свет обычной лампы накаливания. Он не белый, а чуть желтоватый. Поэтому при таком излучении хорошо и точно выделяются теплые краски — красная, желтая, коричневая. А вот холодные тона значительно искажаются и как бы блекнут. Включены металлогалогенные лампы. Такое ощущение, что картинка оживила. Луч напоминает солнечный. По яркости он значительно превосходит все другие источники освещения. При таком «солнце» заиграли синие, зеленые, голубые тона.

Именно эти источники света и выбраны по проекту реконструкции световой системы Красной площади. Раньше очень сложно было хорошо осветить Мавзолей. С одной стороны, темный цвет камня как бы поглощает свет, с другой, — его отполированная поверхность лучи отражает. Потому и трудно было выделить его светом. Математические расчеты и опыты помогли найти точное расстояние прожекторов и угол тех лучей, при которых можно было устранить все эти недостатки.

Спектр металлогалогенных ламп особенно нужен при вечернем показе Покровского собора — яркого, многоцветного, удивительно рельефного. Новые светильники как бы сохраняют всю сочность его росписи, подчеркнут архитектурную выразительность. Во всей его красе древним храмом можно будет любоваться, как днем.

По особой схеме освещается Спасская башня Кремля. Лучи прожекторов выделяют все ее уровни, продумано освещение главных часов страны — курантов. А третьей, главной световой доминантой общей комплексной системы, станет зеленый купол здания, над которым колыхается Государственный флаг СССР.

Конечно, просчитывая все особенности вечерней палитры площади, проектировщики заботятся и о том, чтобы яркие световые потоки не затмили сияния кремлевских звезд. Словом, тонкостей в системе немало.

Целое светотехническое хозяйство расположится на крыше ГУМа. Ведь основной набор прожекторов разместится именно здесь. Мосгорсвет выполняет заказ по изготовлению необходимых конструкций. Применение новых ламп позволит в целом сократить более чем на треть общее число прожекторов,

освещающих площадь. Всего их будет 107. Они необычайно мощные и очень экономичные, потребляют энергии меньше обычных ламп.

Подобные прожекторы в Москве впервые использовались во время проведения Олимпийских игр. Они позволили качественно вести теле трансляцию с главного стадиона. Их эксплуатация показала надежность, долговечность ламп. Предстоит разработать проекты комплексного освещения и других памятных мест Москвы с применением металлогалогенных ламп. Таким образом предлагается красиво выделить силуэт Останкинской башни, известные памятники, высотные здания, которые, кстати, можно эффектно украсить светом по разным ярусам. К сожалению, эксплуатационные службы не всегда точно выполняют рекомендации Всесоюзного научно-исследовательского института светотехники. Вот почему иногда в центре города можно увидеть в вечернее время ряд архитектурных сооружений в менее привлекательном виде. Порой некоторые памятники освещаются наполовину или не теми источниками света, которые были указаны при проектировании. Хотелось бы, чтобы памятники Москвы хорошо выглядели не только днем, но и в вечерние часы. Москва должна быть всегда нарядной.

255

ПРАЗДНИК НА УЛИЦЕ

Татарнинова Н. В., Игнатъев Р. В., журналисты

Опера у древних стен

Представим себе теплый летний вечер. Мимо древних монастырских стен на Петровке спешат нарядно одетые люди. На билетах, которые они показывают у входа, отпечатано название нового театра-эксперимента. Многие пришли сюда задолго до отмеченного в билетах времени. Стоит заранее отправиться на этот спектакль, чтобы успеть побродить возле старинных построек, заглянуть

в выставочный зал на небольшой художественный вернисаж. Его тема созвучна предстоящему представлению.

Первый звонок, но зрители не торопятся в концертный зал. Они остаются под открытым небом на большом каменном дворе. Он-то и стал необычной сценической площадкой. Еще при солнечном свете начинается спектакль, а когда стемнело, каменные подмостки высветили огни прожекторов...

Стоп. Пожалуй, стоит обуздать фантазию. Может, вообще наши меч-

ты — неосуществимый вымысел? Но еще и еще раз вместе с композитором, лауреатом Государственной премии СССР Ильей Евгеньевичем Катаевым, мы проговариваем все возможности будущего театра. Да, пробить идею будет трудно и все-таки реально. В активе — согласие Союза композиторов СССР, поддержка Союза театральных деятелей РСФСР. Да и дирекция Государственного литературного музея, размещающегося в Высоко-Петровском монастыре, за предложение создать тут, в центре города, настоящий культурный центр — музейный, театральный, выставочный.

Чем хуже Москва итальянской Вероны или югославского Дубровника, или Каира, где устраиваются в древних постройках грандиозные оперные постановки, которые потом дублируются на телеэкранах всего мира?

Идея инициативной группы — театр, основанный на самофинансировании и хозрасчете. Стабильный костяк труппы составят оркестр, хор, хореографическая группа. А вот на заглавные партии намечается приглашать «звезд» оперной сцены. Таким образом появится возможность одновременно готовить по несколько разных спектаклей. Это — также особенность эксперимента: добиться многожанровости постановок.

256

Театр сможет регулярно приглашать на премьеры, представляя зрителям новые композиторские работы.

Пусть не создается впечатление, что замысел родился на голом месте. В его поддержку высказались такие известные композиторы, как Н. Богословский, Г. Гладков, М. Таривердиев, Д. Тухманов и другие.

Союз композиторов СССР выразил готовность оказать финансовую поддержку. Управление Госконтроля охраны и использования памятников истории и культуры Москвы предложило для репетиционной базы старинное здание на Большой Ордынке, которое впоследствии

можно было бы использовать как камерную сцену. Состав театра практически уже существует. И авторы замысла заглядывают в будущее. Так, предварительно обсуждали в дирекции Государственного литературного музея идею создать в Высоко-Петровском монастыре, пока занятом несколькими арендаторами, настоящий центр культуры.

Зрительным залом могла бы стать бывшая просторная трапезная, летней площадкой — обширный, удивительно колоритный, внутренний двор. В старинных помещениях, где пока находится художественный запасник, стоило бы устроить небольшой выставочный зал. Согласитесь, очень хотелось бы теплым летним вечером зайти на музыкальное представление под открытым небом у старых монастырских стен.

Город старины

«Московия» — такое название получил новый самодеятельный историко-художественный клуб. Программу необычных замыслов пытаются осуществить его организаторы: создать живую улицу старых московских ремесел, городской фольклорный центр и даже целый городок с моделями архитектурных шедевров.

В старом срубе уютно и празднично. Пестро на бревенчатых стенах, заполненных, как музейные стенды. Рядом ажурная лента резного орнамента и искусной резьбы шкатулки, игрушки и ковши, чаши и богатая коллекция деревянных ложек. Залюбуешься и работами здешнего кузнеца — нековка, а настоящая ювелирная работа. Его талантливые руки могут создать действительно украшение сродни ювелирному. Например, кованую розу, по красоте — соперницу живой.

Мала оказалась издававшая виды деревянная изба для всех тех, кто встретил тут первый вечер «Московии». День рождения клуба отмечали торжественно и под стать взятому из прошлого имени. Принарядились

к праздничному событию и ребятишки, которых привлек клуб. Очень понравились и себе, и взрослым в нарядных русских народных костюмах. Встреча не по протоколу, встреча людей увлеченных — таким был этот первый вечер.

Неожиданно начинался, а точнее сказать, начинается новый клуб. Можно сказать — необычно. С голый, лишенной поначалу всякой материальной основы, идеи, которой загорелись поклонники нашей истории. Давайте знакомиться с авторами «Московии». Семья Комиссаровых. Виктор Иванович, преподаватель художественного училища имени 1905 года. Лидия Васильевна — сотрудник Государственного Исторического музея. Их сосед по дому и единомышленник по увлечению — кандидат философских наук, сотрудник Института философии Валерий Александрович Щуков.

Создать в Москве свой этнографический, фольклорный центр — первый практический шаг к трудно осуществимой идее они уже сделали. Не в одиночестве, потому что обрели, добываясь ее воплощения, немало сторонников и помощников. В старом Дьякове, что на территории Коломенского, около 300 лет существовала деревня, дома в которой представляли немалую историческую ценность. Увы, снесли эти постройки совсем недавно. Осталось всего восемь домов XIX века. В одном из них и произошла первая встреча «Московии». Лучшего адреса для такого клуба и не придумаешь. Коломенское — место, богатое историей. Тут и знаменитое Дьяковское городище, археологический памятник. Не случайно проводятся здесь фольклорные праздники. И местность, и окружение словно переносят москвичей в далекое прошлое города.

Вот такую возможность и решили предоставить организаторы клуба. Предложили создать «живую» этнографическую улицу ремесел. Не просто ряд старых домов и музейных экспонатов. Центр досуга, где бы

под руководством опытных мастеров и стар, и млад могли осваивать секреты кузнечного дела и узорчатой деревянной резьбы, плотницкого искусства и художественной вышивки, гончарного дела, декоративной керамики. Словом, перенести в мир сегодняшний и снова сделать массовыми исконные московские ремесла. К тому же такая этнографическая улица, где на ваших глазах будут трудиться искусные мастера, способна стать городской достопримечательностью. Заранее можно предсказать, что тут не будет отбоя от гостей — их привлечет яркое неординарное зрелище.

Эту идею поддержали в Советском Фонде культуры. Вот мнение председателя Фонда культуры академика Д. С. Лихачева: «Создание комплекса, где дети и подростки не только будут отдыхать и развлекаться, но и знакомиться с историческим и культурным наследием, несомненно, полезно и интересно. Не вызывают сомнения такие объекты комплекса, как выставочный зал, кинозал, музей народного быта, мастерские декоративно-прикладного искусства, площадки для проведения фольклорных праздников».

Заметим, создавать все это увлеченные активисты «Московии» готовы хоть сегодня, причем клуб обрастает сторонниками, готовыми приложить свои руки к благородному делу.

Свои планы они не ограничивают только улицей ремесел. Пожалуй, самое привлекательное в перспективных разработках клуба — городок архитектурных макетов. Выполнять их, кстати, смогут ребята под руководством опытных мастеров. Таким образом можно собрать на одной площадке точные копии самых знаменитых шедевров русского зодчества, совершить своеобразное путешествие по памятникам нашей страны. При этом в коллекцию таких моделей должны войти и самые древние — каменные оборонительные сооружения древних русских

городов, макеты памятников, которые сохранились до наших дней, но со временем были сильно видоизменены. А тут мы сможем увидеть все детали их архитектурного убора в первозданном облике.

Конечно, потребуются точные консультации специалистов. Но ведь клуб планирует немалую краеведческую работу, тесные контакты с историками, знатоками русской старины. Стоит добавить, что такой городок представит нам возможность познакомиться с видом знаменитых памятников, которые были разрушены. В целом такой мини-городок станет как бы моделью нашего архитектурного наследия, позволит совершить экскурс в историю отечественной культуры.

Стоит добавить, что решение о создании в Коломенском русского национального центра истории на-

шей культуры принималось неоднократно. Еще до войны началась такая работа. Достаточно вспомнить домик Петра I, привезенный в Коломенское. Вынашиваются перспективные планы, но все — на далекое будущее. Одно только проектирование займет как минимум несколько лет.

А то, что предлагает «Московия», — дело сегодняшнее, реальное, к которому клуб готов приступить уже сейчас, причем, не требуя больших затрат, более того — собственными силами. Кроме того, все, что смогут сделать ребята и взрослые на улице ремесел, пойдет на украшение района, города. Одна только кузница своими изделиями способна придать особый исторический колорит улицам, площадкам отдыха. Точно так же и другие мастерские готовы будут работать на город.

ЦЕНТР ИСКУССТВ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Александрова Н. И., кандидат архитектуры

В последнее время в периодических изданиях неоднократно отмечалось, что в столице недостает зданий для экспозиции национального богатства — произведений искусства и исторических материалов. В частности, предлагалось рассмотреть вопрос о создании Всесоюзного центра искусств и истории на Красной площади в здании, где с 1953 г. размещен Государственный универсальный магазин.

Каждая эпоха как бы дописывает свои страницы в истории Красной площади, насчитывающей уже несколько веков. Летопись 1434 года упоминает о первой, возникшей за пределами Кремля площади как о «торге». В 1493 году по указу Ивана III вокруг Кремля для защиты от пожаров было освобождено пространство «мерой от стены до дворов сто сажень да девять». Пространство не раз застраивалось торговыми сооружениями, поэтому требовались царские указы и специальные меры по его расчистке. Спустя почти

два столетия, в 1679 году был издан указ о сносе загромождавших его строений, «чтобы от тех торговцев проезду стеснений не было». Однако в дальнейшем площадь вновь заполнилась торговыми постройками.

В 1555—1560 годах в ознаменование победы русских войск над Казанским ханством и освобождения от татарского ига по указу Ивана IV на южной стороне площади был построен Покровский собор (Василия Блаженного). Его авторы столь перспективно решили градостроительную задачу, создав храм-скульптуру сказочной красоты, что и сейчас это решение признается образцом того, как одно здание может определить композицию площади и, возможно, характер застройки на века вперед. В 1625 году возводится шатер над Спасской башней и начинается надстройка всех башен Кремля. Очевидно, зодчие, создавшие завершения суровых кремлевских башен, сознательно обратились к жизнерадостным традициям народного зодчества, с таким размахом воплощенным в храме Василия Блаженного. Башни

как бы соперничают по красоте, составляя тем не менее единый ансамбль. Стены и башни отражались в зеркале канала, который опоясывал Кремль с 1508 до 1819 года и имел ширину 16 и глубину 6 сажень (соответственно 34 и 13 м).

Северная граница площади определялась деревянным зданием Земского приказа. До 1680 года на площади стояло несколько деревянных церквей.

Летопись 1662 года называет площадь Красной — за два с небольшим столетия из рядового «торга» площадь стала красивейшей в Москве. В XVI—XVII веках Красная площадь — основная соборная и торговая площадь Москвы. Здесь же происходили события государственной важности. Через Красную площадь ввели свои войска в Кремль К. М. Минин и Д. М. Пожарский во время освобождения Москвы в 1612 году. С Лобного места оглашались царские указы. Неподалеку от Красной площади размещался Печатный двор, основанный в XVI веке Иваном Федоровым. Здесь была напечатана первая русская книга «Апостол», а в 1703 году — первая русская газета.

В XVIII веке площадь становится центром культурной жизни Москвы. Культурно-просветительские традиции в истории площади многообразны и отвечают тем социальным задачам, которые время ставило перед страной.

В 1702 году по приказу Петра I вблизи Никольской башни были выстроены первый русский публичный театр — «Комедийная хранина» и рядом со Спасской башней — книжная лавка, явившаяся первой публичной библиотекой. В 1722 году Петр I, празднуя Ништадский мир, устроил на Красной площади маскарадное шествие «сухопутного флота». На месте Земского приказа строится здание Главной аптеки. В этом здании с 1755 по 1780 годы помещался первый русский университет, основанный М. В. Ломоносовым.

После пожара 1812 года по проекту планировки архитектора О. И. Бове площадь была расчищена от всех построек, снесены торговые ряды у стен Кремля, раскрыт вид на Кремль и храм Василия Блаженного. Напротив Кремлевской стены был создан единый фронт застройки. В 1818 году на площади установлен памятник Минину и Пожарскому — первый скульптурный монумент в Москве. Памятник создан по инициативе «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» на средства, собранные по подписке у населения. Скульптор И. П. Мартос начал работу над памятником в 1803 году. Позднейшие события заставили его изменить решение. Вдохновленный победой русских войск в Отечественной войне 1812 года скульптор создал другую композицию, которая рассматривается в качестве классического примера того, как максимальная степень выразительности может быть достигнута минимальными средствами.

В 80-х годах XIX века по инициативе Московского университета построен Исторический музей. Позже на восточной стороне площади выстроены Верхние и Средние торговые ряды.

Октябрьская революция открыла новые страницы в истории главной площади столицы. Красная площадь стала общественным центром первой в мире социалистической страны, символом братства трудящихся всех стран.

7 ноября 1918 года в день первой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин открыл мемориальную доску у двух братских могил, где 10 ноября 1917 г. было похоронено 238 борцов, погибших в боях за Советскую власть в Москве. Доска выполнена С. Т. Коненковым и на ней были выбиты слова: «Павшим в борьбе за мир и братство народов».

27 января 1924 года был сооружен Мавзолей В. И. Ленина. Архитектура Мавзолея неустанно совершенствовалась: в апреле 1924 года трехчастное

здание было заменено более монументальным, также выполненным из дерева. В 29—30-х годах возвели новый Мавзолей из лучших пород камня, привезенного из разных краев России. Вдоль Кремлевской стены были установлены трибуны.

Учитывая растущее социальное значение центра, в проектах перепланировки и расширения Москвы (1919, 1923, 1925 годы) особое внимание было уделено проблеме его разуплотнения. В конце 20 — начале 30-х годов, как частичное осуществление плана разгрузки центра, на значительном расстоянии от него было построено пять универмагов.

В первые послереволюционные десятилетия велись поиски архитектурно-художественных решений социально новых типов зданий. Ряд интереснейших предложений был разработан для центра Москвы. Почти все мастера советской архитектуры в 1934—1936 гг. приняли участие в конкурсах на Дом Наркомтяжпрома на Красной площади. Конкурс проходил в тот период, когда многие художники стремились противопоставить новое старому и увлекались монументальностью проектируемых зданий, переходящей в гигантоманию. Но одновременно поднимались вопросы о сохранении и преемственности архитектурных традиций. Не случайно в 1933 году в Союзе архитекторов была проведена дискуссия по теме «Творческие задачи Союза советских архитекторов и проблемы архитектурного наследства».

Материалы конкурса представляли и представляют сегодня огромный интерес для мировой архитектуры. Конкурсные проекты 1934 года были опубликованы в журнале «Советская архитектура» (№ 10) вместе со статьей Л. Лисицкого «Форум социалистической Москвы».

Комплексным, широким подходом к решению градостроительных планировочных задач, а также стремлением сохранить преемственность архитектурного ансамбля зданий на Красной площади отличается проект И. Леонидова. В своей статье Л. Лисицкий

пишет, что Леонидов — единственный, кто, «как видно из серии его рисунков, стремится найти единство нового комплекса (Кремль — собор Василия Блаженного — новое здание)».

Подробный анализ проекта и того влияния, которое он оказал на развитие мировой архитектуры, проделан значительно позже, когда время позволило объективно оценить представленные на конкурс работы: «...впечатление от проекта Наркомтяжпрома почти фантастическое... — легкая пространственная композиция из трех различных по плану, высоте и силуэту стеклянных башен, объединенных в зоне первых этажей стилобатом и трибунами... Леонидов решает архитектуру не только одного здания, а предлагает одновременно реконструкцию всего центрального района Москвы... Большой принципиальный интерес представляет подход Леонидова к возведению грандиозного современного сооружения, в котором используются новейшие технические решения в соседстве с великолепыными ансамблями прошлого... Анализ композиции проекта Леонидова показывает, что ее структура имеет глубокую связь с принципами построения храма Василия Блаженного и содружества Ивановского столпа со звонницей».¹

В 1936 году журнал «Архитектура СССР» (№ 6), опубликовав проекты второго конкурса на Дом Наркомтяжпрома, заключает: «Перед архитекторами ставится во всей полноте проблема ансамбля, причем ансамбля, наполненного исключительно глубоким идейным содержанием, охватывающего обширные пространства центральной площади столицы, набережной, целого квартала, включающего в себя ценнейшие памятники старого зодчества».

Конкурс высоких архитектурных идей 30-х годов блестяще доказал, что строительство высотного здания на Красной площади ставит под удар

¹ Александров П. А., Хан-Магомедов С. О. Иван Леонидов. — М., 1971. — С. 82, 88.

уникальный градостроительный историко-художественный ансамбль мирового значения.

Знаменательно, что здание Наркомлегпрома (по проекту Ле Корбюзье с участием Н. Колли), участок для которого отвели в достаточном отдалении от центра, было построено в 1929—1934 гг. (сейчас здание Центрального статистического управления (ЦСУ) по улице Кирова).

Социальное значение Красной площади велико и продолжает расти. В дни знаменательных событий праздничные людские реки устремляются к центру столицы. Выступая на съезде писателей, академик Д. С. Лихачев сказал о литературных музеях: «Это воспитательные центры, очень важные, для молодежи особенно, и очень действенные». Красная площадь — наш общий воспитательный центр, очень важный и очень действенный.

И сразу же возникает такой вопрос: а уместно ли размещение на ней такого крупного торгового предприятия, как ГУМ? Государственный универсам может быть размещен неподалеку от узловых станций метрополитена, по возможности ближе к вокзалам. Такое размещение облегчит и решение транспортной проблемы в центре столицы.

Создание на Красной площади своеобразного, качественно нового Всесоюзного центра искусства и истории вместо Государственного универсального магазина позволит открыть новую страницу в жизни главной площади столицы и страны. Возможно, его проектированию должен предшествовать всесоюзный конкурс, который привлечет к этой благородной задаче специалистов разных областей художественной культуры: архитекторов, историков, искусствоведов, художников. Конкурс позволит выявить прогрессивные предложения по функционально-планировочной организации Центра, планировке и оборудованию основных групп помещений: экспозиционных залов, информационного центра с библиотекой, фонотекой, аудиториями, помещений для творческой деятельности

и встреч по интересам.

Может быть, пришло время пересмотреть использование ряда помещений на улицах, вливающихся в Красную площадь?

Всемирный фестиваль молодежи, проведенный в Москве летом 1985 года, наглядно показал своеобразие традиций, культуры и организации досуга в республиках страны. В ЦПКиО им. Горького, на ВДНХ СССР, на площадях и в парках Москвы не хватало площадок, чтобы в полной мере показать богатство искусства и обычаев нашей страны. Может быть, на улицах, выходящих к Красной площади (или на одной из них), было бы целесообразно организовать салоны-магазины, представляющие различные республики. Практика показывает, что, помимо торговых помещений, в их состав желательно включать небольшие кафе с площадками для национальных музыкальных выступлений и танцев, зал для выставок, демонстрации фильмов. Большой популярностью на фестивале пользовались и мастерские, где народные умельцы изготовляли свои удивительные изделия на глазах у посетителей. Но главной, первоочередной задачей остается судьба Красной площади. Желательно, чтобы архитектурное решение ее отвечало высоким социальным задачам, продиктованным временем.

Великое дело архитектура, — искусство, внутри которого человек живет. От предыдущих столетий на площади — Кремль и храм Василия Блаженного. Десятилетия нашей эпохи оставили Мавзолей. Ансамбль площади не может быть дополнен ничем, что не нарушило бы его (доказательством к сказанному служит неуместность гостиницы «Россия»). Подрастающему поколению и невдомек, что на юге горизонт площади граничил с небом, на фоне которого всеми цветами радуги переливался храм Василия Блаженного... В архитектурный ансамбль можно, а иногда и необходимо включать другие виды искусства — живопись, скульптуру и т. д. При этом сила

воздействия его неизмеримо возрастает. Надо сказать, что великое гуманистическое изобразительное искусство России незаслуженно мало знакомо людям других стран, да и соотечественникам тоже. Наше время в долгу перед мастерами прошлого: многие их произведения лежат в запасах, потому что не хватает экспозиционных площадей. Разумеется, социальный урон от этого огромен. Никакие выставки, тематические или ретроспективные, не заменят постоянной полной экспозиции музея.

Музей — главная часть Центра искусства. Учитывая требования к организации досуга и творческой деятельности, целесообразно предусмотреть и информационный центр с библиотекой и выставочными залами, студии для занятий любителей изобразительного искусства, музыки, театра и кино; залы для театрализованных действий и демонстрации кинофильмов; детский сектор и семейный клуб, кафе, гостиные и ряд других помещений и площадок.

Центр искусства может создать условия для совместной работы мастеров различных областей. Сейчас, когда высокого развития достигли фотография, голография, кино, возможности достаточно широки.

262 Можно, например, создать кино-

композиции, объединяющие произведения мастеров живописи и литературы, появившиеся в одну историческую эпоху. Синтез современного кинематографа с изобразительным искусством прошлого вызовет к жизни зримые, запоминающиеся образы. Безусловно, могут быть предложены и другие приемы, позволяющие глубоко и всесторонне осветить художественное наследие прошлого.

Роль Центра искусства на Красной площади, безусловно, явилась бы ведущей. Если посмотреть на схемы планировки Москвы, то можно заметить, как интенсивно все территории столичных центров устремляются к одной точке. Может быть, в этой точке разумнее и правильнее поместить не универмаг, а именно вот такой Центр, комплекс культурно-просветительских учреждений, призванных формировать мировоззрение поколений.

Предыдущие десятилетия оставили стране ВДНХ. Рождение Всесоюзного центра технических достижений и информации, оказывающего неоценимую помощь народному хозяйству, было характерно для эпохи НТР. Создание Всесоюзного центра искусства и истории на Красной площади, в свою очередь, стало бы явлением, созвучным нынешнему прогрессивному времени.

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ЛЕТОПИСЬ

Воскресенский И. Н., кандидат архитектуры

Летопись города, страны продолжает жить в монументальных произведениях. По своим колористическим, пространственным характеристикам, по использованию естественных долговечных материалов, по тому значению городского окружения, в котором они находятся, произведения монументального искусства «живут» в городе не меньше, чем сама архитектура. Сам диапазон монументальных произведений необычайно широк — от мемориальных ансамблей, до декоративных элементов.

Московские мастера прошлого, широко используя художественные произведения, декоративные элементы в оформлении от самых рядовых жилых домов до уникальных культовых и дворцовых сооружений, не ставили скульптуры и монументы в застройке, на площадях или улицах, как это делалось в Западной Европе и даже в Петербурге.

Отдавая дань традициям, в Москве испокон веков строили храмы-памятники, убранство которых не случайно поражало своей роскошью. Первым же памятником в виде человеческих фигур в Москве стал памятник

К. М. Минину и Д. М. Пожарскому, установленный в 1818 году в центре Красной площади.

Принятие Ленинского плана монументальной пропаганды (12 апреля 1918 года) стало принципиально новым этапом развития монументального оформления города. Устанавливаемые в это время художественные произведения являлись частью праздника, их сооружали в честь памятной даты или важного события, и они не решали градостроительных задач. Новой особенностью в монументальном оформлении стало то, что памятники устанавливались «в садах и удобных уголках столицы». Так монументальное оформление было связано с системой озеленения.

Перед московскими художниками и архитекторами стоит сложная задача адекватности художественных качеств произведения тем историческим событиям, которым оно посвящается. Современный этап развития советского искусства характеризуется повышенными требованиями к эстетической среде города. На смену излишней монументальности, подчас переходящей в помпезность, приходит новое направление, в основе которого находится гуманизация. Человечность способствует диалогу между художественным произведением и зрителем. Благодаря этому качеству на смену обобщенным, лишенным деталей, упрощенным произведениям пришли такие, где деталь играет важную роль, физические же размеры не имеют такого значения, как раньше.

В Москве за последние 30 лет наиболее активно велась работа по сооружению памятников и монументов. Это было обусловлено тем, что другие виды оформления не планировались и их размещение носило случайный характер. Сооружались памятники и монументы на основе долгосрочных планов. Монументальная же живопись и декоративная скульптура размещались практически стихийно, в основном при строительстве какого-либо объекта.

В практике 60—70-х годов было

Перед зданием Бородинской панорамы воздвигнут памятник М. И. Кутузову — герою Отечественной войны 1812 года

обычным размещение в городской среде скульптур, взятых с выставок, поэтому, как правило, скульптуры, не проектировавшиеся для конкретной городской ситуации, так и оставались для нее чужеродными, ни по масштабу, ни по материалам не подходящими. Если в 60-е годы при архитектурном решении застройки монументы и памятники не учитывались, то в 70-е годы появились предложения рассматривать градостроительные вопросы в комплексе с монументальным искусством. Именно в это время стали возникать первые предложения по «средовому подходу». Это позволило позже, в 80-е годы уже разработать Генеральную схему монументально-художественного оформления Москвы.

Структура этой схемы делится на четыре основных направления: историко-революционный, историко-культурный, военно-исторический и декоративно-художественный. В результате подготовки схемы выяснилось, что городу необходим научно обоснованный Генеральный план формирования эстетической среды. Наличие обоснованного подхода к форми-

264

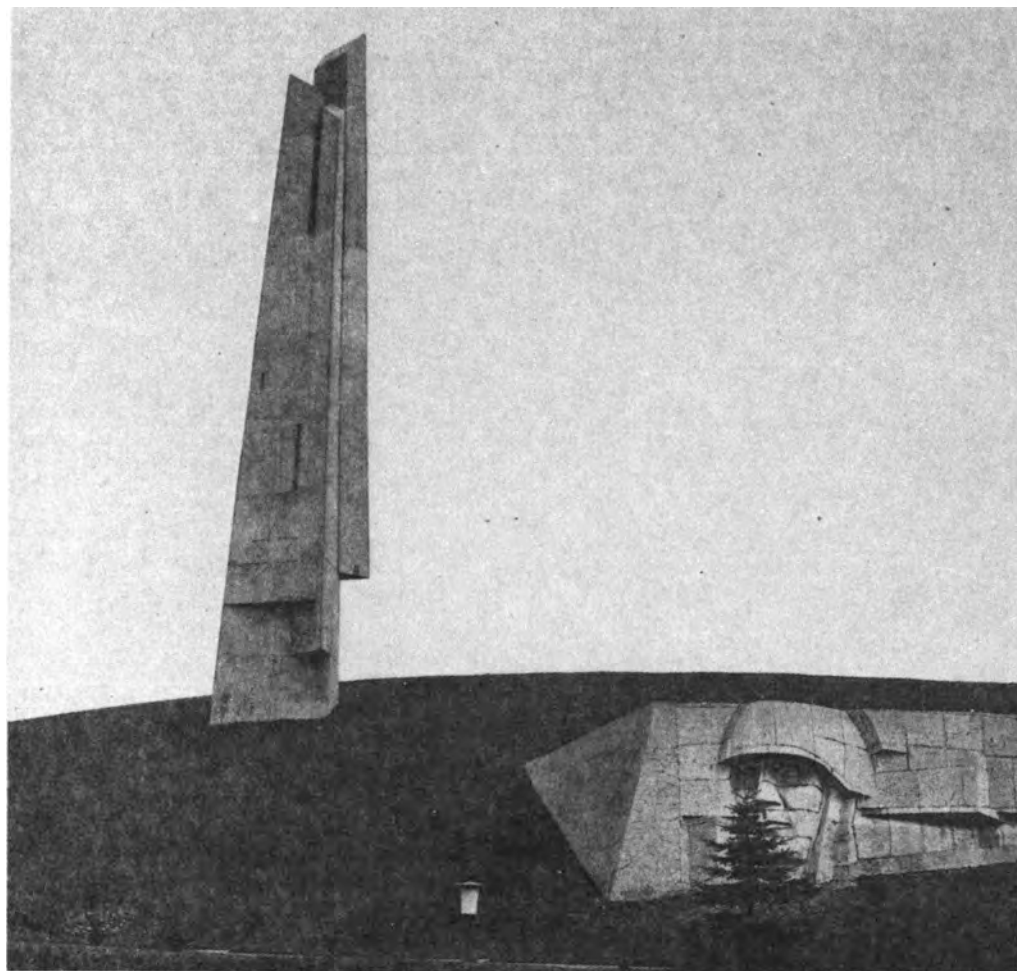
рованию эстетической среды города позволит создать систему монументально-художественного оформления, с учетом всех социальных требований живущих в городе.

Прошедшие годы показали, что насыщение городской среды художественными произведениями ни в коей мере еще не решает вопросов единства художественной среды, не создает высокоэстетичный образ города.

Как же развивалось за последние десятилетия монументальное оформление Москвы? В 50-е годы резкий поворот в качественном отношении к архитектуре, ее роли и месту сопровождался переоценкой стилевых направлений и в изобразительном

Многофигурное панно в технике римской мозаики на здании Бородинской панорамы дополняет представление об экспозиции музея

искусстве. Отношение к архитектурному произведению как законченному художественному образу было ведущим, иногда даже в ущерб функциональным требованиям. В этот период диапазон применяемых художественных материалов достиг необычайной широты и разнообразия. Возрождаются наиболее трудоемкие виды искусства: флорентийская мозаика с применением золотой смальты и натуральных камней, витражи на металлических пайках, энкаустика и др. В архитектурной отделке зданий, а в этот период

В мемориальном ансамбле у города Зеленограда активно использованы ландшафтные приемы композиции

каждое здание было индивидуальным, довольно широко применялась золоченая бронза, хрусталь, дорогие породы дерева и камня.

Переход в 1955 году от пышности, а порой и помпезности к простоте в архитектуре, подчас граничащей с аскетизмом, был продиктован в определенной степени существующими возможностями индустриальных методов строительства. Упрощались приемы и средства монументального оформления, отказывались от богатой цветовой палитры и пластики, сложных композиционных решений.

Конец 60-х годов характерен переоценкой подходов к решению задач развития синтеза искусств. Бородинская панорама на Кутузовском проспекте и ансамбль Дворца пионеров на Ленинских горах положили начало новому направлению, где синтез монументального искусства и архитектуры нашел свое воплощение не в упрощенном виде. Для 70-х годов характерно стремление к объемности, предметной осязаемости, к усложненности пространственных решений. В это время возникли своеобразные синтетические произведения искусств, сочетающие в себе разнообразную технику: рельеф, мозаику, чеканку,

266

живопись. Возрождаются целые направления монументального искусства, особенно материалоемкие: витражи, металлопластика.

С конца 60-х и начала 70-х годов возникает, а в последующие годы получает дальнейшее развитие такой важный жанр монументального искусства, как мемориальные ансамбли, посвященные подвигам советского народа в годы Великой Отечественной войны, революционным событиям, а также памятники героям революции и борцам за Советскую власть, Героям Советского Союза и Героям Социалистического Труда.

В этот период в Москве создаются ансамблевые монументальные произведения, имеющие свои характерные черты и влияющие на формирование художественного облика города (обелиск «Москва — город-герой», аллея Космонавтов с обе-

Памятник А. А. Фадееву отличает использование образов литературных героев вместе с реалистическим портретом писателя

лиском «Покорителям космоса», мемориал «Могила Неизвестного солдата»). Сооруженные в 60-е годы все три ансамбля имеют принципиальное сходство — архитектурное начало. Здесь сам объем сооружения является стержнем композиции и выполняется в довольно простых формах с ясным планировочным решением (ярко выраженным осевым или центричным). Художественные элементы полностью подчинены архитектурной композиции.

На фоне получивших развитие монументальных ансамблей в эти годы беспрецедентным было сооружение «Рубежа славы» в Подмосковье. Начатый как перечень отдельных произведений, в основном решаемых путем сочетания архитектурной

Скульптура «Меркурий» подчеркивает назначение комплекса — Центра международной торговли

композиции и техники военных лет, процесс перерос в создание документально-территориального ансамбля, растянувшегося на сотни километров. Сам пластический язык произведений постепенно развивался. Вместо объемно-пространственной фиксации исторического места перешли к созданию высокоэмоционального художественного образа, где все большее значение приобретали пластические виды искусства. При этом природный ландшафт служил уже не только фоном, как это было раньше при создании первых ансамб-

лей. Он превратился в важный элемент комплекса (от символических «ежей» на Ленинградском проспекте до врезанного в холм рельефа с вертикалью штыка — обелиска у Зеленограда, мощных скульптур из бетона у Дубосекова).

К середине 60-х годов большое развитие получает такой вид монументального искусства, как мемориальные доски, которые вместе с памятниками-обелисками и стелами представляют собой часть богатейшей своеобразной летописи города. В настоящее время в городе насчитывается около тысячи таких монументальных произведений. За последние годы заметно расширился ареал распространения мемориаль-

ных досок на территории города, выйдя из его исторической части на периферийные участки.

268

За весь период дореволюционной истории мемориальные доски практически не устанавливались. Правда в XV веке над проездными воротами Спасской башни появилась надпись на белокаменной плите о сооружении башни и ее авторе. В период после Октябрьской революции устанавливались доски из недолговечных материалов, что неминуемо приводило к их утрате или требовало серьезнейшей реставрации, как это произошло с первой мемориальной доской, установленной по поручению В. И. Ленина на Сенатской башне Кремля, «Павшим за мир и братство народов», созданной скульптором С. М. Коненковым.

Подлинного расцвета этот вид монументального искусства достиг в последние десятилетия. В настоящее время в Москве насчитывается более

Декоративная скульптура Олимпийской деревни соответствует масштабам окружающей застройки

125 мемориальных досок, связанных с именем В. И. Ленина, с героями трех революций, более 70 досок посвящены выдающимся людям, более 150 произведений установлено в память о событиях и людях периода Великой Отечественной войны.

Решая художественными средствами задачу раскрытия образа или давая информацию монументальным языком, памятные доски неминуемо вступают в диалог со сложившейся архитектурной средой, с прилегающим городским окружением. На смену пышно решаемым в 50-е годы произведениям (достаточно вспомнить четырехметровую резную доску из мрамора, с консолью, волютами, декоративными элементами в память А. В. Неждановой, выполненную скульптором И. Ш. Рабиновичем и архитектором

При создании мемориальной доски С. Т. Коненкову удачно использован выразительный автопортрет скульптора

И. В. Жолтовским в 1956 году и взаимодействующую со всем фасадом дома на равных) приходят строгие, подчиненные плоскостям фасада, подчас нарочито упрощенные мемориальные доски. Правда, и среди таких можно найти достаточно интересные произведения, например, памятная доска на Советской площади с портретом В. И. Ленина (скульптор Ю. А. Тур, архитектор Л. Г. Голубовский), открытая в апреле 1970 года. Подчеркнуто нейтральное положение по отношению к фасаду зданий подчас усиливалось получившим распространение в 70-е годы плоскостным решением доски, которое усиливалось прорезным штриховым портретом (доска Е. Д. Стасову на улице Серафимовича, скульптор Н. А. Силис; доска поэту Михаилу Светлову, скульптор С. Я. Ковнер).

При установке досок авторы подчас пренебрежительно относились

к архитектурному решению фасадов зданий, срубая карнизы и другие детали, врезааясь в гранитные блоки без учета раскреповки и нередко вступая в конфликт с соседними произведениями. В это же время появляются доски, в которых нет взаимосвязи рельефа и шрифта, что делает небольшие произведения более дробными. Как правило, расположенные в зоне ближнего восприятия на уровне до второго этажа мемориальные доски должны иметь два масштаба. Один крупный, соответствующий архитектуре здания и даже улице (обычно это форма доски и крупный шрифт), и другой — более мелкий, собственно внутренний пластический, позволяющий рассматривать произведение вблизи (может быть рельеф лепки или декоративные элементы, мелкий поясняющий шрифт).

Одна из наиболее распространенных ошибок — неумение или недооценка художественной взаимосвязи рельефа и шрифта. Встречающееся преобладание одного над другим

не дает необходимого качества произведению, превращает подчас большие по размерам доски в предметы мелкой пластики, не соответствующие масштабу фасада дома или улицы. Поэтому не случайно многие доски имеют слишком большие размеры.

В 80-е годы стали все активнее создаваться доски-символы. Различные по характеру решения, они в основном делятся на две группы: шрифтовые и скульптурные. К числу наиболее удачных можно отнести бронзовую доску с рельефом, изображающим штыки и знамена, передающие напряжение боев 1905 года (Баррикадная ул., 2). Доска, посвященная Т. Т. Хрюкину, выполнена в виде летящего самолета (архитектор С. В. Клопиков) и представляет собой пример интересного «отхода» от традиционной трактовки доски как плоскости для нанесения памятной информации (открыта в 1982 году).

Особую страницу нашей истории представляют отмеченные мемориальными досками памятные места, связанные с именем В. И. Ленина, с наиболее важными историко-революционными событиями, происходившими в Москве в 1905—1907 и 1917 годах.

270

В 80-е годы процесс создания мемориальных ансамблей продолжает набирать силу; появляются новые формы, значительно обогащающие эстетические качества городской среды. Мемориальные ансамбли размещаются в неразрывном контексте с исторической средой города. Для большинства ансамблей характерно развитие в пространстве и во времени. Даже законченное объемно-пространственное решение ансамбля, как правило, предусматривает дальнейшее формирование благоустроенной среды. Так в начале 80-х годов создан историко-революционный комплекс — памятный знак баррикадам на Горбатом мосту «Мост 1905 года» с реставрацией моста — памятника архитектуры (руководитель авторского коллектива архитектор В. А. Нестеров). Здесь много-

Мемориальная доска на доме, где жил выдающийся советский военачальник Т. Т. Хрюкин, решена в нетрадиционной манере

фигурная композиция — памятник, посвященный дружинникам, выполняет роль составной части всего комплекса, где не менее значителен восстановленный из руин мост с декоративным бассейном, парк им. Павлика Морозова с выставкой детского рисунка, реставрированное здание, в котором находится диорама боев на Красной Пресне в 1905 году.

Интересным примером создания мемориального комплекса в промышленной зоне стало сооружение ансамбля на территории депо Москва-Сортировочная — родине Великого почина. Здесь установлена бронзовая многофигурная композиция. В дальнейшем намечено продолжить работу по расширению комплекса, разместив стелу с портретом В. И. Ленина и памятной надписью, а также экспонат-подлинник — паровоз, отремонтированный в 1919 году. Сами элементы ансамбля, его окружение — индустриальный пейзаж, промышленные корпуса — все создает атмосферу трудового пафоса, но не на площади, как элемент оформления городской среды, а непосредственно

в структуре промышленной зоны, на территории, где трудятся москвичи (архитекторы В. А. Нестеров, И. Н. Воскресенский, скульпторы О. С. Кирюхин, Ю. Г. Орехов).

Роль и значение Ленинианы в формировании монументальной среды города нельзя переоценить. Более 30 памятников, посвященных гениальному вождю пролетариата, создателю Советского государства, с чьим именем связаны многие памятные места в столице, во многом определяют облик города. Сооружение каждого из них сопровождалось значительными работами по благоустройству. Выбор места принципиальным образом определял и определяет подход к формированию благоустройства окружающей памятник среды. Кроме того, с изменением художественной трактовки образа вождя изменялась и архитектура памятника, его окружение. В 1985 году на Октябрьской площади был сооружен памятник В. И. Ленину (скульпторы Л. Е. Кербель, В. А. Федоров, архитекторы Г. В. Макаревич, А. Б. Самсонов). Здесь сооружение памятника имеет ансамблевый характер и связано с завершением застройки всей площади.

Важное место в числе других памятников занимают памятники, посвященные соратникам В. И. Ленина, деятелям коммунистического и рабочего движения. Таким памятникам отводятся в городе наиболее значительные и градостроительно ответственные участки.

В городе можно назвать небольшое число зданий и сооружений, построенных за последние годы, где монументально-художественные произведения создавали бы атмосферу, отвечающую функциональному назначению здания. К числу наиболее удачных примеров можно отнести архитектурно-художественные решения Дворца пионеров и школьников на Ленинских горах, Музея-панорамы «Бородинская битва», кинотеатра «Октябрь», библиотеки 2-го Медицинского института им. М. И. Пирогова. Каждое из этих сооружений отличает

В результате содружества советских и испанских архитекторов и скульпторов в Москве сооружен памятник М. Сервантесу — гениальному создателю образа бессмертного Дон-Кихота

различный подход ко взаимосвязи монументальной живописи и архитектуры (от фрагментарных элементов на плоскости стены до превращения самой стены в изобразительную плоскость), различные художественные и композиционные приемы решения самих картин и даже материал. Однако каждое из перечисленных сооружений имеет главное объединяющее их качество — художественный образ на основе взаимосвязи архитектуры и монументального искусства.

Со строительством зданий с остекленными поверхностями фасадов интерьер стал активнее раскрываться во внешнюю среду. Монументальные произведения в интерьерах стали работать на городскую среду, т. е. монументальное искусство с городских пространств ушло в интерьеры общественных сооружений. Самый яркий пример такого решения — Кремлевский Дворец съездов. Подобным образом решен и Культурный центр Олимпийской деревни. Отдельные произведения, особенно

декоративного характера, появляются в городской среде и среди них есть несомненно достойные, однако они не имеют ансамблевого характера. Наиболее распространенным стало дополнение (художественное) архитектурного решения здания (гостиница «Измайловская», рельефный фриз из меди).

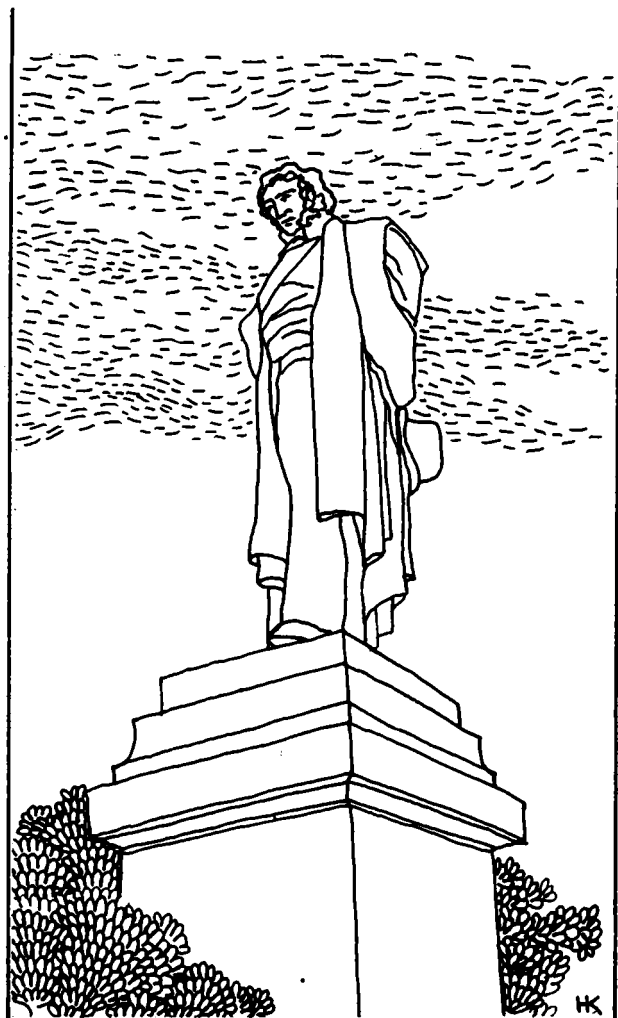
Как уже отмечалось, за последние годы насыщение городской среды декоративными элементами осуществлялось по двум направлениям: создание произведения в связи с сооружением здания или комплекса зданий (декоративная скульптура «Кони» перед Конно-спортивным комплексом в Битце) и размещение (приспособление) произведений из числа выставочных. К сожалению, отсутствие программного направления не могло не сказаться на формировании облика города, где явно недостает высокохудожественных декоративных произведений.

Яркими запоминающимися благодаря неразрывности архитектурного решения с ансамблями декоративных скульптур стали два театра для детей: Государственный детский музыкальный театр и Театр зверей им. В. Дурова. Эти интересные примеры говорят о том, что не забыт традиционно московский прием создания образа сооружения с привлечением декоративной скульптуры как на самом здании, так и на прилегающей территории.

За последние десятилетия в Москве появились монументальные произведения, подаренные городу иностранными городами или государствами и прочно вошедшие в городскую среду. Так, копия великолепного

скульптурного портрета гениального испанского писателя Мигеля Сервантеса, стоящего напротив здания Кортесов в Мадриде (скульптор Сола, 1835 год), нашла свое место в парке Дружбы. Архитектурное решение памятника (архитекторы И. Н. Воскресенский, Ю. В. Калмыков) стало связующим звеном между итальянской скульптурой, а подлинник был выполнен в Италии, и московским ландшафтом. Постамент впервые для московской практики выполнен из люберецкого песчаника с огневой обработкой поверхности. Раньше при благоустройстве территорий этот песчаник использовался как материал для земляных покрытий (плитами из этого материала покрыта Соборная площадь Кремля). Поиск новых материалов, их применение в монументально-декоративном оформлении нельзя назвать глубоким, хотя получил распространение ряд новых материалов — титан, алюминий.

Процесс монументально-декоративного оформления городской среды показал, что насыщение городской ткани художественными произведениями не может рассматриваться без градостроительных основ, без опоры на историко-культурный фундамент. Этот процесс выявил новые направления, но он же и показал, что необходимо сохранять традиции московской школы как основы своеобразия, повысить значение оформления крупных монументальных произведений государственного и международного значения. Монументальные произведения во многих случаях стали основой целых ансамблей, имеющих определяющее значение для формирования эстетического облика Москвы.

Москвичи о Москве

С НАДЕЖДОЙ И ЛЮБОВЬЮ
СОКРОВИЩА РОДНОГО ГОРОДА
ДЕЛА ДОБРЫХ РУК
ИХ ПОДВИГИ БЕССМЕРТНЫ
ГОРОД ДОЛЖЕН ДЕЛАТЬ НАС ЛУЧШЕ
ДОРОГАЯ МОЯ СТОЛИЦА...

С НАДЕЖДОЙ И ЛЮБОВЬЮ

Нагибин Ю. М., писатель

Меня всегда мучила мысль, что у москвичей нет того интимного ощущения своего города, которым отличаются, скажем, коренные ленинградцы, да и — пусть в меньшей степени — новожило города, как-то удивительно легко усваивающие ленинградскую традицию. Москва необъятна, неохватна и к тому же слишком быстро меняется. Не успеваешь привыкнуть к одному облику города, а он уже стал другим. Сколько прошло лет, а я все ищу Собачью площадку, поглощенную Калининским проспектом. Когда вспоминаешь, сколько старины съел этот широкий, вялый, невыразительный проспект, так и не слившийся с арбатской Москвой, то начинаешь сомневаться, так ли он был необходим. В конце концов транспортные проблемы этой части города можно было решить иным способом.

В последнее время в разрушении старой Москвы возобладал «зонный» способ. Примеры: Тульская улица, Каляевская, Домниковка, Зацепа. Это не исключает «выборочной» ликвидации, что и делается на Таганской площади, улице Каляевской.

274

За десять лет снесены: палаты XVI—XVII вв. на Кадашевской набережной, дом в стиле московского классицизма по улице Гиляровского, где бывал Ленин, дом поэта Плещеева (Оружейный переулок), дом Афанасия Фета (Плющиха), дом Белинского (Рахмановский переулок), дом Щепкина (улица Ермоловой), дом Рахманинова (Калининский проспект), в Сокольниках сгорела дача Дзержинского в Лучевой просеке. Под угрозой квартира Есенина в Померанцевом переулке; в бесхозном состоянии дом Брюсова на проспекте Мира; под угрозой дом Щепкина на улице его имени. Интересно, чем так не угодил великий актер Щепкин московским добродеем, что хотят стереть память о нем?

Ленинград легко любить, его ядро неизменно чуть ли не со времен Пушкина. А что осталось от Москвы моего детства? Красная площадь... Даже в исторический центр, в перепут арбатских переулков влезают безобразные башни и стандартные, безнадежно скучные громады. Кстати сказать, во всем мире берегут старинное ядро города. Я слышал, что в связи с расширением Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина раздавались голоса за то, чтобы сносить старые дома на Волхонке и в прилегающих переулках. Как ни прекрасен этот музей, для народной души не менее важны старые дома.

Любовь к Родине начинается с любви к своей улице — банально, но это святая правда. Проблема новых районов — прежде всего проблема нравственная. Воспитать хорошего человека среди безликих каменных коробок труднее, чем на берегу Чистых прудов или в сплетении старых арбатских переулков, где все пронизано важной памятью. Но люди, от которых зависела Москва, упорно не хотели этого понять.

Москва не стабильна именами улиц и площадей. Их почти все переименовали и азартно продолжают эту тоже по-своему разрушительную работу. А между тем и в центре, и на окраинах есть множество улиц и переулков, для которых никак не придумают имена, добавляя порядковый номер к одному и тому же названию. Для чего понадобилось переименовывать старый Гагаринский переулок в улицу Рылеева? Здесь на углу бывшего Гагаринского и бывшего Нащокинского (ныне улица Фурманова) не раз бывал Пушкин у своего московского друга. Неправильно поступили, переименовав исконно сжившуюся с Москвой Зубовскую площадь? Ведь на Зубовской, а не на площади Шолохова разбил князь

Пожарский войска гетмана Ходкевича и заставил их отступить на Поклонную гору. Хорошо, что вернули площади ее старое название. А подарить имя писателя можно было одной из молодых площадей или улиц.

Кроме всего прочего, дестабильность вредна, она разрушает нервную систему. В старых английских магазинах все остается таким же, как сто и более лет назад. У нас же в столице все непрочно, все в движении и переменах: ты никогда не знаешь, окажется ли нужный магазин, учреждение, почта, сберкасса, стоянка такси на том же месте, что две недели назад, а ведь есть еще и такие привычные неожиданности, как «закрыто на ремонт», «закрыто на учет», «закрыто на переучет», «санитарный день», «ушла на обед», «некому обслуживать». Ты не ощущаешь город своим домом, он все время устраивает тебе каверзы.

И вот что еще, Москва — колдунья, она может заставить тебя в миг забыть обо всем, что искажает ее черты. Она бывает так неопишимо хороша, ну хотя бы в мае, когда в московские белые ночи непрозрачной свежестью тянет из Александровского сада. А разве не чудо наш город в дни погожей осени, когда мешаются багрец и золото, а Москва-река отражает густо-синее небо, и мосты кажутся висящими в воздухе, и все дома с медным пожаром зари в окнах заслуживают охраны государства? Бывают счастливые дни и зимой, когда город кружевеет инеем, а пушистый снег ручается своей нежностью и белизной, что никогда не станет кошмаром сугробов, непролази и гололеда.

Москва умеет обманывать. Она поражает на подъезде к ней морем огней, золотым заревом, вселенским нимбом, и надо оказаться в ущельях темных улиц, чтобы понять, до чего плохо она освещена. Правда, в последнее время света прибавилось. Но все же, все же... Есть ночные города: Токио, Нью-Йорк, Копенгаген, есть города, в которых очарование дня спорит с очарованием

ночи, и все-таки они предпочтительнее днем: Ленинград, Лондон, Прага. Москва, конечно, дневной город. На центральных улицах то ли не хватает фонарей, то ли они горят вполнакала, то ли через один, боковые же улицы вовсе тонут в темноте, очень мало ярко освещенных витрин (впрочем, это хорошо), почти нет реклам, а неоновые — кроваво-красные и ядовито-зеленые — огни гастрономов, аптек и редких кафе — удручающе худосочны, словом, световой феерии неоткуда взяться. И меня всегда поражает хладнокровие хозяйственников, которые месяцами мирятся с такими огненными письмами: «...астроном», «прод..ственный маг...», «парик...ер...ая».

Современным городам много света дарят уличные кафе, которых у нас почти нет. Да и обычных кафе раз-два и обчелся. В пору моего детства на углу Петровки и Столешникова находилось летнее кафе «Красный мак», славившееся своим трехслойным высоким, как башня, и невероятно вкусным пломбиром. И как было прекрасно сидеть в скрещении двух самых оживленных улиц городского центра над башенкой из мороженого, крема и взбитых сливок, глазеть на прохожих, лениво перебрасываясь замечаниями о проплывающих мимо красавицах и упиваться своей взрослостью. Тут не было и тени цинизма, семнадцатилетние оболтусы, мы были целомудренны и трезвы, наши загулы — это кафе «Мороженое». В одном из них, на улице Горького, показывали документальные фильмы, лампы на столиках были снабжены специальными колпачками. Впрочем, каждое кафе имело свое лицо, свой ассортимент и свою музыку. Теперешние немногочисленные кафе безлики, неудобны, холодны и «невкусны», чаще всего они сбиваются на второразрядные рестораны. До войны кафе «Националь» славилось яблочным паем и кофе со сливками, «Метрополь» — бриошами и пончиками, «Артистическое» в проезде Художественного театра — хворостом и

какао; в каждом были свои завсегда-таи, и старый москвич знал, кого из знакомых где искать. Сейчас это скучные столовки.

А ведь кафе — серьезнейшая часть городской жизни, место деловых и дружеских свиданий, место отдыха или передышки посреди дневных забот, место роднения с городом, а также «информационный центр», где можно почитать газету, полистать журналы, обменяться новостями, даже сплетнями — и это потребно человеку, завалинок и колодцев в городе нет.

Особенно нужны кафе молодежи. Сейчас все очень разобщены, дефицитом стало «золото человеческого общения». Наши знаменитые дворы были своего рода клубами. В исходе 20—30-х годов жизнь была куда труднее и аскетичнее, а люди общительнее, инициативнее. Каждую зиму мы заливали в садике посреди двора каток, днем тут катались взрослые и дети, а по вечерам (над катком висела гирлянда лампочек) рубились в «факе» — так нам звучало непривычное слово «хоккей». У нас был красный уголок, где показывали фильмы, а раз в месяц давали концерт самодеятельности — талантливо и остроумно, так мне кажется из дали лет.

276 Сейчас дворы исчезают, какие могут быть дворы при домах-башнях, а с ними уходит многое важное в детской жизни: дворовая дружба-вражда, сложные иерархические отношения дворовой вольницы, особый кодекс чести, необходимое на заре туманной юности молодечество, добрые товарищеские драки, дворовый бескорыстный спорт и дворовые танцы. «Во дворе, где каждый вечер все играла радиолы, помните?.. Исчезнут дворы, и навсегда не станет Леньки Королева, а без него плохо.

Сейчас очень многое работает на разобщение людей и очень мало на сближение. В нашу пору, кроме общих квартир и дворов, сближало кино, на котором все мы были помешаны. Тем более, что раньше в кино не забегали, а торжественно отправлялись задолго

до начала сеанса послушать хороший джаз (в «Колизее» выступал один из лучших в стране ансамбль Варламова и пел Вадим Козин, в «Ударнике» — Рачевского), выпить газировки с вишневым и шоколадным сиропом в буфете, посмотреть на таинственные лица знаменитых киноактеров, — такая экспозиция была в каждом уважающем себя кинотеатре.

Нынешнему молодому гражданину Москвы привычнее сидеть дома, или слоняться по тротуарам, или трястись в дискотеках в танцах, не создающих интимности, пары. Радость живого общения, способность что-то переживать сообща, упоение беседой исчезают из нашей жизни.

В начале 60-х возникли молодежные кафе, в них не танцевали, а разговаривали, спорили, читали стихи — свои и чужие, слушали песни в исполнении отечественных бардов, шумели... Однажды меня пригласили в это кафе поспорить о фильмах. Мне там понравилось — горячая атмосфера, запах молодости. В дальнейшем я что-то не слышал об этих кафе. Не знаю, что там случилось, но догадаться можно. Кого-то осенило пресловутым: как бы чего не вышло, и натянулись административные вожжи. Впрочем, не исключено, что рудименты молодежных кафе остались, но зачастую уже не на радость посетителям, а ради галочки.

А что пришло взамен? Дискотеки. С их оглушительным шумом и дурным вкусом рабской подражательности. Любопытно, что дискотечные танцы тоже не работают на сближение: кавалер сам по себе дергается посреди круга из нескольких, порой вовсе не знакомых ему — язык не поворачивается сказать — партнерш, живущих самостоятельной жизнью.

Самый простой и верный способ привлечь зрителя к фильму, да и к любому зрелищу — афиша, красивая, броская, буквально хватающая прохожего за рукав. А ведь афиша не только информирует и привлекает, она украшает город. Увы, и этого украшения лишилась Москва, афишные стенды редки и безрадостны.

Когда у Евгения Евтушенко была фотовыставка, он взял свои афиши, ведро с мучным клеем, большую кисть, погрузил все это в машину и сам стал ездить по горячим точкам столицы и клеить. Сила Евтушенко в том, что он не ждет милостей ни от природы, ни от учреждений. «Профессия расклейщика афиш исчезает в Москве», — сказали мне в дирекции Политехнического музея, где у меня была встреча с читателями, о которой оповещала одна-единственная афиша у входа.

Что, клеить нечего? Может, и нечего, но для каждого нового фильма создается броская, яркая афиша — не пропало мастерство наших художников-плакатистов, которое так блистательно показало себя в гражданскую войну (знаменитые окна РОСТА, где работал Маяковский), в труднейшую пору Великой Отечественной войны — как подымали дух плакаты Кукрыниксов, Тондзе, Иванова и других! — да и после войны советский плакат процветал. То, что сейчас появляется к праздникам и памятным датам на улицах Москвы, плакатом порой не назовешь — схематизм, бездушие. Так вот, афиши есть, но их нет.

Парки, общественные сады — тоже часть московской жизни. Когда-то радостью и гордостью столицы был Парк культуры и отдыха им. М. Горького. Здесь отдыхали под старыми деревьями Нескучного сада, на танцевальном круге, в комнате смеха, на «чертовом колесе». В «тихой» комнате можно было поиграть в шахматы и шашки, полистать журналы, а в Зеленом театре давали большие концерты, спектакли и даже оперы («Кармен»), происходили премьерные показы кинофильмов («Цирк»).

Кое-что из перечисленного и сейчас существует, беда в том, что нынешних посетителей трудно удивить «чертовым колесом» или кривыми зеркалами. Теперь многое стало рутинным, скучным, бывшее очарование исчезло.

Как прекрасно звучит духовая музыка в городском саду, она волнует,

будит воспоминания — даже о том, что не с нами было. Пять лет назад в Серебряном бору зазвучали трубы духового оркестра, и скучноватое место обрело поэзию и глубину. Не говоря уже о том, что старинные вальсы заглушили разноречивые сити-транзисторов — летнего кошмара Москвы и Подмоскovie. Может, с этого и начать?

Для города особенно важны коммуникации. Трагедия всех современных городов — перенаселенность и переполненность автомобилями. В этом отношении Москва на уровне мировых стандартов. Но вот что странно: Москва пожертвовала своим исторически сложившимся центром, сметая узкие кривые улицы и создав вместо них широкие магистрали, перекрестки превратила в площади, а площади в пустыри — такого расточительства не может позволить себе ни один город в мире, ибо земля чудовищно дорога, и каждый метр городской площади стараются максимально использовать, кроме того, в Москве куда меньше легковых автомобилей, если сравнить ее со столицами такого же ранга, но пробки на широких улицах стали привычным делом, припарковаться в центре негде, на улицах обилие грузовиков и старых зилевских автобусов, исторгающих из перегоревших глушителей такой смрад, что, попади под струю живое существо, оно тут же бы окоченело. ГАИ цепляется к любой малости, когда дело касается частников, но совершенно равнодушно к тому, что губительно для здоровья граждан.

В хорошем современном городе грузовик в дневное время не увидишь. Локальные поставки осуществляют с помощью пикапов и трехколесных машин с мотоциклетным мотором; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремющий бортами, вихляющий из стороны в сторону, ис-

точающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!». Он думал: снимается фильм, а за рулем каскадер. Не должно быть грузовиков на московских улицах днем, лишь в паре со снегоуборочной машиной.

А не переборщил ли я? Что же, в Москве все так плохо? Конечно нет. Город живет! Но вспоминаются слова О. Мандельштама: «Мы думаем, что все в порядке, потому что ходят трамваи». Обобщите слово «трамвай», пусть оно объемлет все виды городского транспорта и городской службы, МХАТ, Малый театр, Цирк, Детский музыкальный театр, Государст-

венный центральный театр кукол, консерваторию, Центральный стадион имени В. И. Ленина, Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина с его великолепными экспозициями и культурной программой, да мало ли сколько еще в Москве хорошего, талантливого, уникального, значительного, и вы уверитесь, что все в полном порядке. Нет, не в порядке, не надо себя обманывать, лучше смотреть правде в глаза.

В заключение хочу сказать: давайте помнить о своей ответственности. Со всеми проблемами не справишься в один присест, нужно время, терпение, труд всех нас.

СОКРОВИЩА РОДНОГО ГОРОДА

Молева Н. М., писатель,
кандидат искусствоведения

278

Как сберечь наши памятники? Вопрос, казалось бы, предполагающий очевидный ответ — не сносить, реставрировать, включить в сегодняшнюю жизнь, — на деле решается совсем не просто. Город не только растет, приобретает все новые проблемы, стремится к повышению комфортности. Город, кроме того, нужно срочно приводить в порядок. Годы безответственного хозяйствования, существовавшие — что греха таить! — тенденции отказа от капитальных ремонтов как способа «естественного» освобождения от старой застройки, плохо — и в этом тоже пора откровенно признаться — поставленная служба научного изучения городского фонда не могли не привести к тяжелым результатам. Большое число старых зданий нуждается в самом срочном вмешательстве реставраторов, ремонтников, строителей, тогда как возможность удовлетворить возникающую потребность в предварительных исследованиях этих объектов — исторических, архитектурных, археологических у нас явно мала. К тому же никого сегодня не удов-

летворяют бывшие краеведческие познания. Мало быть общепризнанным «знатоком», скажем, той же Москвы, надо обладать высокопрофессиональными знаниями во всех разделах нашей культуры, которые бы позволили, в конечном счете, создать методику исчерпывающих всесторонних обследований, обобщить и проанализировать их практику, привести к образованию ныне отсутствующего научно-исторического фонда города, охватывающего все без исключения объекты его застройки.

Сегодня в решении этой задачи задействовано мало государственных и много общественных организаций — Главное управление охраны и использования памятников, Московское городское отделение ВООПИК, активно работающие профильные комиссии Союза писателей, Московского отделения Союза художников, Центральная комиссия по сохранению и сносу зданий в исторически сложившейся части Москвы. Остается только удивляться, почему при том активном интересе, который проявляется сегодня всем нашим народом к истории, от участия в общем деле полностью устранились Союз театральных деятелей (как в прошлом ВТО), Союз

композиторов, Союз кинематографистов. Между тем, кому, как не актерам, следовало первыми вмешаться в незаконный снос дома М. С. Щепкина (улица Ермоловой, 16) и в судьбу другого дома великого артиста на улице, носящей его имя (улица Щепкина, 47), формальным арендатором которого выступает Государственный музей театрального искусства им. А. А. Бахрушина. Разве не композиторам следовало отстаивать дом С. В. Рахманинова (проспект Калинина, 11), исчезнувший буквально в канун его юбилея, и позаботиться о доме С. И. Танеева, беспощадно выпотрошенном (после предварительной реставрации!) ради устройства одной из скульптурных мастерских Художественным фондом РСФСР. А уж кинематографистам тем более понятна ценность разновременных и неповторимых уголков нашего города.

Именно отставание в научной обработке объектов старой застройки подсказало появление новой формы профессионально-общественного участия москвичей в решении стоящих перед градостроителями задач. Это общественный Экспертно-консультативный совет при Главмосархитектуре, на который предполагается выносить все сколько-нибудь значительные вопросы сносов, перепланировок и нового строительства. Работа совета строится в тесной связи с главным архитектором Москвы, участвующим в обсуждениях и передающим вырабатываемые рекомендации проектным организациям. Насколько эффективной может стать подобная форма сотрудничества с общественностью, можно судить на примере будущей пешеходной зоны Столешникова переулка.

По замыслу проектировщиков, должна была быть произведена расчистка прилегающих к переулку дворов, в которых, как и повсюду в историческом центре Москвы, сохраняется старейшая часть застройки. Предложенный вариант предполагал снос 24-х зданий с выходами на Пушкинскую улицу и в Дмитровский переулок. Эк-

спертиза совета установила, что 22 постройки следует сохранить и использовать в решении пешеходной зоны. Именно так было изменено проектное задание мастерской. В настоящее время осуществляется экспертиза зоны Сретенки и Цветного бульвара, в отношении ансамблевого решения которого предполагается провести конкурс.

Эта работа имеет большое значение и потому, что программа «Архитектурное наследие» охватывает только памятники, стоящие на государственной охране. В нее не вошли ни позиции составленного за истекшее десятилетие так называемого дополнительного списка, на который также распространяется действие Закона об охране памятников истории и культуры, ни тем более дома, «раскрытые» в своем историческом значении, но еще не оформленные для включения в тот же список (кстати, насчитывающий более 1300 объектов). А ведь сколько еще остается скрытым от историков особенно в отношении культурного прошлого московской застройки!

На первый взгляд не производил, например, впечатления интересного строения дом № 3 по Большому Гнездииковскому переулку, фланкирующий здание Театра дружбы народов (бывший МХАТ) на Тверском бульваре. Он был предложен к сносу в связи с предполагаемым строительством здания Горплана Москвы, возведением которого проектировщики рассчитывали «привязать» театр к окружающей малоэтажной застройке. Но буквально в считанные дни удалось установить — благодаря счастливому стечению обстоятельств, иначе такая работа могла потребовать многих лет, — что перед нами один из значительных памятников русской культуры, связанный с именами А. С. Пушкина, драматурга К. А. Тарновского, актеров М. С. Щепкина, Д. Т. Ленского, П. М. Садовского, Г. Н. Федотовой. Потерять его было бы, само собой разумеется, ошибкой. Теперь старое здание предполагается включить в ансамбль новых сооружений. Кто

знает, не станет ли со временем вопрос и о регенерации его интерьеров.

Еще более сложно дело обстоит с так называемыми доходными домами. Их культурную историю бывает всегда труднее проявить. Обратимся лишь к двум примерам на соседних Тверском и Суворовском бульварах.

Угол Тверского бульвара и Малой Бронной (дом № 7/1), аккуратное, скромное четырехэтажное здание, занятое учреждением. Как представить себе, что это и есть знаменитая Романовка — меблированные комнаты, студенческий трактир и концертный зал (ныне — Театр на Малой Бронной), сыгравшая такую большую роль в жизни передовой московской молодежи начала нашего столетия и в революционных событиях. Здесь постоянно бывал юный В. Маяковский, впервые решившийся начать читать стихи на аудиторию. В Романовке жил во время консерваторских занятий композитор В. С. Калинин, приехавший сюда и в более поздние годы. В этих стенах он исполнял для посетившего его С. И. Танеева свою знаменитую Первую симфонию. В комнатах известного музыкального критика С. Н. Кругликова собиралась вся труппа Русской частной оперы, бывали Ф. И. Шаляпин, М. А. Врубель, Н. А. Римский-Корсаков.

280

В период декабрьских событий 1905 года на Малой Бронной около Романовки возникает баррикада, на которой сражаются студенты, а в одной из квартир — зубного врача Данишевского возникает перевязочный пункт. Сопротивление восставших удалось подавить только с помощью артиллерии, когда оказалась поврежденной и квартира врача. В октябрьские дни 1917 года красногвардейцы используют Романовку для борьбы с засевшими у Никитских ворот юнкерами — в угловом эркере устанавливается пулемет. Память об этих днях хранит вековой дуб на Тверском бульваре, в коре которого остались пули и осколки снарядов.

Более знаком москвичам дом № 6 по Суворовскому бульвару, выходящий на Арбатскую площадь. Его бе-

локаменные подвалы и нижние этажи относятся к XVIII веку, когда принадлежал он сначала генерал-кригс-комиссару Я. П. Шаховскому, начинавшему службу еще при Петре I, а затем герою Кагульского сражения генерал-аншефу П. Г. Племянникову, в гостях у которого бывали А. В. Суворов и П. А. Румянцев-Задунайский. В XIX веке у «златовласой Пленеры», как называл в своих стихах В. В. Голицыну Г. Р. Державин, читал свои произведения К. Ф. Рылеев и жил в качестве домашнего учителя десятерых сыновей И. А. Крылов. После 1812 года дом перешел к директору Московской казенной сцены Ф. Ф. Кокошкину, который превратил его в своеобразную школу для будущих актеров Большого и Малого театров. Среди его жильцов был знаменитый певец и драматический актер, близкий знакомый Пушкина Н. Лавров. В литературном салоне актрисы Малого театра М. Д. Львовой-Синецкой собирались С. Т. Аксаков, П. А. Вяземский, М. П. Погодин, тогда еще учившиеся в университете И. А. Гончаров и Ф. А. Кони.

В кругах московской общественности дом был известен под названием Соловьиного, которым он обязан композитору А. Е. Варламову, автору многочисленных романсов, и до наших дней удержавшихся в репертуаре ведущих певцов. Семьдесят из них были написаны в Соловьином доме, где, кстати сказать, бывал и даже неделю прожил приезжавший в Москву на гастроли Ф. Лист. Здесь Варламов знакомил гостя с русской и цыганской музыкой,

Конечно, далеко не всякий дом можно и нужно музеефицировать. И тем не менее знать прошлое, по возможности полнее и разнообразнее использовать его при формировании облика обновляющейся Москвы просто необходимо. Здесь нужны совместные усилия специалистов, общественности, но в первую очередь советских органов. Только наша общая заинтересованность может придать Москве достойный ее истории облик.

ДЕЛА ДОБРЫХ РУК

Прокофьев И. Ю., журналист

Умение найти ключ к сердцам молодежи, увлечь нужным, полезным и интересным делом — одна из характерных черт молодежной газеты «Московский комсомолец». Наш рассказ о необычной акции газеты, которая получила широкий резонанс далеко за пределами столицы и стала массовым движением общественности в нашей стране.

...Удар, еще удар — и тяжелый лом, пробив пол подвала, провалился в пустоту... Быстро расчищен раскоп. На дне его под слоем грунта и строительного мусора открылись белокаменные ступени, уходящие куда-то вниз.

Еще один ярус подвала? А может это какой-то тайник? Ведь нет же на монастырских планах этих ступеней. Замурованная лестница была обнаружена в подвале древнего монастыря, основанного еще в XIII веке.

...Заскрежетала лопата. Под ней в черном грунте виднелось что-то белое. Осторожно извлекаем земляной ком. Очищаем вековую «упаковку» и перед взором предстает изящный керамический подсвечник XVII века. Ящик с находками прошлых столетий быстро заполнялся. Полихромные изразцы конца XVII века, осколки необычных клейменных бутылок, кованые детали — все это было извлечено при расчистке подвалов дома Лопухиных, некогда принадлежавшего отцу первой жены Петра I.

Позеленевшая бронзовая деталь, украшенная оригинальным орнаментом, часть дубового резного наличника, клейменные «единорогом» кирпичи, кованые гвозди, фрагменты кожаной обуви XVI века, многоцветные изразцы и другие предметы были найдены при раскопках на территории древнего Монетного двора, в старинном подмосковном селе Коломенское и др.

Это не эпизоды из экспедиций ис-

ториков или археологов. Все работы проводились энтузиастами — любителями истории. Интересные находки сделаны не специалистами, а добровольными помощниками реставраторов. Так сегодня называют тех, кто в свои выходные дни приходит безвозмездно помогать восстанавливать памятники истории и культуры нашей страны.

Как археологи находят клады? В чем секрет долголетия многокрасочных древних изразцов? Как отличить памятники XVI века от XVIII? Что такое биолокационная разведка? Как передвигать монолитные белокаменные саркофаги? Откуда древние строители брали материалы для сооружения белокаменных зданий? Зачем беречь и восстанавливать старинные парки? Почему все мы любим историю, бережем культурное наследие и хотим больше узнать о своей Родине?

На эти и многие другие вопросы каждый может получить ответы на ставших уже традиционными трудовых встречах добровольных помощников. Семь лет молодежная газета каждую неделю приглашает всех желающих на такие необычные встречи. А началось все так:

«Друзья, кто скажет, что мы не любим своей истории?»

Мы уже все знаем: любовь к прошлому — отличительная черта истинной культуры. Но настоящая любовь деятельна.

Увидеть, полюбоваться древними памятниками, конечно, прекрасно. Но, увидев, как они разрушаются, как неумолимое время наносит раны, можно ли остаться равнодушным?

Мы, молодые москвичи, — наследники и обладатели несметного исторического богатства. Помочь в восстановлении и сохранении его — разве это не наше дело?

Всех, кто любит нашу столицу, историю отечества не на словах, а на деле, мы приглашаем на воскресник на территорию бывшей усадьбы XVIII—XIX веков в Кузьминках. Цель

воскресника — помочь архитекторам и строителям в реставрационных работах».

Такое необычное приглашение появилось в январе 1983 года на страницах газеты «Московский комсомолец».

Придут или нет москвичи и жители Подмосковья безвозмездно потрудиться в день своего отдыха? Ведь никто их не принуждает к этому. Хочешь — иди, не хочешь — отдыхай. Да и не на экскурсию приглашают, а поработать. Сомнения терзали организаторов этого своеобразного эксперимента в ожидании назначенного дня.

Воскресным утром у парадного въезда в бывшую усадьбу к условленному часу стали собираться энтузиасты. Десять, двадцать, пятьдесят... сто двадцать человек пришли на первый воскресник, чтобы внести свою лепту в возрождение исторического памятника.

За первым воскресником последовали другие. И с каждым разом все больше энтузиастов приходят поработать в выходные дни, вложить свой труд в восстановление памятников истории и культуры. Стоит заметить, что отдельные группы энтузиастов и прежде оказывали помощь в сохранении исторических памятников. Так группа краеведов Московского городского клуба туристов еще в 1959 году приводила в порядок памятники на братских могилах советских воинов, автмотуристы столицы в 1968—1970 годах по просьбе специалистов провели обследование памятников деревянного зодчества на территории Подмосковья. С конца 1971 года москвичи стали эпизодически выходить на воскресники в помощь реставраторам. По сведениям Московского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) за 11 лет было проведено 77 таких трудовых встреч, в которых участвовало по 5—10 человек.

Массовый характер движение общественной за активное участие в возрождении памятников приобрело

в результате акции молодежной газеты. Уже в 1983 году по приглашению газеты было проведено 100 субботников и воскресников, на которых трудилось 6 тысяч добровольных помощников реставраторов. А всего с начала эксперимента с помощью газеты было проведено более 2000 трудовых встреч, в которых участвовало свыше 90 тысяч любителей истории. Постоянно расширяется и география таких трудовых встреч — на 150 памятниках уже поработали энтузиасты. Опыт москвичей приобщился многим. В Минске и Киеве, Ленинграде и Ярославле, Тюмени и Вологде, Угличе, Боровске, Туле, Луцке, Одессе, Липецке и в других городах страны трудовые встречи добровольных помощников стали привычным делом.

Для координации действий участников этого массового движения общественной ответственности и более эффективного использования трудового энтузиазма в московских городском и областном отделениях ВООПИК были созданы специальные секции по шефству над памятниками истории и культуры. Руководители этих секций решают множество вопросов: согласовывают с реставраторами и строителями фронт предстоящих работ, знакомятся с рабочими участками, определяют необходимое количество добровольных помощников на каждом памятнике, строго следят за соблюдением правил техники безопасности и, конечно, готовят интересные программы культурных мероприятий, которыми обычно завершаются трудовые встречи. Газета же продолжает оставаться массовым организатором — каждую неделю по согласованию с заинтересованными организациями публикуются приглашения на очередные субботники и воскресники, читателей знакомят с историей памятников, а в репортажах и обзорах рассказывается о добровольных помощниках, освещаются вопросы, связанные с ходом реставрационных работ. Нередко выступают и сами участники трудовых встреч с предложениями и пожеланиями сделать еще лучше и интереснее встречи энтузиастов.

Работа на субботниках и воскресниках по объявлению что ни на есть самая черная — очистка помещений от строительного мусора: битый кирпич, штукатурка, сгнившие деревянные полы и перекрытия. Нагружая носилки и выноси. Ведь в древних строениях не всегда удается строителям применить даже средства малой механизации — транспортеры, подъемники, тележки. В узких переходах, на крутых винтовых лестницах, в лабиринтах подземелий приходится работать только вручную.

Чем же привлекают эти трудовые встречи? Почему люди добровольно приходят в свои выходные дни работать? Предоставим слово самим участникам.

Рабочая завода химических изделий Зинаида Федоровна Харитоновна более 400 раз работала на воскресниках и субботниках: «Больно видеть как разрушаются некоторые памятники. Хочу своим трудом помочь восстановить и сохранить историю».

Учитель истории Лидия Павлова часто приводит на воскресники восьмиклассников. Ее впечатления: «Это очень здорово! Сегодня, как никогда, нужны такие трудовые встречи, особенно для молодежи. Здесь ребята непосредственно соприкасаются с историей. Для тех, кто побывал на этих воскресниках, XVII, XVIII и другие века становятся исторической реальностью, а не сухим текстом учебника, который нередко лишь зазубривают. По сути это своего рода практические уроки по истории родного города с элементами трудового воспитания».

«Увидел фотографию в газете, — рассказывает Борис Швындин, — худенькие девушки ворочают носилки и, честно говоря, даже совестно стало. Они работают, а я, здоровый парень, токарь, порой не знаю чем заняться в выходные дни. Решил прийти, посмотреть, что же людей тянет сюда? Ну и помочь, конечно. Теперь хожу постоянно».

Заслуженный учитель РСФСР из подмосковного города Калининграда А. А. Коняев: «Мои ученики за один такой воскресник получают сразу че-

Звенигород — один из древнейших городов Подмосковья, где сохранились памятники XIV—XVIII веков, нуждающиеся в реставрации. На призыв газеты «Московский комсомолец» помочь их восстановить откликнулись молодые энтузиасты столицы и Московской области

тыре урока: истории, труда, гражданской ответственности и патриотизма».

Студентка медучилища Татьяна Непомнящая: «Хочется прикоснуться к векам минувшим, подержать в руках уникальные находки, которые сегодня можно увидеть лишь под стеклом музейных витрин. Хочу лучше узнать историю города».

«Очень здорово, что «Московский комсомолец» постоянно информирует о работах на памятниках истории, — говорит Е. А. Шорникова. — Впервые осенью я повезла группу пятиклассников из школы № 174 Свердловского района столицы в старин-

ное село Остров. Мы там работали, и, несмотря на дождь и холод, привезли яркие впечатления. А с каким восторгом и гордостью ребята рассказывали об удивительном памятнике XVI века, о своем участии в реставрационных работах. Я убеждена, что небольшое приглашение в газете сделало для воспитания школьников значительно больше, чем специальные статьи в защиту памятников истории. С помощью газеты ребята узнали, как нужно на деле любить Родину и беречь ее памятники. Теперь мы регулярно помогаем реставраторам на разных памятниках».

«Никакие лекции и лозунги о необходимости охраны памятников старины не заменят этих воскресников и субботников,— считает врач В. Б. Воронов.— Здесь каждый не только таскает мусор, сажает деревья, расчищает от хлама заброшенные здания, здесь вся обстановка способствует лучше осознать необходимость сохранения исторического наследия и свою сопричастность к этому благородному делу».

Сколько энтузиастов, столько разных мнений и ответов. Но ни разу ни от кого не довелось услышать, что дескать ненужное дело затеяли, товарищи.

И еще одно интересное мнение: «Я с нетерпением ожидаю очередных выходных дней, когда смогу снова встретиться с хорошими людьми, которые искренне любят историю, болеют за ее сбережение и своим трудом помогают восстанавливать памятники,— поделился своими впечатлениями о трудовых встречах слесарь-наладчик из Ногинска Василий Коваленко.— Пора бы уже создать клуб любителей истории, который имел бы свое помещение, свою эмблему, интересную программу работы. Такой клуб смог бы объединить многие тысячи истинных любителей истории Родины».

Действительно, сегодня в большинстве клубов и домов культуры работают многочисленные кружки: художественной самодеятельности, кройки и шитья, вышивки, макраме,

умелые руки. Но почти нигде нет настоящего кружка любителей истории, краеведения. А если и есть такие, то вся их работа сводится к традиционным лекциям, докладам, экскурсиям. Нет самого главного, нет живого дела, нет творческого участия каждого в краеведческом поиске, в реальной помощи в восстановлении памятников истории. Сегодня молодежь испытывает насущную потребность в активном участии в конкретных делах, она не хочет быть пассивным потребителем информации, пусть даже самой интересной и нужной. Закрепленная делом информация лучше воспринимается и надолго остается в памяти.

В последнее время идет много разговоров вокруг вопроса — как спастись от одиночества, где можно познакомиться тем, кому за тридцать. Создаются специальные клубы, разрабатываются программы. Но все эти усилия страдают односторонним набором развлекательных мероприятий: концерты, кино, танцы, экскурсии, чаепития. И здесь нет реального интересного дела. А ведь издавна известно, что лучше всего узнать человека можно только в работе, где он раскрывается весь.

Добровольные субботники и воскресники уже давно стали своеобразными клубами для всех, кому небезразлична судьба культурного наследия Родины. Там можно не только поработать, но и интересно отдохнуть, узнать много нового. Специальные выставки, встречи с архитекторами, историками, археологами, художниками, писателями, артистами, выступления фольклорных ансамблей, творческих коллективов, демонстрация слайд-фильмов и многое другое обычно сопровождает трудовые встречи энтузиастов. В непринужденной дружеской атмосфере добровольного труда и интересного разнообразного досуга легче найти новых знакомых, настоящих друзей. Здесь нет дефицита общения. Здесь обмениваются новостями, делятся впечатлениями, спорят, строят планы совместных интересных дел, путеше-

ствуют по многовековой истории нашей страны. Для многих конкретные памятники стали своими, куда они приходят отдыхать в выходные дни и никому не позволяют их разорять. А общение с добрыми людьми приносит радость, обогащает духовно.

И еще хороши трудовые встречи энтузиастов тем, что туда каждый может прийти с друзьями, может привести детей любого возраста и всем найдется интересное и посильное дело. Там никогда и никому не бывает скучно!

Памятники прошлого — неотъемлемая часть нашей жизни. Архитектурные ансамбли, мемориальные усадьбы-музеи, древние крепости и монастыри, курганы, мемориалы революционной, боевой и трудовой славы советского народа и сотни других памятников прошлого — каждый по-своему говорит о минувшей жизни нашего народа, о развитии культуры. Где бы ни жил человек, в большом или маленьком городе, в сельской ли местности, он не может не любить свою Родину. Интерес и любовь к памятникам прошлого — не праздное увлечение любителей старины. Это проявление живого патриотизма, естественной гордости за те глубокие корни, на которых выросла современная культура, созданная многовековым трудом народа. Не случайно в Конституции СССР записано: «Забота и сохранение исторических памятников и других культурных ценностей — долг и обязанность граждан СССР». И добровольные помощники с честью выполняют этот свой долг перед Родиной.

Полюбились трудовые встречи многим москвичам и жителям Подмосковья. Сегодня на них приходят семьями, группами, целыми классами и коллективами. Нередко можно увидеть дошколят, которые вместе со всеми выполняют посильную работу. Сколько радости и гордости бывает у малышей. Ведь они работали вместе со взрослыми, делали нужное дело. Такое запоминается надолго.

Привлекают эти встречи и тем,

что каждую неделю газета приглашает на разные памятники и каждый самостоятельно выбирает, куда ему интереснее пойти. Так что каждую неделю можно отправиться по новому маршруту.

Особый интерес энтузиасты проявляют к памятникам, связанным с революционными и военными событиями. Если обычно на трудовые встречи приходят 30—40 чел. для работы на каждом объекте, то на воскресник в Лесной школе, где неоднократно бывал В. И. Ленин, собралось 260 человек. Поработать на строительстве мемориала Победы на Поклонной горе в первый раз по приглашению газеты пришли 650 добровольцев.

На всех реставрируемых памятниках всегда проводятся экскурсии, каких не бывает ни в одном музее. Экскурсии проводят обычно специалисты, знакомят с уникальными находками — будущими экспонатами. Здесь можно получить ответ на любой вопрос. Таким образом, безвозмездный труд становится как бы своеобразной платой за посещение будущих музеев. А заработанные на трудовых встречах деньги перечисляются в Фонд мира, в фонд помощи Чернобылю, во Всероссийский фонд охраны памятников истории и культуры и в другие общественные фонды. Куда направлять деньги решают сами участники субботников и воскресников.

Но самое важное, пожалуй, в другом. Как утверждают сами добровольные помощники, основа их сотрудничества держится на трех принципах — это добровольность, дисциплина и безвозмездность.

Добрые дела энтузиастов, совершаемые по велению сердца и совести, вряд ли возможно оценить лишь объемом выполненной работы. Совершив хорошее, доброе дело, мы как бы поднимаемся на некую ступеньку на пути самосовершенствования. Добро порождает добро и мы оказываемся вовлеченными в своеобразное движение вперед — все выше и все дальше по этим неболь-

шим ступенькам доброты. Не случайно, среди добровольных помощников не встретишь людей равнодушных и безразличных, завистливых и злобных. Такие люди чувствуют себя неуютно в обществе добрых людей.

Энтузиасты не просто добренькие люди. Они чутко реагируют на несправедливость и готовы бороться с нарушителями законности. Они не пройдут равнодушно мимо фактов разорения природных богатств, исторических ценностей, мимо бесхозяйственного отношения к народному добру.

Стоит отметить еще один немаловажный факт. С самого первого воскресника в январе 1983 года и по сей день ни на одной трудовой встрече никто из добровольных помощников не употреблял спиртных напитков. Просто вся обстановка доброжелательности, любознательности, трудового энтузиазма и общего стремления помочь возрождению исторического наследия не располагает к этому, там никому не нужно взбадриваться или расслабляться спиртным. Вспоминается анекдотичная ситуация, случившаяся на одном из массовых воскресников на территории санатория «Мцыри». Более 400 человек трудились в тот день на благоустройстве старинного парка, по которому любил гулять юный Лермонтов. Работали, как обычно, с огоньком и без перекуров. Но вот приехали руководители Солнечногорского райцентра, в чьем ведении находится единственный сохранившийся в Подмоскovie уголок, связанный с именем М. Ю. Лермонтова, и... вместо слов благодарности за приведение в порядок запущенного парка стали с пристрастием искать пьяных. А когда таковых не обнаружили, искренне удивились: «А разве может быть воскресник без выпивки?!» И уехали, забыв сказать спасибо, так и не поверив, что без спиртного можно проводить массовые мероприятия, если организовать их как следует, интересно, а не формально ради очередной «галочки».

Обществу борьбы за трезвость

стоило бы изучить опыт этого общественного движения, когда на трудовые встречи в свой выходные дни приходят совершенно разные люди и никто из них не употребляет спиртного.

Главное в работе организаторов движения добровольных помощников, пожалуй, заключается в том, чтобы найти интересное дело и интересные формы общения. Постоянно идет поиск новых направлений и форм. Так, при работе на некоторых памятниках организовано обучение строительным профессиям. Желающие овладевают навыками каменщиков, плотников, жестянщиков, кровельщиков и других специальностей. И через некоторое время им доверяют выполнять квалифицированные работы.

По предварительной договоренности группы добровольных помощников выезжают поработать и за пределы Московской области. Так, в Калужскую область, в город Боровск приехали поработать на древнем городище 80 энтузиастов. На два дня выезжали помогать реставраторам в Ростов Великий, в Ленинград. Из желающих во время отпуска или каникул помочь восстановлению памятников комплектуются специальные полевые отряды добровольцев. Многие уже работали на памятниках на острове Валааме, в Спасском-Лутовинове, на территории Архангельской области, в усадьбе И. А. Бунина, на Соловецких островах и в других районах России.

Кроме участия в реставрационных работах, проводятся походы-рейды с целью обследования состояния памятников. В первую очередь маршруты проложены по территории Московской области к памятникам советским воинам. Особенно понравились такие походы-рейды туристам, которые получают специальную программу (вопросник) и во время путешествий проводят общественно полезную работу. Результаты таких рейдов реализуются в виде соответствующих сигналов в исполкомы, сельские и поселковые Советы, рай-

комы ВЛКСМ, Общество охраны памятников истории и культуры.

Трудно переоценить то огромное моральное удовлетворение, которое получают участники трудовых встреч и походов-рейдов. Прикосновение к истории всегда порождает глубокие корни патриотизма, любовь к Родине. Невольно вспоминаются слова поэта-демократа Кондратия Рылеева, сказанные более полутора столетия назад: «Напоминать юношеству о подвигах предков, знакомить его со светлейшими эпохами народной истории, сдружить любовь к отечеству с первыми впечатлениями памяти — вот верный способ для привития народу сильной привязанности к Родине: ничто уже тогда сих первых впечатлений, сих ранних понятий не в состоянии изгладить. Они крепнут с годами и творят храбрых для бою ратников, мужей доблестных для совета...»

И не случайно по приглашению молодежной газеты с каждым разом на трудовые встречи на памятниках истории приходят все больше школьников и молодежи: им это сегодня нужно и интересно, они хотят лучше знать историю своей Родины, хотя бы своим трудом помочь возрождению славы своих предков.

А вот оценка массового движения энтузиастов со стороны заинтересованных организаций. Начальник участка экспериментальной специальной научно-реставрационной мастерской объединения «Росреставрация» Г. Н. Козлова написала:

«Крутицкое подворье — ценнейший историко-архитектурный памятник, объект союзного значения. Мы рады той огромной помощи, которую

нам оказали энтузиасты. Только за одно воскресенье проделана работа, на которую нам понадобилось бы не менее трех месяцев. Если такая помощь будет регулярной, время реставрации памятника сократится вдвое!»

Заместитель директора по научной части музея «Усадьба Кусково» Э. Б. Самецкая написала в редакцию: «Коллектив музея выражает глубокую благодарность всем москвичам и жителям Московской области, которые приняли деятельное участие в подготовке музея к открытию. В том, что сегодня музей открыт для посетителей, в каждой его экспозиции и выставке — доля бескорыстного и добровольного труда энтузиастов».

По оценке прораба строительного участка В. В. Микулы выполненный добровольными помощниками объем работ только за одно воскресенье позволит ускорить реставрацию дома Лопухиных — памятника конца XVII — начала XVIII веков на два месяца!

Прошло семь лет с начала массового движения добровольных помощников. Центральный совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры отметил редакцию газеты «Московский комсомолец» как инициатора и одного из лучших организаторов патриотического движения общественности по оказанию помощи в возрождении памятников отечества и рекомендовал всем республиканским, областным и краевым отделениям общества шире использовать опыт москвичей как новую эффективную форму воспитания патриотизма и бережного отношения к памятникам культуры.

ИХ ПОДВИГИ БЕССМЕРТНЫ

Павлов А. А., журналист

Огненными верстами Великой Отечественной войны прошел солдат Василий Здунов от прихотливой речушки Зуши, что на Орловщине, до Эльбы.

...В сорок четвертом, на шоссе Могилев — Минск горстка храбрецов остановила крупную

группировку фашистов, вырвавшихся из Бобруйского «котла». Задача была задержать противника до подхода наших танковых частей. Около пятидесяти бойцов с единственной 76-миллиметровой противотанковой пушкой семь часов сдерживали атаки вражеской пехоты и бронированной техники. Задание командования было выполнено. Правда, из

нашего зaslona в живых остались лишь три человека, и среди них — раненый и контуженый сержант Василий Федорович Здунов. Орудие, которым он командовал в том бою, подбило и сожгло шесть самоходок типа «Фердинанд». Да этот подвиг Василий Федорович был удостоен звания Героя Советского Союза.

Он навсегда связал свою судьбу с Советской Армией. Много раз участвовал в военных парадах на Красной площади. Василию Федоровичу особенно дорога память о двух парадах: о самом первом, в том, теперь уже далеком, победном сорок пятом, когда старшиной шагал по площади в составе сводного полка 1-го Белорусского фронта, и посвященном 70-летию Великого Октября. В те минуты словно отлетели прочь прожитые годы. Седой генерал-майор четко печатал шаг по брусчатке, крепко сжимая древко, и московский ноябрьский ветер разворачивал над его головой алое полотнище Знамени Победы...

Одна из самых давних, идущая из глубины веков традиция Москвы — чтить память о ратных подвигах русского народа и особенно о событиях, связанных с самой столицей, с ее жителями. Во славу русского оружия, в память о сынах Отечества возводились величественные храмы и монументы — это и всем хорошо известные храм Василия Блаженного, па-

мятник Минину и Пожарскому, и, к сожалению, сохранившийся лишь на старых фотографиях храм Христа Спасителя.

Нельзя не отметить ту тщательность, с которой выбирали зодчие места для мемориальных сооружений, их высочайший художественный уровень, максимальную выразительность.

Своими размерами, своим величием Кремль доминирует над всеми зданиями центра города. И тем не менее он не может затмить ликующей торжественности храма Василия Блаженного или строгого изящества Манежа. Героическая тема вдохновляла архитекторов и художников на замечательные творения. Разве не шедевры — Триумфальная арка или Бородинский мост?

Вообще, справедливо отметить, что тема Отечественной войны 1812 года в архитектурных ансамблях Москвы звучит сильно и выразительно. Отрадно, что к их числу по праву можно отнести и созданный уже в наше время ансамбль панорамы «Бородинская битва» с памятником М. И. Кутузову.

А вот с увековечением подвига москвичей в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов, мне кажется, дело обстоит значительно хуже. Часто бываю в разных концах Москвы, перебираю в памяти, что же из увиденного отражает подвиг защитников столицы, и могу назвать лишь могилу Неизвестного солдата, обелиск в честь присвоения Москве звания города-героя и памятник ополченцам на улице Народного ополчения.

Причем место для обелиска, выбранное на Кутузовском проспекте у ресторана «Хрустальный», явно неподходящее. При движении из центра памятник не виден. А если ехать из Кунцева, то после Триумфальной арки и ансамбля «Бородинская панорама», зажатый коробками зданий на «пяточке» развилки, обелиск проигрывает по силе воздействия, да и непосредственная близость ресторана, мягко говоря, не оттеняет его художествен-

ных достоинств. Неужели в Москве не нашлось более подходящего места для обелиска такой значимости?

Конечно, я знаю, что в Москве есть еще немало памятников героическим защитникам города. Но подавляющее большинство жителей столицы даже не подозревает об их существовании. Дело в том, что эти памятники скрыты заборами и корпусами предприятий, учреждений, ажаты между домами в узких переулках или проездах. Например, впечатляющие мемориалы созданы на территориях заводов имени Владимира Ильича, «Компрессор», отличный памятник сестрам милосердия открыт на территории 1-го Медицинского института им. И. М. Сеченова. Таких примеров в целом по Москве можно привести много. Инициатива трудовых коллективов достойна всяческого одобрения, но почему такое важное политическое дело, как монументальная пропаганда подвига москвичей, у нас развивается в каких-то узковедомственных рамках?

В связи с этим мне хочется напомнить о большой и многолетней работе, которую ведут специалисты Главмосархитектуры Московской области по созданию мемориального кольца вдоль линии обороны Москвы. Работа эта была начата по инициативе и велась под руководством начальника областного ГлавАПУ, Героя Советского Союза Г. Г. Гоцеридзе. Окончательного воплощения своей мечты Георгий Георгиевич, к сожалению, не увидел.

Многим из нас хорошо знакомы памятники, вошедшие в это мемориальное кольцо. Гигантские проти-

вотанковые «ежи» у Крюкова, поднявшийся во весь рост автоматчик на самом высоком холме между Яхромой и Дмитровом, отважная Зоя — у поворота с Минского шоссе на Верею... Их много на Ленинградском, Волоколамском, Можайском направлениях. Каждую работу отличает гармоничное слияние с ландшафтом, максимальное использование особенностей местности. Это, конечно, усиливает эмоциональное зрительное восприятие. Такие памятники запоминаешь навсегда.

Думаю, опыт этой работы неплохо было бы использовать и в самой Москве. Архитекторы и скульпторы, наверное, понимают, что они в долгу перед теми, кто защитил своей грудью столицу от фашистской орды. Помню, в песне тех лет были слова:

Мы не дрогнем в бою
За столицу свою.
Нам родная Москва дорога.
Нерушимой стеной,
Обороной стальной
Разгромим, уничтожим врага.

Пусть же такими несгибаемыми, из бронзы и гранита, вечно стоят они на московских улицах и площадях.

Памятная доска, обелиск, скульптура — это ведь не просто детали украшения архитектурного ансамбля. Они несут огромную смысловую нагрузку, постоянный заряд, способствующий созданию определенного морального климата, т. е. имеют большое воспитательное значение.

Мечтаю дожить до того дня, когда смогу повести своих внуков в парк Победы, пройти с ними по залам Музея Великой Отечественной войны и рассказать, каким было мое поколение в свои 18 лет.

289

ГОРОД ДОЛЖЕН ДЕЛАТЬ НАС ЛУЧШЕ

Доведова Т. П., журналист

Своими размышлениями о будущем родного города с читателями делится коренной москвич, один из ведущих актеров Московского драматического театра на Малой Бронной, народный артист РСФСР Лев Константинович Дуров.

Люди могут не посмотреть спектакль, не пойти на новый фильм, книжку могут не прочитать, не открыть ее просто, но то, что всегда перед глазами — от этого уйти невозможно. И, конечно, первое восприятие прекрасного, первое впечат-

ление от соприкосновения с искусством у человека возникает, если хотите, помимо его воли, когда он смотрит на то, что его окружает. А окружает его что? Город. Окружают его дома, скверы, окружают его люди.

Трудно сказать, как влияет город или район на человека. Но я уверен, что влияет. Я родился в таком районе, о котором сейчас много споров и по телевидению, и в печати. Лефортово. Недавно проезжал там и видел: строящаяся эстакада уперлась в тупик, а напротив в маленьком домике сидела молодежь, протестующая против разрушения этого дома и против того, чтобы эта эстакада прошла по территории госпиталя. Кстати, там на фронтоне написано «Военная госпиталь». Уже одно название говорит о том, что это памятник старины, здание петровских времен.

И то, что я жил в таком историческом районе, с детства будоражило мое воображение. Улица называлась Коровий брод, значит шли коровы на водопой на Яузу. Посланников переулков — там останавливались все послы, когда приезжали на переговоры к Петру I. Немецкая слобода... Здесь когда-то селились немцы, голландцы. И то, что я жил в самом Лефортовском дворце, объясняет появление у меня интереса и к истории Москвы, и к истории моего района. Думаю, и в дальнейшем моем формировании и как человека, и как ак-

тера все это имело немалое значение.

На формирование каждого человека определенное влияние оказывает город. Например, жители Донецка гордятся, что у них город роз. А на них это влияет? Конечно. Они, наверное, становятся добрее и теплее. Я думаю, они стали и красивее, и спокойнее, стали увереннее, но это, безусловно, потому что они живут в красивом зеленом городе, а не в прокопченном шахтерском и промышленном центре...

Ну, а если про наш город говорить, я так думаю, что мы должны сохранить и восстановить исторический пласт. Он огромный. Вот если пройти по улицам, можно увидеть, какие есть замечательные старые подъезды, крылечки, заброшенные, охрой сто раз перекрашенные. Вот, я думаю, очистить, восстановить все это, уже напомнит о том городе, который когда-то существовал.

Несколько лет идет разговор о том, чтобы восстановить Сухареву башню. Тоже, наверное, правильное решение, хотя я ведь понимаю, что это требует колоссальных затрат, что существуют насущные проблемы города. Надо расселить людей, которые еще живут в коммунальных квартирах. Я сам был депутатом Краснопресненского райсовета и знаю, что еще многие люди живут в коммунальных квартирах. Я понимаю, но тем не менее есть такие ценности, которые не определяются даже финансами. Что тут поделаешь?

Вот сохраняется сейчас Арбат, староарбатские переулки в первоизданном виде... Это замечательно! Потому что по этим домам можно восстановить историю города, историю державы. Но часто мне кажется, что наши архитектурные дела не совсем правильны. Вот, например, Калининский проспект. Он же чужеродный. Стоят огромные стеклянные массивы, которые к городу никакого отношения не имеют, по-соседству с изумительным Кремлем. Ну как это все сочетается? Они, я знаю, и по климатическим условиям неправиль-

но построены. У нас ведь зима довольно суровая. Это может быть где-то в Рио-де-Жанейро такие дома к месту. А у нас при тех же затратах можно было построить дома, которые больше бы соответствовали облику Москвы.

Иногда приезжаешь в маленький город и видно, как разнообразна современная архитектура. Но это в маленьком городе проще рассмотреть. В Москве часто кажется наоборот, что существует какое-то архитектурное однообразие. Огромный город, рассмотреть его труднее, днем вообще смотришь в основном на людей. Москву можно увидеть поздно вечером или ночью...

Мне кажется, самое красивое, самое уютное место в Москве — это бульвары. Кто-то мне скажет, что для него любимый район Сокольники или Измайлово. У меня ж — Тверской, Гоголевский бульвары... Они очень красивы и, слава богу, сохраняются такими, какими были встарь. Памятник Пушкину напоминает о том, что когда-то тут, на углу стоял поэт, выходя из Аглицкого клуба. Здание сохраняется замечательно. Это, так сказать, наша история: может назначение дома меняться — Аглицкий клуб может превратиться в музей Революции, это для нашего государства естественно, но само здание сохраняется в своем первоначальном виде, и это прекрасно. Оно, кстати, резко выделяется, когда идешь по улице Горького, сразу же упираешься глазами именно в него, потому что оно необычайно...

Хотя я понимаю, что сейчас таким образом дома строить нельзя, но вот, мне так кажется, Москва в высоту не должна лезть, если это говорить о будущем, небоскребы ей не к лицу. Может быть — в новых районах, вдали от центра, там, где нет тесных соприкосновений новой архитектуры и старины... В остальных же случаях очень важно точное органическое сочетание старого и нового. А мы часто огромными корпусами все перекрываем, убиваем и не очень продумываем, как вот не было

продумано с этой самой лефортовской эстакадой.

Многое носит следы той же непродуманности на новом «старом Арбате». Это замечательно — улица прогулок, улица встреч, улица, где нет движения транспорта. Но я так думаю, что не лучшие художники были приглашены для этой работы. Хотя, уверен, лучшие оформители и реставраторы почли бы за честь безвозмездно участвовать в воссоздании Арбата. И не было бы «розовеньких» и «голубеньких» домов, не было бы фонарей, которые и не назовешь арбатскими.

Видимо, в самом ближайшем будущем целым направлением в градостроительстве станет восстановление старого облика отдельных улиц. И важно это не только для архитекторов и историков, важно это для всех нас. Ведь что можно детям рассказать, когда идешь по Калининскому проспекту? Разве что о каркасно-сборном строительстве. А если ты идешь по Арбату, по Сивцеву Вражку, там есть о чем рассказать, там столько мемориальных досок на домах... И ребенок уже понимает, он считает этих людей живыми, а не просто далекими историческими личностями, которые имеют к нему отношение только по учебнику.

О строительстве в Москве ведется немало споров. Ведь проектов было очень много. И в 20-х, и в 30-х годах, когда увлекались конструктивизмом. Например, здание клуба им. Русакова или здание на улице Кирова... И надо признать: они тоже красивые. Несмотря на всю оригинальность, не выбиваются из ансамбля. Да, они конструктивистские, состоят из кубичков, из каких-то переходов, а все равно в них что-то есть от энтузиазма тех лет. Идешь по городу и можешь сказать: это время Маяковского, это время Бурлюка, когда ломались старые каноны...

Мне казалось, что эти здания не очень-то рентабельны. Оказалось, нет. Если войти внутрь такого здания, там все разумно, практично... Нет

тесноты. Галереи используются для переходов, и люди видят друг друга. Много света. А внешне кажется: ну что это — кубики, кубики... Какое-то странное нагромождение. Вот и критикуй после этого, вот и давай советы. Так легко ошибиться...

Впрочем, есть вещи, вызывающие активный протест. Вот когда вижу дом длиной 500 м (а такие дома есть, и мы почему-то очень гордимся этим) и ни одного балкончика на фасаде, мне становится не по себе, кажется, что это как-то унижает человека. Вот его «заткнули» в какую-то соту, а ведь он не пчела. Мне кажется, в таком громадном доме человек растворяется, теряет свою индивидуальность. Вдоль такой стены едешь, едешь, а она, оказывается еще и гордость: у нас дом длиной 526 метров! Дома для людей не должны быть такими. Конечно, очень важны и быстрота строительства, и относительная дешевизна квадратного метра жилой площади, но в первую очередь архитекторы и строители обязаны думать о людях, об их запросах.

292

Хотим мы или не хотим, население Москвы увеличивается, появляются и будут появляться новые районы. Плохо, что один район часто похож на другой. Я думаю, архитекторы должны работать бригадами по районам, должны устроить соревнования. Тем более сейчас они могут, подряд взять: мы строим район такой-то. И создадут оригинальные

проекты, чтобы в Москве было много маленьких городков, радующих людей своей неповторимостью.

Вот вечером, предположим, сказать: «Поедем в Коньково-Деревлево. Знаешь, просто ходим. Там так интересно, там все необычно, там для детей построены какие-то невероятные площадки, или там здорово сочетали лес с архитектурой...». А так ведь не скажешь, потому что все районы однообразны. Едешь и знаешь, что это новый район, а он ничем не отличается от такого же района в противоположном конце города. Да, ничем! Ну, может быть, только в другой цвет покрасят дома. А по архитектуре то же самое: Теплый Стан, Медведково...

Нет, нужно, чтобы был какой-то архитектурный подряд. И я думаю, что затраты будут те же самые, уйдет столько же кирпича, уйдет столько же бетона, уйдет столько же денег на коммуникации, на все. Просто нужна фантазия, а материал будет тот же и затраты будут те же. Я уверен в этом.

В общем, думаю, больше нужно доверять творческой инициативе, больше на нее опираться — и в сооружении нового, и в сохранении старого.

Москва — мой родной город, и конечно же, мне хочется, чтобы он отличался от всех других городов мира, чтобы впечатлял своей особой московской неповторимостью. Уверен: сделать это нам по силам.

ДОРОГАЯ МОЯ СТОЛИЦА ...

Павлов А. А., журналист

Мыслями о будущем своего родного города делится Лариса Денисовна Малахова, водитель 1-го троллейбусного парка.

В дни моей юности рубеж XX и XXI веков виделся мне и моим друзьям в фантастическом ореоле. Эти мечты-видения чем-то походили

на иллюстрации к роману Беляева или Ефремова. Сейчас же, когда от XXI века нас отделяет десятилетие, когда за плечами напряженная трудовая жизнь, когда есть знания и опыт, на будущее смотришь более реалистично.

Ну, например, как специалист городского электротранспорта, могу твердо сказать, что троллейбусов на «воздушной подушке» или других «чудес» на улицах Москвы к концу

1900-х годов не появится. Будет прекрасно, если машиностроители доведут до совершенства формы и конструкции машин, работающих на современных принципах. Конечно, как водителю, мне хочется, чтобы магистрали были широкими, а качество дорожных покрытий — безукоризненным. Не скажу, что очень быстро, но дело все-таки идет именно к этому. И, видимо, водители более молодого поколения поведут свои машины по идеальным трассам.

XX век — век, который мы называем атомным, космическим, веком кибернетики, кинематографа, радио, телевидения и других поистине фантастических достижений человечества — вписал в свою историю строки и о нашем скромном труде. Работа для всех жителей города в общей системе городского хозяйства год за годом формирует в человеке особо обостренное чувство ответственности, чувство хозяина в отношении всех наших городских дел. Искренне счастлива, что чувство это не обошло стороной и меня.

Мои коллеги меня поймут, если я скажу, что место водителя город-

ского транспорта имеет свои маленькие преимущества: с него больше и лучше видно, чем, скажем, обычному пешеходу или пассажиру легкой автомашины. И глаз у нас наметанный, острый, замечает даже самые незначительные изменения в привычном городском пейзаже.

...Заалели на газонах бутоны тюльпанов, сняли ограждения у отремонтированного дома, вдруг необычно оживился знакомый переход (оказывается, рядом открылась новая школа, и дорожный знак предупреждает: «Осторожно! Дети!»). Сколько таких маленьких штришков к портрету родного города можно набрать, когда работаешь за рулем троллейбуса больше двух десятков лет.

Мои детство и юность прошли в одном из известных москвичам двухэтажных домов, которые выросли сразу же после войны на Хорошевском шоссе. Что особенно сохранилось в памяти от тех лет? — Обилие зелени в нашем микрорайоне, много свободно растущей травы, цветов. Нюх желтели буквально всюду. Без всяких грядок и клумб цвели настурция, флоксы, гладиолусы, георгины, золотые шары, астры... Никто их не рвал охапками, не вытапывал. Как по уже далекому детству бывает взгрустнется по такому вот зеленому уголку. Куда бы вы ни бросили взгляд, прежде всего перед глазами — асфальт, каменные или железобетонные многоэтажные массивы, нескончаемые потоки автотранспорта. А зелени явно не хватает. И сегодня эту нехватку вряд ли могут компенсировать строгие стриженные газоны старых бульваров или чахлые посадки в микрорайонах-новостройках. В общем, есть над чем подумать и есть широкий фронт работ для городской службы зеленого строительства. До 2000 года многое можно успеть сделать.

Судьба моя так сложилась, что и живу, и работаю я в той части города, своеобразной осью которой является Хорошевское шоссе и его продолжение — проспект Маршала Жу-

кова. Сюда ежедневно приводит меня и маршрут моего 43 троллейбуса. От Речного вокзала по Ленинградскому шоссе, через Сокол — на Песчаную... За рабочий день будто несколько раз перелистаешь увесистый труд по предвоенной и послевоенной архитектуре Москвы. Символично, что одна из здешних улиц носит имя выдающегося советского зодчего К. Алабяна.

И действительно, эта северо-западная часть города, за исключением редких памятников, вроде церкви Всех святых на Соколе, — творение советских архитекторов. Мне нравится эта современная Москва, с широким размахом проспектов и улиц, с торжественностью площадей.

Конечно, жилой дом работы Алабяна не сравнишь с типовым панельным 60-х годов. Но мне кажется, вот о чем следует задуматься. Мы так много упрекали и продолжаем по инерции упрекать наших градостроителей за безликость, невыразительные, похожие один на другой дома и целые районы, но только ли зодчие «повинны» в их появлении на свет?

Лет 10 назад на одном из собраний довелось слышать, как архитектор оправдывался перед аудиторией: «Мы поставлены в жесткие рамки,

мы выполняем социальный заказ...»

Думаю, что происходящие революционные процессы всколыхнули творческие силы градостроителей. Демократизм, гласность дают возможность широко обсудить любой проект, всенародно решить, что сносить, что и как строить. Это вовсе не значит, что художник лишается творческой самостоятельности. Но каждый из них должен помнить об ответственности перед миллионами трудящихся, для которых творит. А нам, москвичам, совсем не безразлично, какой будет наша столица в недалеком будущем.

Недавно была в центре города и со стороны Бульварного кольца взглянула на открывающуюся перспективу Новокировского проспекта. Взглянула и ахнула от восхищения. В четко проступающих контурах передо мной вставала завтрашняя Москва. Вот такой хотела бы я видеть Москву 2000 года. Но, создавая ее неповторимый образ, пусть художники не забывают о зеленой краске. Испокон веков Москва была зеленой, цветущей, благоухающей липовым цветом. Пусть же и наш далекий потомок увидит ее такой и с благодарностью подумает о нас, живших в Москве в XX веке и строивших ее для страны.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5	Александр К. Э., Бордуков И. В. Из центра в пригород за полчаса ...	159
Градостроительный аспект		Каммерер Ю. Ю., Дунаевский Н. Д., Щербаков В. В. Активно использовать подземное пространство	162
Вавакин Л. В. Будущее рождается сегодня	8	Крахотина В. В. Если заглянуть в завтра	168
Бирюков И. Г. Сохранить традиции московского зодчества	13	Храменков С. В. «Голубое золото» столицы	170
Некрасов А. Б. Глазами студентов Московского архитектурного института	16	Жилище: поиски и решения	
Попов В. В. Картины города. В поисках будущего	22	Кордо Н. Я. Комфорт завтрашнего дня	176
Смолицкая Т. А. Московские ландшафты	32	Рочегов А. Г., Бажаккина А. И., Гордон А. Л., Пятецкий А. М. КОПЭ — новая стратегия жилища	181
Город и человек		Кавтарадзе С. Ю., Кафтанов А. В., Тарханов А. Ю. Для кого реконструкция?	186
Лазарев Г. Э. Поиски альтернатив ...	38	Зеликин Л. М., Дмитриев Б. В. Что же делать с «пятэтажками»? ...	191
Коган Л. Б. Город для человека	47	Общественные здания: идеи и воплощение	
Павлов Н. Л. Вернуть городу социальную функцию	50	Каптерев К. В. Школы и детские сады	198
Кавтарадзе С. Ю., Кафтанов А. В., Тарханов А. Ю. Новый район: проблемы микрогорода	52	Анисимов А. В. Вокруг сцены	202
Пясковский Ю. И. Московский двор на перекрестке времен	57	Тимошенко Е. А. Уникальный комплекс	206
Волчок Ю. П. Москва. Черемушки и далее... в XXI век	62	Мавленков А. Н. ВДНХ 2000 года ...	207
Памятники прошлого		Овчинников В. В., Прокин Д. И. Архитектурная среда детских парков	210
Савин А. А. Роль архитектурного наследия в формировании Москвы как столицы	68	Промышленность столицы	
Мержанов С. Б. Сохранить историческое своеобразие	79	Черкасов Г. Н. Архитектура промышленных зданий: тенденции развития	216
Еремин Б. К. Ретроразвитие	85	Шапиро М. Г. Промзона: необходим комплексный подход	224
Нащокина М. В. О московском художественном металле	93	С экологических позиций	
Кищик Н. П. Красная площадь, дом № 1	103	Удальцов А. Н. Где же та «золотая середина»?	232
Либсон В. Я. Главный театр страны ...	106	Машинский В. Л. Если Вы согласны — летим!	237
Коробицына И. Л. Создать музейный парк в Кузьминках	110	Егикова В. М. По программе «Экополис»	241
Николенко В. П. Музей истории Москвы	117	Горбатова В. И. Сохранить на века	243
Проблемы центра		Союз муз	
Бодэ Б. В. Столичный центр: структура и функции	122	Азрикан Д. А. Роль дизайна	248
Миличкин Ю. В. Нужны разумные решения	125	Татарина Н. В., Игнатъев Р. В. Архитектура света	254
Тальковский В. Г. Улица Димитрова — Новокировский проспект	129	Татарина Н. В., Игнатъев Р. В. Праздник на улице	255
Маслов А. В. Московский квартал: перспективы реконструкции	134	Александрова Н. И. Центр искусств на Красной площади	258
Молева Н. М. Улица для пешеходов	142	Воскресенский И. Н. Монументальная летопись	262
Надежин Б. М. Сделать площадь удобной	146	Москвичи о Москве	
Развитие инфраструктуры		Нагибин Ю. М. С надеждой и любовью	274
Горбанев Р. В. На городских магистралях	150		
Лапин Ю. Б. Третье кольцо	154		

Молева Н. М. Сокровища родного города	278	Доведова Т. П. Город должен делить нас лучше	289
Прокофьев И. Ю. Дела добрых рук	281	Павлов А. А. Дорогая моя столица ...	292
Павлов А. А. Их подвиги бессмертны	287		

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

МОСКВА — 2000: КАКОЙ ЕЙ БЫТЬ!

Составители: **Кричко Виктор Анатольевич,**
Нилова Фаина Анатольевна

МЛ. РЕДАКТОР М. А. ЕСКИНА
ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР Е. Л. ТЕМКИНА
КОРРЕКТОРЫ Т. Г. БРОСАЛИНА,
Н. А. ШАТЕРНИКОВА

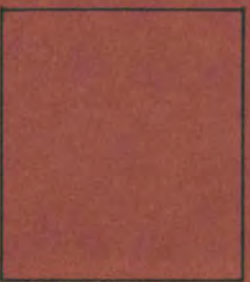
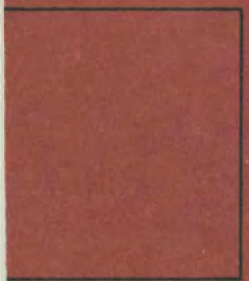
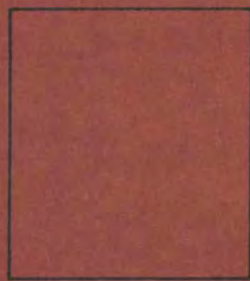
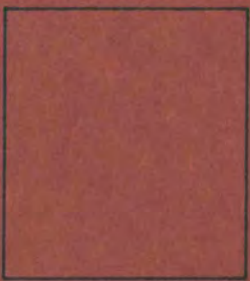
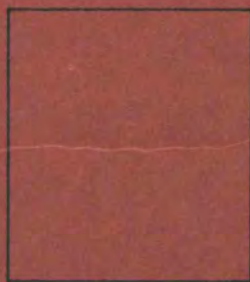
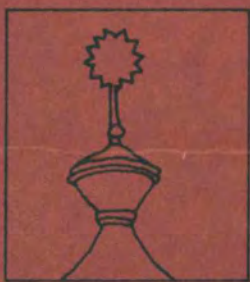
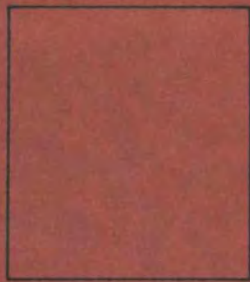
ИБ № 5183

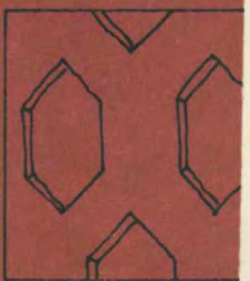
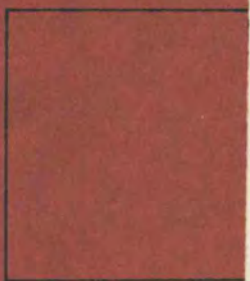
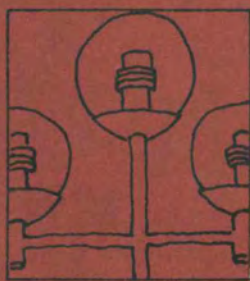
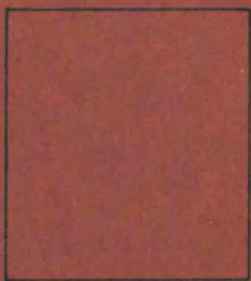
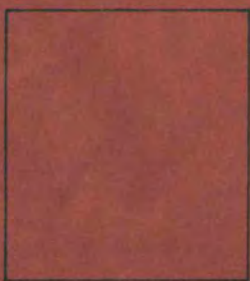
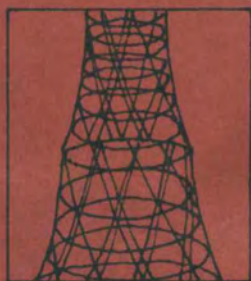
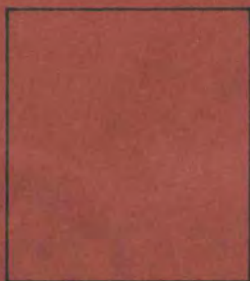
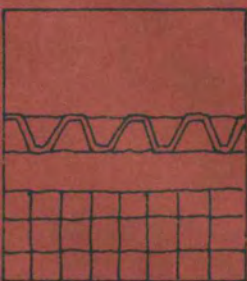
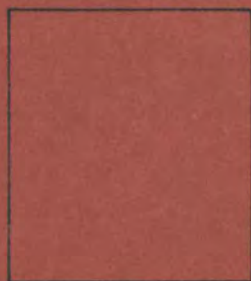
Сдано в набор 27.07.89. Подписано в печать 8.08.90. Формат 70×100/16. Бумага мастернат. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,86. Усл. кр.-отт. 23,86. Уч.-изд. л. 25,85. Тираж 15 000 экз. Изд. № АХУ — 3119. Заказ № 5470 Цена 2 р. 70 к.

Стройиздат. 101442. Москва, Калевская, 23а

Набрано в ордене Октябрьской Революции и ордене Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» Государственного комитета СССР по печати. 113054, Москва, Веловая, 28

Отпечатано в Московской типографии № 5 Государственного комитета СССР по печати. 129243, Москва, Маломосковская, 21

Цена 2 р. 70 к.

